

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКАГО.

ТОМЪ I.

Издание второе, исправленное.

Изданіе изъ братьевъ Слениныхъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи И. Греча.

1818.

**Печатано
по Высочайшему повелѣнію.**

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ
АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ,
САМОДЕРЖЦУ ВСЕЯ РОССИИ.

ВСЕМИЛОСТИВЪЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Съ благоговѣніемъ предспавляю ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ плодъ усердныхъ, двѣнадцатилѣтнихъ пррудовъ. Не хвалюся ревносчию и поспоянствомъ: ободренный ВАМИ, могъ ли я не имѣть ихъ?

Въ 1811 году, въ счастливѣйшія, незабвенные минуты жизни моей, читалъ я ВАМЪ, Государь, нѣкоторыя главы сей Исторіи — объ ужасахъ Башыева нашествія, о подвигѣ Героя, Димишра Донскаго — въ то время, когда густая пучча бѣдствій висѣла надъ Европою, угрожая и нашему любезному отечеству. Вы слушали съ восхищительнымъ для меня вниманіемъ; сравнивали давно-минувшее съ

настолишиль, и не завидовали славнымъ опасносиямъ Димитрія, ибо предвидѣли для Себя еще славнѣйшія. Великодушное предчувсвіе исполнилось: пучка грянула надъ Россіею — но мы спасены, прославлены; врагъ истребленъ, Европа свободна, и глава АЛЕКСАНДРОВА сияетъ въ душе зарномъ вѣнцѣ безсмертія. Государь! если счастіе ВАШЕГО добрѣщельного сердца равно ВАШЕЙ славѣ, то ВЫ счастливѣе всѣхъ земнородныхъ.

Новая эпоха наступила. Будущее извѣсно единому Богу; но мы, судя по вѣроянию разума, ожидаемъ мира твердаго, столь вожделѣнаго для народовъ и Вѣнценосцевъ, которые хоптиль вла-

справедливъ для пользы людей, для успѣховъ нравственности, добродѣтели, Наукъ, Искусствъ гражданскихъ, благосостоянія государственного и частнаго. Побѣдою устранивъ препятствія въ семь испанно Царскомъ дѣлѣ, даровавъ златую шапку намъ и Европѣ, чего ВЫ, Государь, не совершише въ крѣпости мужества, въ печеніе жизни долговременной, обѣщаемой ВАМЪ и закономъ Природы и теплою молитвою подданныхъ!

Бодрствуйте, Монархъ возлюбленный! Сердцевѣдецъ чишаешь мысли, Исторія предаетъ дѣянія великодушныхъ Царей, и въ самое отдаленное попомство всеялаетъ любовь къ ихъ священной памяти.

Пріимице милоспиво книгу , служащую
шому доказательствомъ. Испоря народа
принадлежащъ Царю.

ВСЕМИЛОСТИВЪЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

**ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЕЛИЧЕСТВА**

Декабря 8,
1815.

върноподданный
Николай Карапизинъ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Исцорія въ иѣкошоромъ смыслѣ есть священнаѧ книга народовъ: главнаѧ, необходимаѧ; зерцало ихъ бытія и дѣятельности; скрижалъ ошкровеній и правиль; завѣщъ предковъ къ пошомству; дополненіе, изъясненіе настоѧщаго и примѣръ будущаго.

Правилемъ, Законодашемъ дѣйствующимъ по указаніямъ Исцоріи, и смотряще на ея листы какъ мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человѣческая имѣеть нужду въ опытахъ, а жизнь крашковременна. Должно знать, какъ искони мяшеннія спрасили волковами гражданское общество, и какими способами благожоворная власть ума обуздывала ихъ бурное спремленіе, чтобы учредить порядокъ, согласить выгоды людей и даровать имъ возможное на землѣ счастіе.

Но и простой гражданинъ долженъ читать Исцорію. Она миришь его съ несовершенствомъ видимаго порядка вещей, какъ съ обыкновеннымъ явленіемъ во всѣхъ вѣкахъ; упрашаетъ въ государственныхъ бѣдствіяхъ, свидѣтельствуя, что и прежде бывали подобныя, бывали еще ужаснѣйшия, и Государство не разрушалось; она пишаешь нравственное чувство, и праведнымъ судомъ своимъ располагаешь душу къ справедливости, которою утверждаешь наше благо и согласіе общества.

Х

Вонъ польза: сколько же удовольствій для сердца и разума! Любопытство сродно человѣку, и просвѣщенному и дикому. На славныхъ играхъ Олимпійскихъ умолкалъ шумъ, и толпы безмѣлодіи съставляли вокругъ Геродота, читающаго предація вѣковъ. Еще не зная употребленія буквъ, народъ уже любилъ Исторію: старецъ указывалъ юношамъ на высокую могилу и повѣщавши о дѣлахъ лежащаго въ ней Героя. Первые опыты нашихъ предковъ въ искусствѣ гравиши были посвящены Вѣрѣ и Дѣлописанію; омраченный густою синью певѣкеслава народъ отъ жадностию внималъ оказаніямъ Лѣтописцевъ. И вымыслы нравлялись; но для полнаго удовольствія должно обманывать себя и думать, что они истина. Исторія, отверзая гробы, поднимая мертвыхъ, влагая имъ жизнь въ сердце и слово въ уста, изъ шатенія вновь созидала Царства, и предспавляя воображенію рядъ вѣковъ съ ихъ определными спасителями, правами, дѣяніями, расширять предѣлы нашего собственнаго бытія; ея изворческою силой мы живемъ съ младиной всѣхъ временъ, видимъ и омыпимъ ихъ, любимъ и ненавидимъ; еще не думая о пользѣ, уже наслаждаемся созерцаніемъ многообразныхъ случаевъ и характеровъ, которые занимающъ умъ или ищающъ чувствительность.

Если всякая Исторія, даже и искусство писанное, бываетъ пріятна, какъ говорилъ Платонъ: быть болѣе ощуществленной. Истинный Космопол-

дить есть существо неизъяснимое нам сиюль необыкновенное явление, что быть пужды говорить объ немъ, ни хвалишь, ни осуждашь его. Мы все граждане, въ Европѣ и въ Индіи, въ Мексикѣ и въ Абиссинії; личность каждого штато свяжется съ опечеопшюю: любимъ его, ибо любимъ себя. Нуось Греки, Римляне пленяющъ воображение: они принадлежашь къ семейству рода человѣческаго, и насть не чужіе по своимъ добродѣтельямъ и слабостямъ, славѣ и бѣдствію; но ини Русское имѣшь для насъ особенную прелестъ: сердце мое еще сильнѣе бѣется за Пожарскаго, нежели за Фенишокла или Сциліона. Всемирная Исторія великими воспоминаніями украшаешь жіръ для ума, а Россійская украшаешь опечеопшюю, гдѣ живешь и чувствуешь. Сколько привлекательны берега Волхова, Днѣпра, Дона, когда знаешь, что въ глубокой древности на нихъ происходило! Не только Новгородъ, Кіевъ, Владимиръ, но и хижины Ельца, Козельска, Галича дѣлаются любопытными памятниками, и иные предметы красорѣчивыми. Тѣни минувшихъ сночѣшій вездѣ рисуютъ картины нередъ наши.

Кромѣ особенного достоинства для насъ, сыновъ Россіи, ея земли имѣюшь общее. Взглѣдывай на проишествія сей единственной Державы: мысль цѣнительна; никогда Римъ въ своясть величию не могъ равняться съ нею, господствую оны Тибра до Кавказа, Ольбы и песковъ Африканскихъ. Не удивительно ли, какъ земли, разделенные вѣчны-

ии преградами Еспесиша, непримымими пусыннами и лѣсами непроходимыми, хладными и жаркими климашами; какъ Астрахань и Лапландія, Сибирь и Бессарабія, могли соединить одну Державу съ Москвою? Менѣ ли чудесна и смѣсь ея ищелей, разноплеменныхъ, разновидныхъ, и сношъ удаленныхъ другъ опѣ друга въ спешеняхъ образованія? Подобно Америкѣ Россія имѣетъ свою Дикихъ; подобно другимъ странамъ Европы являешь плоды долговременной гражданской жизни. Не надобно бысть Русскимъ: надобно только мыслить, чтобы съ любопытствомъ читать преданія народа, кошорый смѣюся и мужествомъ снискать господство надъ девятою часцю міра, открыть страны, никому дошолъ неизвѣстныя, внести ихъ въ общую систему Географіи, Исторіи и просвѣщать Божественную Вѣру, безъ насилия, безъ злодѣйствъ, употребленныхъ другими ревнищами Христианства въ Европѣ и въ Америкѣ, но единственно примѣромъ лучшаго.

Согласимся, что дѣянія, описанныя Геродотомъ, Фукидидомъ, Ливіемъ, для всякаго не Русскаго вообще занимательнѣе, предславляя болѣе душевной силы и живѣйшую игру сирасшей: ибо Греція и Римъ были народными Державами и просвѣщеніе Россіи; однакомъ стыдно можетъ сказать, что иные случаи, картины, характеры нашей Исторіи любопытны не менѣе древнихъ. Таковы суши подвиги Свѧтослава, гроза Башыева, возстаніе

XIII

Россіанъ при Донскомъ, паденіе Новагорода, взятие Казани, торжество народныхъ добродѣтелей во время Междоцарствія. Великаны сумрака, Олегъ и сынъ Игоревъ; просшосердечный вишарь, слѣпецъ Василько; другъ ощечеотва, благолюбивый Мопомахъ; Мстиславы *Храбрые*, ужасные въ битвахъ и прытвъ незлобія въ мирѣ; Михаилъ Тверскій, сподѣль знаменитый великодушною смершю; золополучный, исшинио мужеошвений Александръ Невскій; Герой юноша, побѣдитель Мамаевъ, въ самомъ легкомъ начерпаніи сильно дѣйствующій на воображеніе и сердце. Одно государшвованіе Ioанна III есть рѣдкое богатство для Испоріи: по крайней мѣрѣ не знаю Монарха доспойнѣшаго жить и сіять въ ея свящилищѣ. Лучи его славы падаютъ на колыбель Печра — и между сими двумя Самодержцами удивительный Ioаннъ IV, Годуновъ доспойный своего счастія и несчастія, спраний яже-Димитрій, и за сонмомъ доблестивенныхъ Паштюковъ, Бояръ и гражданъ, наставникъ шрона, Первосвятитель Филарешъ съ Державнымъ сыномъ, свѣтоносцемъ во шмѣ нашихъ государшвенныхъ бѣдствій, и Царь Алексій, мудрый ошецъ Импера-тора, коего называла Великимъ Европа. Или вся Новая Испорія должна безмолвствовать, или Россійская имѣецъ право на вниманіе.

Знаю, что биши нашего Удѣльного междоусобія, гремящія безъ умолку въ проспраніи папки вѣковъ, маловажны для разума; что сей предиешъ

не богачъ ни мыслями для Прагматика, ни красо-
шами для живописца: но Исторіа не романъ, и
миръ не садъ, где все должно быть прелестно: она
изображаетъ действительный миръ. Видимъ на
землѣ величественные горы и водолады, извѣнущіе
дуга и долины; но сколько песковъ безплодныхъ и
сплошь унылыхъ! Однакъ пущеноею вообще
могебою человѣку съ жизнью чужствомъ и вообра-
жениемъ; тѣ самыхъ изумрудовъ воспрѣчаша вѣки
прелестные.

Не будемъ суетыни въ напрѣзъ высокомъ пони-
тии о Дѣяніяхъ Древности. Если исключить
изъ бессмертнаго пиворемя Фукидіева вымысли-
вымъ рѣчи, чи то осипаємся? голый разоказъ о ме-
диоуеобіи Греческихъ городовъ: шалы злодѣй-
ствующіи, рѣмущіи за честь Аѳинъ или Спарты,
какъ у насъ за честь Мономахова или Олегова
Дому. Не много разносилъ, если забудемъ, чи то сік
шозу-игры изъясняюсь языкомъ Гомера, лиѣмъ
Сократовы Трагедіи и спалунки Фидіасовы. Глубо-
комысленный живописецъ Тацитъ—всегда ли пред-
стапаешь какъ великое, различное? Съ умѣ-
жистъ смотрѣть на Агриппину, лежущую пепель
Германника; съ жалостию на разсѣянныя въ ясну
косы и доспѣхи Легиона Барева; съ ужасомъ на
кровавый пиръ женственныхъ Римлянъ, осканчиваемыхъ
пламенемъ Капишомъ; съ отвѣтствіемъ на чудоюще
израненія, помирающее существо Республикан-
скихъ добродѣтелей въ силоицѣ мира: по скучнымъ

шамбы городовъ оправѣ имѣть жреца въ шомъ
или другомъ храмѣ и сухой Некрологъ Римскихъ
церковниковъ защищалии много листовъ въ Таци-
дѣ. Ось здивовалъ Тишу Ливію въ богащешт
предмета; а Ливій, патетій, краснорѣчівый, ино-
гда цѣлые книги наполняешь извѣстіями о сми-
дахъ и разбоахъ, кошорые еду ли ванне Поло-
вецкихъ набѣговъ. — Однимъ словомъ, чиеніе всѣхъ
Испорій требуешь нѣкошораго івертнія, болѣе
и мнѣ же граждасмаго удовољиціемъ.

Испорикъ Россіи могъ бы конечно, сказать
нѣсколько словъ о происходеніи ся главнаго на-
рода, о сошествѣ Государства, предшавшіи важ-
ими, дословамашнѣшіи черты драмоспіи въ иску-
сствѣ картины и начаны *абсолютное повѣщование*
съ Іоаннова времена, или съ XV вѣка, когда
совершилось одно изъ величайшихъ государевен-
ныхъ твореній въ мірѣ: онь маниаль бы легко
200 или 300 краснорѣчивыхъ, пріятныхъ спра-
шивай, вѣдьшо многихъ книгъ, трудныхъ для Авило-
ра, утомительныхъ для Чипашеля. Но сіи *обозрѣ-
женія*, сіи *картины* не замѣщають лѣтописей, и ишо
чишай единоплемено Робертиссово Введение въ
Испорію Карла V, шомъ сїде не имѣши основа-
нельшаго, истиинаго посажія о Европѣ среднихъ
временъ. Мало, что умный человѣкъ, окинувъ гла-
зами памятники вѣковъ, скажетъ намъ свои при-
мѣчанія: мы должны сами видѣть дѣйствія и дѣй-
ствующихъ: тогда знаемъ Испорію, Хвастан-

востіль Авторскаго краснорѣчія и иѣга Чишашелей осудиши ли на вѣчное забвеніе дѣла и судьбу на-
шихъ предковъ? Они спрадали, и своими бѣдствія-
ми изголовили наше величіе: а мы не захочимъ
и слышать о томъ, ни знать, кого они любили,
кого обвили въ своихъ несчастіяхъ? Иноzemцы
могутъ пропусшишь скучное для нихъ въ нашей
древней Исторіи; но добрые Россіяне не обязаны
ли имѣть болѣе шерпѣнія, следуя правилу гоу-
дарственной нравственности, кошорая ставитъ
уваженіе къ предкамъ въ доспоменіе гражданину
образованному?.. Такъ я мыслясь, и писалъ объ
*Игорѣхъ, о Всеволодахъ, какъ современникъ, смокрѣ
на нихъ въ шусклое зеркало древней Лѣшописи
съ неушомимымъ вниманіемъ, съ искреннимъ по-
чтепеніемъ; и если, вмѣсто живыхъ, чулыхъ образовъ,
представлялъ единственно тѣни, въ отрывкахъ:
шо не моя вина: я не могъ дополнить Лѣшописи!*

Есть три рода Исторіи: *первая* современная, на примѣръ Фукидова, гдѣ очевидный свидѣтель говориши о происшествіяхъ; *вторая*, какъ Таци-
рова, основывающа на свѣжихъ словесныхъ пре-
даніяхъ въ близкое къ описываемымъ дѣйствіямъ
время; *третья* извлекающа только изъ памятни-
ковъ, какъ наша до самаго XVIII вѣка (*). Въ *первой*

(*) Только съ Петра Великаго начинаючися для насъ сло-
весныя преданія: мы слыхали о пѣти своихъ отцѣвъ и дѣдовъ объ
немъ, о Екатеринѣ I, Петре II, Анне, Елизавете, многое,
чего иштишь въ книгахъ.

и *стород* блисшаешь умъ, воображеніе Дѣписа-
шеля, который избираешь любопытнѣйшее, цвѣ-
шнѣй, украшаешь, иногда творитъ, не боясь обли-
ченія; скажешь: я такъ видѣлъ, такъ слышалъ — и
бесконечная Кришка не мышашъ Чимашему на-
слаждаясь прекрасными описаніями. Третій родъ
есть самый ограниченный для шалаша: не льзя
прибавить ни одной черты къ извѣсному; не льзя
вопрошать первыхъ; говоримъ, что предали намъ
современники; молчимъ, если они умолчали — или
справедливая Кришка заградиша усна легкомы-
сленному Исшорику, обязанному представить
единственное шо, что сохранилось отъ вѣковъ въ
Лѣтописяхъ, въ Архивахъ. Древніе имѣли право
вымыслить рѣчи согласно съ характеромъ людей,
съ общешащельствами: право неопѣненное для
истинныхъ дарованій, и Ливій, пользуясь имъ,
обогатилъ свои книги силою ума, краснорѣчія,
мудрыхъ наставлений. Но мы, вопреки мнѣнію
Аббата Мабли, не можемъ мысль вышѣсказанную
въ Исшоріи. Новые успѣхи разума дали намъ яснѣй-
шее понятіе о свойствѣ и цѣли ея; здравый вкусъ
ушавилъ неизмѣнныя правила и навсегда опровергъ
Дѣписаніе отъ Поэмы, отъ цвѣшниковъ красно-
рѣчія, основавшее въ удѣлѣ первому бысть вѣрнымъ
зерцаломъ минувшаго, вѣрными отзывомъ словъ
дѣйствицельно сказанныхъ Героями вѣковъ. Самая
прекрасная выдуманная рѣчь безобразиша Исшо-
рію, посвященную не сладъ Писашеля, не удоволь-
“ 1 ”

XVIII

ствію Чишашелей и даже не мудрости правоучительной, но только истины, кошорая уже сама собою дѣлается источникомъ удовольствія и пользы. Какъ Ещественная, такъ и Гражданской Исторія не терпѣть вымысловъ, изображая, чѣо есть или было, а не чѣо быть можетъ. Но Исторія, говоряще, наполнена ложью: скажемъ лучше, чѣо въ ней, какъ въ дѣлѣ человѣческому, бывающу примиць лжи; однакожъ характеръ истины всегда болѣе или менѣе сохраняется; и сего довольно для насъ, чтобы сославши себѣ общее понятіе о людяхъ и дѣлахъ. Тѣль изыскательные и спро же Критика; нѣмъ непозволительные Историку, для выгодъ его дарования, обманывать добродѣтѣльныхъ Чишашелей, мыслишь и говоришь за Героевъ, кошорые уже давно безмолвствующъ въ могилахъ. Чѣою оснащался ему, прикованному, такъ сказашь, къ сухимъ хартиямъ древности? порядокъ, ясность, сила, живопись. Онъ творишь изъ данного вещества: не произведешъ золота изъ меди, но долженъ очистить и мѣдь; долженъ знать всего цѣну и свойство; открывашь великое, гдѣ оно шаинся, и малому не давашь правъ великаго. Нѣшь предмѣта столь бѣдного, чтобы Искусство уже не могло въ немъ озnamеновать себя пріятнымъ для ума образомъ.

Досель Древніе служашъ намъ образцами. Никто не превзошелъ Ливія въ красотѣ повѣщованіл, Тациша въ силѣ: вотъ главное! Знаніе всѣхъ

Правъ на свѣтѣ, учености Нѣмецкаго, остроуміе Вольтерово, и самое глубокомысліе Макіавелло въ Историкѣ по замылюющій плащаша изображашь дѣйствія. Англичане славяны Юномъ, Нѣмцы Іоанномъ Мюллеромъ и справедливо (*): оба суть достойные соавтентики Древнихъ, — не подражатели: ибо каждый вѣкъ, каждый народъ даешь особенные краски искусству Бытописашему. „Не „подражай Тацішу, но пиши, какъ писать бы онъ „на швейцаръ мѣстѣ!“ есъ правило Генія. Хотѣть ли Мюллеръ, часію воинствѣ въ разсказѣ нравственныхъ язвоегодъ, уподобицца Тацішу? не знаю; но сие желаніе блесташь умомъ, или казашся глубокомысленнымъ, едва ли не промывше исполненному вкусу. Историкъ разсуждаешь и только въ объясненіе дѣлъ, шамъ, гдѣ мысли его какъ бы дополняють описание. Замыслишь, чиє сіи язвоегоды быватонъ для основательныхъ умовъ или полу-испинаникъ, или весъка обыкновенными испинами, которыя не имютъ большої цѣлы въ Исторіи, гдѣ ищешь дѣйствій и характеровъ. Искусное повествованіе есъ долгъ Бытописашеля, а хорошая ощущашая мысль даръ: Чиншатель требуетъ пер-

(*) Говорю единственно о лѣхъ, которые писали цѣлую Исторію народовъ. Феррерасъ, Даніель, Масковъ, Дазиль, Маллень не разъясняются съ сими двумя Историками; но усердно хвали Мюллера (Историка Швейцаріи), знаніки не имаютъ его Вспоминанія, кошторое можно назвать Геологическою Позмою.

ваго, и благодаринъ за вшорое, когда уже требование его исполнено. Не шакъ ли думалъ и благоразумный Юмъ, иногда весьма плодовитый въ изъясненіи причинъ, но до скучности умѣренный въ размышеніяхъ? Историкъ, коего мы назвали бы совершенѣйшимъ изъ Новыхъ, если бы онъ не излишно туждался Англіи, не излишно хвалился безприспособлениемъ, и шѣмъ не окладилъ своего изящнаго творенія! Въ Фукидидѣ видимъ всегда Афинскаго Грека, въ Ливіи всегда Римлянина, и пленяется ими, и вѣрилъ имъ. Чувство: *мы, наше, оживляешь повѣствованіе* — и какъ грубое пристрасіе, съдѣшившіе ума слабаго или души слабой, несносно въ Историкѣ: шакъ любовь къ ощущенію даешь его кисши жаръ, силу, прелестіи. Гдѣ нѣшь любви, нѣшь и души.

Обращаюсь къ труду моему. Не позволяя себѣ никакого изобрѣтенія, я искалъ выражений въ умѣованіи, а мыслей единственно въ памятникахъ; искалъ духа и жизни въ пыающихъ хартияхъ; желалъ преданное намъ вѣками соединить въ сисшему, яоную спройнымъ сближеніемъ часшей; изображалъ не только бѣдствія и славу войны, но и все, что входишь въ сословіе гражданскаго бытія людей: успѣхи разума, искусства, обычай, законы, промышленность; не боялся съ важносію говорить о шомъ, что уважалось предками; хотѣль, не измѣня своему вѣку, безъ гордости и насмѣшкѣ описывать вѣки душевнаго младенчества,

легковѣрія, баснословія; хотѣль представиши и характеръ времени и характеръ Лѣшописцевъ: ибо одно казалось мнѣ нужнымъ для другаго. Чѣмъ менѣе находилъ я извѣштій, шѣмъ болѣе дорожилъ и пользовался находимыми; шѣмъ менѣе выбиралъ: ибо не бѣдные, а богатые избираюшь. Надлежало или не сказашь ничего, или сказашь все о шакомъ-шо Князѣ, дабы онъ жилъ въ нашей памяти не однѣмъ сухимъ именемъ, но съ нѣкоторою привлекательною физиognомією. Прилежно истощалъ маштабы древнейшей Россійской Исторіи, и ободрялъ себя мыслю, что въ повѣщованіи о временахъ отдаленныхъ есть какая-шо неизъяснимая прелестъ для нашего воображенія: шамъ источники Поэзіи! Взоръ нашъ, въ созерцаніи великаго проспранства, не спремишся ли обыкновенно — мимо всего близкаго, яснаго — къ концу горизонта, гдѣ гуськомъ, меркнувшъ шапки и начинавшая непроницаемость?

Чишаешь замѣтишъ, что описываютъ дѣянія же злыхъ, по годамъ и днамъ, и сооткудали ихъ для удобнѣйшаго впечатленія въ память. Историкъ не Лѣшописецъ: послѣдній смотрѣши единственно на время, а первый на свойство и сила дѣяній: можетъ ошибиться въ распределеніи мышъ, но долженъ всему указашь свое мышо.

Множество сдѣланныхъ иного примѣчаній и выписокъ успрашаешь меня самого. Счастливы Древніе: они не вѣдали сего мелочного труда, въ коемъ шершавшія половина времени, скучашь умъ, вѣ-

XXII

шель воображение: шлагоспная жерлица, приносящая достоверности, однакоже необходима! Если бы все материалы были у насъ собраны, изданы, очищены Кришникою: то ить оставалось бы единственно ссыаться; но когда большая часть ихъ въ рукописяхъ, въ шемлощѣ; когда едва ли что обработано, изъяснено, соглашено — надобно вооружиться терпѣніемъ. Въ волѣ Чижевеля заглядывали въ сю пеструю смѣсь, конгора служиша иногда свидѣльствомъ, иногда объясненіемъ или дополненіемъ. Для охонниковъ все бываешь любопытно: сшарое имя, слово; малыйша черпа древносии даешь новодѣ къ соображеніямъ. Съ XV вѣка уже менѣе выписываютъ: источники размножаются и дѣлающія яснѣ.

Мужъ ученый и славный, Шлецеръ, оказалъ, что наша Исторія имѣть пять главныхъ періодовъ; что Россія отъ 862 года до Святополка должна быть названа *рождающеюся* (*Nascens*), отъ Ярослава до Моголюбъ *раздѣленной* (*Divisa*), отъ Батыя до Юанка III *успокоенной* (*Opressa*), отъ Юрия до Петра Великаго *побѣдоносной* (*Victrix*), отъ Петра до Екатерины II *процветающей*. Сія мысль кажется мнѣ болѣе осиротленной, нежели основательной. 1) Вѣкъ Св. Владимира былъ уже вѣкомъ могущества и славы, а не рожденія. 2) Государство дѣлилось и прежде 1015 года. 3) Если по вѣнчурскому способу и вѣнчурски дѣйствіямъ Россіи надобно означать періоды, то можно ли

XXIII

съшанье въ однаго время Великаго Князя Димитрия Александровича и Донскаго, безмолвное рабство съ побѣдою и славою? 4) Вѣкъ Самозванцевъ юзноменованъ болѣе злосчастіемъ, нежели побѣдою. Гораздо лучше, искиннѣе, окромиѣ Исперія наша дѣлился на *Древнѣйшую* отъ Рюрика до Иоанна III, на *Среднюю* отъ Иоанна до Петра, и *Новую* отъ Петра до АЛЕКСАНДРА. Система Удѣловъ была характеромъ *первой* эпохи, Единовластіе *второй*, измѣненіе гражданскихъ обычаевъ *третьей*. Впрочемъ иѣшь нужды спавиши грани шамъ, гдѣ мѣста служашъ живымъ урочищемъ. Съ охорою и ревносчию посвятивъ двѣнадцать лѣтъ, и лучшее время моей жизни, на сочиненіе сихъ осмы или девяти Токовъ, могу по слабости желашь хвалы и боявшись охужденія; но смыю скажашь, что это для меня не главное. Одно славолюбіе не могло бы дашь мнѣ швердоспи посполитной, долговременной, необходимой въ шакомъ дѣлѣ, если бы не находилъ я искиннаго удовольствія въ самомъ шрудѣ и не имѣль надежды быть полезнымъ, шо есть, сдѣлаши Россійскую Испорю извѣснѣе для многихъ, даже и для строгихъ моихъ судей.

Благодаря всѣхъ, и живыхъ и мертвыхъ, коихъ умъ, знанія, шалавши, искусство, служили мнѣ руководствомъ, поручаю себя снисходительности добрыхъ согражданъ. Мы одно любимъ, одного желаемъ: любимъ отечество; желаемъ ему благоден-

XXIV

сшвілъ еще болѣе, нежели славы; желаемъ, да не измѣнишся никогда итвердо основаніе нашего величія; да правила мудраго Самодержавія и Свашой Вѣры болѣе и болѣе укрѣплюющъ союзъ часшей; да цвѣшетъ Россія... по крайней мѣрѣ долго, долго, если на землѣ нѣтъ ничего бессмертнаго, кроме души человѣческой!

Декабря 7, 1815.

Предпринимая новое издание Исторії Государства Россійскаго, мы имѣли главною цѣлію сдѣлать сіе бессмертное твореніе доступнымъ для всѣхъ классовъ Читателей, и самыхъ небогатыхъ, особенно же для обучающагося юношества, кото-
рое въ семъ сочиненіи Карамзина ищетъ наставлений въ отечесственной Исторіи и въ отечесственномъ языке. Цѣна оному назначается весьма умѣренная: почти въ четверо дешевле прошивъ прежнихъ изда-
ній. Чтобы доставить сію выгоду Публике и согласить ее съ пользами и пра-
вами наслѣдниковъ Автора, надлежало по
возможности уменьшить и издержки пе-
чапанія: мы старались достигнуть сего
чрезъ перемѣну формата, шрифта, каче-
ства бумаги, всего же болѣе чрезъ сокра-
щеніе Примѣчаній. Въ двухъ первыхъ из-
даніяхъ они наполняютъ около половины
каждаго Тома, и безъ сомнѣнія вся любо-
пытны, можетъ быть и необходимы для
подробнаго, критического изученія нашей
Исторіи. Но есть Читатели—и сей классъ
едва ли не самый многочисленный — кото-
рые, посвятивъ себя занятіямъ иного ро-
да, не могутъ слѣдоватъ за Авторомъ въ
его ученыхъ изысканіяхъ, а желають
лишь пользоваться плодами его откры-

шій и наблюдений. Мы ихъ имѣли въ виду при выборѣ Примѣчаній къ Исторіи Государства Россійскаго въ семъ новомъ изданіи, и оставилы только важнѣйшія, тѣ въ коихъ находили достойныя особен-наго вниманія Географическія и Хроно-логическія свѣдѣнія, или характеристи-ческія подробности происшествій не опи-саныя въ текстѣ, или на конецъ отрыв-ки древнихъ рукописей, могущіе служить образцами Русскаго слога разныхъ вѣковъ. Мы оставилы также и указанія и ссыл-ки Автора на матеріалы его Исторіи, утверждающія достовѣрность ея; но исключили многія пространныя выписки изъ лѣтописей, пушечствій бывшихъ въ Россіи иностраницевъ и другихъ, болѣе или менѣе, но вообще извѣстныхъ и не рѣдкихъ книгъ, равнымъ образомъ и критическія изслѣдованія и разсужденія, въ томъ числѣ сличеніе Татищева и но-вѣйшихъ Лѣтописцевъ съ древнѣйшими, разсмотрѣніе, опроверженіе его ложныхъ мнѣній и догадокъ, и большую частію такъ называемыхъ Историческихъ Сказокъ. Считаемъ долгомъ прибавить, что въсемъ трудѣ нашемъ мы, по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени, руководствовались примѣромъ Французскаго перевода Исто-рии Государства Россійскаго, коего пер-вые Томы были разматриваемы самимъ Авторомъ.

ОБЪ ИСТОЧНИКАХЪ РОССІЙСКОЙ ИСТОРИИ до. XVII вѣка.

Сіи источники суть:

1) *Літописи*. Несторъ, июкъ Монастыря Кіево-Печерскаго, прозванный отцемъ Россійской Исторіи, жилъ въ XI вѣкѣ^(*); одареный умомъ любопытнымъ, слушалъ со вниманіемъ изустныя преданія древности, народныя историческія сказки; видѣлъ памятники, могилы Князей; бесѣдовалъ съ Вельможами, сподвижниками Кіевскими, путешесственниками, жителями иныхъ областей Россійскихъ; читалъ Византійскія Хроники, раз-

(*) См. сей *Исторіи* Т. II, примѣч. 187. Въ разныхъ спискахъ Нестора (Пушкинскому, Генігсбергскому) находятся слова: „къ нему же (Феодосію) и къ пріодохъ худый, и пріить мя, яко ми сѹщу семнадцати отъ роженья моего.“ Итакъ Феодосій скончался въ 1074 году; и такъ Літописецъ нашъ родился около 1050 года. — Въ заглавии Хлібниковскаго списка (см. ниже) поставлено имя Нестора: въ другихъ Авторъ названъ прѣстоло Чертопорищемъ Феодосіева монастыря Печерскаго. Житие Нестора въ печатномъ Прашерлѣ есть новѣшее сочинение: ие: его вѣть въ древнемъ рукописномъ (см. сей Исторіи Т. II, примѣч. 187). “

XXVIII

писки церковныя (*), и сдѣмался первымъ Лѣтописцемъ нашего ощечества (**). Втораго, именемъ Василій, жилъ такжে въ концѣ XI столѣтія: употребленный Владимірскимъ Княземъ Давидомъ въ переговорахъ съ

(*) См. сей *Исторіи* Т. II, спран. 168 и примѣч. 64. Въролпинъ, что по запискамъ церковнымъ Неспоръ означаєть дни преставленія въкошорыхъ древнихъ Князей.

(**) Мы должны упомянуть о *минимумъ древнейшемъ Лѣтописцу* Іоакимѣ, первомъ Новгородскомъ Епископѣ, прѣхавшемъ въ Россію съ Царевною Аниою, супругою Св. Владимира. Ташницевъ разсказываетъ слѣдующее:

„Архимандритъ Мельхиседекъ доспавилъ ему, какъ любителю древностей, при шептади полученныхъ имъ отъ Монаха Веніамина и выписаныхъ изъ старой книги, съ копирою Веніамина самъ захалъ къ Ташницеву, но умеръ дорогого. Въ шептадяхъ написано, что Неспоръ худо зналъ происшествія Новгородскія, гораздо лучше известныя Іоакиму; что Славень, внукъ Гафевовъ, по сказанію сего Епископа, основалъ городъ Славянскъ въ Россіи; что послѣ господствованія тамъ Князь Вандаль, коего родственниками были Князья Гардорнъ въ Гунгарѣ, завоевали многихъ странъ; что сыновья Вандаловы назывались Изборъ, Стодносляшъ и Владимиръ, женатый на Адвандѣ; что отъ Владимира произошелъ Буривой, отецъ Господомысла, копорый изгналъ Варяговъ изъ Россіи и построилъ Выборгъ; что Рюрикъ ему внукъ, Ольга. Прекраса такжে родственница; что Святославъ мучилъ Христіанъ; что Св. Владимиръ крестился не въ Херсонѣ, а въ Болгаріи; что его сыновья, Борисъ и Глѣбъ, родились отъ Царевны Аны, це Греческой (изъспаси Ташницевъ), а Болгарской,“ и прор. См. его *Рос. Исторіи* Т. I, спр 29—51.

Сю шутку многие принимали за истину и начали съ важ-

несчастнымъ Василькомъ, описалъ взмъ великодушіе посѣдняго и другія современныя дѣянія юго-западной

постію говорить о Альфонсѣ Ioакимѣ. Но слова Тапищева: *Веніаминъ Монахъ токмо для закрытия въмы маки* (стр. 42), доказываютъ, что здесь дѣло идеть о вспоминаемъ Василѣ Князь Словенск, Изборск, и проч. давно извѣстномъ (см. нашей *Исторіи* Т. I примѣч. 69 и 88). Другія имена Ioакимовы сказаний явно принадлежать иѣ прой же Катеринѣ. Слова же есть: *позвѣй Ioакимъ въ Храмъ* могъ ли вспомнѣть Святославъ имѣть три сына, или же тако областя раздѣли—Ярополкъ, и зелестася о семъ, пекаренъ быстръ—побѣдшиа не силово, ни храбростю, но предательствомъ—мы же (Ioакимъ въ Новгородѣ) ходахомъ по торжнищемъ и улицамъ, и ухахомъ; но сиблиющими въ нечестіи слово *Крестное япися безумціи и обманолѣ*, и проч. Всего рѣшишельте слѣдующее замѣчаніе: доказано ли, что Anna, супруга Владимира, была Греческая Царевна, родная сестра Императоровъ Василия и Константина? Вѣдь сомнія: не только Несколько, но илько современныя Нѣмецкіе, Арабскіе, но и Византійскіе Лѣтописцы единогласно то утверждаютъ. Какъ же Ioакимъ, прѣѣхавшій съ Annaю въ Россію, могъ счи-тывать ее Киликійско-Болгарскую? Видимъ причина сего вымысла: не знать, что Кедрѣкъ и Зонара именуютъ Владимира зицемъ своимъ Императоромъ; не знать ни Диптиара, ни Эль-Макина, Тапищевъ сомнѣвался въ истинѣ Нескрова извѣстованія, и хотѣлъ исправить минувшую его ошибку, говоря: *сіе же изъясненію древности и Нескрова тези на-ко сказанийъ злого шута*; доказъ подглѣшилъ тѣль вражескіи Исторіи: съставивъможетъ (см. Тапищ. *Рос. Исторіи* Т. I, стр. 51). Повторю, что онъ не мыслилъ обманывать: это застѣнивалъ, хотя и неудачная догадка.

XXX

Россіи (*). Всѣ иные Лѣтописцы оспались на сѣ бѣзглименными; можно только угадывать, где и когда они жили: напримѣръ, одинъ въ Новѣгородѣ, Ерей посвященный Епископомъ Ниѳоишомъ въ 1144 году; другой въ Владимирѣ на Клязьмѣ при Всеѡладѣ Великомъ; третій въ Киевѣ, современникъ Рюрика II; четвертый въ Волынѣ около 1290 года; пятый тогда же во Псковѣ (**). Къ сожалѣнію, они не скавывали всего, что бывало любопытно для потомства, но, къ счастію, не вымыслили, и дошли до насъ изъ Лѣтописцевъ иноzemныхъ согласны съ ними. — Сіи почти непрерывная цѣль Хроникъ идетъ до государства Алексія Михайловича (***) . Нѣкоторыя донынѣ

(*) См. Т. II, примѣч. 166.

(**) Подробный *Псковской Лѣтописецъ*, донынѣ неизданній, начинается около 1303 года; а дреанѣшія въ пять извѣстій взяты изъ Неспора и Новогородской лѣтописи. У меня были чешыре списка тѣй важной Хроники: одинъ Архивскій Н. Н. Башкырова, Каменского, другой Архивскій А. О. Малиновскаго, третій Синодальный, четвертый Графа Ф. А. Томющаго. Первый изъ библіотеки Спбѣнска Василья Никифоровича Собакина, коего отецъ въ 1648 году бывъ Воеводою Псковскимъ; писанъ Дьячкомъ Андреемъ Козою, и доходилъ до 1650 года. Другое при гораздо старѣе сего времена, и заключають въ себѣ нѣкоторыя особенные извѣстія.

(***) Два перерыва замѣтилъ въ книжнѣи Василий Дмитриевичъ и въ царствованіи Иоанна IV Грознаго: чѣму, какъ надобно думать, виной была смерть двухъ Московскіхъ современныхъ Лѣтописцевъ.

еще не изданы или напечатаны весьма неисправно (*). Я искалъ древнѣйшихъ списковъ: самые юные Несторъ и продолжателей его суть хараштные, *Пушкинскій и Троицкій*, XIV и XV вѣка (**). Достойны также замѣчанія *Инатьевскій, Хлѣбниковскій, Кенигсбергскій, Ростовскій, Воскресенскій, Львовскій, Архивскій* (***).

- (*) Начинаясь; Несторъ по Кенигсбергскому списку. Исправление всѣхъ напечатаны Новогородская Лѣтопись въ Москвѣ съ хараштного Синодального списка, а въ Петербургѣ съ бѣзмѣдного старого въ Продолженіи Древней Росс. Вѣковицкихъ. Второй списокъ идетъ далѣе; въ немъ имѣюшь себя *Попъ Иоаннъ*, безъ сомнѣнія не Альпторъ, а переписчикъ; ибо пушть же въ хараштномъ Синодальномъ и пѣмъ же сървами говоришь о себѣ *Пополаръ Тимофеи*.— Особенности сказанія сей лѣтописи вачинающа со временемъ Ярослава Великаго; предвидущее взято изъ Нестора.— Новогородскія извѣстія просчитываются въ краткой лѣтописи, окончанной въ Архивѣ Иностр. Коллегіи А. Ф. Малиновскимъ, до самаго 1570 года.
- (**) Первый поднесенъ ИМПЕРАТОРУ Грамотъ А. И. Мусатовымъ-Пушкинымъ; впорный найденъ мною въ библіотекѣ Троицкой Лавры, отдать послѣ Обществу Исторіи и Древностей, и сгорѣть въ пылающей Французозѣ.
- (***) Въ 1809 году, осматривая дрѣвнія рукописи подобнаго Петра Кирилловича Хлѣбникова, нашелъ а два сокровища на одной книжѣ: *Лѣтопись Киевскую*, извѣшнюю единственностью Томицкую, и *Волынскую*, прежде никому неизвѣстную. Черезъ несколько мѣсяцевъ доспахъ и въ другой списокъ изъ нихъ принадлежавъ никогда Иваньевскому монастырю, аль окраинамъ въ библіотекѣ С.-Петербургской Академіи Наукъ между Деканами. Хлѣбниковскій списокъ долженъ быть XV или XVI, Иваньев-

XXXII

Въ каждомъ изъ нихъ есть иначе особенное и дѣйствительно историческое, внесенное, какъ надобно думашь, современниками, или по ихъ запискамъ. *Никоновскій* болѣе всѣхъ искаженъ вспоминками безмысличныхъ переписчиковъ, но въ XIV вѣкѣ сообщаешьъ вѣролѣпный дополнительный извѣстія о Тверскомъ Княженіи; даѣшь уже сходствуещъ съ другимъ, уступая имъ однакожъ въ исправности, — напримѣръ, *Архисскому*.

скій XIV вѣка; оба начинаятся Несторомъ. — Списокъ *Кенигсбергскій*, вавоеванный Россіянами въ 1760 году, не старше XVI вѣка. — *Ростовскій*, зарученный Св. Димитриемъ, содержащий въ себѣ любопытныя прибавленія, писанъ въ XVII вѣкѣ, идеть до временъ Петра Великаго, и хранится въ Архивѣ Иностр. Коллегіи. — Такъ называемый *Воскресенскій* (изпечатанный) есть Софійскій Новгородскій списокъ Нестора и Продолжалей его; въ немъ не мало важныхъ драгоценныхъ прибавленій: о Старѣшина Гостомыслѣ, о Варягахъ Киевскихъ, о характеристикахъ Князей. — *Львовскій*, изданный въ С. Петербургѣ 1792 г. въ V Томахъ подъ именемъ *Львовъ-Іосифъ Русскаго*, замѣчательнъя вѣкопорымъ особенными извѣстіями о государеніяхъ Юана III. — *Архиский* (въ библиотекѣ Архива Иностран. Коллегіи) называлъ я: списокъ XVII вѣка, подобный *Никоновскому*, весьма исправный, описанъ временемъ Василия Димитриевича до 1560 года. — Многое и нынѣ думаюши, что Патріархъ Никонъ составилъ *Никоновскую лѣтопись*: она только принадлежала ему, определена была въ библиотеку Воскресенского монастыря и надпись на рукою: вонъ для чего назвали ее именемъ. — Я говорю здесь о главныхъ, лучшихъ, по крайней мѣре известившихъ спискахъ: путь находящихся, можетъ быть,

II) *Степенная Книга* (*), сочиненная въ царствование Иоанна Грозного по мысли и наставлению Митрополита Макарія. Она есть выборъ изъ лѣтописей съ нѣкоторыми прбавленіями, болѣе или менѣе достовѣрными, и названа симъ именемъ для того, что въ ней означены *степени* или поколія Государей.

III) Такъ называемые *Хронографы*, или Всеобщая Исторія по Византійскимъ лѣтописямъ, со внесениемъ

около пысяти въ Россіи, сверхъ многихъ сокращеній, писанныхъ обыкновенно въ четверть листа. Екашерина Великая, спасибо любя нашу Исторію, первая указала печатать лѣтописи. Издержали не мало денегъ, но не сдавали нуждашаго: исправнаго ученаго *свода лѣтописей*. Какъ пужда печатать одно въ двадцати книгахъ? Не благоразумнѣе ли взять за основание лучшій, древнейшій списокъ, и только означить важныя описія, пробавленія Другихъ? Въ десяти болѣшихъ томахъ мы помѣшили бы все лѣтописи отъ XI до XVII века, со включениемъ въ Новгородской, Псковской, Киевской, Волынской. Имеются еще *Латоміца*, *Архангелъскаго*, *Детинъскаго*, *Нижегородскаго*, *Соловецкаго*, *Честовскаго*, *Вятскаго*; последние два еще не изданы; каждый изъ нихъ содержитъ въ себѣ материалы для Историка.

(*) Ташинцевъ сказала исправедилю, что Митрополиты Киприанъ и Макарій сочинили ее: Авиоръ именно говорить (въ печати, стр. 76), что Макарій ведаль ему описать житіе Св. Владимира, и проч. Книгарионныхъ сочиненій шамъ два: житіе Попра Митрополита и слово прощальное (см. стр. 558). — Многій постійши сокращенія лѣтописей также расположены по *степениамъ Государей* до самаго Цара Алексія.

и.нанией, весьма країкой. Они любопытны съ XVII вѣка: шутъ уже много подробныхъ современныхъ извѣстий, которыхъ иѣть въ лѣтописяхъ (*).

IV) *Житіе Святыхъ*, въ Патерикѣ, въ Прологахъ, въ Минеяхъ, въ особенныхъ рукописяхъ. Многія изъ сихъ Біографій сочинены въ новѣйшія времена; иако некоторые однакожъ, напримѣръ Св. Владимира, Бориса и Глѣба, Феодосія, находящіяся въ хараштейныхъ Прологахъ; а Патерикъ сочиненъ въ XIII вѣкѣ (**).

V) *Особенные дѣлописанія*: напримѣръ, сказание о Довмопѣ Псковскомъ, Александрѣ Невскомъ; современные записки Курбскаго и Палицына; известіе о Псковской осадѣ въ 1581 году, о Митрополитѣ Филиппѣ, и проч.

VI) *Разряды*, или распределеніе Воеводъ и полковъ; начинаяючись со времеца Іоанна III. Сіи рукописные книги не рѣдки.

VII) *Родословная Книга*: еслиъ печатная; исправленная и дополненная, писанная въ 1660 году, хранившаяся въ Синодальной библіотекѣ.

VIII) *Лицемѣнныя Каталоги Митрополитовъ и Епископовъ*. Сіи два источника не весьма достовѣрны; надобно ихъ сверять съ лѣтописями.

(*) Долгія еще не издано ни одного Хронографа; они разныя сочинительствами, и имѣютъ любопытные.

(**) Симономъ и Поликарпомъ (см. сей Исторія Т. III, прил. №37). Синеки Ирологовъ имѣлись XIV и XVII вѣка. Минея писана въ XVI, а исправлена въ XVII. Митрополитъ Макарій собиралъ для неё жившихъ Россійскихъ Святыхъ, сокращенный посѣтъ Св. Димитріемъ Ростовскимъ. Макаріева Минея хранится въ Синодальной библіотекѣ.

IX) Посланіе Синодальної къ Кіліадамъ, Духовенству и мірамъ; важнѣйшее изъ онъхъ есть. Посланіе къ Шемякѣ; но и въ другихъ находишаши много до-спомняшаго (*).

X) Древнія монеты, медали, надписи (), сказки, пьесы, пословицы: источникъ скучный, однако же не совсѣмъ бесполезный.**

XI) Грамоты. Древнѣйшая изъ подлинныхъ писема около 1125 года (**). Архивскія Новогородскія грамоты и Душевныя записи Князей начинаются съ XIII вѣка; сей источникъ уже богатъ, но еще гораздо боящійся есть

XII) Собраніе шакъ называемыхъ Статейныхъ Синковъ, или Посольскихъ дѣль, и грамотъ въ Архивѣ Иностраниной Коллегіи съ XV вѣка, когда и происшествія и способы для ихъ описанія даютъ Читателю право требовать уже большей удовлетворительности отъ Историка. — Къ сей нашей собственности присовокупляются

(*) Любопытны посланія древнихъ Митрополитовъ, Иоанна и Никифора, Епископа Нифонта, и многихъ Святителей XIII, XIV и XV вѣка, найденные мною въ Патріаршій или Синодальной библіопекѣ.

(**) Къ сожалѣнію, на древнихъ гробахъ иныхъ надписей, или они вырезаны уже въ новѣйшія времена; за то въ харашебныхъ Евангеліяхъ, Апостолахъ и другихъ церковныхъ книгахъ встрѣчающіеся подиписи испорческіе; напримѣръ: «писано при такомъ-то Князѣ, и въ такихъ-то обстоятельствахъ Государства.»

(***) См. сей Исторія Т. II, примѣч. 225, и Т. IV, примѣч. 193.

XXXVI

XIII) *Иностраннага современныя златопасы: Ви-
зантійскія, Скандинавскія, Нѣмецкія, Венгерскія, Поль-
скія, выѣхъ съ наиѣшніями пушечеспѣвниками.*

XIV) *Государственныя бумаги иностранныхъ Архи-
вов: всего болѣе пользовался я выписками изъ Кенигс-
бергскаго (*).*

Воѣшь малперіалы Исторіи и предметъ Истори-
ческой Крипинки!

(*) См. сей Исторіи Т. III, примѣч. 94, и Т. IV, примѣч.
246 и 252.

И С Т О Р I Я

ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКАГО.

Т О М Ъ I.

Г Л А В А I.

О народахъ, издревле овитавшихъ въ Россіи. О Славянахъ вообщѣ.

Древнія създанія Грековъ о Россіи. Пушечные Аргонавты. Тавры и Киммерианс. Гипербореи. Поселенцы Греческие. Ольвіа, Пантикапея, Фанагорія, Танаксъ, Херсонъ. Скиѳы и другіе народы. Темный слухъ о земляхъ полуночныхъ. Описаніе Скиѳіи. Рядъ извѣстныхъ Грекамъ. Иравы Скиѳовъ: ихъ падenie. Минтредашъ, Гешы, Сарматы, Аланы, Готы, Венеды, Гунны, Аланы, Угры и Болгары. Славмие: ихъ подати. Авары, Турки, Огоры. Разселеніе Славянъ. Падение Аваровъ. Болгарія. Дальнѣйшая судьба народовъ Славянскихъ.

Сия великая часть Европы и Азія, Древнія именуемая нынѣ Россіею, въ умѣренныхъ създаніяхъ была искони обищаема, но віа о дикими, во глубину невѣжества погружен-сімъ. ными народами, кошорые не озnamеновали бытія своего никакими собственными историческими памятниками. Только въ повѣщованіяхъ Грековъ и Римлянъ сохранились извѣстія о нашемъ древнемъ

Томъ I.

I

ошечеспѣвъ. Первые вѣсма рано открыли путь чрезъ Геллеспонтъ и Воспоръ южн. Оракійскій въ Черное море, если вѣрить Путино- славному путешеспїю Аргонавтовъ въ Колхиду, воспѣтому будто бы самимъ Арго- Орфеемъ, участникомъ онаго, вѣковъ за на- XII до Рождества Христова¹. Въ семъ любопытномъ спиходтвореніи, основанномъ по крайней мѣрѣ на древнемъ преданіи, названы Кавказъ (славный баснословными муками несчастнаго Иромета), рѣка Фазисъ (нынѣ Ріонъ), Меописское Тав- или Азовское морѣ, Воспоръ, народъ Ка-ры и спійскій, Тавры и Киммеріане, обишаши Ким- меріа- южной Россіи. Гѣвецъ Одиссея также ие. именуетъ послѣднихъ. »Есть народъ Ким-мерійскій (говоритъ онъ) и городъ Ким-меріонъ, покрытый облаками и шумомъ: ибо солнце не озаряетъ сей печальной страны, гдѣ беспрепанно царствуетъ глубокая ночь². « Сиюль ложное появленіе еще имѣли современники Гомеровы о странахъ юго-восточной Европы; во басня о мракахъ Киммерийскихъ обра-шилась въ пословицу вѣковъ, и Черное море, какъ вѣроятно, получило отъ этого свое названіе³. Цвѣтущее воображеніе Гре-ковъ, любя пріятныя мечты, избрѣло Гипербореевъ, людей совершенно добро-

Ги-
пер-
бore-
ren.

дѣтскихъ, живущихъ да же на Сѣверѣ, отъ Понтия Эвксинскаго, за горами Рифейскими, въ счастливомъ спокойствіи, въ смиранахъ мирныхъ и веселыхъ, гдѣ бури и огорчнія неизвѣстны; гдѣ смертные питаются сокомъ цвѣтовъ и росою, блаженствуютъ цѣсколько вѣковъ, и наевшись жизнью, бросаются въ волны морскія⁴.

Наконецъ сіе пріятное баснословіе уступило мѣсто дѣйствительнымъ испытаниемъ, познаніемъ. Вѣковъ за пять Поселенцы Гре-завели селенія на берегахъ Черноморскихъ, ческіе. Ольвіа, въ 40 вершиахъ отъ устья Днѣпра⁵, Ольвіа, построена выходцами Милетскими еще въ славный времена Мидійской Имперіи, называлась счастливою отъ своего богатства, и существовала до паденія Рима; въ благословенный вѣкъ Тралловъ образованіе граждане ея любили читать Платона, и зная наизусть Иліаду, были въ битвахъ споди Гомеровы. Пан-Пан-шника-пей и Фанагорія были сподициами азаменитаго Царства Воспорскаго, осажденного Азіанскими Греками въ окрестностяхъ Киммерийскаго Пролива. Городъ Татаравъ, гдѣ нынѣ Азовъ, принадлежалъ Херсонасскому Царству; но Херсонъ Таврический.

сній (коего начало неизвестно) хранилъ вольность свою до временъ Митридатовыхъ⁵. Сіи пришельцы, имѣя торговлю и піснную связь съ своими единоземцами, сообщили имѣвѣрный географическая свѣдѣнія о Россіи южной, и Геродотъ, пысавшій за 445 лѣтъ до Рождества Христова, предалъ намъ оныя въ своемъ любопытномъ птвореніи.

Киммеріане, прѣвѣтѣшіе обитатели нынѣшихъ Губерній Херсонской и Екатеринославской — вѣроятно, единоплеменные съ Германскими Цимбрами⁶ — за 100 лѣтъ до временъ Кировыхъ были изгнаны изъ своего отечесства Скиеями или Сколопами, которые жили прежде въ вос точныхъ окрестностяхъ моря Каспійского, но выгнанные оттуда Масагетами, перешли за Волгу, разорили послѣ великую часть южной Азіи, и на конецъ утвердились между Истромъ и Танаисомъ (Дунаемъ и Дономъ), гдѣ сильный Царь Персидскій, Дарій, напрасно хотѣлъ овладѣть имъ за опускшеніе Мидіи, и гдѣ, гонясь за вими въ стѣплѣ обширныхъ, едва не погибло все его многочисленное войско⁷. Скиеи, называвшись разными именами, вели жизнь кочевую, подобно Киргизамъ или Калмыкамъ; более

всего любили свободу; не знали никакихъ искусствъ, кроме одного: «вездѣ наспи-
машь не пришлѣй, и вездѣ отъ нихъ
искривляйся»; а однажды шерифы Гречес-
кихъ поселенцевъ въ странѣ своей, зам-
ствовали отъ нихъ первыя начала гра-
жданского образования, и Царь Скиескій
поспроилъ себѣ въ Ольвіи огромный
домъ, украшенный рѣзными изображеніями
сфинксовъ и грифовъ.— Каллипиды, смѣсь
дикихъ Скиевъ и Грековъ, жили близъ
Ольвіи къ Западу; Алазоны въ окрестно-
стяхъ Гипаниса или Буга; такъ назы-
ваемые *Скиеи-землемѣдльцы* далѣе къ Сѣ-
веру, на обоихъ берегахъ Днѣпра. Сіи при-
народа уже сѣяли хлѣбъ, и торговали
имъ. На лѣвой споронѣ Днѣпра, въ 14
дняхъ пущи отъ его устья, (въроюшио,
близъ Кіева) между *Скиеами-землемѣдльца-
ми* и кочующими было ихъ Царское клад-
бище, священное для народа и непри-
ступное для враговъ. Главная Орда, или
Царственная, кочевала на Востокъ до са-
мого Азовскаго моря, Дона и Крыма, гдѣ
жили Тавры, можетъ быть единоплемен-
ники древнихъ Киммеріанъ: убивая ино-
странцевъ, они приносили ихъ въ жертву
своей богинѣ-дѣвицѣ, тѣ Пасѣи, и мысъ
Севастопольский, гдѣ существовалъ храмъ

ея, долго назывался *Паρθένιον*⁹. Геродотъ пишетъ еще о многихъ другихъ народахъ *не-Скиескао* племени: Агаенрсахъ въ Седмиградской области или Трансильвании, Неврахъ въ Польше, Андрофагахъ и Меланхленахъ въ Россіи: жилища послѣднихъ находились въ 4000 стадіяхъ, или въ 800 версахъ отъ Чернаго моря къ Сѣверу, въ ближнемъ сосѣдствѣ съ Андрофагами; шѣ и другіе писались человѣческимъ мясомъ. Меланхлены назывались шакъ отъ черной одежды своей. Невры обращались ежегодно на вѣсколько мѣсяцевъ въ волковъ: по ешь зимою покрывались волчьими кожами.—За Дономъ, на степахъ Астраханскихъ, обитали Сарманы или Савроматы; далѣе среди гуашыхъ лѣсовъ, Будины, Гелоны (народъ Греческаго происхожденія, имѣвшій деревянную крѣпость), — Ирки¹⁰, Фиссагѣты (славные звѣроловствомъ), а на Востокѣ отъ нихъ Скиескіе бѣглецы *Орды Царской*: Тутъ, по сказанію Геродота, начинались каменистые горы (Уральскія) и страна Аргиппееvъ, людей *плосконосыхъ* (вѣрояtnо, Калмыковъ). Доселѣ ходили обыкновенно шорговые караваны изъ городовъ Черноморскихъ: слѣдственno мѣста были извѣшны, также и народы,

которые разорены сильными разнотами язы-
ками. О дальнѣйшихъ полунощныхъ зем- Слухъ
дахъ въсился единственно чистный слухъ. ^{о зем-}
Аргиппей увѣряли, что за ними оби- ^{дахъ} полу-
щаются люди, которые спать въ году ^{нощ-}
шестъ мѣсяцевъ: чьму не вѣрилъ Геро-
дотъ, но чьто для настъ поняшио: долго-
временныя ночи хладныхъ климатовъ,
озаряемыя въ течение нѣсколькихъ мѣся-
цевъ одними съвериыми сіяніями, служи-
ли основаніемъ сей мозы. — На Востокѣ
опъ Аргиппей (въ Великой Татаріи)
жили Исседоны, которые сказывали, что
не далеко отъ нихъ грифы стражутъ зо-
лото¹¹: сіи баснословные грифы кажутся
части испортическою истиню, и за-
ставляютъ думать, что драгоценные
рудники южной Сибири были издревле
знаемы. Съверъ вообще славился тогда
своимъ богатствомъ или множествомъ
золота. Упомянувъ о разныхъ Ордахъ, ко-
чевавшихъ на Востокѣ опъ моря Каспій-
ского, Геродотъ пишетъ о главномъ на-
родѣ нынѣшихъ Киргизскихъ степей,
сильныхъ Массагетахъ, побѣдившихъ Ки-
ра¹², и сказываетъ, что они, сходствуя
одеждою и нравами съ племенами Скіе-
скими, украшали золотомъ шлемы, поясы,
конские приборы, и не знали жељ-

за, ни серебра, дымяли падицы и копья
изъ зѣди.

Описание Скиеїдъ. Что насасяло особенно до Скиеїдъ Россійской, шо сія земля, по извѣстію Геродота, была необозримою равниною, гладкою и безъискою; подъко между Тавридою и Днѣпровскимъ устьемъ находилась лѣса. Онь за чудо сказываєшъ своимъ единоземцамъ, что земя продолжаетъ ся ташь 8 мѣсяцевъ, и воздухъ въ сіе время, по словамъ Скиеовъ, бываетъ наполненъ лещающими перьями, то-ефи, снѣгомъ; что море Азовское замерзаетъ, жители Ѣздашъ на саняхъ чрезъ неподвижную глубину его, и даже конные сражаются на водѣ, гусинаяющей отъ холода; что громъ гремитъ и молція блескаетъ у нихъ единствено лѣтомъ. — Кромъ Днѣпра, Буга и Дона, выпекающаго изъ озера¹⁵, сей Испюрикъ именуетъ еще рѣку Днѣспръ (Тѣсъ, при устьѣ коего жили Греки, называемые Тиритами), Прупъ (Парата), Серепъ (Орефосъ), и говорицъ, чи то Скиеїдъ вообще и рожень славится большими судоходными рѣками; чи то Днѣпъ, изобильный рыбью, окруженный прекрасными лугами, успшаєтъ въ величинѣ одному Ницу и Дуваку; чи то вода его ошмѣнно чиста, прѣлѣща

Реки изъ Греции.

для вкуса и здорова; чио источникъ сей рѣки скрывається въ ошдаленіи и не извѣстенъ Скивеамъ. Такимъ образомъ Сѣверъ восточной Европы, огражденный нуспныами и свирѣпостю варваровъ, кошорые на нихъ скинулись, оспавался еще землею шаниспенною для Испорія. Хотя Скивы занимали единственно южные страны нашего братчества; хотя Аандрофаги, Меланхлены и прочие народы сѣверные, какъ пишеть самъ Геродотъ, были совсѣмъ иного племени: но Греки назвали всю нынѣшнюю Азіатскую и Европейскую Россію, или всѣ полунощныя земли, Скивею, такъ же, какъ они безъ разбора именовали полуденную часть міра Эвропею, западную Кельтикою, восточную Индіею, ссылаясь на Историка Эфора, жившаго за 350 лѣтъ до Рождества Христова¹⁴.

Не смотря на долговременное сообщение съ образованными Греками, Скивы еще Нрагордились дикими нравами своихъ предковъ, и славный единоземецъ ихъ, Фило-соѳь Анахарсисъ, ученикъ Солоновъ, напрасно хотѣвъ дать имъ законы Аенискіе, быть жерповою сего несчастнаго онъипа¹⁵. Въ надеждѣ на свою храбрость и многочисленность, они не боялись ница-

кого врага; или кровь убитыхъ неприятелей, выдѣланную кожу ихъ употребляли вместо одежды, а черепы вместо соудовъ, и въ образѣ меча поклонялись Богу войны, какъ главъ другихъ винныхъ боговъ.

Ихъ
изде-
вие.

Ми-
при-
дашъ.

Гепы.

Сар-
маты.

Могущество Скиеовъ начало ослабевать со временемъ Филиппа Македонскаго, который, по словамъ одного древнаго Историка¹⁶, одержалъ надъ ними решительную победу не превосходствомъ мужества, а хитростью воинскою, и не нащель въ спанъ у враговъ своихъ ни се ребра, ни золота, но только женъ, дѣлъ и старцевъ. Миридашъ Эвпаторъ, го сподѣливъ на южныхъ берегахъ Чернаго мора измѣдѣвъ Воспорскічъ Царствомъ, унѣснилъ и Скиеовъ¹⁷: последнія ихъ сильы были испощены въ жестокихъ его войнахъ съ Римомъ, коего орлы приближались иногда къ нынѣшнимъ Кавказскимъ Гепамъ спранамъ Россіи. Гепы, народъ Фракійский, побѣженный Александромъ Великимъ на Дунай, но спрѣшный для Рима во времена Царя своего, Беребиста Храбраго, за нѣсколько лѣтъ до Рождества Христова очиналь у Скиеовъ всю землю между Испромъ и Борисеономъ, и. е. Дунаемъ и Днѣпромъ¹⁸. Наконецъ Сарматы, обитав-

шіе въ Азії близъ Дона, вступили въ Ски-
єю, и, по извѣстію Діодора Сіцилійска-
го, испиребали ея жителей или присоеди-
нили къ своему народу, такъ, чѣмъ осо-
бенное бытіе Скиесовъ исчезло для Исторіи;
осталось только ихъ славное имя,
коимъ несвѣдущіе Греки и Римляне долго
еще называли всѣ народы мало извѣстные
и живущіе въ странахъ опидаменныхъ¹⁹.

Сарматы (или Савроматы Геродотіо-
вы) дѣлаются знамениты въ началѣ Хри-
стіанскаго лѣпосчислѣнія, когда Римляне,
занявъ Фракію и спрашивъ Дунайскія свои-
ми Легіонами, пріобрѣли для себя несча-
сливое сосѣдство варваровъ. Съ этого вре-
мени Историки Римскіе безпрекупно го-
ворятъ о семъ народѣ, копорый господ-
ствовалъ отъ Азовскаго моря до береговъ
Дуная, и сопоставъ изъ двухъ главныхъ
племенъ, Роксоланъ и Язиговъ²⁰; но Геогра-
фы, весьма некспаки назвавъ Сарматію
всю обширную страну Азіи и Европы,
отъ Чернаго моря и Каспійскаго съ одной
стороны до Германіи, а съ другой до са-
мой глубинѣ Сѣвера, обратили имя Сар-
матовъ (подобно какъ прежде Скиесное)
въ общее для всѣхъ народовъ полуноз-
ныхъ Роксолане упівердились въ окрѣ-
спинопашахъ Азовскаго и Чернаго моря, а

Язиги скоро перешли въ Дакію, на берега Тисы и Дуная²¹. Дерзаувъ первые превозжіши Римскія владынія съ сей спороны, они начали ту ужасную и долговременную войну дикаго варварства съ гражданскимъ просвѣщениемъ, которая заключилась наконецъ гибелью послѣднаго. Рокомъ одержали верхъ надъ Когорпами Римскими въ Дакіи: Язиги опускали Міаю. Еще военное искусство, слѣдствіе непрестаннаго побѣдъ въ течение осми лѣковъ, обуздало варваровъ и, частіо на-казывало ихъ дерзость; но Римъ, измѣненный роскошью, вмѣстѣ съ гражданскою свободою упразднивъ и гордость величодушную, не спыдался золотомъ покупать дружбу Сарматовъ. Тацій имелъ Язиговъ союзниками своего народа, и Сенатъ, рѣшивъ прежде судьбу великихъ Государей и міра, съ уваженіемъ встрѣчалъ Пословъ народа кочующаго²².—Хотя война Маркоманнекая, въ ходъ Сарматы присоединились къ Германцамъ, имѣла несчастнаго для нихъ слѣдствія; хотя, побѣженные Маркомъ Авреліемъ, они упраздили силу свою и не могли уже быть завоеваннелями: однакожъ, кочуя въ южной Россіи и на берегахъ Тибиска

или Тисы, долго еще беспокояли набегами Римской владчиці.

Почти въ одно время съ Янгами и Аланами Роксоланами узлаемъ мы и другихъ — въ роятно, единоплеменныхъ съ ними — обитателей юго-восточной Россіи, Аланъ, которые, по извѣстію Амміана Марцеллина, были древніе Массагеты и жили тогда между Каспійскимъ и Чернымъ моремъ³³. Они, равно какъ и всѣ Азіатскіе дикіе народы, не обрабатывали земли, не имѣли домовъ, возна[ж] женъ и дѣтей на колесницахъ, скитались по степямъ Азіи даже до самой Индіи съвериої, грабили Арmenію, Мидію, а въ Европѣ берега Азовскаго и Чернаго моря; оправданно искали смерти въ битвахъ, и славились огнѣнною храбростію. Къ сему народу многочисленному принадлежали, въ роятно, Аорсы и Сираки, о коихъ въ первомъ вѣкѣ Христіанскаго лѣпосчислѣнія упоминаютъ разные Историки, и кон; обитая между Кавказомъ и Дономъ, были и врагами и союзниками Римлянъ³⁴. Алане, выльсніиъ Сарматовъ изъ юго-восточной Россіи, отчасти заняли и Тавраду.

Въ третіемъ вѣкѣ приближились отъ Бальшайскаго къ Черному морю Готы Готы и другіе народы Германскіе, овладѣли Да-

кію, Римскою провинцією со времені Траяновыхъ, и сдѣлались самыми опасными врагами Имперіи⁴⁶. Переопытъ на судахъ въ Азію, Готзы обратили въ пленъ многіе города прѣвѣщіе въ Визаніи, Галатіи, Каппадокіи, и славный храмъ Дианы въ Ефесѣ, а въ Европѣ опусшили Фракію, Македонію и Грецію до Морей. Они хощли, взять Азіи, испробовъ огнемъ всѣ книги Греческихъ, памъ найденныхъ; но принали совѣтъ одного умнаго единоземца, которыи сказалъ имъ: «оспавши Грекамъ книги, чтобы они, изучая ихъ, забывали военное искуство, и шѣль легче были побѣждаемы нами»⁴⁷. Ужасные свирѣпостію и мужествомъ, Готзы основали сильную Имперію, которая раздѣлялась на Восточную и Западную, и въ IV столѣтіи, при Царяхъ Эрманарихъ, заключала въ себѣ не малую часть Россіи Европейской, простираясь отъ Тавриды и Чернаго моря до Балтийскаго.

Готескій Историкъ VI вѣка, Іорнандъ, пишетъ, что Эрманарикъ въ чистѣ многихъ иныхъ народовъ побѣдилъ и Венедовъ, которыи, обиная въ сосѣдствѣ съ Эспаніи и Герулами, жившими береговѣ Балтийскихъ⁴⁸, славились болѣе своею много-

точисленностию, нежели искусствомъ воинскимъ. Сие извѣстіе для насть любопытнѣе и важно, ибо *Венеды*, по сказанію Іордана, были единочленники *Славянъ*, предковъ народа Россійскаго. Еще въ самой глубокой древности, лѣтъ за 450 до Рождѣства Христова, было извѣстно въ Греціи, что яшарь находился въ озда-ленихъ странахъ Европы, гдѣ рѣка Эриданъ впадаетъ въ Сѣверный Океанъ²⁸, и гдѣ живущіе Венеды. Въրоятно, что Финикии, смѣлые мореходцы, которые открыли Европу для образованныхъ народовъ древности, не имѣвшихъ обѣ наѣ свѣдѣнія, доплывали до самыхъ береговъ нынѣшней Пруссіи, богатыхъ яшаремъ, и тамъ покупали его у Венедовъ²⁹. Во время Плінія и Тацитта, или въ первомъ сполѣніи, Венеды жили близъ Вислы, и граничили къ Югу съ Дакією³⁰. Птолемей, Аспирономъ и Географъ II^{го} сполѣнія, полагающій ихъ на восточныхъ берегахъ моря Балтийскаго, сказывал, что оно издревле называлось *Венедскимъ*³¹. Слѣдовательно еже-ли Славяне и Венеды сосуществали одинъ народъ, то предки наши были известны и Грекамъ и Римлянамъ, обитавшимъ на Югѣ озера мора Балтийскаго. Изъ Азіи ли они пришли шуда, и въ какое время, не

знаємъ³³. Маємо, чию сю частину міра дожно признавати колыбелю всіхъ народовъ, кажеться вѣроятнимъ, ибо согласно съ преданіями Священными, и всѣ языки Европейскіе, не смогли на ихъ разныя замѣненія, сохраняють въ себѣ нѣкоторое сходство съ древними Азіатскими³³; однакожъ мы не можемъ утверждить сей вѣроятностіи никакими дѣйствительно историческими свидѣтельствами, и считаємъ Венедовъ Европейцами, когда Испорія находилихъ ихъ въ Европѣ. Сверхъ того они самыми обычновеніями и нравами отличались отъ Азіатскихъ народовъ, которые, приходя въ нашу часину міра, не знали домовъ, жили въ шатрахъ или палестницахъ³⁴, и только на коняхъ сражались: Тациловы же Венеды имѣли дома, любили рапбортировать пышне и славились быстротою своего бѣга.

Гуннамъ Конецъ четвертаго вѣка ознаменовался важными происшествіями. Гунины, народъ кочующій, отъ полуночныхъ областей Китая доходяши чрезъ неизмѣримыя степи до юго-восточной Россіи, нападають — около 377 года — на Аланъ, Готеевъ, владѣнія Римскія, исшибляя все огнемъ и мечемъ³⁵. Современные Испорики не находятъ словъ для описания лю-

шой свирепости и самого безобразія Гунновъ. Ужасъ былъ ихъ предишею, и смильпій Герой Эрманарихъ не дерзнулъ даже вступить съ ними въ сраженіе, но произвольную смертию спасши избавиться отъ рабства. Восточные Гопсы должны были покориться, а Западные искали убежища во Фракіи, гдѣ Римляне, къ несчастію своему, дозволили имъ поселиться: ибо Гопсы, соединясь съ другими мужественными Германцами, скоро овладѣли болѣею частию Имперіи.

Исторія сего времени упоминаетъ обѣ Аланахъ, коиорые, по извѣстію Лорианда и Византийскихъ Лѣтописцевъ, принадлежали вмѣстѣ съ Венедами къ народу Славянскому⁵⁶. Винитаръ, наследникъ Эрманарика, Царя Гопескаго, былъ уже данникъ Гунновъ, но хотѣлъ еще повелѣвать другимъ народамъ: завоевалъ страну Алановъ, коиорые обишли на Сѣверъ отъ Чернаго мора (съдѣшево въ Россіи) и жестокимъ образомъ умертвили ихъ Князя, именемъ Бонса, съ семидесятю знаменитѣшими Болрами⁵⁷. Царь Гуннасий, Баламберъ, вступилъ за упѣсненныхъ, и побѣдивъ Винитара, освободилъ ихъ отъ ига Гопсовъ. — Нѣть сомнія, что Аланы и Венеды признавали надъ собою

властів Гунновъ ибо сїм завоеватели во
время Атили, грозного Царя ихъ, по-
велѣали всѣми странами отъ Волги до
Рейна, отъ Македоніи до оспроворъ Бал-
тійскаго моря²⁶. Истребивъ безчисленное
множество людей, разрушивъ города и
крепости Дунайскія, предавъ огню селе-
нія, окруживъ себя пушынами обшарпь-
тыи, Атила царствовалъ въ Дакіи подъ
именемъ шашра, бралъ дань съ Константи-
нополя, но славился прегрѣшемъ золо-
та и роскоши, ужасалъ міръ и гордился
именемъ *бига Небеснаго*. — Съ житію
сего варвара, ио великаго человѣка, умер-
шаго въ 454 году, прекратилось и вла-
дичество Гунновъ. Народы, поробощен-
ные Атилою, свергнули съ себя ито
несогласныхъ сыновей его. Изгнанніе
Нѣмцами Генидами изъ Панноніи и ін. Вен-
гри, Гуны держались еще нѣсколько
времени между Днѣспромъ и Дунаемъ,
іѣдь отрана ихъ называлась Гунниваромъ²⁷;
затѣмъ разсыпалось по Дунайскимъ обла-
стямъ Имперіи — и скоро изгладились
следы ужаснаго бытія Гунновъ. Такимъ
образомъ сии варвары оставленной Азіи
являлись въ Европѣ, свирѣпствовали и
какъ грозное привидѣніе исчезли!

(Въ то же время южная Россія могла пред-

* |

составлять обширную пустыню, гдѣ скипались одни бѣдные оспанки народовъ. Восночные Гошевы большему частію удалились въ Паннонію; о Роксоланахъ не находимъ уже ни слова въ лѣтописяхъ: изроятно, что они смѣшились съ Гуннами, или, подъ общимъ названіемъ Сарматовъ, вмѣстѣ съ Языгами были разселены Императоромъ Маркіаномъ въ Иллирикѣ и въ другихъ Римскихъ провинціахъ, гдѣ, составивъ одинъ народъ съ Гошами, упраздили ими свое⁴⁰: ибо въ концѣ V вѣка Испорія уже молчишь о Сарматахъ. Множество Аланъ, соединясь съ Нѣмецкими Вандалами и Свевами, перешло за Рейнъ, за горы Пиренейскія, въ Испанію и Португалию. — Но скоро Угры и Болгары, Угры по сказанію Грековъ единоплеменные съ ^{и Болгары.} Гуннами, и до того времени неизвѣсные, составивъ древняя свои жилища близъ Волги и горъ Уральскихъ, завладѣли берегами Азовскаго, Чернаго моря и Тавridoю (гдѣ еще обишли иѣкоaporые Гошевы, принявши Вару Христіанскую) и съ 474 года начали опустошать Мизію, Фракію, даже предмѣстія Константинопольскія⁴¹.

Съ другой стороны выходишь на ее- Славище Исторіи Славянъ, подъ симъ именемъ, достойнымъ людей воинственныхъ

и храбрыхъ, ибо его можно производить отъ славы⁴², — и народъ, коего бышіе мы едва знали, съ шеспаго вѣка занимаєтъ великую часть Европы, отъ моря Балтийскаго до рѣки Эльбы, Тисы и Чернаго моря. Вѣроятно, что иѣкопорые изъ Славянъ, подъ маскныхъ Ерманариху и Аниполѣ, служили въ ихъ войскѣ; вѣроятно, что они, испытавъ подъ начальствомъ сихъ завоевателей храбрость свою и пріятельность добычи въ богатыхъ областяхъ Имперіи, возбудили въ соотечественникахъ желаніе приблизиться къ Греціи и вообще распространить ихъ владѣніе. Обстоятельства времени имъ благоприятствовали. Германія опустѣла; ея народы воинственные удалились къ Югу и Западу искать счастія. На берегахъ Черноморскихъ, между устьями Днѣпра и Дуная, кочевали, можетъ бышь, однѣ дикия, малолюдныя Орды, копорые сопутствовали Гуннамъ въ Европу, и разсѣялись по сълѣ ихъ гибели. Отъ Дуная и Алушты до рѣки Моравы жили Нѣмцы Лонгобарды и Гепиды; отъ Днѣпра къ морю Каспійскому Угры и Болгары: за ними, къ Сѣверу отъ Понтиза Эвксинскаго и Дуная⁴³, явились Аланы и Славяне; другія же племена ихъ вспустили въ Моравію, Богемію, Саксонію,

а въкопорыя оспались на берегахъ мора Балтийскаго. Тогда начинаютъ говоритьъ объ нихъ Историки Византийскіе, описывая свойства, образъ жизни и войны, обыкновенія и нравы Славянъ, опишасть характера Нѣмецкихъ и Сарматскихъ племенъ⁴⁴: доказательство, что сей народъ былъ прежде мало известенъ Грекамъ, обищаю во глубинѣ Россіи, Польши, Литвы, Пруссіи, въ странахъ отдаленныхъ и какъ бы непроницаемыхъ для ихъ любопытства⁴⁵.

Уже въ концѣ пятаго вѣка лѣтописи Византийскія упоминаютъ о Славянахъ, копорые въ 495 году дружелюбно пропустили чрезъ свои земли Нѣмцевъ-Геруловъ, разбившихъ Лонгобардами въ нынѣшней Венгрии и бѣжавшихъ къ морю Балтийскому⁴⁶; но только со временемъ Юстиниановыхъ, съ 527 года, утвердясь въ сѣверной Дакіи, начинаютъ они дѣйствовать противъ Имперіи, вмѣстѣ съ Угорскими племенами и брашьями своими, Аншами, копорые въ окрестностяхъ Чернаго моря граничили съ Болгарами. Ни Сармашы, ни Готы, ни самые Гунны не были для Имперіи ужаснѣ Славянъ. Иллірія, Фракія, Греція, Херсонесъ — всѣ страны опять залива Іонического до Кон-

спанниополя были ихъ жерпью⁴⁷; шолько Хильвудъ, смѣлый Вождь Юстиниановъ, могъ еще съ успѣхомъ имъ противоборствовать; но Славяне, убивъ его въ сраженіи за Дунаемъ, возобновили свои лютыя нападенія на Греческія области, и
Ихъ всакое изъ оныхъ сплоило жизни или свободы безчисленному множеству людей,
такъ, что южные берега Дунайскіе, обливавшіе кровью несчастныхъ жителей, осыпанные пепломъ городовъ и сель, совершино опустѣли. Ни Легіоны Римскіе, почти всегда обращаемые въ бѣгство, ни великая спѣха Анастасіева⁴⁸, сооруженная для защиты Царяграда отъ варваровъ, не могли удерживать Славянъ, храбрыхъ и жестокихъ. Имперія съ препечатомъ и спыдомъ видѣла знамя Константина въ рукахъ ихъ. Самъ Юстинианъ, Совѣтъ Верховный и знаменитѣе Вельможи должны были съ оружіемъ сползть на послѣдней оградѣ столицы, спѣхъ Феодосіевой, съ ужасомъ ожидал приспича Славянъ и Болгаровъ ко вратамъ ея. Одинъ Велисарій, поѣздѣвший въ доблести, осмыслился выйти къ нимъ на встрѣчу; но болѣе казною Императорскою, нежели побѣдою, оправилъ сю грозную пучу огнъ Константинополя. Они спокойно жи-

поселились въ Имперіи, какъ бы въ собственной землѣ своей, увѣренные въ безопасной переправѣ чрезъ Дунай: ибо Гениды, владѣвшіе болѣшою часшю сѣверныхъ береговъ его, всегда имѣли для нихъ суда въ готовности¹⁰. Между тѣмъ Юстиніанъ съ гордостью величалъ себя *Антическимъ* или *Славянскимъ*, хотя сіе имя напоминало больше спыдь, нежели славу: его оружія прошивали нашихъ дикихъ предковъ, которые безпрестанно опускали Имперію, или заключая иногда дружественные съ нею союзы, занимались служить въ ея войскахъ, и способствовали тѣхъ побѣдамъ. Такъ во второе звѣто славной войны Гопской (въ 536 году) Валеріанъ привезъ въ Испанию 1600 конныхъ Славянъ, и Римскій Полководецъ Тукіанъ ввѣрилъ Англамъ защищу Луканіи, где они, въ 547 году, разбили Гопского Короля Тоттилу.

Уже лапть 30 Славяне свирѣпствовали въ Европѣ, когда новый Азіатскій народъ, мобыдами и завоеваніями открыть себѣ путь къ Черному морю. Весь извѣстный миръ былъ тогда щогда феащромъ чудеснаго величія народовъ и непостижима въ ихъ величіи. Авары славились могуществою *Аваръ* въ ешоїхъ Татарай; но въ шестомъ въ рѣ-

кѣ, побѣжденные Турками, ушли изъ земли Тур-^{ки.} свой⁵⁰. Си Турки, по свидѣтельству Историковъ Китайскихъ, были остан-
комъ Гунновъ, древнихъ полунощныхъ со-
сѣдовъ Китайской Имперіи; въ шеченіе
времени соединились съ другими Ордами
единоплеменными, и завоевали всю южную
Сибирь. Ханъ ихъ, называемый въ Визан-
тийскій лѣтописахъ Дизавуломъ⁵¹, какъ
новый Аштила, покоривъ многіе народы,
жилъ среди горъ Алтынскихъ, въ шатре,
украшенномъ коврами шелковыми и мно-
гими золотыми сосудами; сидя на бага-
шомъ пронѣ, принималъ Византійскихъ
Пословъ и дары отъ Юстиниана; заклю-
чалъ съ ними союзы, и счастливо воевалъ
съ Персами. Извѣстно, что Россіи, овла-
дѣвъ въ новѣйшія времена южноднѣпро-
ческію Сибири, находили въ памятникахъ
могилахъ великое количества вещей дра-
гоцѣнныхъ⁵²: вѣроѧтно, что онѣ при-
надлежали симъ Алтынскимъ Туркамъ,
уже не дикому, но отчасти образованно-
му народу, торговавшему съ Кипаемъ,
Персіею и Греками.

Вмѣстѣ съ другими Ордами зависѣли
отъ Дизавула Киргизы и Гуны-Огоры⁵³.
Бывъ прежде данниками Аваровъ и иногда
Ого-
ры, угнетаемые Турками, Огоры перешли за

западные берега Волги, назвались славныиъ именемъ Аваровъ, въкогда могущеспешенныиъ, и предложили союзъ Императору Византійскому. Народъ Греческій съ любопытствомъ и съ ужасомъ смотрѣлъ на ихъ Пословъ: одежда сихъ людей напоминала ему спрашныхъ Гунновъ Аланы, огъ-коихъ мнимые Авары отличались единственно шѣмъ, что не брили головы и заплели волосы въ длинный косы, украшаемыя лентами. Главный Посоль сказалъ Юспиніану, что Авары, мужественные и непобѣдимые, хотятъ его дружбы, требуя даровъ, жалованья и выгодныхъ мыслей для поселенія. Императоръ не дерзнулъ ни въ чемъ отказать сему народу, коіорый, бѣжавъ изъ Азіи, со вступленіемъ въ Европу пріобрѣлъ силу и храбрость. Угры, Болгары признали власть его. Аланы не могли ему противиться. Ханъ Аварский, свирѣпый Баинъ, разбоялъ ихъ войско, умерщвилъ Посла, знаменишаго Князя Мезамира ⁶⁴; ограбилъ землю, плѣнилъ жителей; скоро завоевалъ Моравію, Богемію, гдѣ обитали Чехи и другіе Славяне; побѣдилъ Сигеберша, Короля Франковъ, и возвратился на Дунай, гдѣ Лонгобарды вели кровопролитную войну съ Гепидами. Баинъ соединился съ

первыми, разрушили Державу Гепидовъ, овладѣль большею частию Дакіи, а скоро и Панноніею или Венгриею, которую Лонгобарды уступили ему добровольно, желая искупить завоеваній въ Испаніи. Область Аваровъ въ 568 году проспиралась отъ Волги до Эльбы. Въ началѣ седьмаго вѣка завладѣли они и Далмаціею, кромѣ приморскихъ городовъ ея. Хотя Турки, сподѣлившися на берегахъ Иртыша, Урала⁶⁵ — превозжа набѣгами Китай и Персію — около 580 года распространили — было своихъ завоеваній до самой Тавриды — взяли Воспоръ, осаждали Херсонъ; но скоро исчезли въ Европѣ, оставивъ земли Черноморскія въ подданствѣ Аваровъ.

Уже Аяты, Богемскіе Чехи, Моравы служили Хану; но собственно шакъ называемые Дунайскіе Славяне хранили свою независимость, и еще въ 581 году многочисленное войско ихъ снова опустившись въ Фракію и другія владѣнія Имперскія до самой Эллады или Греціи⁶⁶. Тиберій царствовалъ въ Константинополѣ: озабоченный войною Персидскою, онъ не могъ отразить Славянъ, и склонилъ Хана опишишь имъ впаденіемъ въ спрану ихъ. Баянъ назывался другомъ Тиберія, и ходилъ даже быть Римскимъ Патриціемъ:

онъ исполнилъ желаніе Императора швѣтъ охопище, что давно уже ненавидалъ Славянъ за икъ гордости. Сюю причину злобы его описываютъ Византійскіе Историки слѣдующимъ образомъ. Смиришь Антогъ, Ханъ требовалъ отъ Славянъ подданства; но Лавришасъ и другіе Вожди ихъ отвѣтили: «Кто можетъ изъбрать насъ вольностн? Мы привыкли золотомъ земли, а не свои уступанья врагамъ. Такъ будешь и впредъ, доколъ не есть война и мечи въ свѣтѣ». Посоль Ханскій раздражилъ ихъ своими надменными рѣчами, и заплакалъ за то жизнью. Баянъ помнилъ сіе жестокое оскорблениe, и надѣялся собрать великое богатство въ земль Славянъ, которые, болѣе пятидесяти лѣтъ громивъ Имперію, не были еще никѣмъ превозмы въ странѣ своей. Онъ вступилъ въ нее съ шесдцати пятью тысячами отборныхъ конныхъ матниковъ, началъ грабить селенія, жечь поля, испреблять жителей, которые только въ бѣгствѣ и въ густошѣ лѣсовъ искали спасенія. — Съ того времени ослабѣло могущество Славянъ, и ходій Константинополь еще долго ужасался ихъ набѣговъ, но скоро Ханъ Аварскій совершенно овладѣлъ Дакіею. Обязанные давать ему

*

войско, они лили кровь свою и чуждую для пользы ихъ широка; должныствовали первые гибнуть въ битвахъ, и когда Ханъ, нарушивъ миръ съ Грецію, въ 626 году осадилъ Константинополь, Славяне были жертвами сего дерзкаго предпріятія. Они взяли бы сполницу Имперіи, если бы земѣна не открыла ихъ пакостнаго намѣренія Грекамъ: окружевые непріятелемъ, бились отчаянно; немногіе спаслися, и въ знакъ благодарности были казнены Ханомъ⁶⁷.

Между тѣмъ не всѣ народы Славянскіе повиновались сему Хану: обиравшіе за Вислою, и далѣе къ Сѣверу, спаслись отъ рабства. Такъ въ исходѣ шестнадцатка на берегахъ моря Балтийскаго жили мирные и счастливые Славяне, коихъ онъ напрасно хотѣлъ вооружить пропасть Грековъ, и кошорые оказались помогать ему войскомъ. Сей случай, описанный Византійскими Историками⁶⁸, доспоянъ любошыщства и примѣчанія. «Греки» (повѣствующіе они) «взяли въ пленъ трехъ чужеземцевъ, имѣвшихъ, вмѣсто оружія, киеары или гусли. Императоръ спросилъ, кто они? Мы Славяне, отвѣтили они, чужеземцы, и живемъ на опадающемъ концѣ Западнаго Оксаана (мо-

»ря Балыпійского). Ханъ Аварскій, при-
»славъ дары къ нашимъ спарѣйшинамъ,
»пребовалъ войска, чѣобы дѣйствовать
»прошивъ Грековъ. Спарѣйшины взяли
»дары, но отпраили наась къ Хану съ
»извиненіемъ, чию не могутъ за великою
»отдаленію отъ дать ему помощи. Мы
»сами были пятнадцать мѣсяцевъ въ
»дорогѣ. Ханъ, вс взирая на святость
»Посольского званія, не отпускалъ наась
»въ опечество. Слыши о багатствѣ и
»дружелюбіи Грековъ, мы воспользовались
»случаемъ уйти во Фракію. Съ оружиемъ
»обходясь не умѣемъ и только играемъ
»на гусляхъ. Нѣшъ желѣза въ странѣ на-
»шей: не знали войны и любя музыку, мы
»ведемъ жизнь мирную и спокойную. —
»Императоръ дивился шикому нраву сихъ
»людей, великому росту и крѣпости ихъ;
»угостилъ Пословъ, и доставилъ имъ спо-
»собъ возвратиться въ опечество.« Такое
миромлюбивое свойство Балыпійскихъ
Славянъ, во времена ужасовъ варварства,
представляешь мыслить картину счастія,
котораго мы обыкли искашь единственно
въ воображеніи. Согласіе Византійскихъ
Испораковъ въ описаніи сего происше-
шія доказываетъ, кажеется, его испину,
упизергдающую и самыми погодными

обспошельствами Сѣвера, чдѣ Славлие могли наслаждаться пишиюю, когда Германскіе народы удалились къ Югу, и когда разрушилось владычество Гунновъ.

Наконецъ *Богемскіе Славлине*, вообужденные опчалніемъ, дерзнули обнажить мечь, смирили гордость Аваровъ и возвратили древнюю свою независимость. Лѣтописцы повѣстываютъ, что вѣкпо, именемъ Само, бывъ тогда смѣльымъ Вождемъ ихъ: благодарные и вольные Славлине избрали его въ Цари⁶⁰. Онъ сражался съ Дагобертомъ, Королемъ Франковъ, и разбилъ его многочисленное войско.

Скоро владѣнія Славлини умножились новыми пріобрѣтеніями: еще въ шеспомъ вѣкѣ, какъ вѣроятно, многіе изъ нихъ поселились въ Венгріи; другое въ началѣ седьмаго сполѣтія, заключивъ союзъ съ Константинополемъ, вошли въ Иллірію, изгнали оттуда Аваровъ и основали новые области, подъ именемъ Кроаціи, Славоніи, Сербіи, Босніи и Далмаціи⁶⁰. Императоры охопили дозволяли имъ селиться въ Греческихъ владѣніяхъ, надѣясь, что они, по известной храбрости своей, могли быть лучшею ихъ защищою отъ нападеній другихъ варваровъ — и въ седьмомъ вѣкѣ находимъ Славлии на рѣкѣ

Спремонъ во Фракіи, въ окрестностяхъ Фессалоники и въ Мизіи или въ нынѣшней Болгаріи. Даже весь Пелопоннесъ былъ въ сколько времени въ ихъ власти: они воспользовались ужасами моровой язвы, которая свирѣпствовала въ Греціи, и за-воевали древнее отечество Наукъ и славы. — Многіе изъ нихъ поселились въ Винниці, Фрагіи, Дарданіи, Сиріи⁶¹.

Но между тѣмъ, когда Чехи и другіе Славяне пользовались уже совершенюю вольностью отчастии въ прежнихъ, отчастии въ новыхъ своихъ владѣніяхъ, Дунайскіе находились еще, казалось, подъ игомъ Аваровъ, хотя могущество сего доспопамятного Азіатскаго народа ослабѣло въ VII вѣкѣ. Куврашъ, Князь Болгарскій, союзникъ Хана, въ 635 году сверг-нуль съ себя иго Аваровъ. Раздѣливъ силы свои на девять обширныхъ укрѣпленныхъ становъ⁶², они еще долгое время вла-сировали въ Дакіи и въ Данионіи, вели жестокія войны съ Баварцами и Славяна-ми въ Каринії, въ Богеміи; наконецъ упраздили въ лѣтописяхъ имя свое. — Куврашъ, союзникъ и другъ Римлянъ, го-сподствовалъ въ окрестностяхъ Азовска-го моря; но сыновья его, въ пропасть мудрому совѣту умирающаго отца, раздѣ-

лилъсь: спаршій, именемъ Вашвай, остался на берегахъ Дона; віторый сынъ, Копрагъ, перешель на другую сторону сей рѣки; четьвертий въ Паннонію или Венгрию къ Аварамъ, пятый въ Италію⁶³; а шостій, Аспарухъ, утвердился сперва между Днѣстромъ и Дунаемъ, но въ 679 году завоевавъ и всю Мизію, гдѣ жили многое Славяне, основалъ памъ сильное Государство Болгарское.

Представивъ Чилпашелю разселеніе народовъ Славянскихъ отъ моря Балтийскаго до Адріатическаго, отъ Эльбы до Судь-Морен и Азіи, скажемъ, что они, сильные ба-наро-домъ числомъ и мужествомъ, могли бы тогда, соединясь, овладѣть Европою; но, слабые Сла-ви-ни-скихъ отъ развлечений силь и несогласія, почши вездѣ утратили независимость, и только одинъ изъ нихъ, искущенный бѣдствіями, удивляетъ нынѣ міръ величіемъ. Другие, сохранивъ бытіе свое въ Германіи, въ древней Илліріи, въ Мизіи, повинуясь Властителямъ чужеземнымъ; а нѣкоторые забыли "ї" самый языкъ ошечесненный.

Теперь обратимся къ Исторіи Государства Россійскаго, основанной на преданіяхъ нашего собственнаго, древнійшаго Лѣтописца.

ГЛАВА II.

О Славянахъ и другихъ народахъ, составившихъ Государство Россійское.

Происхождение Славянъ Россійскихъ. Полавы. Радимичи и Вятачи. Древляне. Дулабы и Бужане. Лупичи и Тивирцы. Хорваты, Саверяне, Драговичи, Кричевы, Помошане, Славяне Новогородские. Киевъ. Изборскъ, Польскъ, Смоленскъ, Любечъ, Черниговъ. Финские или Чудские народы въ Россіи. Лашышские пароды. Междоусобія Славянъ Россійскихъ. Господство и гибель Обровъ. Козары. Вараги. Русь.

Неспоръ пишеть, что Славяне издревле обитали въ спиранныхъ Дунайскихъ, и вытѣсненные изъ Мизии Болгарами, а изъ Панноніи Волохами (донынѣ живущими въ Венгріи) перешли въ Россію, въ Польшу и другія земли⁶⁴. Сіе извѣстіе о первобытномъ жилищѣ нашихъ предковъ взято, кажется, изъ Византійскихъ Льшописцевъ, которые въ VI вѣкѣ узнали ихъ на берегахъ Дуная; однакожъ Неспоръ сказъ въ другомъ мѣстѣ говорить, что Св. Апостолъ Андрей — проповѣдя въ Скиѳіи имя Спасителя, пославши крестъ

на горахъ Кіевскихъ, еще ненаселенныхъ, и предсказавъ будущую славу нашей древней столицы — доходилъ до Ильменя и нашелъ шамъ Славянъ⁶⁵: следственno они, по собственному Несторову сказанию, жили въ Россіи уже въ первомъ сполѣпіи, и гораздо прежде, нежели Болгары утвердились въ Мизіи⁶⁶. Но вѣроятно, что Славяне, угнетенные ими, ощастливо вѣдѣствительно возвратились изъ Мизіи къ своимъ сѣвернымъ единоземцамъ; вѣроятно и то, что Волохи, потомки древнихъ Гепсовъ и Римскихъ всельниковъ Траянова времени въ Дакіи, уступивъ сю землю Гопеамъ, Гуннамъ и другимъ народамъ, искали убѣжища въ горахъ, и видя наконецъ слабость Аваровъ, овладѣли Трансильваниєю и частію Венгрии, где Славяне должны были покориться.

Можешь быть, еще за нѣсколько вѣковъ до Рождества Христова подъ именемъ Венедовъ известные на восточныхъ берегахъ моря Балтийскаго, Славяне въ то же время обитали и выше при Россіи; можешь быть Андрофаги, Меланхлены, Невры Геродотовы принадлежали къ ихъ племенамъ многочисленнымъ⁶⁷. Самые древние жители Дакіи, Гепсы, покоренные Траяномъ, могли быть нашими предками;

сіє міжніє шінь въроятніє, чи то въ Русскихъ скажахъ XII сполѣтія упоминаешся о счастливыхъ войнахъ Тралновыхъ въ Дакії, и чи то Славяне Россійскіе называли, кажеши, свое хлопосчисленіе ошь временъ сего мужественнаго Императора. Замѣнимъ еще какое-то древнее преданіе народовъ Славянскихъ, чи то праотцы ихъ имѣли дѣло съ Александромъ Великимъ, побѣдителемъ Геповъ⁶⁴. Но Историкъ не долженъ предлагать въроятностій за испину, доказываемую только ясными свидѣтельствами современниковъ. И такъ, оставляя безъ упвердительного решенія вопросъ: «о откуда и когда Славяне пришли въ Россію?» опишемъ, какъ они жили въ ней за долго до того времени, въ которое образовалось наше Государство.

Многіе Славяне, единоплеменные съ Ляхами, обитавшими на берегахъ Вислы, поселились на Днѣпрѣ въ Киевской Губерніи и назывались *Поллями* отъ числовыхъ ^{По-}_{лана} колей своихъ. Имя сіе исчезло въ древней Россіи, но сдѣлалось общимъ именемъ *Лаховъ*, основателей Государства Польского. Отъ сего же племени Славянъ были два Радибраты, Радимъ и Вишко, Главами Ради-^{мичи}_{и Ви-}шачей и Вишачей: первый избралъ себѣ личи-

жилище на берегахъ Сожа, въ Могилевской Губерніи, а впіорой на Окѣ, въ Кадомской, Тульской или Орловской. Древляне, названные такъ отъ лѣсной земли своей, обищали въ Волынской Губерніи; Дульбы и Бужане по рѣкѣ Бугу, впадающей въ Вислу; Лупичи и Тивирцы по Днѣспру до самаго моря и Дуная, уже Лу-шими города въ земль своей; Бѣлыя Хорна-и Ти-ши въ окресношахъ горъ Карпатскихъ; вирцы Сѣверяне, сосѣды Полянъ, на берегахъ Дес-ны, Семи и Сулы, въ Черниговской и Пол-Све-шавской Губерніи; въ Минской и Вицеб-ской, между Припетью и Двиною Запад-Дре-ною, Драговичи; въ Витебской, Псковской, Тверской и Смоленской, въ верховьяхъ Кри-Двинь, Днѣпра и Волги, Кривичи; а на-вичи. Двинъ, гдѣ впадаетъ въ нее рѣка Полопъ, Поло-единоплеменные съ ними Полочане; на бе-чане. регахъ же озера Ильменя собственно такъ Сла-называемые Славлне, которые послѣ Рождества Христова основали Новгородъ⁶⁰. Ново-город-Къ тому же времени Лѣтописецъ опис-ская. носитъ и начало Кіева, разскѣзыває съ-дующія обстоятельства: «Братыя Кій, Щекъ и Хорівъ, съ сестрою Лыбедью, жили между Полянами на широкъ горахъ, изъ коихъ две сливущъ, по имени двухъ, меньшихъ брашьевъ, Щековицей и Хори-

внѣшю; а спаршій жилъ шамъ, гдѣ
нынѣ (въ Неспорово время) Эборикъ
зазоръ. Они быви мужи знающіе и раз-
умные; ловили звѣрей въ шогдающихъ
гусиныхъ лѣсахъ Днѣпровскихъ, построи-
ли городъ и назвали оный именемъ спар-
шаго брата, п. е. Кіевыимъ. Неспорые
вчишаютъ Кія перевозчикомъ, ибо въ
старину бывъ на семъ мѣстѣ перевозъ
и назывался Кіевымъ; но Кій началь-
ствовалъ въ родѣ своемъ: ходилъ, какъ
всадывающій, въ Константинополь, и
онрилъ великую честь отъ Цара Грече-
скаго; на возвратномъ пути, увидѣвъ бе-
рега Дуная, полюбилъ ихъ, срубилъ го-
родокъ и хотѣлъ обитати въ немъ; но
жители Дунайскіе не дали ему шамъ
ушвердишься, и донынѣ именующіе сіе
мѣсто городищемъ Кіевцомъ. Онъ скон-
чался въ Кіевѣ, вмѣстѣ съ двумя братья-
ми и сестрою. Неспоръ въ повѣстиво-
ваніи своемъ основываєтъ единственно
на изустныхъ сказаніяхъ: ондаленный
многими вѣками ошъ слушаевъ, здѣсь опи-
саныхъ, могъ ли онъ ручаться за испи-
ту преданія, всегда обманчиваго, всегда
невѣрнаго въ подробностяхъ? Можетъ бытъ,
что Кій и братья его никогда въ самомъ
дѣлѣ не существовали, и что вымысль

народный обратилъ названія иѣспѣ, неизвѣстно отъ чего происшедшія, въ названія людей. Имя Кіева, горы Щековицы — нынѣ Скавицы — Хоривицы, уже забытой, и рѣчки Лыбеди, впадающей въ Днѣпръ не далеко отъ новой Кіевской крѣпости, могли подать мысль къ сочиненію басни о прехъ братьяхъ и сестрѣ ихъ: чему находимъ многіе примѣры въ Греческихъ и Сѣверныхъ повѣстований, копорые, желая написать народное любопытство, во времена невѣжества и легковѣрія, изъ географическихъ названій сосипавляли цѣлые Исторіи и Біографіи¹⁴. Но два обстоятельства въ семъ Неспоровомъ извѣстіи достойны особеннаго замѣчанія: первое, что Славяне Кіевскіе издревле имѣли сообщеніе съ Царемѣромъ, и вшорое, что они построили градокъ на берегахъ Дуная еще за долго до походовъ Россіянъ въ Грецію. Дулѣбы, Поляне Днѣпровскіе, Лутинчи и Тивирцы могли участвовать въ описанныхъ нами войнахъ Славянъ Дунайскихъ, споль ужасныхъ для Имперіи, и заимствованіе тамъ разныя благодѣтельныя изображенія для жизни гражданской.

Лѣтописецъ не объясняетъ времени, когда построены другіе Славянскіе, так-

же весьма древние города въ Россіи: Изъ-Изъ-
борскъ, Полоцкъ, Смоленскъ, Любечъ, Черніговъ; знаемъ ^{богомъ} штолько, что первые шрилоцкъ, основаны Кривичами и были уже въ де-
^{Смо-}
^{Ленскъ}
^{бечъ,}
вяшомъ вѣкѣ, а послѣдніе въ самомъ на-
чалѣ десятаго; но они могли существовать Чер-
вапъ и гораздо прежде. Черніговъ и Лю-
^{ин-}
^{гогъ}
бечъ принадлежали къ областямъ Сѣверянъ¹.

Кромъ народовъ Славянскихъ, по сказанию Нестора, жили тогда въ Россіи и многіе инонлеменные: *Меря* вокругъ Ро- Фин-
спова и на озерѣ Клещинѣ или Переслав- скіе
скомъ; *Мурома* на Окѣ, гдѣ сілъ рѣка впа- или Чуд-
даешь въ Волгу; *Черемиса*, *Мещера*, *Мордва*, скіе
на Юговоспокъ отъ Мери; *Ливъ* въ Ли- наро-
воніи; *Чудь* въ Эспоніи и на Востокѣ къ ды въ
Ладожскому озеру; *Нарова* памъ, гдѣ Нар- Рос-
ва; *Ямъ* или *Емъ* въ Финляндіи; *Весь* на сіа
Бѣльозерѣ; *Пермь* въ Губерніи сего имени; *Югра*, или нынѣшніе Березовскіе Остяки, на Оби и Сосѣ; *Петрова* на рѣ-
кѣ Печорѣ². Нѣкоторые изъ сихъ народовъ уже исчезли въ новѣйшія времена, или смѣшились съ Россіянами; но другіе существующіе и говорящіе языками споль между собою сходственными, что можемъ несомнѣнно признать ихъ, равно какъ и Лапландцевъ, Зырянъ, Остяковъ Обскихъ, Чувашъ, Вогуяковъ, народами

единоплеменными и назвать вообще *Финскими*¹³. Уже Тацишъ, въ первомъ спо-
льзіи, говорилъ о союзливыхъ съ Ве-
недами Финнахъ, которые жили издревле
въ полунощной Европѣ. Лейбницъ и новѣй-
ше Шведскіе Историки согласно думаюшъ,
что Норвегія и Швеція были нѣкогда на-
селены ими — даже самая Данія, по мнѣ-
нію Гроція. Опь моря Балтийскаго до
Ледовитаго, опь глубины Европейскаго
Сѣвера на Востокъ до Сибири, до Урала
и Волги, разсѣялися многочисленныя пле-
мена Финновъ. Не знаемъ, когда они въ
Россіи поселились; но не знаемъ также
и никого спаробытнѣ ихъ въ сѣверныхъ
и восточныхъ ея климатахъ. Сей народъ,
древній и многочисленный, занимавшій и
занимающій такое великое пространство
въ Европѣ и въ Азіи, не имѣлъ Испори-
ка, ибо никогда не славился побѣдами, не
отнималъ чуждыихъ земель, но всегда успу-
палъ свои: въ Швеціи и Норвегіи Гоп-
еамъ, а въ Россіи, можетъ быть, Славя-
намъ, и въ одной нищетѣ искалъ для се-
бя безопасности: «не имѣя» (по словамъ
Тациша) «ни домовъ, ни коней, ни ору-
жія; питалась правами, одѣвалась кожами
извѣриными, укрывалась опь непогодѣ подъ
исплещенными вѣшнями»¹⁴. Въ Таципо-

вомъ описаніи древнихъ Финновъ мы
узнаемъ отчасти и нынѣщихъ, особенно
же Лапландцевъ, кепорые отъ предковъ
своихъ наследовали и бѣдность и грубые
нравы, и мирную безопасность невѣжества.
»Не боясь ни хищности людей, ни гибели
«боговъ» (пишеть сей краснорѣчивый
Испорникъ) «они пріобрѣли самое рѣдкое
«въ мірѣ благо : счастливую отъ судьбы
«независимость!»

Но Финны Россійскіе, по сказанію на-
шего Лѣтописца, уже не были такими
грубыми, дикими людьми, какими описы-
ваютъ ихъ Римскій Испорникъ: имѣли не
только постоянныя жилища, но и горо-
да: Весь Бѣлоозеро⁷⁶, Мера Рословъ,
Мурома Муромъ. Лѣтописецъ, упоминая о
сихъ городахъ въ извѣстіяхъ IX вѣка, не
зналъ, когда они построены. — Древняя
Испорія Скандинавовъ (Датчанъ, Норвеж-
цевъ, Шведовъ) часпо говоришъ о двухъ
особенныхъ спранахъ Финскихъ, вольныхъ
и независимыхъ: Киріадандіи и Біармії.
Первая отъ Финскаго залива проспира-
ла до самаго Бѣлаго моря, вмѣщала въ
себѣ нынѣшнюю Финляндскую, Олонецкую
и чаопъ Архангельской Губерніи; грани-
чила на Востокѣ съ Біарміею, а на Сѣве-
розападѣ съ Квеландіею или Калніею⁷⁶.

Жишелъ ея беспокойли набѣгами земли
сосѣдственныхъ, и славились минимымъ вол-
шебствомъ еще болѣе, нежели храбро-
стю. Біармію называли Скандинавы всю
обширную страну отъ Сѣверной Двины
и Бѣлаго моря до рѣки Печоры, за кою
они воображали Іотунгеймъ, отчизну ужа-
совъ Природы и злого чародѣйства. Имя
нашей Перми есть одно съ именемъ древ-
ней Біарміи, которую составляли Архан-
гельская, Вологодская, Вятская и Перм-
ская Губерніи. *Исландскія поэзии наполнены* сказаниеми о сей великой Финской
области¹⁷; но баснословіе ихъ можетъ
быть любопытно для однихъ легковѣр-
ныхъ. Первое, дѣйствительно испораче-
ское свидѣтельство о Біарміи находимъ
въ путешесквіи Норвежского мореходца
Опера, который въ девятомъ вѣкѣ окру-
жилъ Нордъ-Капъ, доплыvalъ до самаго
устыя Сѣверной Двины, слышалъ отъ
жищелей многое о странѣ ихъ и земляхъ
сосѣдственныхъ, но сказываетъ един-
ственное то, что народъ Біармскій мно-
гочисленъ и говоришъ почти однимъ
языкомъ съ Финнами¹⁸.

Между сими иноплеменными народами,
жищелями или сосѣдами древней Россіи,
Неспоръ именуешь еще Лешголу (Ливон-

скихъ Лашышей), Зимгулу (въ Семигалии), Л-
Корсь (въ Курляндіи) и Липву, которые ^{шыши} не принадлежать къ Финнамъ, но вмѣстѣ на-^{дъ}
съ древними Пруссами сосуществующий на-
родъ Лашышскій⁷⁹. Въ языкѣ его нахо-
дится множества Славянскихъ, довольно
Готескихъ и Финскихъ словъ: изъ чего
основательно заключають Историки, что
Лашьши происходили отъ сихъ наро-
довъ. Съ великою вѣроятносшю можно
определить даже и начало бытія ихъ.
Когда Готы удалились къ предѣламъ
Имперіи, тогда Венеды и Финны заняли
юго-восточные берега моря Балтийскаго;
съшались тамъ съ оспашками перво-
бытныхъ жителей, и. е. съ Готами;
начали испреблять лѣса для хлѣбопаше-
ства и прозвалися Лашышами или оби-
тателями земель *расчищенныхъ*: ибо *ла-*
та знаменуетъ на языкѣ Липовскомъ
расчищеніе. Ихъ, кажеется, называлъ Го-
тландъ Видваріями, которые въ поло-
винѣ шестаго вѣка жили около Данцига,
и состояли изъ разныхъ народовъ⁸⁰: съ
чѣмъ согласно и древнее преданіе Лашы-
шей, увѣряющихъ, что ихъ первый Го-
сударь, именемъ Видвупъ; царствовалъ
на берегахъ Вислы, и тамъ образовалъ
народъ свой, который населилъ Липву,

Пруссію, Курляндію, Летландію, гдѣ онъ и донынѣ находился, и гдѣ, до самаго введенія Христіанской Вѣры, управлялъ имъ съверный Далай-Лама, главный судія и Священникъ Криве, жившій въ Прусскомъ мѣстечкѣ Ромовѣ⁸¹.

Многіе изъ сихъ Финскихъ и Лаптишскихъ народовъ, по словамъ Неспора, были данниками Россіянъ: должно разумѣть, что Лѣтописецъ говоритъ уже о своемъ времени, шо есть о XI вѣкѣ, когда предки наши овладѣли почти всею нынѣшнею Россіею Европейскою. До временъ Рюрика и Олега они не могли быть великими завоевателями, ибо жили особенно, по ко-
Меж- лѣнамъ; не думали соединять народныхъ доусо- силъ въ общемъ правленіи, и даже изнура-
Сла- ли ихъ войнами междуусобными. Такъ Не-
мѣцъ Рос- споръ упоминаетъ о нападеніи Древлянъ, сії- лѣсныхъ обитателей, и прочихъ окре-
скахъ. спныхъ Славянъ на тихихъ Полянъ Кіев-
скихъ, которые болѣе ихъ наслаждались выгодами состоянія гражданскаго, и мог-
ли быть предметомъ зависши. Люди грѣбые, полудикіе, не знающіе духа на-
роднаго, и хотящіе лучше вдругъ отнять, нежели медленно присвоить себѣ такія выгоды мирнымъ шрудолюбіемъ. Сие ме-
ждуусобіе предавало Славянъ Россійскихъ

въ жертву виѣшнимъ непріятелемъ. Обры Госили Авары, въ VI и VII вѣкѣ господствовали въ Дакія, повелѣвали и Дулѣбами, оби-
шавшими на Бугѣ; нагло оскорбляли цѣ. Об-
ломудріе жень Славянскихъ и впряженіи ро-
ихъ, вместо воловъ и коней, въ свои ко-
лесницы; но сіи варвары, великие тѣламъ
и гордые умомъ (пишетъ Несторъ), исче-
зли въ нашемъ опечеснѣи отъ моровой
язвы, и гибель ихъ долго была послови-
цею въ землѣ Русской⁸². — Скоро яви-
лись другіе завоеватели: на Югѣ Козары,
Варяги на Сѣверѣ.

Козары или Хазары, единоплеменные Коза-
сы Турками, издревле обитали на запад-
ной сторонѣ Каспійскаго моря, называе-
маго Хазарскимъ въ Географіяхъ Восточ-
ныхъ⁸³. Еще съ третьяго сполѣнія
они извѣстны по Арменскимъ лѣтопи-
сямъ: Европа же узнала ихъ въ четвер-
томъ вѣкѣ вместѣ съ Гуннами, между
Каспійскимъ и Чернымъ моремъ, на сме-
ниахъ Аспраханскихъ. Аппиала властиво-
валъ надъ ними: Болгары такжে, въ исходѣ V вѣка; но Козары, все еще сильные,
опускали между пѣмъ южную Азію,
и Хозрой, Царь Персидскій, долженъ быть
заѣгдапть отъ нихъ свои области огром-
ною спѣнною, славною въ лѣтописяхъ

подъ именемъ Кавказской, и домынѣ еще удивительною въ своихъ развалинахъ⁸⁴. Въ VII вѣкѣ они являются въ Испоріи Висанійской съ великимъ блескомъ и могуществомъ, даютъ многочисленное войско въ помощь Императору (кошорый изъ благодарности надѣлъ Діадиму Царскую на ихъ Кагана или Хакана⁸⁵, имевшую его сыномъ своимъ); два раза входяще съ нимъ въ Персию, нападающіе на Угровъ, Болгаровъ, ослабленныхъ раздѣломъ сыновей Кувратовыхъ, и покоряющіе всю землю отъ устья Волги до морей Азовскаго и Чернаго, Фанагорію, Воспоръ и большую часть Тавриды, называемой попрѣмъ нѣсколько вѣковъ *Козарією*⁸⁶. Слабая Греція не смѣла отражать новыхъ завоевателей: ея Цари искали убѣжища въ ихъ спанахъ, дружбы и родства съ Каганами; въ знакъ своего кѣни почтенія украшались въ нѣкошьгые торжественные дни одеждой Козарскою, и спрѣжу свою составили изъ сихъ храбрыхъ Азіатцевъ. Имперія въ самомъ дѣлѣ могла хвалиться ихъ дружбою; но оспавляя въ покое Константинополь, они свирѣпствовали въ Арmenіи, Иверіи, Мидіи; вели кровопролитныя войны съ Аравианами, тогда уже могущественными,

и нѣсколько разъ побѣждали ихъ съюз-
ническихъ Калифовъ.

Разсѣянныя племена Славянскія не-
сли проложившись тракту непрѣдѣлу,
когда они силу оружія своего въ исходѣ
VII вѣка, или уже въ VIII, обратили къ
берегамъ Днѣпра и самой Оки. Житѣли
Кievskie, Свѣрапе, Радимичи и Витичи
признали цадъ собою власль Каганову.
«Кievляне» пишетъ Несипоръ — «дали сво-
имъ завоевателямъ по мечу съ дыма, и
вмудрые спарцы Козарскіе въ гореспиномъ
предчувствіи сказали: мы будемъ данни-
ками сихъ людей: ибо мечи ихъ остры
и съ обѣихъ сторонъ, а наши сабли имълють
одно лезвие.» Басня изобрѣщенная уже въ
счастливѣйшія времена оружія Россійска-
го, въ X или XI вѣкѣ! По крайней мѣрѣ
завоеватели не удовольствовались мечами,
но обложили Славянъ иною данію, и бра-
ли, какъ говорить самъ Лѣтописецъ, по
былѣ съ дома: налогъ весьма есте-
ственный въ земляхъ съверныхъ, гдѣ
шерстяная одежда бываетъ одною изъ глав-
ныхъ попребносостей человѣка, и гдѣ про-
мышленоспѣшь людей ограничивалась толь-
ко необходимымъ для жизни. Славяне,
долго грабивъ за Дунаемъ владѣнія Гре-
ческія, знали цѣну золота и серебра; но

сіи мечтати еще не были въ народомъ употребленіи между ними. Козары искали золота въ Азіи, и получали его въ даръ отъ Императоровъ; въ Россіи же, боясь той единственно дикими произведеніями Нашуры, довольствовались подданствомъ жителей и добычею ихъ звѣриной ловли. Ию сихъ завоевателей, кажешел, не угнетало Славянъ: по крайней мѣрѣ Льшопинецъ нашъ, изобразивъ бѣдствія, прещерпывныя народомъ ёго отъ жестокости Обровъ, не говориши ничего подобнаго о Козарахъ. Все доказываешь, что они имѣли уже обычай граждансіе. Ханы ихъ жили издавна въ Балангіарѣ или Ашельѣ (богатой и многолюдной сполицѣ, основанной близъ Волжскаго устья Хозроемъ, Царемъ Персидскимъ), а посы въ знаменитой купеческвомъ Тавридѣ. Гуинны и другіе Азіанскіе варвары любили только разрушать города; но Козары требовали искусствыхъ зодчихъ отъ Греческаго Императора Феофила и построили на берегу Дона, въ нынѣшней землѣ Козаковъ, крѣпость Саркель для защиты владѣній своихъ отъ набѣга кочующихъ народовъ; вѣроатно, что *Каганова городище*, близъ Харькова, и другія, называемыя *Козарскими*, близъ Воронежа, суть также памят-

ники ихъ древнихъ, хотя и неизвѣстныхъ намъ городовъ. Бывъ сперва идолопоклонники, они въ осьмомъ сполѣшіи приняли Вѣру Іудейскую, а въ 858 Христіанскую⁶⁷.... Ужасая Монарховъ Персидскихъ, самыхъ грозныхъ Калифовъ, и покровительствую Императоровъ Греческихъ, Козары не могли предвидѣть, что Славяне, порабощенные ими безъ всякаго кровопролитія, испровергнувшъ ихъ сильную Державу.

Но могущество нашихъ предковъ на Югѣ должно было быть слѣдствіемъ подданства ихъ на Сѣверѣ. Козары не власпивали въ Россіи далѣ Оки: Новогородцы, Кривичи были свободны до 859 года. Тогда — замѣнімъ сіе первое хронологическое показаніе въ Несторѣ — какіе-то смѣлые и храбрые завоеватели, именуемые въ нашихъ лѣтописяхъ Варл-Варлами, пришли изъ-за Балтийскаго моря⁶⁸ и наложили дань на Чудь, Славянъ Ильменскихъ, Кривичей, Мерю, и хотя бывши чрезъ два года изгнаны ими, но Славяне, упомленные внутренними раздорами, въ 862 году снова призвали къ себѣ пирехъ братиевъ Варяжскихъ, опять *племени Рус-Русь скаго*, которые сдѣлались первыми Владицами въ нашемъ древнемъ отечествѣ.

співъ, и по копорымъ оно стало именоваться *Русью*⁸⁸. — Сie происшествіе важное, служащее основаніемъ Испоріи и величія Россіи, требуетъ отъ настъ особынаго вниманія и разсмотрѣнія всѣхъ обстоятельствъ.

Прежде всего рѣшимъ вопросъ: кого именуетъ Неспоръ Варягами? Мы знаемъ, что Балтийское море издревле называлось въ Россіи *Варяжскимъ*⁸⁹: кто же въ сіе время — шо еспь, въ девятомъ вѣкѣ — гоеподешвовалъ на водахъ его? Скандинавы; или жили трехъ Королевствъ, Данії, Норвегіи и Швеції, единоплеменные съ Гондемами. Они, подъ общимъ именемъ Нормановъ или *Сѣверныхъ людей*, громили тогда Европу⁹⁰. Еще Тацинъ упоминаетъ о мореходствѣ Свенновъ или Шведовъ; еще въ шестомъ вѣкѣ Датчане приплывали къ берегамъ Галин⁹¹: въ концѣ осьмаго слава ихъ уже вездѣ гремѣла, и флаги Скандинавскіе, развѣяваясь предъ глазами Карда Великаго, смиряли гордость сего Мозарха, копорый съ досадою видѣлъ, чго Норманы презирають власшь и силу его. Въ девятомъ вѣкѣ они грабили Шотландію, Англію, Францію, Андалузію, Испанію; утвердились въ Ирландіи и построили замы

города, которые должны существовать; въ 911 году овладѣли Нормандію; ваконецъ основали Королевство Неаполитанское, и подъ начальствомъ храбраго Вильгельма въ 1066 году покорили Англію. Мы уже говорили о древнемъ ихъ плаваніи вокругъ Нордъ-Капа или Сѣвернаго мыса: и вѣтъ, кажется, сомнѣнія, чибо они за 500 лѣть до Коломба открыли полуночную Америку и торговали съ ея жищеллми⁹². Предпринятая такія ожидаемыя путешесвія и завоеванія, могли ли Норманы оставить въ послѣдній спасеніи ближайшіе: Эстонію, Финляндію и Россию? Не лься, конечно, вѣрить Дашскому Историку Саксону Грамматику, именующему Государей, которые будто бы царствовали въ нашемъ битечествѣ прежде Рождества Христова и вошли въ родственные союзы съ Королями Скандинавскими⁹³: ибо Саксонъ не имѣлъ никакихъ историческихъ памятниковъ для описанія сей глубокой древности, и замѣнилъ ею вымыслами своего воображенія; не лься также вѣрить и басноподобившемъ Исландскимъ поэту Стильфри, сочинившемъ, какъ мы уже замѣтили, въ новѣйшія времена и не рѣко упоминающимъ о древней Россіи, которая назы-

ваелися въ нихъ Оспрагардомъ, Гардарин-
кією, Гольмгардомъ и Грецією: но Руан-
ческіе камни, находимые въ Швеціи, Нор-
вегії, Данії, и гораздо древнѣйшіе Хри-
стіанства, введенного въ Скандинавію око-
ло десятаго вѣка, доказываютъ своимъ
надписями (въ концѣ именуемся *Girkia*,
Grirkia или *Rossia*), что Норманы давно
имѣли съ ней сообщеніе⁹⁴. А какъ въ то
время, когда, по извѣстію Неспоровой
лѣтописи, Варяги съладѣли спранами Чу-
ди, Славянъ, Кривичей и Мери, не было
на Сѣверѣ другаго народа, кроме Сканди-
навовъ, супль отважнаго и сильнаго, чѣ-
бы завоевать всю обширную землю отъ
Балтийскаго моря до Ростова (жилища
Мери): что мы уже съ великою вѣроятно-
стію заключить можемъ, чѣто Лѣтопись,
сестъ наихъ разумѣетъ ихъ подъ именемъ
Варяговъ. Но сія вѣроятность обращает-
са въ совершенное удостовѣреніе, когда
прибавимъ къ неї слѣдующія обстоя-
тельства:

I. Имена трехъ Князей Варяжскихъ —
Рюрика, Синеуса, Трувора — призванныхъ
Славянами и Чудью, супль неоспоримо Нор-
манскія: шакъ въ лѣтописяхъ Франкскихъ
около 850 года — что доспѣйно замѣча-
мія — упоминающія о трехъ *Rorikachъ*:

одинъ названъ Въждемъ Датчанъ, другой Королемъ (Rex). Норманскимъ, третій просипо Норманомъ⁹⁵; они воевали берега Фландріи, Эльбы и Рейна. Въ Саксонѣ Грамматикѣ, въ Сигурлезонѣ и въ *Исландскихъ поэльстахъ*, между именами Князей и Вишлзей Скандинавскихъ, находимъ *Рурика, Рерика, Трувара, Труера, Сніо, Синія.* — II. Русскіе Славяне, будучи подъ владѣніемъ Князей Варяжскихъ, назывались въ Европѣ *Норманами*: чи то утверждено свидѣтельствомъ Ліупиранда, Кре-монскаго Епископа, бывшаго въ десятиломъ вѣкѣ два раза Посломъ въ Константинополь. «Руссовъ, говорилъ онъ, именуемъ и Норманами.» — III. Цари Греческіе имѣли въ первомъ-наицѣ вѣкѣ особенныхъ итьюхранищелей, которые назывались *Варягами*; Варягуго, а по своему Waringar, и состояли болышею частію изъ Нормановъ⁹⁶. Слово Vaete, Vara, есть древнєе Греческое и значилъ союзъ: полны Скандинавскихъ вишлзей, отправляясь въ Россію и въ Грецію искать счастія, могли именовать себя Варягами въ смыслѣ союзниковъ или товарищей⁹⁷. Сie нарицательное имя обратилось въ собственное. — IV. Константинъ Багрянородный, царствовавший въ десятиломъ вѣкѣ, описы-

валъ сосѣдственныя съ Имперіею земли, говорить о порогахъ Днѣпровскихъ и сообщаешь имена ихъ на *Славянскомъ* и *Русскомъ* языкахъ. Русокія имена, кажущіяся Скандинавскими: по крайней мѣрѣ не могутъ быть измѣнены иначе⁹³. — V. Законы, давные Варяжскими Князьями нашему Государству, весьма склонны съ Норманскими. Слова *Tiukъ*, *Vira* и прочія, которыя находятся въ *Русской Правде*, суть древнія Скандинавскія или Нѣмецкія (о чёмъ будеизъ говорицъ въ своемъ мѣстѣ). — VI. Самъ Неспоръ повѣствуетъ, что Варяги живутъ на морѣ Большомъ къ Западу⁹⁴, и что они разныхъ народовъ: Урмане, Свѣ, Англяне, Гопы. Первое имя въ особенности означаетъ Норвежцевъ, второе Шведовъ, а подъ Гопами Неспоръ разумѣетъ жителей Шведской Гопіи. Англяне же причислены имъ къ Варягамъ для того, чido они имѣли съ Норманами сославшися Варяжскую дружину въ Константинополь⁹⁵. И, такъ сказаніе нашего собственнаго Лѣтописца подтверждаетъ исторію, что Варяги это были Скандинавы⁹⁶.

Но сіе общее имя Датчанъ, Норвежцевъ, Шведовъ, не удовлетворяетъ любопытству Испорника: мы желаемъ знать,

какой народъ, въ особенности называемъ *Русью*, далъ отечеству нашему и первыхъ Государей и самое имя, уже въ концѣ девятаго вѣка спрашио для Имперіи Греческой? Напрасно въ древнихъ лѣтописяхъ Скандинавскихъ будемъ искать объясненія: шамъ нѣть ни слова о Рюрикѣ и братьяхъ его, прозванихъ власиловатъ надъ Славянами¹⁰²; однакожъ Историки находятъ основательныя причины думашь, что Неспоры Вараги-Русь обитали въ Королевствѣ Шведскомъ, гдѣ одна приморская область издавна именуется *Roskluo*, *Ros-lagen*¹⁰³. Жипели ея могли въ VII, VIII или IX вѣкѣ быть известны, въ земляхъ съсѣдственныхъ, подъ особеннымъ названіемъ, такъ же, какъ и Гопландцы, коихъ Неспоръ всегда оплещаешь отъ Шведовъ¹⁰⁴. Финны, имъя никогда съ *Ros-lagenомъ* болѣе сношения, не жили съ прочими спрапами Швеціи, доныпъ именуютъ естьхъ ея жипелей вообще *Rossami*, *Rotsami*, *Ruotsami*¹⁰⁵. — Сие мнѣніе основывающееся еще на любопытномъ свидѣтельствѣ исчорическомъ.

Въ Берлинскихъ Лѣтописяхъ, изданныхъ Дюшеномъ, между случалми 839 года описывается слѣдующее происшествіе¹⁰⁶: «Греческий Императоръ Феофиль прислахъ

»Пословъ къ Императору Франковъ, Людовику Благонравному, и съ ними людей, «которые называли себя *Rossami* (Rhos), за Короля своего Хаканомъ (или Гаканомъ), и привезжали въ Константинополь для заключенія дружеспленнаго союза съ Имперіею. Феофиль въ грамотѣ своей просилъ Людовика, чтобы онъ далъ имъ способъ безопасно возвращаться въ ихъ величества: ибо они бѣхали въ Константинополь чрезъ земли многихъ дикихъ, «варварскихъ и свирѣпыхъ народовъ: для чего Феофиль не хотѣлъ снова подвергнуть ихъ такимъ опасностямъ. Людовикъ, спрашивая сихъ людей, узналъ, что они принадлежатъ къ народу *Шведскому*. — Гаканъ былъ конечно однимъ изъ Владѣтелей Швеціи, раздѣленной тогда на маленькия области, и съдавъ о славѣ Императора Греческаго, вздумалъ отправить къ нему Пословъ.

Сообщимъ и другое мнѣніе съ его доказательствами. Въ Степенной Книгѣ XVI вѣка и въ некоторыхъ новѣйшихъ лѣтописяхъ сказано, что Рюрикъ съ братьями вышелъ изъ *Пруссіи*, где издавна назывались Курскій заливъ *Рускою*, съверный рукавъ Нѣмена или Мемеля *Рускою*, окрестности же ихъ *Порусьемъ*. Ва-

ряги-Русь могли переселиться туда изъ Скандинавіи, изъ Швеціи, изъ самаго Россагена, согласно съ извѣстіемъ древнійшихъ Лѣтописцевъ Пруссіи, увѣряющихъ, что ея первобытные жители, Ульмігены или Ульмігеры, были въ гражданскомъ сословіи образованы Скандинавскими выходцами, которые умѣли чишать и писать. Долго обишивъ между Лапшишами; они могли разумѣть языкъ Славянскій и швѣдъ удобѣче примѣнившись къ обычаямъ Славянъ Новогородскихъ. Симъ удовлетворительно изясняется, ошь чего въ древнемъ Новгородѣ одна изъ многоводнѣйшихъ улицъ называлась Прусскою. Замѣнимъ также свидѣтельство Географа Равенскаго: онъ жилъ въ VII вѣкѣ, и пишетъ, что близъ моря, гдѣ впадаетъ въ него рѣка Висла, есть ощечество *Роксоланъ*¹⁰⁷: думаюшъ, нашихъ Россовъ, коихъ владѣніе могло проспирать ошь Курскаго залива до устья Вислы. — Вероятношть оснастится вѣроятносшю: по крайней мѣрѣ знаемъ, что какой-то народъ *Шведскій* въ 839 году, слѣдователно еще до пришествія Князей Варяжскихъ въ землю Новогородскую и Чудскую, имѣовался въ Константинополь и въ Германіи *Россами*¹⁰⁸.

Предложивъ отвѣты на вопросы: *кто были Варяги вообще и Варяги - Русь въ особенности¹⁰⁹?* скажемъ мнѣніе свое о Несторовой Хронологіи. Не скоро Варяги могли овладѣть всею обширною спрашовою отъ Балтийскаго моря до Ростова, гдѣ сбывалъ народъ Мера; не скоро могли въ ней упвердиться, такъ, чтобы обложить всѣхъ жителей данью; не вдругъ могли Чудь и Славяне соединиться для изгнанія завоевателей, и всего труднѣе вообразить, чтобы они, освободивъ себя отъ рабства, немедленно захотѣли снова опираться во власть чужеземцевъ: но Лѣтописецъ объявляешьъ, что Варяги пришли отъ Балтийскаго моря въ 859 году, и чю въ 862 Варягъ Рюрикъ и братъ его уже княжили въ Россіи полуночной¹¹⁰!. Междоусобіе и внутренніе беспорядки открыли Славянамъ опасность и вредъ народнаго правленія; но не зная иного въ начиніе многихъ споѣшій, уже ли въ нѣсколько лѣтъ они возненавидѣли его и единодушно увѣрились въ пользу Самодержавія? Для сего надлежало бы, кажется, перемѣнившись обычаямъ и нравамъ; надлежало бы имѣть опышиносіе долговременную въ несчастіяхъ: но обычай и нравы не могли перемѣнившись въ два го-

да Варяжского правления; до концараго онъ, по словамъ Нестора, умѣли довольно спо-
ванись древними законами отщевъ сво-
ихъ. Что вооружило ихъ противъ Нор-
маннскаго завоевателей? любовь къ неза-
висимости — и вдругъ сей народъ пребу-
енгъ уже Власиимелей?.. Испорюкъ
долженъ по крайней мѣрѣ изъявить со-
мѣнѣе и признать вѣроятною мысль въ,
кошорыхъ ученьихъ мужей, полагающихъ,
что Норманы рагве 859 года брали дань
съ Чуди и Славянъ¹¹¹. Какъ Несторъ могъ
знать годы проицесій за 200 и болѣе
лѣтъ до своего времени? Славяне, по его
же изъявленію, логда еще не вѣдали упо-
щребленія буквъ¹¹²: съдѣсивенно онъ не
имѣлъ никакихъ письменныхъ памятни-
ковъ для нашей древней Испории, и счи-
талъ годы со временемъ Императора Ми-
ханла, какъ самъ говорилъ, для того, что
Греческіе Лѣтописцы относятъ первое
нашесливіе Россіянъ на Константинополь
къ Михаилу царствованію¹¹³. Изъ сего
едва ли не должно заключить, что Несторъ по одной догадкѣ, по одному вѣ-
роятному соображенію съ извѣстіями Ви-
сантийскими, хромологически расположилъ
начальные проицесіи, въ своей лѣто-
писи. Самая краткость его въ описаніи

временъ Рюриковыхъ и слѣдующицъ за-
еправляепъ думать, чи по онъ говориши о
шомъ единственно по изустыннымъ преда-
віямъ, всегда немногословнымъ. Тѣмъ до-
стовѣрнѣе сказаніе нашего Лѣтописца
въ разсужденіи главныхъ случаевъ: ибо
сія країкоспѣвъ доказываєтъ, что онъ не
хотѣлъ прибѣгать къ вымысламъ; но лѣ-
тописченіе дѣлаєтся сомнительнымъ. При
Дворѣ Великихъ Князей, въ ихъ дружинѣ
ошибкой и въ самомъ народѣ должен-
ствовала храниться память Варяжскаго
завоеванія и первыхъ Государей Россіи;
но вѣролічно ли, чтобы спарцы и Бояре
Княжескіе, коихъ рассказы служили, мо-
жетъ бытъ, основаніемъ нашей древнѣй-
шой лѣтописи, умѣли съ точностию опре-
дѣлить годъ каждого случая? Положимъ,
чио языческіе Славяне, замѣчая лѣти-
ками вибудь знаками, имѣли вѣрию Хро-
нологію¹⁴⁴: одно ея соображеніе съ Хро-
нологіею Византійскою, принятою ими
вмѣстѣ съ Христіанствомъ, не могло ли
ввесити нашего первого Лѣтописца въ
ошибку? — Впрочемъ мы не можемъ за-
мѣнить лѣтописченія Несторова другимъ
вѣрѣшимъ; не можемъ ни рѣшильно
опровергнуть¹⁴⁵, ни исправить его, и для
того, оглядя сюзову во всѣхъ случаяхъ,

начинаясь Исторію Государства Россійскаго съ 862 года.

Но прежде должно имѣть понятие о древнемъ характерѣ народа Славянскаго сообще, чтобы Исторія Славянъ Россійскихъ была для насъ и лонѣ и любопытна. Воспользуемся извѣстіями современныхъ Византійскихъ и другихъ, не менѣе достовѣрныхъ Лѣтописцевъ, прибавивъ къ нимъ сказанія Несшоровы о нравахъ предковъ нашихъ въ особенности.

ГЛАВА III.

О ФИЗИЧЕСКОМЪ И ПРАВСТВЕННОМЪ ХАРАКТЕРѢ СЛАВЯНЪ ДРЕВНИХЪ.

Ихъ природное сложеніе и свойства: храбрость, хитрость, жестокость, добродушіе, гостепріимство. Брачное членомудріе. Жены и деви. Иравы Славянъ Россійскихъ въ особенности. Жилища. Слововодство и землемѣріе. Пища, одѣждь. Торговля. Искусства: зодчество, музыка, пляска, игры. Счислениe. Имена исклѣдевъ. Правосудие. Вѣра. Языкъ и грамота.

Не только въ спосѣніяхъ гражданскаго образования, въ обычаяхъ и нравахъ, въ душевныхъ силахъ и способностяхъ ума,

но и въ самыихъ пѣлесныхъ свойствахъ видимъ такое различіе между народами, что остроумійший Писатель XVIII вѣка, Вольшеръ, не хотѣлъ вѣришь ихъ общему происхожденію отъ единаго корня или племени. Другіе, конечно спроведливѣ и сообразище съ нашими Священными преданіями, изъясняющъ сіе несходство дѣйствіемъ разныхъ климатовъ и естественныхъ, невольныхъ привычекъ, копорыя отъ онаго рождаются въ людяхъ. Если два народа, обитающіе подъ вліяніемъ одного неба, представляющіе намъ великое различіе въ своей наружности и въ физическихъ свойствахъ: то можемъ смѣло заключить, что они не всегда жили сопредѣльно. Климатъ умеренный, не жаркій, даже холодный, способствуя долголѣтію, какъ замѣчалъ Медики, благопріяшшую и крѣпости сослава и дѣйствію сиѣ пѣлесныхъ. Обитатель южнаго Пояса, пломимый зноемъ, отдыхаєтъ болѣе, нежели трудится, — слабѣетъ въ ногѣ и въ праздности. Но житель центральныхъ земель любитъ движение, согрѣвая имъ кровь свою; любить двинутность; привыкаетъ сносить частныя перемѣны воздуха; и терпимъ укрѣпляется. Таковы были

древніе Славяне по описанію современ-
ныхъ Историковъ, которые согласно изо-
бражаютъ ихъ бодрыми, сильными, и не Сло-
вомъ имъмыми. Презирая непогоды, свой-
ственная климату съверному, они сно-
сили голодъ и всякую нужду; пипались
самою грубою, сырою пищею; удивили
Грековъ своею быстротропою; съ чрезави-
чайною легкостью всходили на крутизны,
спускались въ разсыпни; смѣло бросались
въ опасныя болота и въ глубокія рѣки.
Думая бесь сомній, что главная красо-
та мужа еснъ крѣпость въ жалѣ, сила
въ рукахъ и лѣгкость въ движеніяхъ, Сла-
вяне мало зеклися о своей наружности:
и въ грязи, въ пыли, безъ всякой опрятно-
сти въ одѣждѣ, являлись во многочислен-
номъ собраніи людей. Греки, осуждая сю-
нечистину¹¹⁶, хвалияи ихъ спрѣвосинъ,
высокій ростъ и мужественную пріят-
носинъ лица. Загарая отъ жаркихъ лучей
солнца, они казались смуглыми, и все
безъ исключенія были русые, подобно дру-
гимъ кореннымъ Европейцамъ. — Сіе изобра-
женіе Славянъ и Алановъ основано на
свидѣтельствахъ Прокопія и Маврикія, ко-
торые знали ихъ и въ VI вѣкѣ¹¹⁷.

Извѣсите Йорданда о Венедакъ, безъ ве-
ликаго труда покоренныхъ въ IV вѣкѣ

Храб-Гонескимъ Царемъ Эрманарихомъ, пока-
росни. зываешь, ч то они еще не славились то-
гда воинскимъ искусствомъ. Послы оши-
ленныхъ Славянъ Бальпійскихъ, ушедшихъ
изъ Баянова сіана во Фракію, такжे опи-
сывали народъ свой тихимъ и миролю-
бивымъ¹¹⁸; но Славяне Дунайскіе, оспа-
вивъ свое древнее ощечество за Сѣверъ,
въ VI вѣкѣ доказали Грекамъ, ч то храб-
ростъ была ихъ природнымъ свойствомъ,
и ч то она съ малою опытноснію пор-
ажалася въ искусствомъ долголѣт-
нимъ. Нѣсколько времени Славяне убѣгали
сраженій въ открытихъ поляхъ и боя-
лись врѣпоспѣй¹¹⁹; но узнавъ, какъ ряды
Легіоновъ Римскихъ могущъ быть разры-
ваемы нападеніемъ быстрымъ и смѣльимъ,
уже нигдѣ не отказывались отъ битвы,
и скоро научились братъ мѣсна укрѣ-
пленыя. Греческія лѣтописи не упоми-
наютъ ни объ одномъ главномъ или об-
щемъ Полководцѣ Славянъ: они имѣли
Вождей только частныхъ; сражались не
спѣною, не рядами сокрушимыми, но по-
лками разъѣзжими, и всегда пѣши, слѣ-
дя не общему вѣтвию, не единой мысли
вачальника, а внушенію своей особенной,
личной смѣлости и мужества; не знал
благородной оспорожности, которая

предвидитъ опасность и бережетъ людей, но бросаясь прямо въ средину враговъ. Чрезвычайная отважность Славянъ была столь извѣстна, чѣмъ Хань Аварскій всегда спавилъ ихъ впереди своего многочисленнаго войска, и сіи люди не-успрашивы, видя иногда измѣну хи-шрыхъ Аваровъ, гибли съ ощущенiemъ. — Византійскіе Испорики писали, чѣмъ Славяне, сверхъ ихъ обыкновенной храбрости, имѣли особенное искусство биться въ ущельяхъ, скрывавшися въ праѣ, изумляющъ непріятелей мгновеннымъ нападенiemъ и браѧть ихъ въ плѣнъ. Такъ знаменитый Велисарій, при осадѣ Авксина, избралъ въ войскѣ своеимъ Славянина, чтобы схватить и представить ему одного Гопеа живаго. Они умѣли еще долгое время таинствъ въ рѣкахъ и дышать свободно посредствомъ сквозныхъ проселей, выставляя конецъ ихъ на поверхность воды. — Древнєе оружіе Славянское состояло въ мечахъ, дротикахъ, срѣлахъ намазанныхъ ядомъ, и въ большихъ, весьма пляжелыхъ щипахъ¹²⁰.

Храбрость, всегда знаменитое свойство народное, можетъ ли въ людяхъ полуничихъ основываться на одномъ славолюбіи, сродномъ только человѣку образован-

вому? Скажемъ смѣло, чибо она была въ мірѣ злодѣйствомъ прежде, нежели обратилась въ добродѣтель, которая утверждала благоденствіе Государства: хищность родила ее, корыстолюбіе писало. Славяне, ободренные воинскими успѣхами, чрезъ вѣкопюре время должны были открыть въ себѣ гордость народную, благородный источникъ дѣла славныхъ: опять-таки Лавришаса Послу Балнову доказываетъ уже сю великолушную гордость¹²¹; но чибо могло сначала вооружить ихъ противъ Римлянъ? Не желаніе славы, а желаніе добычи, которою пользовались Гопы, Гунны и другіе народы: ей жертвовали Славяне своею жизнью, и никакимъ другимъ варварамъ не успупали въ хищности. Поселене Римскіе, слыша о переходѣ войска ихъ за Дунай, оспаляли дома и спасались бѣгствомъ въ Константинополь со всемъ имѣніемъ; шуда же спѣшили и Священники съ драгоценною упварію церковною¹²². Иногда, гонимые сильнейшими Легіонами Имперіи, и не имѣя надежды спасти добычу, Славяне бросали ее въ пламя, и врагамъ своимъ оставляли на пушки однѣ кучи пепла. Многіе изъ нихъ, не боясь поиска Римлянъ, жили на полуденныхъ берегахъ Ду-

ная въ пусшихъ замкахъ или пещерахъ, грабили селевія, ужасали земледѣльцевъ и пушепесивниковъ¹²³. — Лѣтописи VI вѣка изображаюшъ самыми черными красками жестокость Славянъ въ разсужде-Же-
ніи Грековъ¹²⁴; но сія жестокость, свой-
ственная впрочемъ народу необразован-
ному и воинственному, была также и дви-
гаемъ месни. Греки, озлобленные ихъ
частыми нападеніями, безжалостно тер-
зали Славянъ, копорые попадались имъ
въ руки, и копорые сносили всякое испы-
таніе съ удивительною твердоспію, безъ
вопля и спона; умирали въ мукахъ и не
отвѣтствовали ни слова на распросы
врага о числѣ и замыслахъ войска ихъ¹²⁵. —
Такимъ образомъ Славяне свирѣпствовали
въ Имперіи и не щадили собственной
крови для приобрѣтенія драгоцѣнностей,
имъ ненужныхъ: ибо они — вмѣсто то-
го, чтобы пользоваться ими — обыкно-
венно зарывали ихъ въ землю¹²⁶.

Сіи люди, на войнѣ жестокіе, оспа-
вали въ Греческихъ владѣніяхъ долговре-
менную память ужасовъ ея, возвращались
домой съ однимъ своимъ природнымъ до-До-
бродушіемъ. Современный Историкъ го-брон-
воритъ, что они не знали ни лукавства,
ни злости¹²⁷; хранили древнюю проспо-

ицу нравовъ, неизвѣстную тогдашнимъ Грекамъ; обходились съ плѣнными дружелюбно и назначали всегда срокъ для ихъ рабства, отдавая имъ на волю, или выкупить себя и возвращинсья въ отечество, или жить съ ними въ свободѣ и братствѣ.

Споль же единогласно хвалишъ лѣпо-
писи общее господріимство Славянъ, рѣд-
кое въ другихъ земляхъ и донынѣ весьма
обыкновенное во всѣхъ Славянскихъ: такъ
слѣды древнихъ обычаевъ сохраняюшся
въ печеніе многихъ вѣковъ, и самое от-
даленное потомство наслѣдуешъ иравы
своихъ предковъ. Всякой путешеспен-
никъ былъ для нихъ какъ бы священ-
нымъ: вспрѣчали его съ ласкою, угощали
сь радосшию, провожали съ благослове-
ніемъ и сдавали другъ другу на руки. Хо-
зяинъ опившиспвалъ народу за безопа-
сность чужеземца, и кто не умѣлъ сбе-
речь госпя отъ бѣды или непріятности,
шому мспили соуды за сіе оскорблениіе
какъ за собственное¹²⁸. Славянинъ, выхо-
дя изъ дома, осипавлялъ дверь опворен-
ную и пищу головную для спранника.
Купцы, ремесленники охопно посыпали
Славянъ, между кошорыми не было для
нихъ ни воровъ, ни разбойниковъ¹²⁹; но

бѣдному человѣку, не имѣвшему способа хорошо угостить иносприанца, позволялось украсить все нужное для шого у сѣда богатаго: важный долгъ господримства оправдывалъ и самое преступленіе. Не лья видѣть безъ удивленія сю кромкую добродѣтель — можно сказать — обожаемую людьми споль грубыми и хищными, каковы были Дунайскіе Славяне: Но если и добродѣтели и пороки народные всегда происходили отъ нѣкоторыхъ особенныхъ обстоятельствъ и случаевъ, то не можно ли заключить, что Славяне были нѣкогда облагощорены иносприантами; что признательность вселила въ нихъ любовь къ господримству, а время обратило его въ обыкновеніе и законъ священный?.. Здѣсь представляюшися мыслы нашимъ славяне Финикийне, которые за нѣсколько вѣковъ до Рождества Христова могли шорговать съ Балтийскими Венедами, и быть ихъ наспавниками въ счастливыхъ изобрѣшеніяхъ ума гражданскаго¹⁵⁰.

Древніе Писатели хвалили цѣломудріе Брачне шолько женъ, но и мужей Славянскихъ.
Требуя отъ невѣстъ доказательства ихъ мудрости въ царственной непорочности, они считали за свалную для себя обязанность бывать

и вѣрными супругами¹³¹. Славянки не хотѣли переживать мужей, и добровольно сожигались на кострѣ съ ихъ трупами. Вдова живая безчестила семейство. Думаютъ, что сіе варварское обыкновеніе, истребленное только благодѣтельнымъ ученіемъ Христианской Вѣры, введено было Славянами (равно какъ и въ Индіи) для отвращенія шайныхъ мужеубийствъ: оспорожность ужасная не менѣе самаго злодѣянія, которое предупреждалось ею!

Женщины считали женъ совершенными рабами, во всякомъ случаѣ безопытными; не дозволяли имъ ни пропиворѣчить себѣ, ни жаловаться; обременяли ихъ трудами, заботами хозяйственными, и воображали, что супруга, умирая вмѣстѣ съ мужемъ, должна служить ему и на томъ свѣти. Сіе рабство женъ происходило, кажется, отъ того, что мужья обыкновенно покупали ихъ: обычай доныне соблюденій въ Иллирии¹³². Удаленныя отъ дѣлъ народныхъ, Славянки ходили иногда на войну съ опцами и супругами, не боясь смерти: такъ при осадѣ Константинополя въ 626 году Греки нашли между убийцами Славянами многіе женскіе трупы¹³³. Машь, воспинивал дѣлѣй, гонозила ихъ бышь воинами и непримиримыми врагами

шыхъ людей, которые оскорбили ея ближнихъ: ибо Славяне, подобно другимъ народамъ языческимъ, спыдились забывать обиду. Страхъ неумолимой мести оправдывалъ иногда злодѣянія: въ случаѣ убийства не только самъ преступникъ, но и весь родъ его безпрепятственно ожидалъ своей гибели отъ дѣлъ убившаго, который требовали крови за кровь¹⁵⁴.

Говоря о жестокихъ обычаяхъ Славянъ языческихъ, скажемъ еще, что всякая матери имѣла право умертвить новорожденную дочь, когда семейство было уже слишкомъ многочисленно, но облизывалась хранить жизнь сына, рожденнаго служить отечеству¹⁵⁵. Сему обыкновенію не уступало въ жестокости другое: право дѣлъ умерщвлять родителей, обремененныхъ спаростью и болѣзнями, шагосипныхъ для семейства и бесполезныхъ согражданамъ¹⁵⁶. Такъ народы самые добродушные, безъ правиль ума образованаго и Вѣры испинной, съ спокойною совѣстю могущъ ужасать Природу своими дѣлами, и превосходить звѣрей въ лютости! Сіи дѣлъ, слѣдя общему примѣру какъ закону древнему, не считали себя извергами: они, напротивъ этого, славились почтеніемъ къ родителямъ,

и всегда пеклись объ ихъ благосостояніи¹³⁷.

Нравы Славянъ прибавимъ, что Неспоръ особенно говориши о нравахъ Славянъ Российскихъ. Поляне были образованіе другихъ, кромѣ скандинавовъ и шведовъ обычаемъ; спыдливость украшала ихъ женъ; бракъ издревле считался святымъ обязанностю между ими; миръ и цѣломудріе господствовали въ семейныхъ сплахахъ. Древляне же имѣли обычай дикие, подобно звѣрямъ, съ коими они жили среди лѣсовъ племенныхъ, пышащихъ всякою нечистопочтою; въ расприяхъ и ссорахъ убивали другъ друга; не знали браковъ, основанныхъ на взаимномъ согласіи родителей и супруговъ, но уводили или похищали девицъ. — Сѣверяне, Радимичи и Вялчиши уподоблялись нравами Древлянамъ; также не вѣдали ни цѣломудрія, ни союзовъ брачныхъ; но молодые люди обоего пола сходились на игрища между селеніями: женихи выбирали невѣстъ, и безъ всякихъ обрядовъ соглашались жить съ ними вмѣстѣ; многоженство было у нихъ въ обыкновеніи¹³⁸.

Сіи при народа, подобно Древлянамъ, обитали во глубинѣ лѣсокъ, которыхъ были ихъ защищено отъ непріятелей и пред-

ставали имъ удобноспѣ для звѣриной ловли¹³⁹. То же самое говориша Исторія VI вѣка о Славянахъ Дунайскихъ. Они ешюрили бѣдныя свой хижини въ мѣстахъ дикихъ, уединенныхъ, среди болотъ и не-проходимыхъ, такъ, что иностраницъ не могъ пушечествовать въ ихъ землѣ безъ вожашаго. Безпреснано ожидая врага, Славяне брали еще и другую предоспѣрожноспѣ: дѣлали въ жилищахъ своихъ разные выходы, чѣобъ имъ можно было, въ случаѣ нападенія, тѣмъ скорѣ спасиша бѣгствомъ, и скрывали въ глубокихъ ямахъ не только всѣ драгоцѣнныя вещи, но и самый хлѣбъ.

Ослѣпленные безразсуднымъ корыстолюбiemъ, они искали мнимыхъ сокровищъ въ Греціи, имѣя въ странѣ своей, въ Дакіи и въ окрестностяхъ ея, испинное богатство людей¹⁴⁰: плучные луга для скотоводства и земли плодоносныя для хлѣбаопашства, въ коемъ они издревле упражнялись, и которое выведо ихъ — можешъ быти, еще за вѣсмъ вѣковъ до Рождества Христова — изъ дикаго, кочеваго со-стоянія: ибо сie благодѣтельное искусство было вездѣ первымъ шагомъ человѣка къ жизни гражданской, вселило въ него привязанность къ одному мѣсту и-

къ домашнему крову, дружесиво къ со-
сѣду и наконецъ самую любовь къ оце-
чеславу. — Думаюшъ, что Славяне узнали
скошоводство только въ Дакіи; ибо сло-
во *пастырь* есть Лапшинское, слѣдовател-
но заимствованное ими отъ жителей сей
земли, гдѣ языкъ Римлянъ былъ въ упо-
щреблѣніи⁴¹; но сія мысль кажущаяся не-
основательною. Будучи въ сѣверномъ
своемъ, ощечеславъ соѣдами народовъ Гер-
манскихъ, Скиескихъ и Сарматскихъ, бо-
гатыхъ скотоподѣломъ, Венеды или
Славяне должны были издревле вѣдаль-
сѧ важное изображеніе человѣческаго хо-
зяйства, едва ли не вездѣ предупредившее
науку землемѣлія. — Пользались уже пѣмъ
и другимъ, они имѣли все нужное для
человѣка; не боялись ни голода, ни сви-
рѣпостей зимы: пола и животный да-
вали имъ пищу и одежду. Въ VI вѣкѣ
Славяне питались просомъ, гречихою и
молокомъ; а послѣ выучились готовить

Пышные вкусы яствы, не жалѣя ничего
для веселаго угощенія друзей, и доказы-
вая въ шакомъ случаѣ свое радушіе изо-
бильною трапезою: обыкновеніе, еще и
нынѣ наблюдаемое попомѣромъ Славян-
скимъ. Медъ былъ ихъ любимымъ пи-
щемъ; вѣролѣбно, что они сначала дѣлали

его изъ меду лѣсныхъ, дикихъ пчель; а наконецъ и сами разводили ихъ¹⁴². — Венеды, по извѣстію Тацишову, не опиливались одеждою ольгъ Германскихъ нар. Одевались; и. е. сдава закрывали наготу свою.¹⁴³ Славяне въ VI вѣкѣ сражались безъ кафтановъ, нѣкоторые даже безъ рубахъ, въ однихъ порткахъ. Кожи звѣрей, лѣсныхъ и домашнихъ, согрѣвали ихъ въ холодное время. Женщины носили длинное платье, украшавшее бисеромъ и мешаллами, добыванными на войнѣ или вымѣненными у купцовъ иностранныхъ¹⁴⁴.

Си купцы, пользуясь совершенною безопасносстю въ земляхъ Славянскихъ, привозили имъ товары и мѣняли ихъ на скопье, полотно, кожи, хлѣбъ и разную Торжинскую добычу. — Въ VIII вѣкѣ Славяне сами Ѣздили для купли и продажи въ чужія земли. Карлъ Великій поручилъ торговлю съ ними въ Нѣмецкихъ городахъ особенному надзиранию своихъ чиновниковъ¹⁴⁵. Въ среднихъ вѣкахъ прѣдѣли уже нѣкоторые торговые города Славянскіе: Виницша или Юлинъ¹⁴⁶ при устьѣ Одера, Аркона на островѣ Рюгенѣ, Деминъ, Вомбаспѣ въ Поммераніи и другіе. Первую описываетъ Гельмольдъ слѣдующимъ образомъ: «Тамъ, где рѣка Одеръ впадаетъ въ море

Балтийское, славилась нѣкогда Виннепа, лучшая пристань для народовъ сосѣдственныхъ. О семъ городѣ рассказываютъ много удивительного; уверяюшъ, что онъ превосходилъ величиемъ всѣ иные города Европейскіе... Саксонцы могли изобиловать въ немъ, но держали вспашку Христіанскую Вѣру свою: ибо вграждане Виннепы усердно следовали обрядамъ языческимъ; впрочемъ не успевали никакому народу въ честности, добронравіи и масковомъ господствіи. Обогащенная товарами разныхъ земель, Виннепа изобиловала всѣмъ пріятнымъ и рѣдкимъ. Повѣстуюшъ, что Король Датскій, пришедший съ флотомъ сильнымъ, разрушилъ ее до основанія; но и нынѣ — п. е. въ XII вѣкѣ — существующіе воспашки сего древнаго города. Впрочемъ торговля Славянъ, до введенія Христіанства въ ихъ земляхъ, состояла только въ обмѣнѣ вещей: они не употребляли денегъ и брали золото опль чужесправдевъ единственно какъ товаръ¹⁴⁶.

Бывъ въ Имперіи, и видѣвъ собственными глазами изящныя творенія Греческихъ художествъ, наконецъ спросилъ города и занималась торговлю, Славяне имѣли нѣкоторое понятие объ искусствахъ, сое-

дивенныхъ съ первыми успѣхами разума гражданскаго. Они вырѣзывали на деревѣ образы человѣка, птиць, звѣрей, и красили ихъ разными цвѣтами, копорые не измѣнялись отъ солнечнаго жара и не смывались дождемъ. Въ древнихъ могилахъ Вендскихъ нашлися многія глиняныя урны, весьма хорошо сдѣланныя, съ изображеніемъ львовъ, медведей, орловъ, и покрытыя лакомъ; такжে копья, ножи, мечи, кинжалы, искусно выработанные, съ серебряною оправою и насѣчкою¹⁴⁷. Чехи за долго до временъ Карла Великаго занимались уже рудокопаніемъ¹⁴⁸, и въ Герцогствѣ Мекленбургскомъ, на южной сплошнѣ Толлензскаго озера, въ Прильвицѣ, найдены въ XVII вѣкѣ мѣдные испукины боговъ Славянскихъ, работы ихъ собственныхъ художниковъ, копорые впрочемъ не имѣли понятія о красошѣ металлическихъ изображеній, опливая голову, спань и ноги въ разныя формы, и весьма грубо¹⁴⁹. Такъ было и въ Греціи, гдѣ во времена Гомеровы художники уже славились валиніемъ, но еще долго не умѣли опливать статуй въ одну форму. — Памятникъ каменосѣчнаго искусства древнихъ Славянъ осталась большія, гладко обдѣленныя плинты, на коихъ выдолблены

изображения рука, цапль, копытъ и проч.

Любя воинскую дѣятельность и подвергая жизнь свою беспредельнымъ опасностямъ, предки наши мало усматривали въ Зодчес-Зодчествѣ, лиребующемъ времени, досуга, спаса шерпнія, и не ютили сиротинъ себѣ домовъ прочныхъ: не только въ неспокойствѣ вѣкѣ, но и гораздо послѣ обитали въ плашахъ, которые ёдва укрывали ихъ отъ непогодъ и дождя. Самые города Славянские были не чище иное, какъ собраніе хижинъ, окруженнѣхъ заборомъ или землянымъ валомъ. Тамъ возвышались храмы идоловъ, не такія великолѣпныя зданія, какими гордились Египетъ, Греція и Римъ, но большия деревянные кровы¹⁵⁰. Венеды называли ихъ *Гонтиками*, отъ слова *гонти*, донынѣ означающаго на Русскомъ языке особенный родъ тесницъ, употребляемыхъ для кровли домовъ.

Не зналъ выгодъ роскоши, которая сопровождає палаты и выдумывается блестящія наружныя украшенія, древніе Славяне въ низкихъ хижинахъ своихъ умѣли наслаждаться дѣйствиемъ шакъ называемыхъ Искусствъ Изящныхъ. Первая нужда людей есть пища и кровь, впоряда удовольствіе — и самые дикие народы ищутъ

его въ согласіи звуковъ, веселящихъ душу и посредствомъ слуха. Сѣверные Венеды въ шестомъ векѣ сказывали Греческому Императору, что главное услажденіе жизни ихъ есть музыка, и что они берутъ обыкновенно въ путь съ собою не оружіе, а киеары или гусли, ими выдуманныя¹⁵¹. Волынка, гудокъ и дудка были также извѣстны предкамъ нашимъ: ибо всѣ народы Славянскіе донынѣ любятъ ихъ. Не только въ мирное время и въ отчизнѣ, но и въ набѣгахъ своихъ, въ виду многочисленныхъ враговъ, Славяне веселились, пѣли и забывали опасности. Такъ Прокопій, описывая въ 592 году ночное нападеніе Греческаго Вождя на ихъ войско, говорилъ, что они усыпили себя пѣснями и не взяли никакихъ мѣръ осмотрюности. Нѣкоторыя народныя пѣсни Славянскія въ Лаузицѣ, въ Люнебургѣ, въ Далмациѣ, кажутся древними¹⁵²: также и спаринные припѣвы Русскихъ, въ коихъ величаются имена боговъ языческихъ и реки Дуная, любезнаго нашимъ предкамъ, ибо на берегахъ его искусились они никогда въ воинскомъ счастіи. Вероятно, что сіи пѣсни, мирныя въ первобытномъ отечествѣ, Венедовъ, еще не знавшихъ славы и побѣды, обращались въ воинскія,

когда народъ ихъ приближился къ Имперіи, и вспутилъ въ Дакію; вѣроятно, что онъ воспламеняли сердца огнемъ мужества, представляли уму живыя картины бывшъ и кровопролитія, сохраняли память дѣлъ великодушія, и были въ нѣкопоромъ смыслѣ древнѣйшею Испоріею Славянскою. Такъ вездѣ рождалось Спиритуальное слово, изображая главныя склонности народныя; такъ пѣсни самыхъ нынѣшихъ Кроашовъ больше всего славили мужество и память великихъ предковъ: но другія, любимыя Нѣмецкими Вендами, возбуждають только къ веселью и къ счастливому забвению жищескихъ горестей; иные же совсѣмъ не имѣющъ смысла, подобно нѣкопорымъ Русскимъ; нравятся однимъ согласиемъ звуковъ и мягкихъ словъ, дѣйствующая только на слухъ и не представляя ничего разуму.

Сердечное удовольствіе, производимое музыкою, заставляющее людей изъявлять свое разными тѣлодвиженіями: рождается пляска, любимая забава самыхъ дикихъ народовъ. По нынѣшией Русской, Богемской, Далматской можемъ судить о древней пляске Славянъ, которой они торжествовали священные обряды языческаго и всякие пріятельские случаи¹⁶³: она со-

споншъ въ пломъ, чшобы, въ сильномъ напряженіи мышцей, взмахивашь руками, вергшъсь на одномъ мѣстѣ, присѣдашь, шопашь ногами, и соопшъпствуяще харкшеру людей крѣпкихъ, дѣятельныхъ, неушомимыхъ. — Народныя игри и попѣ. Игри жи, донынѣ единообразныя въ земляхъ Славянскихъ: борьба, кулачный бой, бѣганье взапуски, оспадись также памятникомъ ихъ древнихъ забавъ, предшавляющихъ намъ образъ войны и силы.

Въ дополненіе къ симъ извѣстіямъ замѣшамъ, члто Славяне, еще не зная грамошы, имѣли нѣкоторыя свѣдѣнія въ Ариемепикѣ, въ Хронологіи. Домоводство, война, торговля пріучили ихъ ко многосложному счислению; имя *тма*, знаменующее 10000, есшь древнее Славянское. На Син-блудая паченіе года, они, подобно Римлянамъ, дѣлили его на 12 мѣсяцевъ, и каждому изъ оныхъ дали название согласное съ временными явленіями или дѣйствіями Природы: Генварю *Просинецъ* Име (вѣроючи, опѣ синеты неба), Февралю ^{на ма-} *Слынѣцъ*, Маршу *Сухій*, Апрѣлю *Березозолотиць* (думаю, опѣ золы березовой), Маю *Трав-ний*, Іюню *Изокъ* (шакъ называлась у Славянъ какая-то травяная птица), Іюлю *Чер-вень* (не опѣ красныхъ ли плодовъ или

ягоды?), Августу *Заревъ* (отъ зари или зарницы), Сентябрю *Рюенъ* (или Редунъ, какъ толкуютъ: отъ рева звѣрей), Октябрю *Листопадъ*, Ноябрю *Грудень* (отъ грудь сѣнга или мералой грязи?), Декабрю *Студеный*¹⁵⁴. Сіюгдніе называлось *столетьемъ*, и то есть, жизнью человѣческою, во свидѣтельство, сколь предки наши обыкновенно долголѣтними, одаренные крѣпкимъ сложенiemъ и здравые физическое дѣятельностию.

Правление Сей народъ, подобно всемъ инымъ, въ началѣ гражданскаго бытія своего не имѣлъ выгода правленія благоустроеннаго, не шерпѣть ни власиеліновъ, ни рабовъ въ земляхъ своей, и думалъ, что свобода дикая, неограниченна, есть главное добро человѣка¹⁵⁵. Хозяинъ господствовалъ въ домѣ: отецъ надъ дѣшими, мужъ надъ женою, братъ надъ сестрами; всякой спрашивали себѣ хижину особенную, въ нѣкомъ огороженіи отъ прочихъ, чтобы жить спокойнѣе и безопаснѣе. Лишь, ручей, поле, сославшись его область, въ контору спрашивались зайти слабые и неборуженные. Каждое семейство было маленькою, независимою Республикой; но общіе древніе обычай служили между ими нѣкомъю гражданскою связью. Въ слу-

чаяхъ важныхъ единоплеменные сходились
вмѣстѣ совѣтоваться о благѣ народномъ,
уважая приговоръ старцевъ, сихъ живыхъ
книгъ опытности и благоразумія для на-
родовъ дикихъ¹⁶⁶; вмѣстѣ также, пред-
принимая воинскіе походы, избирали Вож-
дей, хотя, любя своеольство и боясь
всякаго принужденія, весьма ограничивали
власть ихъ, и часто не повиновались имъ
въ самыхъ битвахъ. Совершивъ общее
дѣло и возвращаясь домой, всякой оспа-
чила себя болѣшимъ и главкою въ своей
жизнѣ.

Въ теченіе временъ сія дикая проспо-
та нравъ должна быта измѣнилась.
Славяне, грабя Имперію, гдѣ царствовала
роскошь, узлали новыя удовольствія и
потребности, которыя, ограничивъ икъ
независимостіи, укрѣпили между ими связь
гражданскую. Они почувствовали болѣе
нужды другъ въ другѣ, сблизились жи-
щими и завели селенія¹⁶⁷; другіе, видя въ
чужихъ земляхъ грады великолѣпные и
веси цвѣтущи, разлюбили мрачные лѣса
свои, иѣкогда украшаemyе для нихъ одною
свободою; перешли въ Греческія владѣнія
и согласились зависѣти отъ Импера-
ровъ. Жребій войны и могущество Карла
Великаго подчинили ему и наслѣдникамъ

его большую часть Славянъ Нѣмецкихъ; но своевольство неукропимое было всегда ихъ характеромъ: какъ скоро обстоятельства имъ благоприятствовали, они свергали съ себя иго, и жестоко мстили чужеземному Властилину за свое временное порабощеніе; такъ, что одна Вѣра Христіанская могла наконецъ смиришь ихъ¹⁵⁸.

Многочисленныя области Славянскія всегда имѣли сообщеніе одна съ другою, и кто говорилъ пхъ языкомъ, то пъ во всякой находилъ друзей и согражданъ. Баянъ, Ханъ Аваровъ, зная сей тѣсный союзъ племенъ Славянскихъ и покоривъ многія изъ нихъ въ Дакіи, въ Панноніи, въ Богеміи, думалъ, что и самыя отдаленныя должны служить ему, и для того въ 590 году требовалъ войска отъ Славянъ Балтійскихъ¹⁵⁹. Нѣкоторые знаменитые храмы еще болѣе утверждали связь между ими въ среднихъ вѣкахъ: шамъ сходились они изъ разныхъ земель вопрошасть боговъ, и жрецъ, отвѣтственныя успами идола, не рѣдко убѣждали ихъ дѣйствовать согласно съ общую или особеною пользою своего народа; шамъ оскорбленные чужеземцами Славяне приносили свои жалобы единоплеменнымъ, заклиная ихъ быть мстителями олеченіемъ.

чеслава и Вѣры; тамъ, въ опредѣленное время, собирались чиновники и спартанцы для сейма, на коемъ благородство и справедливость часто уступали дерзости и насилию. Храмъ города Ретры въ Мекленбургѣ, на рѣкѣ Толлензѣ, славился болѣе всѣхъ другихъ такими собраниями¹⁶⁰.

Народное правленіе Славянъ чрезъ нѣсколько вѣковъ обратилось въ Аристократическое. Вожди, избираемые общею довѣренностию, отличные искусствомъ и мужествомъ, были первыми властелинами въ своемъ отечествѣ. Дѣла славы требовали благородства отъ варода; къ тому же, будучи освѣплены счастіемъ Героевъ, онъ искалъ въ нихъ и разумѣ отмѣнаго. Богемцы, еще не имѣя и законовъ общественныхъ, ни судей избранныхъ, въ личныхъ распряхъ своихъ отдавались на судъ знаменитымъ гражданамъ¹⁶¹; а сія знаменитость основывалась на извѣданной храбростіи въ битвахъ и на богатствѣ, ея наградѣ, ибо оно пріобрѣталось тогда войною. Наконецъ обыкновеніе одѣгалось для однихъ правомъ начальствовашъ, а для иныхъ обязанностію повиновавшися. Если сынъ Героя, славнаго и богатаго, имѣлъ великія свой-

евна ошида, что онь еще более утверждалъ власить своего рода.

Сія власить означалась у Славянъ наемами *Боярина*, *Воеводы*, *Князя*, *Пана*, *Жупана*, *Короля* или *Краля*, и другими. Первое безъ сомнѣнія происходило отъ бол., и въ началѣ своеи могло знаменовать воина отличной храбростши, а послѣ обратилось въ народное доспоянство. Византійскія лѣтописи въ 764 году упоминаютъ о Боярахъ, Вельможахъ или главныхъ чиновникахъ Славянъ Болгарскихъ — Воеводами назывались прежде одни воинскіе начальники; но какъ они и въ мирное время умѣли присвоить себѣ господство надъ согражданами, то сіе имя знаменовало уже вообще повелішеля и властелина у Богемскихъ и Саксонскихъ Вендовъ, въ Крайнѣ Государя, въ Помынѣ не только воинскаго предводицеля, но и судью¹⁶². Слово *Князь* родилось едва ли не отъ коня, хотя многіе Ученые производятъ его отъ Восточнаго имени *Каганъ* и Нѣмецкаго *König*. Въ Славянскихъ земляхъ кони были драгоцѣнныи собственностию: у Поморанъ въ среднихъ вѣкахъ 30 лошадей составляли великое богатство, и всякой хозяинъ коня назывался Княземъ, *nobilis capitaneus et Princeps*¹⁶³.

Въ Кроації и Сервії именовались шакъ брашья Королей; въ Далмації главный судья имѣлъ иницио *Великаго Князя*. — *Паша* Славянскій, по извѣстію Конспаншина Багранороднаго, управлялъ въ Кроації премя большими округами, и предсь-
дашедъствовалъ на сеймахъ, когда народъ собирался въ полѣ для совѣща. Имя Пашевъ, долго могуществовавшее въ Венгрии, до самаго XIII вѣка означало въ Богеміи владѣльцевъ богатыхъ, а на Польскомъ языке и нынѣ значило *Господина*¹⁶⁴. — Округи въ Славянскихъ земляхъ называ-
лись *Жупанствами*, а Правищели ихъ *Жупанами* или *Старѣшинами*, по шпол-
кованію Конспаншина Багранороднаго¹⁶⁵; древнее слово *Жупа* означало *селение*. Глав-
ною должностію сихъ чиновниковъ было правосудіе: въ Верхней Саксоніи и въ Ап-
еніи Славянскіе поселяне донынѣ назы-
вають шакъ судей своихъ; но въ сред-
нихъ вѣкахъ достоинство Жупановъ ува-
жалось болѣе Княжескаго. Въ разборѣ пла-
жебныхъ дѣлъ помогали имъ *Судды*, или
частные суды. Справное обыкновеніе со-
хранилось въ нѣкомпорыхъ Славянскихъ
деревняхъ Лаузица и Бранденбурга: земле-
дѣлцы, щайно избираютъ между собою
Короля и платяще ему дань, какую они

во времена своей вольности платили **Жупанамъ¹⁶⁶**. — Наконецъ въ Сервіи, въ Далмациі, въ Богемії, Владѣтели спали именовавшися *Краллями* или Королями, то есть, по мнѣнію нѣкоторыхъ *наказателлями* преступниковъ, ошь слова *кар* или *наказаніе¹⁶⁷*.

И такъ первая власть, которая родилась въ отечествѣ нашихъ дикихъ, независимыхъ предковъ, была воинская. Сраженія требуютъ одного намѣренія и согласнаго дѣйствія часныхъ силъ: для этого избрали Полководцевъ. Въ швѣційскихъ связяхъ общежитія Славяне узнали необходимость другой власти, которая примиряла бы распри гражданскаго корыстолюбія: для этого назначили судей; но первые изъ нихъ были знаменишіе Герои. Одни люди пользовались общею довѣренностью въ дѣлахъ войны и мира. — Испорія Славянъ подобна Испоріи всѣхъ народовъ, выходящихъ изъ дикаго сословія. Только мудрая, долговременная опытность научаетъ людей благодѣтельному раздѣленію властей воинскихъ и гражданскихъ.

Но древнійшіе Болре, Воеводы, Князья, Паны, Жупаны и самые Короли Славянские во многихъ отношеніяхъ зависѣли

опъ произвола гражданъ, которые не рѣдко, единодушно избравъ начальника, вдругъ лишали его своей довѣренности, иногда безъ всякой вины, единственно по легкомыслію, клеветѣ, или въ несчастіяхъ: ибо народъ всегда склоненъ обвинять Правителей, если они не умѣютъ отврашить бѣдствій опъ Государства. Сихъ примѣровъ довольно въ Исторіи языческихъ, даже и Христіанскихъ Славянъ¹⁶⁸. Они вообще не любили наследственной власти, и болѣе принужденно, нежели добровольно повиновались иногда сыну умершаго Воеводы или Князя.— Избраніе Герцога, шо еспь Воеводы, въ Славянской Каринпіи соединено было съ обрядомъ весьма любопытнымъ. Избираемый въ самой бѣдной одеждѣ являлся среди народнаго собранія, гдѣ земледѣлецъ сидѣлъ на пресполѣ, или на большомъ дикомъ камнѣ. Новый Власпипель клялся бышь защитникомъ Вѣры, сиропъ, вдовъ, справедливости: когда земледѣлецъ успушалъ ему камень, и всѣ граждане присягали въ вѣрности. Между тѣмъ два рода знамени пѣши имѣли право вездѣ косинѣ хлѣбъ и жечь селенія, въ знакъ и въ память шого, чпо древнє Славяне выбрали

перваго Власпелица для защищы ихъ отъ насилия и злодѣйства¹⁶⁹.

Однакожъ многіе Князья, владѣя счастливо и долгое время, умѣли сообщаць право наслѣдственности дѣтамъ. Въ Западной Сервіи былъ прамѣръ, что жена Князя Доброслава по смерти его правила землею. — Государи Славянскіе достигнувъ самовластия, подобно другимъ ослабили свое могущество Удѣлами: то есть, всѣкому сыну давали особенную область; но сіи примѣры бывали рѣдки во времена язычества: Князья, по большей части избираемыя, думали, что не имѣютъ права располагать судьбою людей, кѣжорые только имъ поддавалисѧ¹⁷⁰.

Главный Начальникъ или Правицель судилъ народныя дѣла торжеславно, въ собраніи спарѣшши, и часино во мракѣ лѣса: ибо Славяне воображали, что Богъ суда, *Прое*, живетъ въ лѣни древнихъ, густыхъ дубовъ¹⁷¹. Сіи мѣста и дома Княжескіе были священны: иакшо не дерзаль войши въ нихъ съ оружиемъ, и самыя пресшупники могли тамъ безопасноз укрываться. Князь, Воевода, Король были главою ратныхъ силъ: но жрецы, усшами идоловъ, и воля народная предписывали ему войну или миръ (при заключеніи ко-

его Славяне бросали камень въ море¹¹³, клали оружіе и золото къ ногамъ идола, или, проспирял десницу къ бывшимъ не-пріятелемъ, вручали имъ клюкъ волосовъ своихъ вмѣстѣ съ горшюю правы). Народъ платилъ Власищелемъ дань, однакожъ произвольную¹¹⁴.

Такъ Славяне въ разные вѣки и въ разныхъ земляхъ управлялись гражданскою властью. О Славянахъ Россійскихъ Несторъ пишетъ, что они, какъ и другіе, не знали Единовласія, наблюдай законъ отцевъ своихъ, древніе обычаи и преданія, о коихъ еще въ VI вѣкѣ упоминается Греческий Историкъ¹¹⁵, и которыя имѣли для нихъ силу законовъ писанныхъ: ибо гражданскія общества не могутъ образоваться безъ уставовъ и договоровъ, основанныхъ на справедливости. Но какъ сіи условия, требуя отъ блогушителей и властей наказывать преступника, то и самые дикие народы избираютъ посредниковъ между людьми и закономъ. Хотя Льшописецъ нашъ не говоритъ о шомъ, но Россійские Славяне конечно имѣли Власищелей, съ правами ограниченніемъ народною пользою и древними обычавеніями воинства. Въ договорѣ Олега съ Греками, въ 911 году, упоминается уже о Be-

ликихъ Бояръ Русскихъ: сіе доспояніе співо, знакъ воинской славы, конечно не Варягами было введено въ Россіи, ибо оно есть древнее Славянское¹⁷⁸. Самое имя Князл, данное нашими предками Рюрику, не могло быть новымъ, но безъ сомнѣнія и прежде означало у нихъ знаменитый санъ гражданскій или воинскій.

Вѣра. Общежитіе, пробуждая или ускоряя дѣйствіе разума сонного, медленного въ людяхъ дикихъ, разъяренныхъ, по большей части уединенныхъ, рождаєшъ не только законы и правленіе, но и самую Вѣру, споль естественную для человѣка, споль необходимую для гражданскихъ общесть, что мы ни въ мірѣ, ни въ Исторіи не находимъ народа совершенно ложнаго понятій о Божествѣ. Люди и народы, чувствуютъ зависимость или слабость свою, укрѣпляющіяся, такъ сказать, мыслю о Силѣ Вышней, которая можетъ спаси ихъ отъ ударовъ рока, неопиравшихъ никакою мудростію человѣческою, — хранить добрыхъ и наказывать паковыхъ злодѣйствія. Сверхъ этого Вѣра производитъ еще тѣснѣшую связь между согражданами. Чія одного Бога и служа Ему единообразно, они сближаются сердцами и духомъ. Сія выгода такъ явна и велика для граж-

данского общества, что она не могла укрыться отъ вниманія самыхъ первыхъ его основателей, или отцевъ семейства.

Славяне въ VI вѣкѣ покланялись *Теорцу молнии*, Богу вселеннымъ¹⁷⁶. Величеспивенное зрѣлище грозы, когда небо пымаешь и невидимая рука бросаешь, кажеся, съ его свода быстрые огни на землю, должноствовало сильно поразить умъ человека естественнаго, живо представивъ ему образъ Существа Вышнаго, и вселить въ его сердце благоговѣніе или ужасъ священный, который былъ главнымъ чувствомъ Вѣръ азыческихъ. — Анты и Славяне, какъ замѣчаешь Прокопій, не вѣрили Судьбѣ, но думали, что всѣ случаи зависятъ отъ Мироправителля¹⁷⁷: на полѣ рапномъ, въ опасноспахъ, въ болѣзни, спарались Его умилоспившися обѣщами; приносили Ему въ жершу воловъ и другіе животныхъ, надѣясь спасти шѣмъ жизнь свою; обожали еще рѣки, Нимфы, Демоновъ, и гадали будущее. — Въ новѣйшія времена Славяне покланялись разныимъ идоламъ, думая, что многочисленность ку- мировъ утверждаетъ безопасность смертнаго, и что мудрость человѣческая со- спонитъ въ знаніи именъ и свойства сихъ мнимыхъ покровителей. Испуганы счи-

шались не образомъ, но тѣлою изъ боговъ, ими одушевляемыемъ¹⁷⁸, и народъ падалъ ницъ предъ кускомъ дерева или слинникомъ руды, ожидал опять нихъ спасеній и благоденствія.

Однакожъ Славине, въ самотѣ безразсудномъ суевѣріи, имѣли еще понятіе о Богѣ единипревечномъ и вышнемъ, Коему, по ихъ мнѣнію, горнія небеса, украшенныя свѣтилами лучезарными, служашіи доепрѣдѣльнымъ храмомъ, и Который паче всяко о небесномъ, избравъ другихъ, нижнихъ боговъ, чадъ Своихъ, управляющіи землею. Его-то, кажеся, именовали они преимуществоенно Бальзьмъ Богомъ, и не спроили Ему храмовъ, воображая, что смертные не могутъ имѣть съ Нимъ сообщенія и должны синесиць въ нуждахъ своихъ къ богамъ вкторостепеннымъ, помогающимъ всякому, илю добрь въ мирѣ и мужественность на войнѣ, съ удовольствіемъ оливорвать хижину для странниковъ и съ раздущіемъ пинтастъ гладныхъ¹⁷⁹.

Не умѣя согласитъ несчастій, болѣзней и другихъ язвитейскихъ гореошей съ благословію сихъ Мироизрѣтелей, Славине Бальзайские приписывали зло существу особенному, всегдашнему врагу людей; именовали его Чернобогомъ, старались уми-

доспивши жерлами и въ собраніяхъ народныхъ пыли изъ чаши, посвященной ему и добрымъ богамъ. Отъ изображался въ видѣ льва, и для того иѣкопорые думаютъ, что Славяне заимствовали мысль о Чернобогѣ отъ Христіанъ, уподоблявшихъ Діавола также сему звѣрю; но вѣроятно, что ненависть къ Саксонцамъ, копорые были самыми опасными врагами сѣверныхъ Вендовъ и на знаменахъ своихъ представляли льва, подала имъ мысль къ такому изображенію существа злобнаго¹⁶⁰. Славяне думали, что оно ужасаетъ людей гроными привидѣніями или страшлами, и что гѣвъ его могутъ укропить волхвы или кудесники, хотя ненавистные народу, но уважаемые за ихъ минимую науку. Сіи волхвы, о коихъ и Несторъ говорилъ въ своей летописи, подобно Сибирскимъ Шаманамъ спарались музикою дѣйствованиемъ на воображеніе легковѣрныхъ, играли на гусляхъ и для того именовались въ иѣкопорыхъ земляхъ Славянскихъ *Гуслярми*¹⁶¹.

Междуд богами добрыми славился больше и прочихъ Святовидъ, копораго храмъ былъ въ городѣ Арконѣ, на островѣ Рюгенѣ, и копорому не только всѣ другіе Венды, но и Короли Дацкіе, исповѣдуя уже Хри-

спіанскую Вѣру, присыпали дары. Онъ предсказывалъ будущее и помогалъ на войнѣ. Кумиръ его величиною превосходилъ ростъ человѣка, украшался одеждой коропкою, сдѣланною изъ разнаго дерева; имѣлъ чешыре головы, двѣ груди, искусно счесанныя бороды и волосы осприноженные; ногами споялъ въ землю и въ одной рукѣ держалъ рогъ съ виномъ, а въ другой лукъ; подъ идола висѣли узда, сѣло, мечъ его съ серебряными ножнами и рукояткою.—Гельмольдъ разсказываешь, что жители оспрова Рюгена обожали въ семь идолъ Христіанскаго Свѧтаго, имея имъ Вишту, слышавъ о великихъ чудесахъ его отъ Корбейскихъ Монаховъ, кошорые хопѣли нѣкогда обращинь ихъ въ испанину Вѣру. Доспойно замѣчанія, что Иллирическіе Славяне донынѣ празднишъ день Св. Вишты съ разными языческими обрядами¹⁸². Впрочемъ Гельмольдово преданіе, упверждаемое и Саксономъ Грамматикомъ, не есть ли одна догадка, основанная на сходствѣ имёнъ? Для шого, по извѣстію Мавро - Урбина, одинъ изъ Христіанскихъ Князей въ Богеміи выписалъ мощи Св. Вишты, желая обращинь къ нимъ усердіе народа своего, который не преставалъ обожашпъ Свѧтога¹⁸³.

Привязанность не только Балтийскихъ, но и другихъ Славянъ къ сему идолослужению доказываетъ, кажется, древность онаго.

Народъ Рюгенскій покланялся еще премъ идоламъ: *первому* Рюгевишу или Ругевичу, богу войны, изображаемому съ семью лицами, съ семью мечами, висящими въ ножнахъ на бедрѣ, и съ осьмымъ обнаженнымъ въ рукѣ (дубовый кумиръ его былъ весь загаженъ ласточками¹⁸⁴, копорыя вили на немъ свои гнѣзда); *второму* Поревинту, коего значение неизвѣсно, и который изображался съ пятью головами, но безъ всякаго оружія; — *третьему* Поренунту о четырехъ лицахъ и съ пятью лицемъ на груди: онъ держалъ его правою рукою за бороду, а лѣвою за лобъ, и счищался богомъ четырехъ временъ года.

Главный идолъ въ городѣ Решре назывался *Радегастъ*, богъ спиритуалистъ, какъ иѣкопорые думають: ибо Славяне были всегда *рады гостямъ*. Но сие шоукованіе кажется несправедливымъ: онъ изображался болѣе спрашнымъ, нежели дружелюбнымъ: съ головою львиною, на которой сидѣлъ гусь, и еще съ головою буйвола на груди; иногда одѣпшій, иногда

нагой, и держаль въ рукъ большую сѣкиру. Надписи Решрского испукана его доказывающъ, что сей богъ хощя и принадлежаль къ числу добрыхъ, однакожь въ нѣкоторыхъ случаяхъ могъ и вредиши человѣку. Адамъ Бременскій пишеть о золотомъ кумирѣ и пурпуромъ ложѣ Радегасла¹⁸⁵; но мы должны сомнѣваться въ испинѣ его сказанія: въ другомъ мѣстѣ сей Испорикъ увѣряещъ насть, что храмъ Упсальскій весь былъ сдѣланъ изъ золота.

Сива — можешъ бысть, Жива — считалась богинею жизни и доброю совѣщницаю. Главный храмъ ея находился въ Рацебургѣ¹⁸⁶. Она представлялась одѣшою; держала на головѣ нагаго мальчика, а въ рукѣ виноградную кисть. Далматскіе Славяне покланялись доброй Фрихіи, богинѣ Германскихъ народовъ; но какъ въ Исландскихъ древностяхъ Фрихія или прекрасная Фрея называвшися Ванадись или Венедскою, то вѣроѧтно, что Готы засимъ проводили онь Славянъ понятие о сей богинѣ, и что она же именовалась Сивою.

Между Решрскими испуканами напечатаны Германскіе, Прусскіе, ш. е. Датышскіе и даже Греческіе идолы. Балтийскіе Славяне покланялись Водану или Скандинавскому Одину, узнавъ объ немъ онь Гер-

манскихъ народовъ, съ кошорыми они жили въ Дакіи, и кошорые были еще издревле ихъ соседами¹⁸⁷. Венды Мекленбургскіе донынѣ сохранили нѣкошорые обряды Вѣры Одиновой.— Прусскія надписи на испукахъ Перкуна, бога молвіи, и Парсшуковъ или Берспуковъ¹⁸⁸, доказываютъ, что они были Лаштшкіе идолы; но Славяне молились имъ въ Репрскомъ храмѣ, такъ же, какъ и Греческимъ спапуамъ Любви, брачнаго Генія и Осени, безъ сомнінія опинаяшымъ или купленнымъ ими въ Греціи.— Кромъ сихъ боговъ чужеземныхъ, шамъ спояли еще кумиры Числобога, Илабога, Зибога или Зембога, и Немизы¹⁸⁹. Первый изображался въ видѣ женщины съ луною, и знаменовалъ, кажешся, мѣсяцъ, на которомъ основывалось исчисление времеани. Имя впораго неизвѣстно; но ему надлежало быть покровителемъ звѣриной ловли, копорал предстаивалась на его одѣждѣ. Третьяго обожали въ Богеміи какъ сильнаго Духа земли. Немиза повелѣвалъ вѣпромъ и воздухомъ: голова его увѣнчана лучами и крыломъ, а на шѣль изображена лепящая птица.

Писатели, собственными глазами видавшие языческихъ Вендовъ, сохранили

намъ извѣстіе еще о нѣкоторыхъ другихъ идолахъ. Въ Юлинѣ, или въ Виннепѣ, главный именовался *Триглазъ*¹⁹⁰. Кумиръ его былъ деревянный, непомѣрной величины, а другой маленький, вылитый пзъ золота, о трехъ головахъ, покрытыхъ одною шапкою. Болѣе ничего не знаемъ о семъ идолѣ. Второй, *Припекала*, означалъ, кажется, любоспастіе: ибо Христианскіе Писатели сравнивали его съ Пріапомъ; а третій *Геровитъ* или Яровидъ, богъ войны, коего храмъ былъ въ Гавельбергѣ и Волгаспѣ, и подъ купораго висѣлъ на стѣнѣ золотый щипъ. — Жители Вагри¹⁹¹ особенно чтили *Прога*, бога правосудія, и Подагу, бога звѣроловства. Персоналу служили храмомъ самые древнійши дубы, окруженные деревянною оградою съ двумя вратами. Въ сей заповѣдной дубравѣ и въ ея святилищѣ жилъ Великій жрецъ, совершались торжественные жертвоприношенія, судился народъ, и люди, угрожаемые смертю, находили безопасное убежище. Онъ изображался спарцемъ, въ одеждахъ со многими складками, съ цвѣтями на груди, и держалъ въ рукѣ ножъ¹⁹². Второй считавшійся покровителемъ звѣроловства, для шого, что на одеждѣ и жертовной чашѣ его кумира о двухъ лицахъ,

найденного въ числѣ Репрскихъ древно-стей, предшественны спрѣлокъ, олень и жабанъ; въ рукахъ своихъ онъ держитъ также какого-то звѣря. Другіе признаютъ въ немъ бога ясныхъ дней, который у Сербовъ назывался Погодою: ибо заднее лицо его окружено лучами, и слова, вырѣзанныя на семь испуканъ, значатъ ясность и вѣдро¹⁹³. — Мерзебургскіе Венды обожали идома Гениля, покровителя ихъ собственности, и въ нѣкоторое время года паслики разносили по домамъ символъ его: кулакъ съ перстнемъ, укрѣпленный на шестѣ¹⁹⁴.

О Вѣрѣ Славянъ Иллірическихъ не имѣмъ никакихъ извѣстій; но какъ Мордаки¹⁹⁵ на свадебныхъ паршесахъ своихъ донынѣ славашъ *Давора*, *Дамора*, *Добрую Фрихию*, *Яра* и *Пика*: что съ вѣроююю заключить можно, что лзыческіе боги ихъ назывались сими именами. — Сказаніе Польскихъ Испориковъ¹⁹⁶ о древнемъ богослуженіи въ ихъ отечествѣ основывается единственно на преданіи и догадкахъ. Въ Гнѣзнѣ, пишутъ они, былъ знаменитый храмъ *Ниц*, Славянскаго Плутиона, котораго молили о счастливомъ успокоеніи мерзкихъ; обожали еще Марзану или Цереру, обрекая въ жертву ей

десятую часть плодовъ земныхъ; *Яса* или Ясна, Римскаго Юпитера; *Ладона* или *Ллда*, Марса; *Дзидзилю*, богиню любви и дѣпорожденія; *Зивоніо* или *Зиванку*, Діану; *Зиваго*, или бога жизни; *Лелл* и *Полелл*, или Греческихъ близнецовыхъ Ка-шора и Поллукса; *Погоду* и *Похвиста*, бога ясныхъ дней и сильнаго вѣпра. «Слы-шия вой бури (пишешъ Спирковскій), сіи язычники съ благоговѣніемъ преклоняли «*Больна*.» *

Въ Россії, до введенія Христіанской Вѣры, первую степень между идолами занималъ *Перунъ*¹⁹², богъ молніи, которому Славяне еще въ VI вѣкѣ покланялись, обожая въ немъ верховнаго *Міроправителя*. Кумиръ его споялъ въ Киевѣ на холмѣ, въ дворѣ Владимира, а въ Новгородѣ надъ рѣкою Волховомъ: былъ деревянный, съ серебраною головою и съ золотыми усами. Лѣтописецъ именуетъ еще идоловъ *Хорса*, *Дажбога*, *Стрибога*, *Семара*¹⁹³ и *Мокома*, не объявляя, какія свойства и дѣйствія приписывались имъ въ язычествѣ. Въ договорѣ Олега съ Греками упоминается еще о *Волосѣ*, котораго именемъ и Перуновымъ клялся Россіяне въ вѣроносши, имѣвъ къ нему особенное уваженіе: ибо онъ считался покровителемъ

лемъ скома, главнаго ихъ бога погана. — Сіи извѣстія Неспоровы можемъ дополнить новѣйшими, напечатанными въ Кіевскомъ Синопсисѣ¹⁹⁹. Хотя они выбраны отчасти изъ Польскихъ ненадежныхъ Испориковъ, но будучи согласны съ древними обычаяніями народа Русскаго, кажутся вѣроятными, по крайней мѣрѣ достойными замѣчанія.

Богъ веселія, любви, согласія и всякаго благополучія именовался въ Россіи *Ладо*; ему жертовали вспупающіе въ союзъ брачный, съ усердіемъ воспѣвая имя его, колпорое слышимъ и нынѣ въ старинныхъ припѣвахъ. Сприковскій называетъ сего бога Лапышскимъ: въ Лапѣ и Самогитіи народъ праздновалъ ему опіь 25 Маія до 25 Іюня, ощицы и мужья въ гостищницахъ, а жены и дочери на улицахъ и на лугахъ; взавшились за руки, окъ пласалі и пѣлі: *Ладо, Ладо, дидись Ладо*, то есть, *великий Ладо*²⁰⁰. Такое же обычайное донынѣ существующее въ деревняхъ нашихъ: молодыя женщины весною собираются играть и пѣть въ хороводахъ *Лада, диди-Лада*. Мы уже замѣтили, что Славяне охотно умножали число идоловъ своихъ и принимали чужеземныхъ. Русские язычники, какъ пишетъ Адамъ Бре-

менскій, ъздили въ Курляндію и въ Самогішію для поклоненія кумирамъ²¹⁰: слѣдственno имѣли однихъ боговъ съ Лашышами, ежели не всѣ, что хопя нѣкоторыя Славянскія племена въ Россіи — въроатно, Кривичи: ибо название ихъ свидѣтельствуетъ, кажеся, что они признавали Лашышскаго Первосвященника *Кри-е* Главою Вѣры своей. Впрочемъ *Лада* могъ бытъ и древнимъ Славянскимъ божествомъ: жители Молдавіи и Валахіи въ нѣкоторыхъ суевѣрныхъ обрядахъ доньнѣ нѣ превративъ имя *Лада*²⁰².

Купалу, богу земныхъ плодовъ, жертвовали предъ собираниемъ хлѣба, 23 Іюня, въ день Св. Агриппины, которая для шого прозвана въ народѣ *Купальницей*. Молодые люди украшались вѣнками, раскладывали ввечеру огонь, плясали около него и воспѣвали *Купала*. Память сего идоло-служенія сохранилась въ нѣкоторыхъ странахъ Россіи, гдѣ ночные игры деревенскихъ жителей и пляски вокругъ огня съ невиннымъ намѣреніемъ совершающіяся въ честь идолу языческому²⁰³. Въ Архангельской Губерніи многіе поселане 23 Іюля попоясываютъ бани, наспилаюшъ въ нихъправу *Купальницу* (*люпникъ*, *tanipulus astris*) и послѣ купающейся въ рѣкѣ. Сербы на ка-

нунъ или въ самое Рождество Иоанна Предтечи, сплетая *Ивановскіе ельники*, вѣшающъ ихъ на кровли домовъ и на хлѣвахъ, чѣобы удалить злыkhъ Духовъ отъ своего жилища.

24 Декабря язычники Русскіе славили Коляду, бoga торжествъ и мира. Еще и въ наше время, на канунъ Рождества Христова, дѣти земледѣльцевъ собираються колядовать подъ окнами богатыхъ крестьянъ, величающъ хозяина въ пѣсняхъ: *Пвердяшь имѧ Коляды* и просить денегъ²⁰⁴. Святошныя играца и гаданіе кажутся осеннимъ сего языческаго праздника.

Въ суевѣрныхъ преданіяхъ народа Русскаго открываемъ также нѣкоторые сѣды древняго Славянскаго богочтіанія: донынъ проспныe люди говорятъ у нась о *Лъшихъ*, кошорыe видомъ подобны Сатирамъ, живущи будто бы въ шемношѣ лѣсовъ, равняющи съ деревьями и съ правою, ужасающи странниковъ, обходяющи кругомъ и сбивающи съ пушки; о *Русалкахъ* или Нимфахъ дубравъ (гдѣ они бѣгаютъ съ распущенными волосами, особенно передъ Троицынымъ²⁰⁵ днемъ), о благодѣтельныхъ и злыkhъ *Дамоихъ*, о ночныхъ *Кикимирахъ*, и проч.

Такимъ образомъ грубый умъ людей непросвѣщенныхъ заблуждаєтся во мракѣ идолопоклонства, и творить боговъ на всякомъ шагу, чтобы изъяснять дѣйствія Природы и въ неизвѣстностяхъ рока успокоивать сердце надеждою на вышнюю помощь! — Желая выразить могущество и грозность боговъ, Славяне представляли ихъ великанами, съ ужасными лицами, со многими головами. Греки холпѣли, кажется, любить своихъ идоловъ (изображая въ нихъ примѣры человѣческой пріятности), а Славяне только боялись; первые обожали красоту и пріятность, а впорые одну силу; и еще не довольствуясь собственнымъ противнымъ видомъ и стущановъ, окружали ихъ гнусными изображеніями ядовитыхъ животныхъ: змѣй, жабъ, ящерицъ, и проч.¹⁰⁶. Кроме идоловъ, Нѣмецкіе Славяне, подобно Дувайскимъ, обожали еще рѣки, озера, источники, лѣса¹⁰⁷, и приносили жертвы невидимымъ имъ Геніямъ, которые, по мнѣнію суевѣрныхъ, иногда говорили, и въ важныхъ случаяхъ являлись людямъ. Такъ Геній Репирскаго озера, когда великія опасности угрожали народу Славянскому, принималъ на себя образъ кабана, выплывалъ на берегъ, ревѣль ужаснымъ голосомъ и скрылся.

зался въ волнахъ⁹⁹. Мы знаемъ, что и Россійскіе Славяне приписывали озерамъ и рѣкамъ нѣкоторую божественность и святость. Въ глазной болѣзни они умывались водою мѣсто-цѣлебныхъ источниковъ, и бросали въ нихъ серебряныя монеты¹⁰⁰. Народное обыкновеніе купанія или обливать водою людей, прославшихъ Заупрено въ день Пасхи, будто бы для омовенія ихъ отъ грѣха, происходитъ, можетъ быть; отъ такого же языческаго сувѣрія. — У многихъ народовъ Славянскихъ были заповѣдныя рощи, где никогда спукъ сѣкиры не раздавался, и где самые злѣйшіе враги не дерзали вступить въ бой между собою. Лѣсъ города Рептии считался священнымъ. Жители Штѣтицкіе поклонялись ореховому дереву, принося находился особенный жрецъ, и дубу, а Юлианскіе богу обитавшему въ деревѣ обсвященнотѣ¹⁰¹, и весной плясали вокругъ его съ нѣкоторыми торжественными обрядами. Славяне въ Россіи также молились деревамъ, особенно же дубовымъ, обязывая ихъ вѣши убрусами или платами¹⁰². Константинъ Багранородный пишетъ, что они, путешествіа въ Царьградъ, на островѣ Св. Григорія привозили жертву большому дубу, окру-

жали его спрѣлами, и гадали, закоюшь ли обреченныхъ ему живыхъ пшицъ, или пускать на волю²¹². Празднованіе Семика и народный обычай зывашь въ сей день вѣнки въ рощахъ суть также остатокъ древняго суевѣрія, коего обряды наблюдались въ Богеміи и по введеніи Христіанства, чѣмъ Герцогъ Брачиславъ въ 1093 году рѣшился предать огню всѣ мнимо-святые дубравы своего народа²¹³.

Славяне обожали еще знамена, и думали, чѣмъ въ военное время они священѣе всѣхъ идоловъ. Знамя Бальтійскихъ Вендовъ было описанной величины и неслыре, сноило обыкновенно въ Свяштовидовомъ храмѣ и считалось сильною богинею, которая воинамъ, идущимъ съ нею, давала право не только нарушать законы, но даже оскорблять и самыхъ идовъ. Датскій Король Вальдемаръ скжегъ его въ Архонѣ, взявъ еїи городъ. — Въ числѣ Рейнскихъ любопытныхъ памятниковъ называлось также священное знамя: мѣдный драконъ, украшенный изображеніемъ женскихъ головъ и вооруженныхъ рукъ. Въ Дицимаровой лѣтописи упоминается о двухъ Славянскихъ знаменахъ, которыми счищались богинями²¹⁴. Хищроенъ Полководцевъ вела безъ сомнѣнія сю вѣру,

чтобы воспламенять духъ храбрости въ воинахъ, или обуздыватъ ихъ неповиновение святошпю знамень своихъ.

Древніе Славяне въ Германіи еще не имѣли храмовъ, но приносили жертву Богу небесному на камняхъ, окружая ихъ въ нѣкоторомъ разстояніи другими, служившими вмѣсто ограды священнной²¹⁵. Чтобы изобразить величие Бога, жрецы начали употреблять для сооруженія олтарей камни въ нѣсколько саженей мѣрою. Сіи каменные зданія равнялись съ высокими скалами, невредимо споли цѣлые вѣки и могли казаться народу швoreniemъ рукъ божественныхъ. Въ самомъ дѣль трудно понять, какимъ образомъ Славяне, не зная изобрѣщенныхъ Механикою способовъ, воздвигали такія громады²¹⁶. Жрецы, въ присутствіи и въ глазахъ народа, совершали обряды Вѣры на сихъ величественныхъ олтаряхъ; во вѣченіе временъ, желая еще сильнѣе дѣйствовать на воображеніе людей, вздумали, подобно Друидамъ, удалившись во тьму заповѣдныхъ лѣсовъ, и соорудили шамъ жертвеники. По введеніи идолопоклонства надлежало укрыть обожаемые кумиры отъ дождя и снѣга: защитили ихъ кровлею, и сіе проспое зданіе было пер-

вымъ храмомъ. Мысль, сдѣлать его до-
сѣйнымъ жилищемъ боговъ, потребовала
величія; но Славяне не умѣли подражать
Грекамъ и Римлянамъ въ гордой высотѣ
зданій, и спарались замѣнишь ону рѣзь-
бою, пеопропою, богатствомъ украше-
ній. Современные Историки описали изъ-
кошорые изъ сихъ храмовъ съ любопыт-
ною подробностию. Сочинитель *Жизни
Св. Оттона* говорить о Шиепинскомъ
следующее²¹⁷: «Тамъ было четыре храма,
и главный изъ нихъ отличался своимъ
художествомъ, украшенный внутри и
външи выпуклыми изображеніемъ лю-
дей, лицъ, евреевъ, такъ сходныхъ съ
Природою, что они казались живыми;
краски же на вышности храма не смы-
вались дождемъ, не блѣднѣли и не пуска-
ли. — Слѣдя древнему обычая предковъ,
Шиепинцы отдавали въ храмъ десятую
часть воинской своей добычи и всякое
оружіе побѣденныхъ непріяцелей. Въ
того священницъ хранились серебряныя и
възмѣтныя чаши (изъ коихъ при торже-
ственныхъ случаяхъ люди знали вѣши-
ти и вѣли), также рога буйволовы, опра-
вленные золотомъ: они служили и спа-
ванами и штубами. Ножи и прочія драго-
цѣнности, шамъ собранныя, удивляли

въсвонъмъ художествомъ и богатствомъ.
«Въ ширхъ иныхъ гонтинахъ или храмахъ,
и не споль украшеныхъ и менѣе священ-
ныхъ, предшавлялись глазамъ однѣ лавки,
здѣланныя амфищеащромъ, и сполы для
изаредныхъ сходнищъ: ибо Славяне, въ ив-
екоторые часы и дни, веселились, пили
и въажными дѣлами опечеслава занимались
въ сихъ гонтинахъ.» — Деревянный храмъ
Арконскій былъ срубленъ весьма искусно,
украшенъ рѣзьбою и живописью; одни
враты служили для входа въ его ограду:
внѣшній дворъ, обнесенный сплошною, оши-
дѣялся опъ внутренняго только пурпуро-
выми коврами, развѣщенными между че-
тырьмя сполпами, и находился подъ одною
съ нимъ кровлею¹¹⁸. Въ святыни спояль
идоль, а конь его въ особенномъ зданіи,
гдѣ хранилась казна и всѣ драгоценности.
— Храмъ въ Репрѣ, также деревян-
ный, славился изображеніями боговъ и бо-
гинь, вырѣзанныхъ на вѣшнихъ его спи-
нахъ; внутри спояли кумиры, въ шлемахъ
и лашахъ; а въ мирное время хра-
мились тамъ знамена¹¹⁹. Дремучій лѣсъ
окружалъ сіе мѣсто: сквозь просѣку, вда-
ли, предшавлялось глазамъ море въ видѣ
грозномъ и величесливомъ. Доспойно
примѣчанія, что Славяне Бальшійскіе во-

обще имѣли великое уваженіе къ святынѣ храмовъ, и въ самой непріятельской землѣ болились осквернить ихъ.

О капищахъ Славянъ Россійскихъ не имѣмъ никакого свѣдѣнія: Неспорѣ говорилъ только объ идолахъ и жертвеникахъ⁴⁰; но удобностѣ приносить жертвы во всякое время и почитеніе къ святынѣ кумировъ требовали защиты и крова, особенно же въ спранахъ сѣверныхъ, гдѣ холодъ и неастѣ сполъ обыкновены и продолжительны. Нѣть сомнѣнія, что на холмѣ Кіевскомъ и на берегу Волхова, гдѣ сполъ Перунъ, были храмы, конечно не огромные и не великолѣпные, но сообразные съ простотою тогдашнихъ нравовъ и съ малымъ свѣдѣніемъ людей въ искусствѣ зодческомъ.

Неспорѣ также не упоминаетъ о жрецахъ въ Россіи; но всякая народная Вѣра предполагаетъ обряды, коихъ совершение поручается нѣкопорыимъ избраннымъ людямъ, уважаемымъ за ихъ добродѣтель и мудрость, дѣйствительную или мнимую. По крайней мѣрѣ всѣ другіе народы Славянскіе имѣли жрецовъ, блюстителей Вѣры, посредниковъ между совѣстю людей и богами. Не только въ капищахъ, но и при всякомъ священномъ деревѣ, при вся-

комъ обожаемомъ источникѣ находились особенные хранители, кошорые жили подъ оныхъ, въ маленькихъ хижинахъ, и питались жерпвою, приносимою имъ божествамъ. Они пользовались народнымъ уваженiemъ, имѣли исключительное право опускать себѣ длинную бороду, сидѣть во время жертвоприношений и входить во внутренность святилища. Воинъ, совершивъ какое нибудь счастливое предпріяtie, и желая изъявить благодарность идоламъ, раздѣлялъ свою добычу съ ихъ служителями. Правители народа безъ сомнѣнія утверждали его въ почтеніи къ жрецамъ, кошорые именемъ боговъ могли обуздывать своеольство людей грубыхъ, новыкъ въ гражданской связи и еще несмиренныхъ дѣйствіемъ власши посполинной. Нѣкоторые жрецы, обязанные своимъ, могуществомъ или собственной хищности, или отмѣнной славѣ ихъ капищъ, употребляли его во зло и присвоивали себѣ гражданскую власть. Такъ Первосвященникъ Рюгенскій, уважаемый болѣе самого Короля, правиль многими Славянскими племенами, кошорые безъ его согласія не дерзали ни воевать, ни мириться; налагалъ подаши на гражданъ и купцовъ чужеземныхъ, содержалъ 300 кон-

ныхъ воиновъ и разсыпалъ ихъ всюду для грабежа, чтобы умножашъ сокровища храма, больше ему, нежели идолу привадлежавшія. Сей главный жрецъ отличался отъ всѣхъ людей длинными волосами, бородою, одеждой.

Священники именемъ народа приносили жертвы и предсказывали будущее. Въ древнійшія времена Славяне закалали, въ чесць Богу невидимому, однихъ золовъ и другихъ животныхъ; но послѣ, омраченные суевіемъ идолопоклонства, обагрили свою пребывающую кровью Христіанъ, выбраныхъ по жребію изъ пѣнниковъ, или купленныхъ у морскихъ разбойниковъ²²¹. Жрецы думали, что идолъ увеселяется Христіанской кровью, и къ доверию ужаса пили ее, воображая, что она сообщаетъ духъ пророчества. — Въ Россіи также приносили людей въ жертву, по крайней мѣрѣ во времена Владимира. Бальшійскіе Славяне дарили идоламъ головы убѣнныхъ опаснѣйшихъ непріятелей²²².

Жрецы гадали будущее посредствомъ коней. Въ Аркоискомъ храмѣ держали благо, и суевѣрные думали, что Святой видѣлъ видѣши на немъ всякую ночь. Въ случаѣ важнаго намѣренія водили его чрезъ

копы: если онъ шагалъ сперва на лѣвою, а правою ногою, то народъ ожидалъ славы и богатства. Въ Шишешинѣ сей конь, порученный одному изъ четырехъ священниковъ главного храма, былъ вороной, и предвѣщалъ успѣхъ, когда совсѣмъ не жасался ногами до копий. Въ Репрѣ гадали садились на землю, шептали нѣкоторыя слова, рылись въ ея нѣдрахъ, и по веществамъ, въ ней находимымъ, судили о будущемъ. Сверхъ этого въ Арконѣ и въ Шишелинѣ жрецы бросали на землю три маленькия дощечки, у коихъ одна сторона была черная, а другая белая: если они ложились вверхъ белою, то обѣщали хорошее; черная означала бѣдствіе. Самыя женщины Рюгенскія славились гаданіемъ; они, сидя близъ разложенаго огня, проводили многія черпны на пеплѣ, которыя равное число знаменовали успѣхъ дѣла²².

Любя народныя торжества, языческіе Славяне устраивали въ году разные праздники. Главный изъ нихъ былъ по собранию хлѣба и совершался въ Арконѣ такимъ образомъ: Первосвященикъ на камунѣ долженъ быть вымесини святынище, неприступное для всѣхъ, кроме его; въ день торжества, взявъ изъ руки Святюшида рогъ, смочирѣлъ, наполнисъ ли онъ

виномъ, и по шому угадывалъ будущій урожай; выпивъ вино, снова наполнялъ имъ сосудъ и вручалъ Свяшовиду; приносила богу своему медовый пирогъ, длиною въ ростъ человѣческій; спрашивалъ у народа, видѣлъ ли его? и желала, чтобы въ слѣдующій годъ сей пирогъ былъ уже съѣденъ идоломъ, въ знакъ счастія для оспрова; наконецъ объявляла всѣмъ благословеніе Свяшовида, обѣщаю воинамъ побѣду и добычу²²⁴. Другое Славяне, торжествуя собраніе хлѣба, обрекали пѣшука въ даръ богамъ, и пивомъ, освященнымъ на жершеникѣ, обливали скопъ, чтобы предохранить его отъ болѣзней²²⁵. Въ Богеміи славился Майскій *праздникъ истокниковъ*. — Дни народнаго суда въ Вагріи, когда спартакины, освященные священными дубами, въ мнимомъ присутствіи своего бога Прова рѣшили судьбу гражданъ, были также днями общаго веселія²²⁶. Мы упоминали, единственно по догадкѣ, о языческихъ торжествахъ Славянъ Россійскихъ, которыхъ попромки донынѣ празднующъ весну, любовь и бога *Ладу* въ сельскихъ хороводахъ, веселыми и шумными шелками ходяще завивашъ вѣнки въ рощахъ, ночью посвящающъ огни *Купалу* и зимою воспѣвающъ имя *Коля-*

ды. — Во многихъ земляхъ Славянскихъ сохранились также съды праздника *свѣсть мертвыхъ*: въ Саксоніи, въ Даузицѣ, Богеміи, Силезіи и Польшѣ, народъ 1 Марта ходилъ въ чась разсвѣта съ факелами на кладбище и приносилъ жертвы усопшимъ²²⁷. — Въ сей день Нѣмецкіе Славяне выносили изъ деревни соломенную чучелу, образъ смерти; сожигаюши ее или бросаюши въ рѣку, и славили лѣю пѣснями. — Въ Богеміи спроили еще какіе-то веатры на распушахъ для успокоенія душъ и представляли на нихъ, въ личинахъ, шѣни мертвыхъ, сими играми торжествуя память ихъ. Такія обыкновенія не доказываютъ ли, что Славане имѣли некоторое понятіе о бессмертіи душъ, хоща Дишмаръ, Испорикъ XI вѣка, утверждалъ прошивное, говоря, будто бы они временную смерть, или разрушение шѣма, считали совершеннымъ концемъ бытія человѣческаго²²⁸?

Погребеніе мертвыхъ было также дѣйствіемъ священнымъ между языческими Славянами. Испорики Нѣмецкіе — болѣе догадкою, основанною на древнихъ обычаяхъ и преданіяхъ, нежели по извѣстіямъ современныхъ Авторовъ — описываютъ оное слѣдующимъ образомъ: Спарѣйшина

деревни объявляли жищелямъ смерть одно-го изъ нихъ посредствомъ чернаго жезла носимаго со двора на дворъ. Всѣ они провожали трупъ съ ужаснымъ воемъ, и изъ-кошюрыя женщины, въ бѣлой одеждѣ, ли-ли слезы въ маленькие сосуды, называемые *плаченными*. Разводили огонь на клаадицѣ и сожигали мершаго съ его женою, конемъ, оружіемъ; собирали пепель въ урны, гли-нныя, мѣдныя или стеклянныя, и зары-вали вмѣстѣ съ плаченными сосудами. Иногда сооружали памятники: обкладывали могилу дикими камнями, или ограждали столпами²²⁰. Печальные обряды заключа-лись веселымъ торжествомъ, которое именовалось *Стравою* и было еще въ VI вѣкѣ причиной великаго бѣдствія для Славянъ: ябо Греки воспользовались временемъ сего *пиршества въ честь мертвыхъ* и наголову побили ихъ войско²²¹.

Славяне Россійскіе — Кривичи, Сѣве-ряне, Вятичи, Радимичи — творили надъ умершими тризну: показывали силу свою въ разныхъ играхъ вонаскихъ, сожигали трупъ на большомъ костре, и заключивъ пепель въ урну, спавили ее на столпѣ въ окрестностяхъ дорогъ. Сей обрядъ, со-храненный Вятичами и Кривичами до временъ Нестора, изъявляещъ воинственный

духъ народа, который праздновалъ смерть, чтобы не спрашиваться ее въ башвахъ, и печальными урнами окружалъ дороги, чтобы пріучить глаза и мысли свои къ симъ знакамъ человѣческой пыльности. Но Славяне Киевскіе и Волынскіе издревле погребали мершвыхъ; нѣкоторые имѣли обыкновеніе, вмѣстѣ съ трупомъ, зарывать въ землю слѣтенный изъ ремней лѣстница; ближайше умершаго язвили лица свои, и замалили на могилѣ любимаго коня его²⁵¹.

Всѣ народы любили Вѣру ощевь своихъ, и самыя грубыя, самыя жестокія обыкновенія, на ней основанныя и вѣками утвержденыя, кажутся имъ святынию. Такъ и Славяне языческіе, закоренѣвши въ идолопоклонствѣ, съ великою упорностію въ печеніе многихъ сподвижникъ отвергали благодать Христову. Св. Колумбанъ, въ 613 году обративъ многихъ Нѣмецкихъ язычниковъ въ Вѣру испанную, хощѣлъ проповѣдывать ея святое ученіе и въ земляхъ Славянъ; но услышавъ ихъ дикоство, возвратился безъ успѣха, объяля, что время спасенія еще не наступило для сего народа. Видя, сколь Христианство противно заблужденіямъ язычества, и какъ оно въ среднихъ вѣкахъ больше и больше распространялось по Европѣ, Сла-

влие от лично ненавидѣли его, и прими-
мал всякаго иночлененного въ сограждане,
опроверяя Бальтійскія гавани свои для
всѣхъ мореходцевъ, исключали однихъ
Христіанъ; брали ихъ корабли въ добы-
чу, а Священниковъ приносили въ жер-
шву идоламъ. Нѣмецкіе завоеватели, по-
коривъ Вендовъ въ Германіи, долго пер-
пѣли ихъ суевіrie; но озлобленные иако-
нецъ упорствомъ сихъ язычниковъ въ идо-
лопоклонствѣ и въ древнихъ обычаяхъ
вольности, разрушили ихъ храмы, сожгли
заповѣдныя рощи и самыхъ жрецовъ ис-
пребили²³²: чтило случилось уже гораздо
послѣ того времени, какъ Владіміръ
просвѣтилъ Россію ученіемъ Христіан-
скимъ. — —

Я. Собравъ историческія дослопамяшно-
змы²³³ и гра-
моты языковъ ихъ. Греки въ шестомъ вѣкѣ на-
ходили его весьма грубымъ²³⁴. Выражая
первые мысли и попреношни людей не-
образованныхъ, рожденныхъ въ климатѣ
суровомъ, онъ долженъ быть казаться
дикимъ въ сравненіи съ языкомъ Грече-
скимъ, смягченнымъ долговременною же-
знью въ порядкѣ гражданскомъ, удоволь-
ствиями роскоши и нѣжнымъ слухомъ
людей, искони любившихъ искусства прі-

яшныя. Не имъя никакихъ памятниковъ сего первобытнаго языка Славянскаго, можемъ судишъ о немъ только по новѣйшимъ, изъ коихъ самыми древними считаються наша Библія и другія церковныя книги, переведенныя въ IX вѣкѣ Св. Кирилломъ, Меѳодіемъ и помощниками ихъ²³⁴. Но Славяне, принявъ Христіанскую Вѣру, заимствовали съ нею новые мысли, изобрѣли новые слова, выраженія, и языкъ ихъ въ среднихъ вѣкахъ безъ сомнѣнія такъ же отличался отъ древняго, какъ уже отличается отъ нашего. Разсѣянныя по Европѣ, окруженныя другими народами, и нерѣдко ими покорляемыя, Славянскія племена упраздили единство языка, и въ течение временъ произошли разныя его нарѣчія, изъ коихъ главныя суть:

1) *Русское*, болѣе всѣхъ другихъ образованное, и менѣе всѣхъ другихъ смѣшанное съ чужеземными словами²³⁵. Побѣды, за воеванія и величие государшвенное, воз вышивъ духъ народа Россійскаго, имѣли счастливое дѣйствіе и на самый языкъ его, который, будучи управляемъ дарованіемъ и вкусомъ Писателя умнаго, можетъ равняться нынѣ въ силѣ, красошѣ и пріятельности съ лучшими языками древности и нашихъ временъ. Будущая судь-

ба его зависиши отъ судьбы Государства...

2) *Польское*, смищенное со многими Лапинскими и Нѣмецкими словами: имъ говоряще не только въ бывшемъ Королевствѣ Польскомъ, но и въ нѣкои порыхъ мѣстахъ Пруссіи, Дворяне въ Линіѣ и народъ въ Силезіи, по сю спорону Одера²⁵⁸.

3) *Чешское*, въ Богеміи, въ Моравіи и Венгрии, по упівержденію Іорданову ближайшее къ нашему древнему переводу Біблії, а по мнѣнію другихъ Богемскихъ Ученыхъ среднее между Кроатскимъ и Польскимъ. Венгерское нарѣчіе именуетъ ся *Славакскимъ*, но развишися отъ Чешского болышею частію только въ выговорѣ, хотя Авгіоры *Многоглазинаго Словаря* признающъ его *особеннымъ*. Впрочемъ и другія Славянскія нарѣчія употребляющіяся въ Венгрии²⁵⁹.

4) *Иллирическое*, то есть, Болгарское — самое грубое изъ всѣхъ Славянскихъ — Боснійское, Сербское — самое пріятнѣйшее для слуха, какъ многіе находяще — Славонское и Далматское²⁶⁰.

5) *Кроатское*, сходное съ Виндскимъ въ Сциаріи, Каринтии, Крайнѣ, также съ Лаузицкимъ, Копібузскимъ, Кашубскимъ и Люховскимъ: Въ Мейсенѣ, Бранденбургѣ,

Поммеранії, Мекленбургъ и почти во всемъ Люнебургъ, гдѣ нѣкогда Славянскій языкъ былъ народнымъ, онъ уже замѣненъ Нѣмецкимъ²³⁹.

Однакожь сіи перемѣны не могли совершенно испрешибъ въ языкѣ нашемъ его, такъ сказать, первобытнаго образа, и любопытство Историковъ хотѣло открыть въ немъ слѣды малоизвѣстнаго происхожденія Славянъ. Нѣкошорые утверждали, что онъ весьма близокъ къ древнимъ языкамъ Азіатскимъ²⁴⁰; но върнѣйшее изслѣдованіе доказало, что сіе мнѣмое сходство ограничивается весьма немногими словами, Еврейскими или Халдейскими, Сирскими, Арабскими, которыя находятся и въ другихъ языкахъ Европейскихъ, свидѣтельствуя единственно ихъ общее Азіатское происхожденіе; и что Славянскій имѣетъ съ Греческимъ, Лапинскимъ, Нѣмецкимъ гораздо болѣе связи, нежели съ Еврейскимъ и съ другими Восточными. Сіе великое, явное сходство²⁴¹ всپрѣчаешся не только въ словахъ единозвучныхъ съ дѣйствіями, которыя означающія ими — ибо названія *грома, журганія* водъ, *крика.ппиць, рева* звѣрей, могутъ на всѣхъ языкахъ сходиться между собою отъ подражанія

Ещесиству²⁴³ — но и въ выражениі самыхъ первыхъ мыслей человѣка, въ озnamенованії главныхъ нуждъ жизни домашней²⁴⁵, въ именахъ и глаголахъ совершенно произвольныхъ. Мы знаемъ, что Венеды издревле жили въ сосѣдствѣ съ Нѣмцами и долгое время въ Дакій (гдѣ языкъ Лапинскій со временъ Траяновыхъ былъ въ общемъ употребленіи), воевали въ Имперіи и служили Императорамъ Греческимъ²⁴⁴; но сіи обспioятельства могли бы ввесини въ языкъ Славянскій только нѣкоторыя особенные Нѣмецкія, Лапинскія или Греческія слова, и не принудили бы ихъ забыть собственные, коренные, необходимыя въ самомъ древнѣйшемъ общесловѣ людей, то есть, въ семейственномъ. Изъ чего вѣроятнымъ образомъ заключаюшъ, что предки сихъ народовъ говорили нѣкогда однѣ языккомъ: какимъ²⁴⁵? неизвѣсно, но безъ сомнѣнія древнѣйшимъ въ Европѣ, гдѣ *Исторія* находитъ ихъ: ибо Греція, а послѣ и часть Италіи, населена *Пеласгами*, *Фракийскими жителями*, которые прежде Елленовъ упвердились въ Морѣ, и могли быть единоплеменны съ Германцами и Славянами²⁴⁶. Въ печеніе временъ удаленные другъ отъ друга, они пріобрѣшали новыя гражданскія по-

ишия, выдумывали новые слова, или присвоивали чужія, и должныствовали чрезъ нѣсколько вѣковъ говориць уже языкомъ различнымъ. Самыя общія, коренные слова легко могли измѣниться въ произношеніи, когда люди еще не знали буквъ и письма, вѣрно опредѣляющаго выговоръ.

Сіе важное искусство, немногими чертами изображать для глазъ безчисленные звуки, свѣдала Европа, какъ надобно думашь, уже въ позднѣйшія времена, и безъ сомнѣнія отъ Финикиянъ, или непосредственно, или чрезъ Пеласговъ и Елленовъ. Не льзя вообразить, чтобы древніе обитатели Пелопоннеса, Лациума, Испаніи, едва вышедши изъ дикаго состоянія, могли сами выдумать письмена, требующія удивительного разума, и споль непонятнаго для обыкновенныхъ людей, чи то они вездѣ приписывали богамъ изобрѣтеніе оныхъ: въ Египтѣ Фойшу, въ Греціи Меркурию, въ Ишаліи богинѣ Карменѣ; а нѣкоторые изъ Христіанскихъ Философовъ счищали десять Моисеевыхъ заповѣдей, рукою Всевышняго начертанныхъ на горѣ Синайской, первымъ письмомъ въ мірѣ²⁴. Къ плому же всѣ буквы народовъ Европейскихъ: Греческия, Мальпійскія, такъ называемыя Пеласгскія въ Ишаліи, Эпру-

рійськія (донынъ видимыя на монументахъ сего народа), Гальскія, изображенныя на памятнику Мученика Гордіана²⁴⁸, Ульфіловы или Гопескія, Кельтиберскія, Бешскія, Турдешанскія въ Испаніи, Руны Скандинавовъ и Германцевъ болѣе или менѣе сходствующіе съ Финикійскими и доказывающіе, что всѣ онъ произошли отъ одного корня²⁴⁹. Пеласги и Аркадцы принесли ихъ съ собою въ Италію, а наконецъ и въ Марселя къ тамошнимъ Галамъ. Испанцы могли научиться письму отъ самихъ Финикіянъ, основавшихъ Таршессъ и Гадесъ за 1100 лѣтъ до Рождества Христова²⁵⁰. Турдешане во время Спрабоново имѣли письменные законы, Испорію и Спихотворенія²⁵¹. Какимъ образомъ Европейскій Сѣверъ получилъ буквы, мы не знаемъ: отъ Финикійскихъ ли мореплавателей, поргавшихъ оловомъ Британскимъ и язычаремъ Прусскимъ? или отъ народовъ Южной Европы? Впорое кажется вѣроятнѣе: ибо Руничеcкое и Гопеское письмо сходнѣе съ Греческимъ и Лапинскимъ, нежели съ Финикійскимъ²⁵². Оно могло въ теченіе вѣковъ, чрезъ Германію или Паннонію, дойти отъ Средиземнаго моря до Балтийскаго съ вѣкоторыми перемѣнами знаковъ²⁵³.

Какъ бы по ни было, но Венеды или Славяне языческіе, обитавшіе въ спра-нахъ Бальтійскихъ, знали употребленіе буквъ. Дионімаръ говорилъ о надписяхъ идоловъ Славянскихъ: Репрскіе кумиры, найденные близъ Толмензскаго озера, до-казали справедливость его извѣстія; над-писи ихъ сослужили въ Рунахъ, заимствованыхъ Венедами отъ Готескихъ народовъ. Сіи Руны, числомъ 16, подобно древнимъ Финикійскимъ⁸⁵⁴, весьма недос-тижочны для языка Славянскаго, ис вы-ражаютъ самыхъ обыкновенныхъ звуковъ его, и были извѣстны едва ли не однимъ жрецамъ, кошорые посредствомъ ихъ означади имена обожаемыхъ идоловъ. Сла-вяне же Богемскіе, Иллірическіе и Россій-скіе не имѣли никакой азбуки до 863 го-да⁸⁵⁵, когда Філософъ Константинъ, на-званный въ монашествѣ Кирилломъ, и Меодій, братъ его, жишли Фессалоники, будучи опправлены Греческимъ Импера-торомъ Михаиломъ въ Моравію къ па-мощнимъ Христіанскимъ Князьямъ Ро-спиславу, Святополку и Коцелу, для пе-ревода церковныхъ книгъ съ Греческаго языка, изобрѣли Славянскій особенный алфавітъ⁸⁵⁶, образованный по Греческому, съ прибавленіемъ новыхъ буквъ: Б. Ж. Ц.

Ш. ІІ. Ъ. ІІ. Ъ. Ю. Я. Є²⁵⁷. Сія азбука, называемая *Кирилловскою*, донынѣ употреблешся, съ нѣкоторыми перемѣнами, въ Россії²⁵⁸, Валахіи, Молдавіи, Болгаріи, Сервіи и проч. Славяне Далматскіе имѣютъ другую, извѣстную подъ именемъ *Глагольской* или *Буквицы*, кошорая счишаецца изобрѣщеніемъ Св. Іеронима, но ложно: ибо въ IV и въ V вѣкѣ, когда жилъ Іеронимъ, еще не было Славянъ въ Римскихъ владѣніяхъ²⁵⁹. Самый древній ея памятникъ, намъ извѣстный, еспѣ хараштейная Псалтирь XIII вѣка²⁶⁰; но мы имѣемъ церковныя Кирилловскія рукописи 1056 году²⁶¹; надпись Десятинной церкви въ Киевѣ принадлежитъ еще ко временамъ Св. Владимира. Сія Глагольская азбука явно составлена по нашей²⁶²; отличающейся кудрявостію знаковъ и весьма неудобна для употребленія. Моравскіе Христіане, приставъ къ Римскому Исповѣданію²⁶³, вмѣстѣ съ Поляками начали писать Латинскими буквами, отвергнувъ Кирилловы, торжественно запрещенные Папою Ioанномъ XIII²⁶⁴. Епископы Салонскіе въ XI вѣкѣ объявили даже Меѳодія еретикомъ, а писмена Славянскія изобрѣщеніемъ Аrianскихъ Гопшевъ. Вѣроятно, что сіе самое гоненіе побудило какого нибудь Dal-

шапскаго Монаха выдумали новыя, шо есць Глагольскія буквы, и запиштишъ ихъ опъ нападенія Римскихъ суевѣровъ именемъ Св. Иеронима. — Нынѣ въ Богеміи, Моравіи, Силезіи, Лаузицѣ, Кассубіи, уношребляються Нѣмецкія; въ Илліріи, Крайнѣ, Венгріи и Польшѣ Латинскія. Славяне, кошорые съ VIII вѣка утвердились въ Пелопоннесѣ, приняли шамъ Греческую азбуку²⁶⁸.

И такъ предки наши были обязаны Христіанству не только лучшимъ понятіемъ о Творцѣ міра, лучшими правилами жизни, лучшею безъ сомнѣнія нравственностию, но и пользою самого благодѣтельнаго, самаго чудеснаго изображенія людей: мудрой живописи мыслей — изображенія, кошорое, подобно утренней зарѣ, въ вѣкахъ мрачныхъ предвѣстіло уже Науки и просвѣщеніе.

ГЛАВА IV.

Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ.

Г. 862 — 879.

Призваніе Князей Варяжскихъ въ Россію. Основаніе Монархіи Аскольдъ и Диръ. Первое нападеніе Россіянъ на Имперію. Начало Христіанства въ Кіевѣ. Смерть Рюрика.

Начало Россійской Исторіи предста-
вляетъ намъ удивительный и едва ли не
безпримѣрный въ лѣтописяхъ случай: Сла-
вяне добровольно уничтожаютъ свое древ-
нее народное правленіе, и требуютъ Го-
сударей отъ Варяговъ, которые были ихъ
непріятели. Вездѣ мечь сильныхъ или
хипросить честолюбивыхъ вводили Само-
властіе (ибо народы хотѣли законовъ, но
боялись неволи): въ Россіи оно утверди-
лось съ общаго согласія гражданъ: такъ
повѣщуетъ нашъ Лѣтописецъ — и раз-
сѣянныя племена Славянскія основали Го-
сударство, которое граничитъ нынѣ съ
древнею Дакіею и съ землями Сѣверной
Америки, съ Швеціею и съ Кипаемъ, соеди-
нившисъ предѣлами своихъ при часии міра.

Великіе народы, подобно великимъ мужамъ, имѣютъ свое младенчество, и не должны его стыдиться: опечество наше, слабое, раздѣленное на малыя области до 862 года^{**}, по лѣтосчислѣнію Несшора, обло-но величіемъ своимъ счастливому введе-нію Монархической власти.

Желая нѣкопорымъ образомъ изъяс-нить сіе важное происшествіе, мы ду-маемъ, что Варяги, овладѣвшіе странами Чуди и Славянъ за нѣсколько лѣтъ до штого времени, правили ими безъ угнете-нія и насилия, брали даинъ лѣгкую и на-блюдали справедливость. Господствуя на моряхъ, имѣя въ IX вѣкѣ союшеніе съ Югомъ и Западомъ Европы, — гдѣ на раз-валинахъ колосса Римскаго основались но-вые Государства, и гдѣ кровавые слѣды варварства, обузданнаго человѣколюби-вымъ духомъ Христианства, уже ощча-сши изгладились счастливыми трудами жизни гражданской^{**} — Варяги или Нор-маны должны были быть образованнѣ Славянъ и Финновъ, заключенныхъ въ ди-кихъ предѣлахъ Сѣвера; могли сообщинь имъ нѣкопорыя выгоды новой промышле-нности и торговли, благодѣтельныя для народа. Бояре Славянскіе, недовольные вла-

стю завоевателей, копорая уничтожала ихъ собственную, возмущали, можеши бысть, сей народъ легкомысленный, обольстили его именемъ прежней независимости, вооружили прошивъ Нормановъ и выгнали ихъ; но расправами личными обрашили свободу въ несчастіе, не умѣли восстановить древнихъ законовъ, и ввергнули опечеспво въ бездну золь междоусобія²⁶⁸. Тогда граждане вспомнили, можеши бысть, о выгодномъ и спокойномъ правлениі Норманскомъ: нужда въ благоустройстве и шишии въ велила забыть народную гордость, и Славяне, убѣжденные — шакъ званіе говоришъ преданіе — соєвътомъ Новогород-Київско-Владимирскаго старѣйшини: Гостомысла, по треборажали Владившателей опь Варлговъ²⁶⁹. Древ-скіхъ Россія-Лычопись не упоминаетъ о семъ бла-сію разумномъ соєвътникѣ; но ежели преданіе испинно, то Гостомыслъ доспоянъ без-смертия и славы въ нашей Испорії.

Новогородцы и Кривичи были тогда, ка-жепись, союзниками Финскихъ племенъ, вмѣ-слѣ съ ними платившихъ дань Варягамъ: вмѣвъ нѣсколько лѣтъ одну долю, и пови-видясь законамъ одного народа, они шымъ скро-ре могли утвердить дружескую связь между собою. Неспорѣ пишеть, чи то Сла-Г.862. виане Новогородскіе, Кривичи, Весь и Чудъ

ошправили посольство за море, къ Варягамъ-Руси; сказашь имъ⁸⁷⁰: Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣть: идите княжитъ и владѣть нами⁸⁷¹. Словъ проспыша, краткія и сильныя! Брашья, именемъ Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, знаменишые или родомъ или дѣлами, согласились принять власинъ надъ людьми, которые, умѣвъ сражаться за вольносТЬ, не умѣли ею пользоваться. Окруженные многочисленною Скандинавскою дружиною, гостовою упвердить мечеть права избранныхъ Государей, сіи честолюбивые брашья навсегда осправили оществу⁸⁷². Рюрикъ прибыль въ Новгородъ, Синеусъ на Бѣлоозеро въ область Финскаго народа Веси, а Труворъ въ Изборскъ, городъ Кривичей. Смоленскъ, населенный также Кривичами, и самый Полоцкъ осправались еще независимыми и не имѣли участія въ призваніи Варяговъ. Слѣдственно Держава трехъ Владѣтелей, соединенныхъ узами родства и взаимной пользы, отъ Бѣлаозера проспирала только до Эспоніи и Ключей Славянскихъ, гдѣ видимъ ошшки древняго Изборска. Сія часинъ нынѣшней С.-Петербургской, Эстляндской, Новгородской и Псковской Губерній была названа шогда *Русью*, по имени Князей

Варяго-Русскихъ. — Больше не знаемъ никакихъ доспехъныхъ подробностей; не знаемъ, благословилъ ли народъ перемъну своихъ гражданскихъ успавовъ? насладилъся ли счастливою пишиною, рѣдко извѣстною въ общеславахъ народныхъ? или пожалѣлъ о древней вольности? Хотя новѣйшие Мѣмоцисды говорятъ²⁷³, что Славяне скоро военгодовали на рабство, и какой-то Вадимъ, именуемый *Храбрымъ*, паль ошь руки сильнаго Рюрика вмѣстѣ со многими изъ своихъ единомышленниковъ въ Новѣгородѣ — случай вѣроятный: люди, привыкшіе къ вольности, ошь ужасовъ безнадѣя могли пожелать Властишилѣй, но могли и раскаяться, ежели Варяги, единоземцы и друзья Рюриковы, упѣснали ихъ — однакожъ сіе извѣстіе, не будучи основано на древнихъ сказаніяхъ Неспора, кажется одною догадкою и вымысломъ.

Чрезъ два года, по кончинѣ Синеуса и Г. 864. Трувора, старшій братъ, присоединивъ обласпни ихъ къ своему Княжесству, основалъ Монархію Россійскую. Уже предѣлы землі²⁷⁴ досшигали на Востокъ до нынѣшней Монпархіи Ярославской и Нижегородской Губерніи, а на Югъ до Западной Двины; уже Меря, Мурома и Полочане зависѣли ошь Рюрика:

ибо онъ, принявъ Единовласіе, оставилъ въ управлениі знаменитымъ единоземцамъ своимъ, кроме Бѣлаозера, Помоцкъ, Ропшевъ и Муромъ, имъ или братьями его завоеванные, какъ надобно думашъ²⁴. Такимъ образомъ вмѣстѣ съ верховною Каліжскою власію утвердилась въ Россіи, кажется, и Сиспема *Феодальная*, *Полістная* или *Удѣльная*, бывшая основаніемъ новыхъ гражданскихъ общесній въ Скандинавіи и во всей Европѣ, где господствовали народы Германскіе. Монархи обыкновенно цѣлыми областями награждали Вельможъ и любимцевъ, кооторые осправлялись ихъ подданными, но властивались какъ Государи въ своихъ Удѣлахъ²⁵: сиспема сообразная съ обстоятельствами и духомъ времени, когда еще не было ни удобнаго сношенія между владѣніями одной Державы, ни усилованія общихъ и твердыхъ, ни порядка въ гражданскихъ степеняхъ, и люди, упорные въ своей независимости, слушались единственно пло-го, кіо держаль мечъ надъ ихъ головою. Признательность Государей къ вѣроности Вельможъ участвовала также въ семъ обыкновеніи, и завоеватель дѣлился областями съ товарищами храбрыми, кооторые помогали ему пріобрѣшашь оныя.

Къ сему времени Лѣтописецъ опи-
сашъ слѣдующее важное происшествіе.
Двоє изъ единоземцевъ Рюрковыхъ, име-
Аскольдъ и Диръ, можешъ быши, не-
когда довольные симъ Княземъ⁸¹⁶, оправились
Диръ съ товарищами изъ Новагорода въ Кон-
стантинополь искать счастія; увидѣши
на высокомъ берегу Днѣпра маленькой го-
родокъ, и спросили: чей онъ? Имъ отвѣ-
тили, что спроили его, при бра-
тва, давно скончались, и что миролюбивы-
ые жители платятъ дань Козарамъ. Сей
городокъ былъ Киевъ: Аскольдъ и Диръ
завѣдали имъ; присоединили къ себѣ мно-
гихъ Варяговъ изъ Новагорода; начали
подъ именемъ Россіянъ властствовать какъ
Государи въ Киевѣ, и помышлять о важ-
нѣйшемъ предпріятіи, доспойномъ Нор-
манской смѣлости. Прежде шли они въ
Константинополь, вѣроятно, для того,
чтобы служить Императору: тогда обод-
ревные своимъ успѣхомъ и многочислен-
ностью войска, дерзнули объявить себя
врагами Греціи. Судоходный Днѣпъ bla-
гопріятствовалъ ихъ намѣренію: воору-
живъ 200 судовъ, сіи витязи Сѣвера, из-
древле опытные въ кораблеплаваніи, от-
крыли себѣ путь въ Черное море и въ
вое на-
паде самыи Воспоръ Фракійскій, опустошили

Г.866.

Пер. крыли себѣ путь въ Черное море и въ
самыи Воспоръ Фракійскій, опустошили

огнемъ и мечемъ берега его, и скоро осадили Константинополь съ моря. Сполица Восточной Имперіи въ первый разъ увидела сихъ грозныхъ непріящелей; въ первый разъ съ ужасомъ произнесла имя Россіинъ, Рѣс. Молва народная возвѣшила ихъ Скиоами, жищелами баснословной горы Тавра, уже побѣдищелами многихъ народовъ окрестныхъ. Михаилъ III, Неронъ своего времени, царствовалъ шогда въ Константинополѣ, но былъ въ опушкѣ, воюя на берегахъ Черной рѣки съ Агарянами²⁷⁷. Узнавъ отъ Эпарха или Намѣстника Цареградскаго о новомъ непріящеле, онъ спѣшилъ въ сполицу, съ великою опасноснію пробрался сквозь суда Россійскія, и не смѣя оправдати ихъ силою, ожидалъ спасенія отъ чуда. Оно совершилось, по сказанію Византийскихъ Льшописцевъ. Въ славной церкви Влахернской, построенной Императоромъ Маркіаномъ на берегу залива, между нынѣшнею Перою и Царемградомъ, хранилась шакъ называемая риза Богоматери, къ которой прибѣгалъ народъ въ случаѣ бѣдствій²⁷⁸. Патріархъ Фошій съ торжественными обрядами вынесъ ее на берегъ и погрузилъ въ море, плахое и спокойное. Вдругъ сдѣлалась буря; разсыпала, исхре-

была флотъ непріятельской, и только слабые остатки его возвратились въ Киевъ.

Несторъ согласно съ Византійскими Историками описываетъ сей случай; во въкошоры изъ нихъ прибавляютъ, что язычники Россійские, устрашенные Небеснымъ гѣвомъ, немедленно отправили Пословъ въ Константинополь, и пребывали свяпаго крещенія. Окружная грамота Патріарха Фотія, писанная въ исходѣ 866 года къ Восточнымъ Епископамъ, служитъ досповѣрнымъ подтверждѣніемъ сего любопытнаго для насъ извѣстія²⁷⁹. «Россы», говорить онъ: «славные жестокостию, побѣдили народовъ соѣдѣнныхъ, и въ гордости своей дерзнувшіе звоевать съ Имперію Римскою, уже осаждили суевѣrie, исповѣдующіе Христа и засушь друзы наши, бывъ еще не-даю злѣйшими врагами. Они уже приняли волю насть Епископа и Священника, имъ живое усердіе къ богослуженію Христіанскому». Константинъ Багрянородный и другіе Греческие Историки пишутъ, что Россы крестились во время Царя Василія Македонскаго и Патріарха Игнація, то есть, не раньше 867 года²⁸⁰. «Императоръ» говорятъ они: «не имѣя возможності побѣдить Россовъ, склонилъ ихъ къ миру

«богатыми дарами, состоявшими въ золотѣ, серебрѣ и шелковыхъ одѣждахъ. «Онъ прислалъ къ нимъ Епископа, посвященнаго Игнатіемъ, копорый обратилъ ихъ въ Христіанство.» — Сіи два извѣстія не прошиворѣчашъ одно другому. Фомпій въ 866 году могъ оправить церковныхъ ученикѣй въ Кіевъ: Игнатій ^{чадо Хри-} ^{справа} ^{Кіевъ} шакже; они насадили памъ первыя съмена ^{въ}. Вѣры испанной: ибо Неспорова лѣшопись свидѣтельствуетъ, что въ Игорево время было уже много Христіанъ въ Кіевѣ ^{заг.}. Вѣроюно, что проповѣдники, для лучшаго успѣха въ дѣлѣ своемъ, когда же ввели въ употребленіе между Кіевскими Христіанами и новыя письмена Славянскія, изобрѣтенные Кирилломъ въ Моравіи за нѣсколько лѣтъ до того времени. Обстоятельства благопріатствовали сему успѣху: Славяне исповѣдовали одну Вѣру, а Вараги другую^{заг.}; въ послѣдствіи увидимъ, что древніе Государи Кіевскіе наблюдали священные обряды первой, сгрудя внушенію весьма естественнаго благоразумія; но усердіе ихъ къ чужеземнымъ идоламъ, коихъ обожали они единственно въ угожденіе главному своему народу, не могло быть искреннимъ, и самая государственная польза заставляла Князей не

препятствовашъ успѣхамъ новой Вѣры, соединившей ихъ подданныхъ, Славянъ, и надежныхъ швавицей, Варяговъ, узами духовнаго братства. Но еще не наступило время совершенного торжества ея.

Такимъ образомъ Варяги основали двѣ Самодержавныя области въ Россіи: Рюрикъ на Сѣверѣ, Аскольдъ и Диръ на Югѣ. Не вѣроятно, чтобы Козары, бравшіе дань съ Кіева, добровольно уступили его Варягамъ, хотя Лѣтописецъ молчитъ о воинскихъ дѣлахъ Аскольда и Дири въ спранахъ Днѣпровскихъ²⁸⁵: оружіе безъ сомнѣнія рѣшило, кому начальствовать надъ миролюбивыми Полянами; и ежели Варяги дѣйствительно, претерпѣвъ уронъ на Черномъ морѣ, возвращались отъ Константинополя съ неудачею, то имъ надлежало бытъ счастливѣе на сухомъ пушнѣ: ибо они удержали за собою Кіевъ.

Несмотрѣя молчаніе шакже о дальнѣйшихъ предпріятіяхъ Рюрика въ Новѣгородѣ, за недоспашкомъ современныхъ извѣсій, а не для того, чтобы сей Князь отважный, пожертвовавъ отечествомъ власполнюбію, провелъ оспапокъ жизни въ бездѣйствії: дѣйствовать же значило тогда воевать, и Государи Скандинавскіе, единоземцы Рюриковы, принимая власить

онъ народа, обыкновенно клялися, име-
немъ Одиновыимъ, быти завоевашелами²⁸⁴.
Спокойствіе Государства, мудрѣ законо-
дательство и правосудіе составляють
нынѣ славу Царей; но Князья Русскіе въ
IX и X вѣкѣ еще не довольствовались
себо благоворною славою. Окруженный
къ Западу, Съверу и Востоку народами
Финскими, Рюрикъ могъ ли оспавить въ
покоѣ своихъ ближнихъ сосѣдовъ, когда
и самые отдаленные берега Оки должен-
ствовали ему покорицься? Вѣроятно,
что окрестности Чудскаго и Ладожскаго
озера были также свидѣщелми муже-
ственныхъ дѣлъ его, неописанныхъ и заб-
венныхъ. — Онъ княжилъ единовласно,
по смерти Синеуса и Трувора, 15 лѣтъ
въ Новгородѣ и скончался въ 879 году,^{Смерт.}
вручивъ правленіе и малолѣтнаго сына,^{Рю-}
^{рика} Игоря, родственнику своему Олегу.

Память Рюрика, какъ первого Само-
держца Россійскаго, оссталась безсмертною
въ нашей Исторіи, и главнымъ дѣйствиемъ
его княженія было твердое присоедине-
ніе нѣкоторыхъ Финскихъ племенъ къ па-
роду Славянскому въ Россіи, такъ, что
Весь, Меря, Мурома, наконецъ обрати-
лись въ Славянъ, принявъ ихъ обычай,
языкъ и Вѣру²⁸⁵.

ГЛАВА У.

Олегъ Правитель.

Г. 879 — 912.

Завоеванія Олеговы. Нашествіе Угровъ. Супружество Игоря. Россіане служашь въ Грекїи. Олегъ вдѣшъ на Царыградъ. Миръ съ Греками. Договоръ съ Имперію. Кончины Олега.

Г. 879. Рюрикъ, по словамъ лѣтописи, вручили Олегу правленіе за малолѣтіемъ сына. Сей Опекунъ Игоревъ скоро прославился великою своею оливажношю, победами, благоразуміемъ, любовию поданныхъ.

Вѣсль о счастливомъ успѣхѣ Рюрика и брашевъ его, желаніе участвовать въ ихъ завоеваніяхъ и надежда обогатиться, безъ сомнѣнія привлекли многихъ Варяговъ въ Россію. Князья рады были соотечественникамъ, которые усиливали ихъ вѣрную, смѣлую дружину. Олегъ, пылая скаволюбіемъ Героевъ, не удовольствовался симъ войскомъ, но присоединилъ къ нему великое число Новгородцевъ, Кривичей, Веси, Чуди, Мери, и въ 882 году

шопея къ странамъ Днѣпровскімъ⁸⁶. Смоленскъ, городъ вольныхъ Кривичей, Г882 сдался ему, кажется, безъ сопротивленія: чemu могли способствовать единоплеменники ихъ, служившиe Олегу. Первая удача Оле- была залогомъ новыхъ: храбрый Князь, <sup>Завое-
вникъ</sup> поручивъ Смоленскъ своему Боярину, вступи- пилъ въ область Свѣрлъ и взялъ Лю- бечь, древній городъ на Днѣпре. Но же- ланія завоевателя спремились дальше: слухъ о независимой Державѣ, основанной Асколь- домъ и Диромъ, благословенный климатъ и другія естественные выгоды Малорос- сіи, еще украшенныя, можетъ быть, раз- сказами, влѣкли Олега къ Кіеву. Вѣроѧт- ность, что Аскольдъ и Диръ, имѣя силь- ную дружину, не захотятъ ему добро-вольно поддаться, и непріятная мысль сраjkаться съ единоземцами, равно искус- ными въ дѣлѣ воинскомъ, принудили его употребить хитрость. Оставивъ назади войско, онъ съ юнымъ Игоремъ и съ не- многими людьми приплылъ къ высокимъ берегамъ Днѣпра, гдѣ стоялъ древній Кіевъ⁸⁷; скрылъ вооруженныхъ ратни- ковъ въ ладіхъ, и велѣлъ объявить Го- сударямъ Кіевскимъ, что Варяжские купцы, отправленные Княземъ Новогородскимъ въ Грецію, хотятъ видѣть ихъ какъ дру-

зей и соотечественниковъ. Аскольдъ и Диръ, не подозрѣвая обмана, спѣшили на берегъ: воины Олеговы въ одно мгновеніе окружили ихъ. Правителъ сказалъ: *ты не Князъ и не знаменитаго рода, но я Князь* — и показавъ Игоря, примолвилъ: *вотъ сынъ Рюриковъ*²⁸⁸! Симъ словомъ осужденные на казнь, Аскольдъ и Диръ, подъ мечами убийцъ, пали мершевые къ ногамъ Олеговымъ... Проспопа, свойственная нравамъ IX вѣка, дозволяюща вѣриить, что мнимые купцы могли привезти къ себѣ шакимъ образомъ Владышелей Кіевскихъ; но самое общее варварство сихъ временъ не извиняетъ убийства жестокаго и коварнаго. — Тѣла несчастныхъ Князей были погребены на горѣ, гдѣ въ Неспорово время находился Ольминъ дворъ²⁸⁹; кости Дировы покоялись за храмомъ Св. Ирины; надъ могилою Аскольда спояла церковь Св. Николая, и жители Кіевскіе донынѣ указываютъ сіе мѣсто на крушомъ берегу Днѣпра, ниже монастыря Николаевскаго, гдѣ враспашь въ землю малая, вешкая церковь.

Олегъ, обагренный кровью невинныхъ Князей, знаменитыхъ храбростію, вошелъ какъ побѣдитель въ городъ ихъ, и жи-

тели, устрашенные самыимъ его злодѣя-
ніемъ и сильнымъ войскомъ, признали въ
немъ своего законнаго Государя. Веселое
мѣстоположеніе, судоходный Днѣпръ, удоб-
ность имѣть сообщеніе, зторговлю или
войну съ разными богатыми справами —
съ Греческимъ Херсономъ, съ Козарскою
Тавридою, съ Болгарію, съ Константи-
нополемъ — плѣнили Олега, и сей Князь
сказалъ: да будетъ *Кievъ матерью городовъ*
Российскихъ! Монархи народовъ образо-
ванныхъ желають имѣть столицу среди
Государства, впервыхъ для того, чтобъ
лучше надзирать надъ общимъ его пра-
вленіемъ, а воинърхъ и для своей безо-
пасности: Олегъ, всего болѣе думая о за-
воеваніяхъ, хощъль жить на границѣ,
чтобы тѣмъ скорѣе нападать на чуждыя
земли; мыслилъ ужасать сосѣдовъ, а не
бояться ихъ. — Онъ поручилъ дальняя
области Вельможамъ; велъль спроиць
города, или неподвижные спаны для вой-
ска, коему надлежало бытъ грозою и
внѣшнихъ непріятелей и внутреннихъ
мятежниковъ; установилъ также налоги
общіе. Славяне, Кривичи и другіе народы
должны были плащать дань Варягамъ,
служившимъ въ Россіи: Новгородъ даваль-
имъ ежегодно 300 гривенъ тогдашнею

ходящею монетою Россійскою²⁹⁰: что предспавляло цѣну сша-пятидесяти фунтовъ серебра. Сю дань получали Варяги, какъ говорицъ Неспоръ, до кончины Ярославової: съ шого времени лѣтописи наши дѣйствицельно уже молчашъ о службѣ ихъ въ Россії²⁹¹.

Обширныя владѣнія Россійскія еще не имѣли твердой связи. Ильменскіе Славяне граничили съ Весью, Весь съ Мерею, Мера съ Муромою и съ Кривичами²⁹²; но сильные, опь Россіянъ независимые народы обитали между Новынгородомъ и Г.883. Кіевомъ. Храбрый Князъ, давъ отдохнуть войску, спѣшилъ къ берегамъ рѣки Припети: тамъ, среди лѣсовъ мрачныхъ, Древляне свирѣпые наслаждались вольностю и всپрѣтили его съ оружіемъ; но побѣда увѣнчала Олега, и сей народъ, боязный звѣрлими, обязался ему плашишъ Г.884 дань черными куницами. Въ слѣдующіе — 85. два года Князь Россійскій овладѣлъ землею Днѣпровскихъ Сѣверянъ и соѣдственныхъ съ ними Радимичей. Онъ побѣдилъ первыхъ, освободилъ ихъ опь власти Козаровъ, и сказавъ: *я врагъ имъ, а не вамъ!* удовольствовался самымъ легкимъ налогомъ: вѣроность и добroe расположеніе Сѣверянъ быди ему всего нужнѣе для безо-

наснаго сообщенія южныхъ областей Россійскихъ съ сѣверными. Радимичи, живши
ли береговъ Сожскихъ, добровольно согла-
сились давашь Россіянамъ то же, чѣмъ
Козарамъ: по щилгу или мелкой монетѣ
съ каждой сохи. Такимъ образомъ, соеди-
ніе цвпю завоеваній Киевъ съ Новыимго-
родомъ, Олегъ уничтожилъ господство
Хана Козарекаго въ Вышебской и Черни-
говской Губерніи. Сей Ханъ дремалъ, жа-
женія, въ пріаціосцахъ Восточной ро-
скоши и нѣги: изобиліе Тавриды, долго-
временная связь съ цвѣущимъ Херсономъ
и Константинополемъ, торговля и мир-
ныя искусства Греціи усыпили воинскій
духъ въ Козарахъ, и могущество ихъ уже
клонилось къ паденію.

Покоривъ Сѣверъ, Князь Россійскій
обращилъ счастливое оружіе свое къ Югу,
Въ лѣвую сторону опь Днѣпра, на бе-
регахъ Сулы, жили еще независимые отъ
Россійской Державы Славяне, единоплемен-
ные съ Черниговцами: овъ завоевалъ спра-
ну ихъ, пакже Подольскую и Волынскую
Губернію, часль Херсонской и, можешъ
быть, Галицію: ибо Лѣтописецъ, въ чи-
слѣ его подданныхъ имешуель Дулебовъ,
Тивирцевъ и Хорватовъ, шамъ обишивав-
шихъ²⁹⁵.

*

Но между тѣмъ, какъ побѣдоносныя знамена сего Героя развѣвались на берегахъ Днѣпра и Буга, новая столица его увидѣла предъ спѣвами своими многочисленныя вѣжи или шатры Угровъ (Маджаровъ или нынѣшихъ Венгерцевъ), когда торые обитали нѣкогда близъ Урала, а въ IX вѣкѣ на Востокѣ отъ Кіева, въ странѣ Лебедии, можетъ быть въ Харьковской Губерніи, гдѣ городъ Лебединъ напоминаетъ сіе имѧ. Вышесленные Печеньгами, они искали тогда жилищъ новыхъ; нѣкоторые перешли за Донъ, на границу Персіи; другіе же успѣшились на Западъ: мѣсто, гдѣ они стояли подъ Кіевомъ, называлось еще въ Несторово время *Угорскими*²³⁴. Олегъ пропустилъ ихъ дружелюбно, или отразилъ силою, неизвѣстно; сіи бѣглецы переправились чрезъ Днѣпръ и завладѣли Молдавію, Бессарабію, землею Волошскою.

Далѣе не находимъ никакихъ извѣстій о предпріятіяхъ дѣятельного Олега до самаго 906 года²³⁵; знаемъ только, что онъ правиль еще Государствомъ и въ то время, когда уже пипомецъ его возмужалъ лѣтами. Пріученный изъ дѣлства къ повиновенію, Игорь вѣ дерзаль требовать своего наслѣдія отъ Правителя

властполюбиваго, окруженнаго блескомъ побѣдъ, славою завоеваній и храбрыми товарищами, которые счищали его властъ законною; ибо онъ умѣлъ ею возвеличить Государство. Въ 903 году Олегъ избралъ Су-
для Игоря супругу, сю въ нашихъ лѣ-
шописяхъ безсмертную Ольгу, славную пру-
шогда еще однѣми прелестями женскими же-
и благонравiemъ. Ее привезли въ Киевъ изъ ство
Плескова или нынѣшняго Пскова: такъ Иго-
ишетъ Несшоръ. Но въ особенномъ ея рд.
жизни и въ другихъ новѣйшихъ испу-
рическихъ книгахъ сказано, что Ольга
была Варяжскаго проспаго рода, и жила
въ веси, именуемой Выбушскою, близъ
Пскова; что юный Игорь, прїехавъ изъ
Киева, увеселялся памъ иѣкогда звѣриною
ловлею; увидѣлъ Ольгу, говорилъ съ нею,
узналъ ея разумъ, скромность, и предпо-
чель сю любезную сельскую дѣвицу всѣмъ
другимъ невѣстамъ. Обыкновенія и нра-
вы тогдашихъ временъ конечно дозвола-
ли Князю искашь для себя супруги въ
самомъ низкомъ состояніи людей: ибо
красота уважалась болѣе знаменитаго ро-
да; но мы не можемъ ручаться за истину
преданія, неизвѣстнаго нашему древне-
му Лѣтописцу; иначе онъ не пропустилъ
бы споль любопытнаго обстоятельства

въ житії Св. Ольги. Имя свое приняла она, кажется, отъ имени Олега, въ знакъ дружбы его къ сей достойной Княгинѣ, или въ знакъ Игоревой къ нему любви.

Вѣроятно, что сношеніе между Константинополемъ и Киевомъ не прерывалось со временія Аскольда и Дира; вѣроятно, что Цари и Патріархи Греческіе спа-
рались умножать число Христіанъ въ Киевѣ и вывесили самого Князя изъ тьмы ядо-
жопоклонства; но Олегъ, принимая, мо-
жетъ быть, Священниковъ отъ Патріарха
и дары отъ Императора, вѣрилъ больше
всего мечу своему, довольствовался мир-
вымъ союзомъ съ Греками и терпимо-
стью Христіанства. Мы знаемъ по Ви-
 зантийскимъ извѣстіямъ, что около сего
времени Россія считалась шестидесятымъ
Архіепископствомъ въ спискѣ Епархій, за-
вистѣвшихъ отъ Главы Константинополь-
скаго Духовенства; знаемъ также, что
слу-
жали въ 902 году 700 Россовъ, или Кіевскихъ
и Гре-
ціи. Варяговъ, служили во флотѣ Греческомъ,
и что имъ платили изъ казны 100 лимпъ
золота⁹⁹⁶. Спокойствіе, которымъ Рос-
сія, покоривъ окрестные народы, могла
нѣсколько времени наслаждаться, давало
свободу вишлязамъ Олеговымъ искать дѣя-
тельности въ службѣ Императоровъ: Гре-

ки уже издавна осыпали золотомъ такъ называемыхъ варваровъ, чтобы они дикою храбростю своею ужасали не Константинополь, а враговъ его. Но Олегъ, наскучивъ пишиною, опасною для воинственной Державы, или завидуя богатству Царяграда, и желая доказать, что казна робкихъ принадлежитъ смѣлому, рѣшился воевать съ Имперіею. Всѣ народы, г.906. ему подвластные: Новогородцы, Финские жители Бѣлаозера, Рословская Меря, Кри-
вичи, Сѣверяне, Поляне Кіевскіе, Радими-
чи, Дулѣбы, Хорваты и Тивирцы соеди-
нились съ Варягами подъ его знаменами⁹⁷.
Днѣпръ покрылся двумя тысячами лег-
кихъ судовъ: на всякомъ было сорокъ воиновъ; конница шла берегомъ. Игорь оспал-
ся въ Кіевѣ: Правитель не хопѣлъ раздѣ-
лить съ нимъ ни опасностей, ни славы.
Надлежало побѣдить не только враговъ,
но и Природу, такими чрезвычайными
усиліями, которыя могли бы устрашить
самую дерзкую предпріимчивость нашего
времени, и кажутся едва вѣроятными.
Днѣпровскіе пороги и нынѣ мѣлаютъ
судоходству, хопя спремлевіе воды въ
шченіе столѣтій и наконецъ искусство
людей разрушили нѣкоторыя изъ сихъ
преградъ каменныхъ⁹⁸: въ IX и X вѣкѣ

они должныствовали быть несравненно опаснѣе. Первые Варяги Киевскіе осмѣлились пройти сквозь ихъ острый скалы и кипящія волны съ двумя спасами судовъ: Олегъ со флотомъ въ десять разъ сильнѣйшимъ. Константинъ Багрянородный описалъ намъ, какъ Россіяне въ семъ плаваніи обыкновенно преодолѣвали шрудности: бросались въ воду, искали гладкаго дна, и проводили суда между камнями; но въ вѣкопорыхъ мѣстахъ выпаскивали свои лодки изъ рѣки, влекли берегомъ или несли на плечахъ, будучи въ то же самое время головы опрѣжашь непріятеля²⁹⁹. Доплыvъ благополучно до Лимана, они исправляли мачты, парусы, рули; входили въ море, и держась западныхъ береговъ его, доспигали Греціи. Но Олегъ вѣль съ собою еще сухопутное, конное войско: жищели Бессарабіи и сильные Болгары дружелюбно ли пропустили его? Лѣтописецъ не говоритъ о томъ. Но мужественный Олегъ приближился наконецъ къ Греческой столицѣ, гдѣ суевѣрный Императоръ Леонъ, прозванный Философомъ, думалъ о вычешахъ Аспрологіи болѣе, нежели о безопасности Государства. Онъ вѣлькошолько заградить цѣпію гавань³⁰⁰, и далъ волю Олегу разорять Ви-

западскія окрестности, жечь селенія, церкви, увеселишельные дома Вельможъ Греческихъ. Несторъ, въ доказательство своего безпристрастія, изображаетъ самыми черными красками жестокость и безчловѣчие Россіянъ. Они плавали въ крови несчастныхъ, перезали плѣнниковъ, бросали живыхъ и мертвыхъ море. Такъ никогда поступали Гунны и народы Германскіе въ областяхъ Имперіи; такъ, въ сie же самое время, Норманы, единоземцы Олеговы, свирѣпствовали въ Западной Европѣ. Война даєтъ вынѣ право убивать непріятелей вооруженныхыхъ: тогда была она правомъ злодѣйствовать въ землѣ ихъ и хвалиться злодѣяніями.... Сіи Греки, коярдые все еще именовались согражданами Сципіоновъ и Брутовъ, сидѣли въ спѣвахъ Константинополя и смотрѣли на ужасы опускавшіяся вокругъ сполици; но Килья Россійской привелъ въ трепетъ и самый городъ. Въ лѣтописи сказано, что Олегъ поставилъ суда свои на колеса и силою одного вѣпра, на распущенныхъ парусахъ, сухимъ пушнемъ шелъ со флотомъ къ Константинополю. Можетъ быть, онъ хотѣлъ сдѣлать то же, чтио сдѣлалъ послѣ Магометъ II: вельможамъ шашишъ суда берегомъ въ га-

вань, чтобы приспустить къ спѣнамъ городскимъ³⁰¹; а баснословіе, вымысливъ дѣйствіе парусовъ на сухомъ пушки, обращило прудное, но возможное дѣло, въ чудесное и невѣроятное. Греки, успрашенные симъ намѣреніемъ, спѣшили предложить Олегу миръ и дань. Они выслали войску его съѣспіные припасы и вино: Князь отвергнулъ то и другое, боясь оправы: ибо храбрый считаетъ мало-дущаго коварнымъ. Если подозрѣніе Олегово, какъ говорилъ Несторъ, было спрavedливо: то не Россіянъ, а Грековъ должно назвать истинными варварами Хвѣка. Побѣдитель требовалъ 12 гривенъ на каждого человѣка во флотѣ своемъ, и Греки согласились, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ, прекративъ непріятельскія дѣйствія, мирно возвратился въ отчество. Войско Россійское отступило далѣе отъ города, и Князь отправилъ Пословъ къ Императору. Лѣтопись сохранила Норманскія имена сихъ Вельможъ: Карла, Фарлафа, Веремида, Рулава, Спемида. Они замѣтили съ Консуломъ ионополемъ слѣдующій договоръ:

I. «Греки даютъ по 12 гривенъ на человѣка³⁰², сверхъ того улады на города Киевъ, Черниговъ, Переяславль, Полтавскъ,

»Роспovъ, Любечъ и другie, гдѣ власиши ѿпъ
»Князъя, Олеговы подданные.« Война была
въ сіи времена народнымъ промысломъ:
Олегъ, соблюдаю обычай Скандинавовъ и
всехъ народовъ Германскихъ, долженство-
валъ раздѣлить свою добычу съ воинами
и Полководцами, не забывая и тѣхъ, ко-
торые оставались въ Россіи.

П. »Послы, опправляемые Княземъ Рус-
скимъ въ Царьградъ, будутъ шамъ всѣмъ
»довольствованы изъ казны Император-
ской⁵⁰³. Русскимъ гостямъ или торго-
вымъ людямъ, которые прѣдупрѣзъ въ Гре-
цію, Императоръ обязанъ на шесть мѣ-
сяцевъ давать хлѣба, вина, мяса, рыбы
и плодовъ; они имѣютъ также свобод-
ный входъ въ народныя бани⁵⁰⁴, и полу-
чаютъ на возвращенный путь съѣспные
»припасы, якори, снасти, парусы и все
»нужное.«

Греки съ своей стороны предложили
такія условія: I. Россіяне, которые бы-
здуши въ Константинополь не для тор-
говли, не имѣющи права пребывать мѣ-
сячного содержанія. — II. Да запрещишъ
»Князь Посламъ своимъ дѣлать жителемъ
тобиду въ областяхъ и въ сelaхъ Гречес-
кихъ. — III. Россіяне могутъ жиши поль-
ко у Св. Мамы⁵⁰⁵, и должны уведомляти

»о своемъ прибытии городское начальство, «кошорое зашипѣ ихъ имепа и выдастъ «имъ мѣсячнѣе содержаніе: Киевскимъ, Чер- «ниговскимъ, Переяславскимъ и другимъ «гражданамъ. Они будутъ входить только «въ одни вороша городскія съ Император- «скимъ приспавомъ, безоружные и не бо- «лѣе пятидесяти человѣкъ вдругъ; мо- «гутъ торговать свободно въ Констан- «тинополѣ, и не платя никакой пошлины.«

Сей миръ, выгодный для Россіянъ, быль утвержденъ священными обрядами Вѣры: Императоръ клялся Евангеліемъ, Олегъ съ воинами, оружіемъ и богамя народа Сла- вянского, Перуномъ и Волосомъ³⁰⁶. Въ знакъ побѣды Герой повѣсили щипъ свой на вратахъ Константинополя и возвратился въ Киевъ, гдѣ народъ, удивленный его славою и багаштвами, имъ привезенными: золотомъ, шканями, разными драгоценными сплавами и искусствомъ и еспесшвенными произведеніями благословленного климата Гре- ція, единогласно назвалъ Олега *вѣщимъ*, что ешь мудрымъ или волхвомъ.

Такъ Несторъ описываетъ счастли- вый и славный походъ, коимъ Олегъ увѣи- чаль свои дѣла воинскія. Греческие Исто- рики молчатъ о семъ важномъ случаѣ³⁰⁷; но когда Дѣпицедъ нашъ не позволялъ

дѣйствовавшію своему воображенію и въ описаніи древнихъ, отдаленныхъ временъ: то могъ ли онъ, живучи въ XI вѣкѣ, выдумашь происшествіе десятаго столѣтія, еще свѣжаго въ народной памяти? могъ ли съ дерзоспію увѣрять современниковъ въ истинѣ онаго, если бы общее преданіе не служило ей порукою? Согласимся, что иѣкоторыя обстоятельства могутъ быть баснословны: товарищи Олеговы, хваляясь своими подвигами, украшали ихъ въ рассказахъ, которые, съ новыми прибавленіями, чрезъ нѣсколько времени обращались въ народную сказку, повѣренную Несторомъ безъ критического изслѣдованія; но главное обстоятельство, что *Олегъ ходилъ къ Царьграду и возвратился съ успѣхомъ*, кажется достовѣрнымъ.

Доселѣ одни словесныя преданія могли руководствоваться Несторомъ⁵⁰⁸; но желая Г. 911. утвердить миръ съ Греками, Олегъ вздумалъ отправить въ Царьградъ Пословъ, которые заключили съ Имперіею договоръ *письменный, драгоценный и древній*. шій памятникъ Исторіи Россійской, сохранился въ нашей лѣтописи. Мы изъяснимъ единственно смыслъ темныхъ рѣченій, оставляя въ цѣлостности, гдѣ можно, любопытную древность слога.

Дого- ДОГОВОРЪ РУССКИХЪ СЪ ГРЕКАМИ.

воръ
съ

Импо- »Мы отъ роду Русскаго, Каръ Ивге-
рію. »лошъ, Фарловъ, Веремидъ³⁰⁹, Рулавъ, Гу-
зды, Руальдъ, Карпъ, Флелавъ, Рюартъ,
»Актушруянъ, Лидулфостъ, Стремидъ, по-
»исианные Олегомъ, Великимъ Княземъ
»Русскимъ, и всѣми сущими подъ рукою
»его³¹⁴, Свѣплыми Боярами, къ вамъ, Льву,
»Александру и Константину« (брату и
сыну первого) »великимъ Царямъ Грече-
жскимъ, на удержаніе и на изгнаніе отъ
»многихъ лѣтъ бывшия любви между Хри-
»спіанами и Русью, по волѣ нашихъ Кра-
»зей и всѣхъ сущихъ подъ рукою Олега,
»слѣдующими главами уже не словесно,
»какъ прежде, но письменно утвердили
»сю любовь, и клялися въ шомъ по за-
»кону Русскому своимъ оружіемъ.

І. »Первыми словомъ да ужиримся съ
»вами, Греки! да любимъ другъ друга отъ
»всехъ души, и не дадимъ никому изъ су-
»щихъ подъ рукою нашихъ Свѣплыхъ
»Князей обижать васъ; но попищимся, сколь
»можемъ, всегда и непреложно соблюдашь
»сю дружбу! Так же и вы, Греки, да хра-
»нице всегда любовь неподвижную къ на-
»шимъ Свѣплымъ Князьямъ Русскимъ и
»всѣмъ сущимъ подъ рукою Свѣплаго Оле-

яга³¹⁰. Въ случаѣ же преступлениѧ и вину да поспупаемъ тако:

II. »Вина доказывается свидѣтельствами; а когда нѣкто свидѣтелей, то не виновецъ, но отвѣтчикъ присягаетъ — и «каждый да клянется по Вѣрѣ своей.« Взаимныя обиды и ссоры Грековъ съ Россіянами въ Константинополѣ заставили, какъ надобно думашь, Императоровъ и Князя Олега включить спасы уголовныхъ законовъ въ мирный государственныи договоръ.

III. »Русинъ ли убіешъ Христіанина или Христіанинъ Русина, да умретъ на мѣстѣ злодѣянія. Когда убійца домогитъ и скроется, то его имѣніе отдать ближнему родственнику убитаго; но жена убійцы не лишаєтся своей законной части³¹¹. Когда же преступникъ уйдетъ, не оставивъ имѣнія, то считається подъ судомъ, доколѣ найдутъ его и казнятъ смертю.

IV. »Кто ударитъ другаго мечемъ, или какимъ сосудомъ, да заплатитъ пять ливръ серебра по закону Русскому³¹²; неимовѣшій же да заплатитъ, чи томожетъ; да сниметъ съ себя и самую одежду, въ которой ходилъ, и да клянется по Вѣрѣ своей, что ни близкіе, ни

»друзъя не хотятъ его выкупить изъ винъ: тогда увольняется отъ дальнѣйшаго взысканія.

V. »Когда Русинъ украдетъ что-либо у Христіанина или Христіанинъ у Русина, и похманный на воровствѣ захочетъ сопротивляться, то хозяинъ украденной вещи можетъ убить его, не подвергаясь взысканію, и возместъ свое обращено; но долженъ только связать вора, который безъ сопрошивленія опѣдается ему въ руки. Если Русинъ или Христіанинъ, подъ видомъ обыска, войдетъ въ чей домъ и силою возмѣтъ шамъ чужое, вмѣсто своего, да заплатитъ впрое.

VI. »Когда вѣпромъ выкинетъ Греческую ладію на землю чуждую, гдѣ слушимся мы, Русь, что будемъ охранять юную вмѣстѣ съ ея грузомъ, оправимъ въ землю Греческую, и проводимъ сквозь всякое страшное мѣсто до безстрашнаго. »Когда же ей нельзя возвратиться въ отечество за бурею или другими препятствіями, то поможемъ гребцамъ и доведемъ ладію до ближней пристани Русской. Товары и все, что будетъ въ спасенной нами ладіи, да продаются свободно; и когда пойдутъ въ Грецию наши послы къ Царю, или гости для купли,

»ови съ честію приведутъ пуда ладію и
»въ цѣлосни опідадутъ, чи то выручено
»за ся шовары. Если же кто изъ Русскихъ
»убьенъ человѣка на сей ладіи, или чи то
»вибудъ украдешъ, да пріимешъ виновный
»казнь вышеозначенную.

VII. »Ежели найдутся въ Греціи между
»купленными невольниками Россіяне или
»въ Руси Греки, то ихъ освободить и
»взять за нихъ, чего они купцамъ споя-
»ли, или наспоящую, извѣсную цѣну
»невольниковъ; пльные такжде да будуть
»возвращены въ отечество, и за каждого
»да внесется окупу 20 златыхъ³¹³. Но Рус-
»скіе воины, которые изъ чести придутъ
»служитъ Царю, могутъ, буде захопятъ
»сами, оспаться въ землѣ Греческой.

VIII. »Ежели невольникъ Русскій уй-
»деть, будеши украденъ или огніятъ подъ
»видомъ купли, то хозяинъ можетъ вездѣ
»искать и взять его; а кто противится
»обыску, считается виновнымъ.

IX. »Когда Русинъ, служащий Царю Хри-
»стіанскому, умретъ въ Греціи, не распо-
»рядивъ своего наслѣдства, и родныхъ съ
»нимъ не будеть: то присланъ его имѣ-
»ніе въ Русь къ мыльни ближнимъ³¹⁴; а
»когда сдѣлаешь распоряженіе, то отдашь

вимѣніе наследнику, означенному въ духовной.

Х. »Ежели между купцами и другими людьми Русскими въ Греціи будуть виновные, и ежели потребуютъ ихъ въ воинчество для наказанія, то Царь Христианскій долженъ оправить сихъ преступниковъ въ Русь, хотя бы они и не ходили шуда возвращаться.

»Да поспушають такъ и Русскіе въ огношениі къ Грекамъ³¹⁵!

»Для вѣрнаго исполненія сихъ условій между нами, Русью и Греками, вели мы написать оныя киноварью на двухъ хартияхъ. Царь Греческій скрѣпилъ ихъ своею рукою, клялся Святымъ Крестомъ, Нераздѣльною Живопворящею Троицею единаго Бога, и далъ хартию нашей Свѣтлости; а мы, Послы Русскіе, дали ему другую и клялись по закону своему, за себя и за всѣхъ Русскихъ, исполнять утвержденныя главы мира и любви между нами, Русью и Греками. Сентября во 2 недѣлю, въ 15 лѣто (по естѣ Индикта) опѣ созданія міра....³¹⁶.«

Договоръ могъ быть писанъ на Греческомъ и Славянскомъ языкахъ. Уже Варяги около пятидесяти лѣтъ господствовали въ Киевѣ: сверстники Игоревы,

подобно ему рожденные между Славянами, безъ сомнѣнія говорили языкомъ ихъ лучше, нежели Скандинавскимъ. Дѣти Варяговъ, прінявшихъ Христіанство во время Аскольда и Дира, имѣли способъ выучиться и Славянской грамотѣ, изобрѣтнной Кирилломъ въ Моравіи. Съ другой стороны при Дворѣ и въ войскѣ Греческомъ находились издавна многіе Славяне, обитавши въ Фракіи, въ Пелопоннесѣ и въ другихъ владѣніяхъ Императорскихъ. Въ осьмомъ вѣкѣ одинъ изъ нихъ управлялъ, въ санѣ Патріарха, Церковю; и въ самое то время, когда Императоръ Александръ подписывалъ миръ съ Олегомъ, первыми любимцами его были два Славянина, именемъ Гаврилопулъ и Василъ: послѣднаго хотѣлъ онъ сдѣлать даже своимъ наслѣдникомъ¹¹. Условія мирныхъ надлежало разумѣть и Грекамъ и Варягамъ: первые не знали языка Нормановъ, но Славянскій былъ извѣстенъ и пѣмъ и другимъ.

Сей договоръ представляетъ намъ Россію уже не дикими варварами, но людьми, которые знаютъ святость чести и народныхъ торжественныхъ условій; имѣющіи свои законы, утверждающіе безопасность личную, собственность, правоб

наслѣдія, силу завѣщаній; имѣюшъ торговлю внуупреннюю и виѣшию. Седьмая и осьмая статья его доказывающъ — и Константинъ Багратородный то же свидѣтельствуетъ³¹⁸ — что купцы Россійскіе торговали невольниками: или плѣнными, взятыми на войнѣ, или рабами купленными у народовъ сосѣдственныхъ, или собственными преступниками, закопаннымъ образомъ лишенными свободы. — Надобно также примѣшить, что между именами чешырнадцати Вельможъ, употребленныхъ Великимъ Княземъ для заключенія мирныхъ условій съ Греками, явить ни одного Славянскаго. Только Варяги, кажется, окружали нашихъ первыхъ Государей и пользовались ихъ довѣренностью, участвую въ дѣлахъ правленія.

Императоръ, одаривъ Пословъ золотомъ, драгоценными одеждами и тканями³¹⁹, велѣлъ показать имъ красоту и богатство храмовъ (которые сильнѣе умственныхъ доказательствъ могли представить воображенію грубыхъ людей величие Бога Христіанскаго) и съ честію отпустилъ ихъ въ Кіевъ, где они дали отчетъ Князю въ успѣхѣ посольства.

Сей Герой, смиренный лѣпами, хотѣлъ уже пишины и наслаждался всеобщимъ

миромъ. Никто изъ сосѣдовъ не дерзъ прервать его спокойствія. Окруженный знаками побѣдъ и славы, Государь народовъ многочисленныхъ, повелитель войска храбраго могъ казацься грознымъ и въ самомъ усыпленіи спароси. Онъ совершилъ на земль дѣло свое — и смерть его казалась попомству чудесною. «Волхвы» — пакъ говорить Лѣтописецъ — «предсказали Князю, что ему суждено умереть отъ любимаго коня своего. Съ прошаго времени онъ не хотѣлъ ъздитъ на вынѣмъ. Прошло четыре года: въ осень пятыаго вспомнилъ Олегъ о предсказаніи, и слыша, что конь давно умеръ, посмѣялся надъ волхвами; захотѣлъ видѣть его въкоспи; спалъ ногою на черепъ и сказалъ: его ли мнѣ бояться? Но въ черепѣ нашлаась змѣя: она ужалила Князя, и Герой скончался».... Уваженіе къ памяти великихъ мужей и любопытство знать га. все, что до нихъ касаєтся, благопріяли спивующъ пакимъ вымысламъ и сообщають ихъ отдаленнымъ потомкамъ. Можемъ вѣриль и не вѣришь, что Олегъ въ самомъ дѣлѣ былъ ужаленъ змѣю на могилѣ любимаго коня его³²⁰; но мнимое пророчество волхвовъ или кудесниковъ

есть явная народная басня, достойная замечания по своей древности.

Гораздо важнее и достовернее то, что Льтописецъ повествуетъ о следствияхъ кончины Олеговой: *народъ стенахъ и проливалъ слезы*. Что можно сказать сильнее и разительнее въ похвалу Государя умершаго? И такъ Олегъ не только ужасалъ враговъ: онъ былъ еще любимъ своими подданными. Воины могли оплакивать въ немъ смѣлаго, искуснаго предводителя, а народъ защитника. — Присоединивъ къ державѣ своей лучшія, богатѣйшія страны вынѣшней Россіи, сей Князъ былъ испиннымъ основателемъ величія. Рюрикъ владѣлъ отъ Эстоніи, Славянскихъ Ключей и Волхова до Бѣлаозера, устья Оки и города Роспова: Олегъ завоевалъ все отъ Смоленска до реки Сулы, Днѣстра и, кажется, самыхъ горъ Карпатскихъ⁵²¹. Мудростью Правителля цвѣтушъ Государства образованыя; но только сильная рука Героя основывавшая великія Имперіи и служивъ имъ надежною опорою въ ихъ опасной новости. Древняя Россія славится не однимъ Героемъ: никто изъ нихъ не могъ сравниться съ Олегомъ въ завоеваніяхъ, кошорыя утвердили ея бышіе могущесвенные

ное. Испорія признаєшъ ли его незаконнымъ Власпелиномъ съ шого времени, какъ возмужаль наследникъ Рюриковъ? Великія дѣла и польза государственная не извиняютъ ли власполюбія Олегова? и права наследственные, еще неутвержденные въ Россіи обыкновеніемъ, могли ли ему казаться священными? Но кровь Аскольда и Дира осталась пампомъ его славы.

Олегъ, княживъ 33 года, умеръ въ глубокой старости, ежели онъ хотя юношою пришелъ въ Новгородъ съ Рюрикомъ. Тѣло его погребено на горѣ Щековицѣ, и жители Кіевскіе, современники Нестора, звали сіе мѣсто Ольговою могилою.

ГЛАВА VI.

Князь Игорь.

Г. 912 — 945.

Битъ Древлянъ. Явленіе Печенѣговъ. Нападеніе Игоря на Грецію. Договоръ съ Греками. Убієшіе Игоря.

Игорь въ зрѣломъ возрастѣ мужа пріялъ Г. 912 властъ опасную: ибо современники и по- — 15.

шомство требующъ величія отъ наследниковъ Государя великаго, или презираютъ недостойныхъ.

Г.913 Смерть побѣдителя ободрила побѣдненныхъ, и Древлне опложились отъ Бунт. Древлнія Кіева. Игорь спѣшилъ доказать, что въ аланъ его рукѣ мечъ Олеговъ; смириль ихъ и Г.914 наказать прибавлніемъ дани⁵²². — Но скончалася ро новые враги, сильные числомъ, страшные дерзоспію и грабительствомъ, явившися въ предѣлахъ Россіи. Они подъ именемъ Легенльговъ такъ славны въ лѣнивнисяхъ нашихъ, Византійскихъ и Венгерскихъ отъ X до XII вѣка, что мы должны, при вступленіи ихъ на єеатръ Испорїи, сказать нѣсколько словъ о свойствѣ и древнемъ опечествѣ сего народа⁵²³.

Восточная страна нынѣшней Российской Монархіи, где текутъ реки Иртышъ, Тоболь, Ураль, Волга, въ продолженіе многихъ сполѣній ужасала Европу грознымъ явлніемъ народовъ, которые одинъ за другимъ выходили изъ ед. степей обширныхъ, различные, можетъ быть, языкомъ, но сходные характеромъ, образомъ жизни и свирѣпостію. Всѣ были кочующіе; всѣ пипались скоповодствомъ и звѣриною зловлею: Гуны, Угры, Болгары, Авары, Турки — и всѣ они исчезли въ Европѣ,

кромъ Угровъ и Турковъ. Къ симъ народамъ принадлежали Узы и Печенѣги, единоплеменники Туркомановъ: первые, обиная между Волгою и Дономъ, въ сосѣдствѣ съ Печенѣгами, выгнаны изъ степей Сараповскихъ: изгнанники успремились къ Западу; овладѣли Лебедію, чрезъ вѣсколько лѣтъ³²⁴ опустошили Бессарабію, Молдавію, Валахію; принудили Угровъ переселиться оттуда въ Паннонію и начали господствовать отъ рѣки Дона до самой Алупты, соединивъ 8 разныхъ областей, изъ коихъ 4 были на Востокѣ отъ Днѣпра, между Россіянами и Козарами; а другія на западной спороги его, въ Молдавіи, Трансильваниі, на Бугѣ и близъ Галиціи, въ сосѣдствѣ съ народами Славянскими, подвластными Киевскимъ Государамъ. Не зная земледѣлія, обитая въ шатрахъ, кибиткахъ или вежахъ, Печенѣги искали единственно пучныхъ луговъ для стадъ; искали также богатыхъ сосѣдовъ для грабительства; славились быстротою коней своихъ; вооруженные копьями, лукомъ, стрѣлами, мгновенно окружали непріятеля и мгновенно скрывались отъ глазъ его; бросались на лошадяхъ въ самыя глубокія рѣки или вмѣсто лодокъ употребляли

большіл кожи. Они вносили Персидскую одежду, и лица ихъ изображали свирепость³²⁵.

Печенѣги думали, можетъ быть, ограбиши Кіевъ; но вспирѣченные сильнымъ войскомъ, не захотѣли опівѣдать счастія въ битвѣ, и мирно удалились въ Бессарбію или Молдавію, гдѣ уже господствовали тогда ихъ единоземцы³²⁶. Тамъ народъ сей сдѣвался ужасомъ и бичемъ соцѣдовъ; служилъ орудіемъ взаимной ихъ ненависти, и за деньги помогалъ имъ испрѣблѣть другъ друга. Греки давали ему золото для обузданія Угровъ и Болгаровъ, особенно же Россіянъ, которые также искали дружбы его; чѣобы имъша безопасную торговою съ Константинополемъ: ибо Днѣпровскіе пороги и Дунайское устье были заняты Печенѣгами³²⁷. Сверхъ того они могли всегда, съ правой и лѣвой сплошности Днѣпра, опустошать Россію, жечь селенія, увозить женъ и дѣтей, или, въ случаѣ союза, подкрѣплять Государей Кіевскихъ наемнымъ войскомъ своимъ. Сія несчастная Політика дозволяла разбойникамъ болѣе двухъ вѣковъ свободно отправливать ихъ гибельное ремесло.

Печенѣги, заключивъ союзъ съ Игоремъ, пять лѣтъ не превожили Россіи:

по крайней мѣрѣ Неспоръ говориша о первой дѣйствительной войнѣ съ ними уже въ 920 году. Преданіе не сообщило ему извѣстія объ ея слѣдствіяхъ. Княженіе Игоря вообще не ознаменовалось въ памяти народной никакимъ великимъ происшествиемъ до самаго 941 года, когда Неспоръ, согласно съ Византійскими Испориками, описываетъ войну Игореву съ Греками. Сей Князь, подобно Олегу, хотѣлъ прославить ею спарость свою, живъ до того времени дружелюбно съ Имперіею: ибо въ 935 году корабли и воины его ходили съ Греческимъ флотомъ въ Италію³²⁸. Если вѣришь Лѣтописцамъ, то Игорь съ 10,000 судовъ вошелъ въ Черное море. Болгары, тогда союзники Г.941. Императора, уведомили его о семъ не-Нападеніе пріятелѣ; но Игорь успѣлъ, приставъ къ Иго-берегу, опускшиши Воспорскія окрестности^{Рѣка Гре-цио.} скимъ Испорикамъ, съ новымъ ужасомъ говориша о свирѣпости Россіянъ: о хра-махъ, монастыряхъ и селеніяхъ, обращен-ныхъ ими въ пепель; о пленникахъ без-человѣчно убиенныхъ³²⁹, и проч. Романъ Лакапинъ, воинъ знаменишій, по Государь слабый, выслалъ наконецъ флотъ подъ начальствомъ Єофана Проповѣстія-

рія. Корабли Игоревы спояли на якоряхъ близъ Фара или маяка⁵³⁰, головые къ сраженію. Игорь споль былъ увѣренъ въ побѣдѣ, что велѣть воинамъ своимъ щадить не-пріятелей и братъ ихъ живыхъ въ плѣнъ; но успѣхъ не сооптѣвѣствовалъ его чаянію. Россіяне, приведенные въ ужасъ и беспорядокъ шакъ называемыи огнемъ, Греческимъ, копорымъ Феофанъ зажегъ многія суда ихъ, и копорый показался имъ не-бесною молніею въ рукахъ озлобленного врага, удалились къ берегамъ Малой Азіи. Тамъ Патрикій Варда съ ошборною пѣхотою, конницею, и Доместикъ Ioannъ, славный побѣдами, одержанными имъ въ Сиріи, съ опытынымъ Азіапскимъ войскомъ напали на полпы Россіянъ, грабившихъ цѣпьюшую Внѣнію, и принудили ихъ бѣжать на суда. Угрожаемые вмѣстѣ и войскомъ Греческимъ, и побѣдоноснымъ флотомъ, и голодомъ, они снялись съ якорей, ночью ошпили къ берегамъ Фракійскимъ, сразились еще съ Греками на морѣ, и съ великимъ урономъ возвратились въ опечаленіе. Но бѣдствія, прешерпѣнныя отъ нихъ Имперію въ течение трехъ мѣсяцевъ⁵³¹, осипались надолго незабвенными въ ея Азіапскихъ и Европейскихъ областяхъ.

О семъ несчастномъ Игоревомъ походѣ говорятъ не только Византійскіе, но и другіе Историки: Арабскій Эльмакинъ и Кремонскій Епископъ Ліушпрандъ³³²; послѣдній разсказываетъ слышанное имъ о пѣ своего отчима, кошорый, будучи Посломъ въ Царѣградѣ, собственными глазами видѣлъ казнь многихъ Игоревыхъ воиновъ, взятыхъ иногда въ пленъ Греками: варварство ужасное! Греки, изнѣженные роскошью, боялись опасноснѣй, а не злодѣйства.

Игорь не унылъ, но хотѣлъ отп. Г. 943
испить Грекамъ; собралъ другое многочисленное войско; призвалъ Варяговъ изъ-за моря, нанять Печенѣговъ — копорые дали ему аманатовъ въ доказательство вѣрности своей — и чрезъ два года снова пошелъ въ Грецію со флошомъ и съ конницею. Херсонцы и Болгары вшорично дали знать Императору, что море покрылось кораблями Россійскими. Лакапинъ, не уверенный въ побѣдѣ и желая спасти Имперію отъ новыхъ бѣдствій войны со врагомъ отчаяннымъ, немедленно отправилъ Пословъ къ Игорю. Встрѣтивъ его близъ Дунайскаго устья, они предложили ему дань, какую нѣкогда взялъ храбрый Олегъ съ Греціи; обѣщали и болѣе, ежели Князь благоразумно согласится на миръ;

старались также богатыми дарами обезоружить корыстолюбивыхъ Печенѣговъ. Игорь остановился, и созвавъ дружину свою, объявилъ ей желаніе Грековъ. «Когда Царь, — опровергновали вѣрные сподвижники Князя Россійскаго — безъ войны даешъ намъ серебро и золото, по чго болѣе можемъ требовать? Извѣстно ли, сколько одолѣешь? мы ли? они ли? и съ мозремъ кпо совѣтн? Подъ нами не земля, за глубина морскаго: въ ней общая смерть людямъ.» Игорь принялъ ихъ совѣтъ, взялъ дары у Грековъ на всѣхъ воиновъ своихъ, велѣвъ наемнымъ Печенѣгамъ разорить соседственную Болгарію, и возвратился въ Киевъ.

Г.944. Въ слѣдующій годъ Лакапинъ опправилъ Пословъ къ Игорю, а Князь Россійский въ Царьградъ, где заключенъ былъ ими торжественный миръ на такихъ условіяхъ:

I. Начало подобное Олегову договору: «Мы отъ рода Русскаго, Послы и гости Игоревы, и проч. Слѣдуещъ около пятидесяти Норманскихъ именъ, кроме двухъ или трехъ Славянскихъ³³³. Но доспѣйно замѣчанія, чѣмъ эдѣсь въ особенности говорится о Послахъ и чиновникахъ Игоря, жены его Ольги, сына Святослава, двухъ ме-

тиевъ Игоревыхъ, то еспь шлемянниковъ или дѣтей сестриныхъ, Улѣба, Акуна, и супруги Улѣбовой, Передславы. Далѣе: «Мы, посланные отъ Игоря, Великаго Князя Русскаго, отъ всякаго Княженія, отъ всѣхъ людей Русскія земли, обновить светхій миръ съ Великими Царями Греческими, Романомъ, Константиномъ, Степаномъ³³⁴, со всѣмъ Боярствамъ и со всѣми людьми Греческими, вопреки Диаволу, неинавистнику добра и враждаюцу, зна всѣ лѣта, доколѣ сияетъ солнце и испоитъ міръ. Да не дерзающъ Рускіе, крещеные и некрещеные, нарушашъ союза всѣ Греками, или первыхъ да осудишъ Богъ Вседержителъ на гибелъ вѣчную и временную, а: виторые да не имутъ помощи отъ Бога Перуна; да не защищатся своими щитами; да падушъ отъ собственныхъ мечей, спрѣль и другаго оружія; да будущъ рабами въ сей вѣкъ и будущій!

II. »Великій Князь Русскій и Бояре его вѣда исправляютъ свободно въ Грецію корабли съ госпами и Послами. Гости, какъ вѣбъло уставлено, носили печати серебряные, а Послы золотныя: отнынѣ же да приходяши съ грамотою отъ Князя Русскаго, въ которой будешъ засвидѣтельствовано имъ мирное замѣреніе, пакже

»число людей и кораблей отправленныхъ:
»Если же придуши безъ грамоты, да со-
»держашся подъ спражею, доколъ извѣ-
»стимъ о нихъ Князя Русскаго. Если спа-
»шунши противиться, да лишашся жизни,
»и смерть ихъ да не взыщется отъ Кня-
»зя Русскаго. Если уйдуть въ Русь, то
»мы, Греки, увѣдомимъ Князя объ ихъ бѣг-
»ствѣ, да поспушишъ онъ съ ними, какъ
»ему угодно.«

III. Начало спаты есть повтореніе
условій, заключенныхъ Олегомъ подъ спѣ-
нами Константинополя, о томъ, какъ
вести себя Посламъ и госпимъ Русскимъ
въ Греціи, гдѣ жить, чего требовать³³⁵,
и проч. — Далѣе: «Госпи Рускіе будутъ
охраняемы Царскимъ чиновникомъ, ко-
торый разбираетъ ссоры ихъ съ Грека-
ми. всякая шкань, купленная Рускими,
цѣною выше 50 золотниковъ (или чер-
вонцевъ), должна быть ему показана,
чтобы онъ приложилъ къ ней печать
свою³³⁶. Отправляясь изъ Царяграда, да
берутъ они съветные припасы и все
нужное для кораблей, согласно съ дого-
воромъ. Да не имѣютъ права зимовать
у Св. Мамы и да возвращаются съ охра-
нениемъ.

IV. »Когда уйдешь невольникъ изъ Ру-

жси въ Грецію, или отъ госпей, живущихъ у Св. Мамы, Русскіе да ищутъ и возьмутъ его. Если онъ не будешьъ сысканъ, да клянуся въ бѣгствѣ его по Вѣрѣ своей, Христіане и язычники. Тогда Греки дадутъ имъ, какъ прежде установлено⁵³⁷, по двѣ ткани за невольника. Если рабъ Греческій бѣжитъ къ Россіянамъ съ покражею, то они должны возвратилиъ его и снесенное имъ въ цѣлости: за что получають въ награжденіе два золотника.

V. »Ежели Русинъ украдеши чи то нибудь у Грека, или Грекъ у Русина, да будешьъ спрого наказанъ по закону Русскому и Греческому; да возвратишь украденную вещь и заплатишь цѣну ея вдвое.

VI. »Когда Русскіе приведутъ въ Царьградъ пленниковъ Греческихъ, то имъ за каждого брашь по десяти золотниковъ, если будешьъ юноша или девица добрая, за середовища восемь, за старца и младенца пять⁵³⁸. Когда же Русскіе найдутся въ неволѣ у Грековъ, то за всякаго пленного давать выкупу десять золотниковъ, а за купленного цѣну его, копорную хозяинъ объявить подъ крестомъ (или присягою).

VII. »Князь Русскій да не присваиваетъ

«себѣ власпи надъ страною Херсонскою
и городами ся. Когда же онъ, воюя въ
шамошнихъ мѣстахъ, потребуетъ вой-
ска опять нась, Грековъ: мы дадимъ ему,
сколько будешъ надобно.

VIII. »Ежели Русскіе найдутъ у бере-
га ладію Греческую, да не обидяшъ ее;
иша къто возмѣтъ чѣпо-нибудь изъ ладій,
или убіетъ, или поработишъ находя-
щихся въ ней людей, да будетъ нака-
занъ по закону Русскому и Греческому³³⁹.

IX. »Русскіе да не пворятъ никакого
зала Херсонцамъ, ловящимъ рыбу въ устьѣ
Днѣпра; да не зимуютъ памъ, ни въ Бѣ-
лобережье, ни у Св. Еօєрія³⁴⁰; но при
наступленіи осени да идущъ въ домы
свои, въ Русскую землю.

X. »Князь Русскій да не пускаешьъ Чер-
выхъ Болгаровъ воевать въ странѣ Хер-
сонской — Черною насылалась Болгарія
Дунайская, въ отношеніи къ древнему
отечеству Болгаровъ³⁴¹.

XI. »Ежели Греки, находясь въ земль
Русской, окажутся преступниками, да
не имѣетъ Князь власпи наказывать ихъ;
но да примутъ они сю казнь въ Цар-
ствѣ Греческомъ.

XII. »Когда Христіаніи умеришици
Русина, или Русинъ Христіанина, ближ-

»ніе убіеннаго, задержавъ убійцу, да умер-
швяшъ его.« — Далѣе то же, чѣто въ III
статьѣ прежняго договора³⁴².

XIII. Сія статья о побояхъ есть по-
втореніе IV статьи Олегова условія.

XIV. »Ежели Цари Греческіе попре-
вьютъ войска отъ Русскаго Князя, да
исполнитъ Князь ихъ требованіе, и да
увидятъ чрезъ то всѣ иныя страны, въ
какой любви живутъ Греки съ Русью.

»Сіи условія написаны на двухъ хар-
тіяхъ: одна будеъ у Царей Греческихъ;
другую, ими подписанную, доставаша
Великому Князю Русскому Игорю и лю-
дямъ его, которые, принявъ ону, да
въклянути хранить истину союза: Хри-
стіане въ Соборной церкви Св. Илія пред-
влежащими честными Крестомъ и сею
хартіею³⁴³, а некрещеные полагая на
землю щипы свои, обруги и мечи обна-
женные.«

Историкъ долженъ въ цѣлостнї сохра-
нить сіи дипломатические памятники
Россіи, въ коихъ изображаєтъ умъ пред-
ковъ нашихъ и самые ихъ обычай. Госу-
дарственные договоры X вѣка, сплошь по-
дробные, весьма рѣдки въ лѣтописяхъ;
они любопытны не только для учёного
Дипломатика, но и для всѣхъ вниматель-

ныхъ читателей Исторіи, кошорые же-
лаюшъ имѣть ясное понятіе о тогдаш-
немъ гражданскомъ состояніи народовъ.
Хотя Византийскіе Лѣтописцы не упо-
минаюшъ о семъ договорѣ, ни о преж-
немъ, заключенномъ въ Олегово время; но
содержаніе онъихъ такъ вѣрно представ-
ляющъ намъ взаимныя отношенія Гре-
ковъ и Россіянъ X вѣка, такъ сообразно
съ обстоятельствами времени, что мы
не можемъ усомниться въ ихъ истинѣ...

Клятвенно упвердивъ союзъ, Импера-
торъ отправилъ новыхъ Пословъ въ Кіевъ,
чтобы вручить Князю Русскому *хартию*
мира. Игорь въ присутствіи ихъ на свя-
щенномъ холмѣ, гдѣ стоялъ Перунъ, тор-
жественно обвязался хранить дружбу съ
Имперію; воины его также, въ знакъ
клятвы полагая къ ногамъ идола оружіе,
щипы и золото. Обрядъ дослопамяпный:
оружіе и золото было всего святыѣ и дра-
гоцѣнѣе для Русскихъ язычниковъ. Хри-
стіане Варяжскіе присягали въ Соборной
церкви Св. Илія, можетъ быть древней-
шей въ Кіевѣ³⁴⁴. Лѣтописецъ имѣю го-
ворить, что многіе Варяги были когда
уже Христіанами.

Игорь, одаривъ Пословъ Греческихъ мѣ-
жами драгоцѣнными, воскомъ и пѣнни-

ками, оплусшиль ихъ къ Императору съ дружественными увѣреніями. Онъ дѣйствительно хотѣлъ мира для своей спасости; но корыстолюбіе собственной дружинь его не позволило ему наслаждаться спокойствіемъ. «Мы босы и наги,» говорили воины Игорю: «а Свѣнельдовы Отроки богачы оружиемъ и вслкою одеждю. «Поди въ дань съ нами, да и мы, вмѣшъ въ тобою, будемъ довольны.» Ходить въ дань значило тогда обѣзжать Россію и собирали налоги. Древніе Государи наши, по извѣшкѣ Константина Багрянороднаго, всякой годъ въ Ноябрѣ мѣсяцѣ отправлялись съ войскомъ изъ Кіева для обѣзда городовъ своихъ и возвращались въ столицу не прежде Апрѣля. Цѣлію сихъ путешесствій, какъ вѣроятно, было и то, чтобы укрѣплять общую государственною связь между разными областями, или содергать народъ и чиновниковъ въ зависимости отъ Великихъ Князей. Игорь, опидыкая въ спасости, вмѣсто себя послыпалъ, кажется, Вельможъ и Бояръ, особенно Свѣнельда, знаменищаго Воеводу, который, собирая государственную дань, могъ и самъ обогащаться, вмѣстѣ съ Отроками своими или опборными молодыми воинами, его окружавшими³⁴⁵. Имъ

завидовала дружина Игорева, и Князь, при наступлении осени, исполнилъ ея желаніе; отправился въ землю Древлянъ, и забывъ, что умѣренность есть добродѣтель власти, обременилъ ихъ тягостнымъ налогомъ. Дружина его — пользуясь, можешь бысть, слабостию Князя престарѣлого — также хотѣла богатства и грабила весчастныхъ данниковъ, усмиренныхъ только побѣдоноснымъ оружіемъ. Уже Игорь вышелъ изъ обласки ихъ; но судьба опредѣлила ему погибнуть отъ своего неблагоразумія. Еще недовольный взятою имъ данію, онъ вѣдумалъ отпустить войско въ Кіевъ, и съ частію своей дружины возвратившись къ Древлянамъ, чтобы требовать новой дани. Послы ихъ встрѣтили его на пути, и сказали ему: «Князь! мы все заплатили тѣхъ: для чего же опять идешь къ намъ?» Оставленный корыстолюбіемъ, Игорьшелъ далѣе. Тогда отчаянные Древляне, видя — по словамъ Лѣшописца — что надобно умертвить хищнаго волка, или все стадо будетъ его жертвою, вооружились подъ начальствомъ Князя своего, именемъ Масубе-да; вышли изъ Короспена, убили Игоря со всею дружиною и погребли недалеко отъ оштуда. Византійскій Испорякъ позѣ-

спиуешъ, чи то они, привлазавъ сего несчастнаго Князя къ двумъ деревамъ, разорвали на-двоє⁵⁴⁶:

Игорь въ войнѣ съ Греками не имѣлъ успѣховъ Олега; не имѣлъ, кажешия и великихъ свойствъ его: но сохранилъ цѣлость Россійской Державы, устроеній Олегомъ; сохранилъ честь и выгоды ея въ договорахъ съ Имперію; быль язычникомъ, но позволялъ новообращеннымъ Россіянамъ славить торжественно Бога Христіанскаго, и вмѣстѣ съ Олегомъ оспа-вили наслѣдникамъ своимъ примѣръ благородной терпимости, достойный сѣмыхъ просвѣщенныхъ временъ. Два случаи оспаались укоризною для его памяти: онъ далъ опаснымъ Печенѣгамъ упівердиться въ сосѣдствѣ съ Россіею, и не довѣрился спиуясь справедливою, что есть умѣренію данію народа, ему подвластнаго, обиравъ его, какъ хищный завоеватель. Игорь испилъ Древлянамъ за прежній ихъ мятежъ; но Государь унижается месчию долговременною: онъ наказываетъ преступника только однажды. — Историкъ, за недоспашкомъ преданій, не можетъ сказать ничего болѣе въ похвалу или въ обвиненіе Игоря, княжившаго 32 года.

Къ сему княженію относится любо-

пышное извѣстіе современаго Арабскаго Историка Массуди. Онъ пишетъ, что *Россіяне идолопоклонники, вмѣши съ Славянами, обищали тогда въ Козарской столицѣ Аспель и служили Кагану*; что съ его дозвolenія, около 912 года, войско ихъ, приплывъ на судахъ въ Каспійское море, разорило Дагестанъ, Ширванъ, во было наконецъ испреблено Магомеанами. Другой Арабскій Повѣствователь, Абуль-Феда, сказываешьъ, что Россіяне въ 944 году взяли Барду, столицу Арранскую (версіяхъ въ семидесяти опь Ганджи) и возвратились въ свою землю рѣкою Куромъ и моремъ Каспійскимъ. Третій Историкъ Восшочный, Абульфарачъ, приписываетъ сіе нападеніе Аланамъ, Лезгамъ и Славянамъ, бывшимъ Кагановымъ даникамиъ, въ южныхъ странахъ нашего древняго опечеснства⁵⁴⁷. Россіяне могли прійти въ Ширванъ Днѣпромъ, морями Чернымъ, Азовскимъ, рѣками Дономъ, Волгою (чрезъ малую переволоку въ нынѣшней Качалинской Станицѣ) — пушнемъ дальнимъ, многопруднымъ; но предесть добычи давала имъ смѣлость, мужество и терпѣніе, которыя, въ самомъ началѣ государственного бытія Россіи, оставили имѧ въ Европѣ и въ Азіи.

ГЛАВА VII.

Киа зъ Свято славъ.

Г. 945 — 972.

Правленіе Ольги. Хищрая месинъ. Мудрость Ольгина. Крепціе. Россійне въ Сцилії. Характеръ и подвиги Святослава. Взятие Бѣлой Вежи. Завоеваніе Болгаріи. Нашествіе Печенѣговъ. Кончина Ольги. Попольство въ Германию. Первые Удѣлы въ Россіи. Вторичное завоеваніе Болгаріи. Война съ Цимискиемъ. Договоръ съ Греками. Наружность Святославова. Кончина его.

Святославъ, сынъ Игоревъ, первый Князь Славянскаго имени, быть еще отпрокомъ³⁴⁸. Бѣдствіенный конецъ родителя, новость Державы, полько мечемъ основанной и хранимой; бувшъ Древлянъ; беспокойный духъ войска, пріученнаго къ дѣятельности, завоеваніямъ и грабежу; честолюбіе Полководцевъ Варяжскихъ, смѣлыхъ и гордыхъ, уважавшихъ одну власть счастливой храбрости: все угрожало Святославу и Россіи опасностями. Но Провидѣніе сохранило и цѣлостность Державы и власнѣ Государя, одаривъ его матъ свойствами души необыкновенной.

Правление Юный Князь воспитывался Бояриномъ Асмудомъ: Свѣнельдъ повелѣвалъ войни. Ольга — вѣроятно, съ помощію сихъ двухъ знаменитыхъ мужей — овладѣла кормиломъ Государства, и мудрымъ правленіемъ доказала, что слабая жена можетъ иногда равняться съ великими мужами.

Прежде всего Ольга наказала убийцъ Игоревыхъ. Здѣсь Лѣпомицесецъ сообщаетъ вамъ *многія подробности*, отчасти не согласныя ни съ вѣроятностями разсудка, ни съ важносію Исторіи, и взятые, безъ всякаго сомнѣнія, изъ народной *сказки*; но какъ испинное происшествіе должно быть ихъ *основаніемъ*, и самыя басни древнія любопытны для ума внимательнаго, изображая обычай и духъ времени: то мы повторимъ Несторовы простыя сказанія о *мести и хитростяхъ Ольги*.
Хи-
шрамъ *нѣхъ*.
мечь.

»Гордясь убийствомъ какъ побѣдою и презирая малолѣтство Святослава, Древляне вздумали присвоить себѣ власънадъ Кіевомъ, и хотѣли, чтобы ихъ Князь Малъ женился на вдовѣ Игоря: ибо они, плачя дань Государамъ Кіевскимъ, имѣли еще Князей собственныхъ. Двадцать знаменитыхъ Пословъ Древлянскихъ

ирицыли въ ладіи къ Кіеву и сказали
»Ольгѣ: Мы убили твоего мужа за его
»хитрость и грабительство; но Князь я
»Древлянскіе добры и великодушны: ихъ
»земля чиста и благородна. Будь
»супругою нашего Князя Мила. Ольга съ
»маскою отвѣтствовала: Миль пріятна
»эрть вана. Уже не могу воскресить су-
»пруга! Завтра окажу вамъ всю дол-
»жную честь. Теперь возвратитесь въ ла-
»дію свою, и когда люди мои придутъ за
»вами, велите имъ нести себя на рукахъ...
»Между тѣмъ Ольга приказала на дворъ
»перемолъ ископашъ глубокую яму, и
»на другой день звать Пословъ. Исполняв
»волю ея, они сказали: не хотиши ни им-
»ти, ни пахать: несите насъ въ ладіи!
»Кіевляне отвѣтствовали: что делать?
»мы невольники; Игоря пытъ, а Княгиня
»внаша хочетъ быть супругою вишего Кня-
»зя — и понесли ихъ. Ольга сидѣла въ
»жвоемъ перемолъ и смотрѣла, какъ Древля-
»не гордились и величались, не предвидя
»своей гибели: ибо Ольгины люди бросили
»ихъ, вмѣстѣ съ ладіею, въ яму. Мстив-
»шельная Княгиня спросила у нихъ, до-
»вольны ли они сею честю? Несчастные
»изъявили воплемъ раскаяніе въ убіеніи
»Игоря, но поздно: Ольга велѣла ихъ за-

»сыпать живыхъ землею, и чрезъ гонца
»объявила Древлянамъ, что они должны
»прислать за нею еще болѣе знаменитыхъ
»мужей: ибо народъ Кіевскій не опу-
»стить ее безъ ихъ торжественнаго и
»многочисленнаго Посольства. Легковѣр-
»ные немедленно отправили въ Кіевъ луч-
»шихъ гражданъ и начальниковъ земли
»своей. Тамъ, по древнему обычаю Сла-
»вянскому, для гостей изготовили баню,
»и въ ней сожгли ихъ. Тогда Ольга велѣла
»сказать Древлянамъ, чтобы они варили
»медъ въ Короспенѣ; что она уже идѣтъ
»къ нимъ, желая прежде впіораго брака
»совершить призну надъ могилою пер-
»ваго супруга. Ольга дѣйствительно при-
»шла къ городу Короспену, оросила сле-
»зами прахъ Игоревъ, насыпала высокій
»бугоръ надъ его могилою — донынѣ ви-
»димый, какъ увѣряютъ, близъ сего мѣ-
»ста³⁴⁹ — и въ честь ему совершила
»призну. Началось веселое пиршество.
»Отроки Княгининны угощали знаменитѣй-
»шихъ Древлянъ, которые вздумали на-
»конецъ спросить о своихъ Послахъ; но
»удовольствовались отвѣтомъ, что они
»будутъ вмѣстѣ съ *Игоревою дружи-*
»*ною*. — Скоро дѣйствіе крѣпкаго меду
»омрачило головы неоспорожныхъ: Ольга

худалилась, подавъ знакъ воинамъ своимъ —
въ 5000 Древлянъ, ими убитыхъ, легло
вокругъ Игоревой могилы.

»Ольга, возвратясь въ Киевъ, собрала Г.946.
»многочисленное войско и выступила съ
»нимъ пропливъ Древлянъ, уже наказанныхъ
»хитростю, но еще непокоренныхъ си-
»лою. Оно вспрѣпилось съ ними, и мла-
»дый Свѧтославъ самъ началъ сраженіе:
»Копіе, брошенное въ непріятеля слабою
»рукою отрока, упало къ ногамъ его ко-
»зя; но Полководцы, Асмудъ и Свѣнельдъ,
»ободрили воиновъ примѣромъ юнаго Ге-
»роя, и съ восклицаніемъ: *«друзья! ста-
»немъ за Князя!* успремились въ бишву.
»Древляне бѣжали съ поля, и запворились
»въ городахъ своихъ. Чувствуя себя бо-
»лѣе другихъ виновными, жители Коро-
»нщина цѣлое лѣто оборонялись съ отчая-
»ніемъ: Тутъ Ольга прибѣгнула къ новой
»выдумкѣ. Для чего вы упорствуете? ве-
»мѣла она сказать Древлянамъ: всѣ иные
»города ваши сдались мнѣ, и жители ихъ
»мирно обрабатываютъ нивы свои: а вы
»хотите умереть голодомъ! Не бойтесь
»мищенил: оно уже совершилось въ Киевъ и
»на могилѣ супруга моего, Древляне пред-
»ложили ей въ дань медъ и кожи звѣрей;
»но Килгинл, будто бы изъ великодушія,

вопрекъю съпть сей дани и жадала имѣть
единственno съ каждого двора по три
»воробья и голубя! Они съ радосшю испож-
вили ея требование и ждали съ нещер-
апѣшемъ, чинобы войско Кіевскoe удали-
лось. Но вдругъ, при наступлениі темна-
аго вечера, пламя объяло всѣ дома ихъ...
»Хыпрая Ольга велѣла привязать заражен-
ный трупъ съ сѣрою ко взаимъю ѿ
шипицамъ⁵⁵⁰ и дустишь ихъ на воду: онъ
возвратились съ огнемъ въ гнѣзда свои
и произвели общий пожаръ въ городѣ.
»Успрѣшенные жители хопѣли спасшию
бѣгствомъ и попались въ руки Ольги-
нымъ воинамъ. Великая Княгиня, осудивъ
иныхъ рабсціво, обложила прочихъ
мощкою давно.

Такъ разсказывается Лѣтописецъ... Не
удивляемся же скокосии Ольгию: Вѣра
и самые гражданские законы язычниковъ
оправдывали месть неумолимую; а мы
должны судить о Герояхъ Исторіи по
обычаю и нравамъ ихъ времени. Но
вѣроятна ли оплошность Древлянъ? вѣ-
роятно ли, чинобы Ольга взяла Коростень
посредствомъ воробьевъ и голубей, хоня
сѧ выдумка могла дѣлать чеснь изрод-
ному осироумю Русскихъ въ X вѣкѣ?

Испинное происшествие, отдаленное отъ баснословныхъ обстоятельствъ, состоявшъ, кажется, единственно въ томъ, что Ольга умерла въ Киевѣ Пословъ Древлянскихъ, которые думали, можетъ быть, оправдаться въ убийстве Игоря⁵³¹; оружiemъ снова покорила сей народъ, наказала виновныхъ гражданъ Коростеня, и пламъ воинскими играми, по образу языческому, торжествовала замъпъ сына Рюрикова.

Великая Княгиня, провожаемая воинскою дружиною, вмѣстѣ съ юнымъ Святославомъ объѣхала всю Древлянскую область, уплачивая налоги въ пользу казны государственной; но жители Коростена долженствовали прешю часитьданіи своей посыдать къ самой Ольгѣ, въ ея собственный Удѣлъ, въ Вышегородъ, основанный, можетъ быть, Героемъ Олегомъ и данный ей въ вѣю, какъ невѣстѣ или супругѣ Великаго Князя⁵³²: почему увидимъ и другіе примѣры въ нашей древней Исторіи. Сей городъ, известный Константину Багрянородному и знаменитый въ Х вѣкѣ, уже давно обратился въ село, которое находилось въ 7 верстахъ отъ Киева, на высокомъ берегу Днѣпра, и замѣчательно красоппою своего мѣстоположенія.—Ольга, кажется, упѣшила Древлянъ

благодѣяніями мудраго правленія; по крайней мѣрѣ всѣ ея памятники — иочлеги и мѣстца, гдѣ она, слѣдуя обыкновенію шо-
Мудгдашнихъ Героевъ, забавлялась ловлею звѣ-
росиѣй — долгое время были для сего народа
така предметомъ какого-шо особеннаго уваже-
нія и любопытства⁵⁵⁵.

Въ слѣдующій годъ, оставивъ Свашоп-
слава въ Киевѣ, она поѣхала въ сѣверную
Россію, въ областъ Новогородскую; учре-
дила по Лугѣ и Мстѣ государственные
дани; раздѣлила землю на логосты или
волости; сдѣлала безъ сомнѣнія все нуж-
нѣйшее для государственного блага по
шогдашнему гражданскому сословію Рос-
сіи, и вездѣ оставила знаки своей попе-
чительной мудрости. Чрезъ 150 лѣтъ
народъ съ признацельностью воспоминалъ
о семъ благодѣтельномъ путешесствіи
Ольги, и въ Несипорово время жили
Пскова хранили еще сами ея, какъ вѣщь
драгоцѣнную. Вѣроятно, чпо сія Княгиня,
рожденная во Псковѣ, какими нибудь осо-
бенными выгодами, данными его гражда-
намъ, способствовала тому цвѣущему
союзю и даже силѣ, которою онъ по-
слѣ, вмѣющѣ сть Новымгородомъ, славился
въ Россіи, зашмивъ союзственный, древ-

и́йшій Изборскъ и сдѣлавши сѧ столицю
областии знаменистой.

Утвѣрдивъ внутренній порядокъ Госу-
дарства, Ольга возвратилась къ юному
Святославу, въ Киевъ, и жила тамъ нѣ-
сколько лѣтъ въ мирномъ спокойствії,
наслаждаясь любовію своего призначель-
наго сына и не менѣе призначельнаго на-
рода. — Здѣсь, по сказанію Несгора, окан-
чиваются дѣла ея государственного пра-
вленія; но здѣсь начинается эпоха славы
ея въ нашей Церковной Исторіи.

Ольга достигла уже тѣхъ лѣтъ, ко-
гда смертный, удовлетворивъ главнымъ
 побужденіямъ земной дѣятельности, ви-
дитъ близкій конецъ ея предъ собою и
чувствуетъ суенность земнаго величія. Тогда испинная Вѣра, болѣе нежели ко-
гда нибудь, служитъ ему опорою или
утѣшениемъ въ печальныхъ размышле-
ніяхъ о плѣниости человѣка. Ольга была
язычница, но имя Бога Вседержителя уже
славилось въ Киевѣ. Она могла видѣть тор-
жественность обрядовъ Христианства; могла изъ любопытства бесѣдоватъ съ
Церковными Пастырями, и будучи ода-
ренна умомъ необыкновеннымъ, увѣритъся 995.
въ святости ихъ ученія. Плѣненная ду- Кро-
щеніе
чемъ сего новаго свѣща, Ольга захо-

тъла бысть Христіанкою, и сама оппра-
вилась въ столицу Імперіи и Вѣры Гре-
ческой, чтобы почерпнуть его въ са-
момъ источнике³⁵⁴. Тамъ Патріархъ быль
ея наставникомъ и крестителемъ, а Кон-
стантинъ Багрянородный воспріемникомъ
ошъ купѣли. Императоръ старался до-
стойнымъ образомъ угостить Княгиню
народа знамениаго, и самъ описаль для
насъ всѣ любопытныя обстоятельства
ея представлениія³⁵⁵. Когда Ольга прибыла
во дворецъ, за нею шли особы *Княжескія*,
ея свойственницы, многія знатныя го-
спожи, Послы Россійскіе и купцы, обы-
кновенно живши въ Царѣградѣ. Констан-
тинъ и супруга его, окруженные придвор-
ными и Вельможами, встрѣтили Ольгу:
послѣ чего Императоръ на свободѣ бесѣ-
довалъ съ нею въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ
жила Царица. Въ сей первый день, 9 Сен-
тября, быль великолѣпный обѣдъ въ
огромной, такъ называемой *храминѣ*
Юстиніановой, гдѣ Императрица сидѣла
на тронѣ, и гдѣ Княгиня Россійская въ
знакъ почтенія къ супругѣ великаго Ца-
ря, спояла до самаго того времени, какъ
ей указали мѣсто за однимъ споломъ съ
придворными госпожами. Въ часъ обѣда
играла музыка, пѣвцы славили величіе

Царского Дому и плясуны оказывали свое искусство въ пріятныхъ тѣлодвиженіяхъ. Послы Россійскіе, знаменитые люди Ольгини и купцы обѣдали въ другой комнатѣ; пошомъ дарили гостей деньгами: племяннику Княгини дали 30 миллиардій — или $2\frac{1}{2}$ червонца⁵⁵⁶, — каждому изъ осмнъ ее приближенныхъ 20, каждому изъ двадцати Пословъ 12, каждому изъ сорока трехъ купцевъ то же, Священнику или Духовнику Ольгину, именемъ Григорію, 8, — двумъ переводчикамъ 24, Святославовымъ людямъ 5 на человѣка, посольскимъ 3, собственному переводчику Княгини 15 миллиардій. На особенномъ золотомъ споликѣ были поставлены закуски: Ольга сѣла за него вмѣстѣ съ Императорскимъ семействомъ. Тогда на золотой, осыпанной драгоценными камнями парелкѣ поднесли ей въ даръ 500 миллиардій, шестнадцати служительницамъ каждой 20 и осьмнадцати служительницамъ каждой 8. 18 Октября Княгиня впорично обѣдала во дворцѣ и сидѣла за однимъ споломъ съ Императрицею, ея невѣскою, Романовою супругою, и съ дѣтьми его; самъ Императоръ обѣдалъ въ другой залѣ со всѣми Россіянами. Угощеніе заключилось такжে дарами, еще умѣренѣйшими первыхъ:

*

Ольга получила 200 миллиардій, а другие
менеѣ по соразмѣрности. Хотя дногдаши-
ніе Государи Россійскіе не могли еще быть
весьма богаты мешалами драгоценными;
но одна утѣшность, безъ сомнѣнія, заша-
вила Великую Княгиню принять въ даръ
шеснадцать червонцевъ⁵⁶¹.

Къ симъ дословѣрнымъ извѣстіямъ о
бытії Ольгина въ Константинополѣ
народное баснословіе прибавило, въ нашей
древней лѣтописи, невѣроятную сказку,
что Императоръ, плѣненный ея разумомъ
и красотою, предлагалъ ей руку свою и
корону; но что Ольга — нареченная во
свяшомъ крещенія Еленою — отвергнула
его предложеніе, надомивъ восприемницу
своему о духовномъ союзѣ съ нею, которо-
ый, по закону Христианскому, слу-
жилъ преподавствиемъ для союза брачного
между ими. Во первыхъ Константины
имѣлъ супругу; во вторыхъ Ольгѣ было
шогда уже не менеѣ шеснадцати лѣтъ.
Она могла пѣнить его умомъ своимъ, а
не красою⁵⁶².

Наспавенная въ святыхъ правилахъ
Христианства самимъ Патріархомъ, Ольга
возвратилась въ Киевъ. Императоръ, по
словамъ Львонисса, опипушиль ее съ бо-
гатыми дарами и съ именемъ дочери; но

кажется, что она вообще была недовольна его приемомъ: следующее служить плому доказательствомъ. Скоро приехали въ Кіевъ Греческіе Послы, требовать, чтобы Великая Княгиня исполнила свое обѣщаніе, и прислали въ Грецію войско вспомогательное; хопѣли также даровъ: невольниковъ, мѣховъ драгоцѣнныхъ и во-ску. Ольга сказала имъ: «Когда Царь вашъ впослѣдствіи у меня на Почайнѣ⁵⁶⁹ споль-ко же времени, сколько я стояла у него въ Судь» (тавани Константинопольской): «щогда пришлю ему дары и войско» — съ чѣмъ Послы и возвратились къ Импера-тору. Изъ сего отвѣта должно заключить, что подозрительные Греки не скоро впустили Ольгу въ городъ, и что обыкновенная надменность Двора Визан-тийскаго оставилась въ ея сердцѣ непріят-нья впечатлѣнія.

Однакожъ Россіяне, во все царствова-
ніе Константина Багрянороднаго, сына
его и Никифора Фоки, соблюдали миръ и
дружбу съ Греціею: служили при Дворѣ
Императоровъ, въ ихъ флотѣ, войскахъ,
и въ 964 году, по сказанію Арабскаго
Историка Новайри, сражались въ Сици-
ліи, какъ наемники Грековъ, съ Аль-Гас-^{дне въ}
саномъ, Вождемъ Сарацинскимъ Константи-^{Сици-}
ніи.

шинъ не рѣдко посыпалъ наѣзъ называемыя златыя буллы, или грамоши съ золотою печатию³⁶⁰, къ Великому Князю, надписывая: *грамота Христолюбивыхъ Императоровъ Греческихъ, Константина и Романа, къ Российскому Государю.*

Ольга, воспаменялъ усердіемъ къ новой Вѣрѣ своей, спѣшила открыть сыну заблужденіе язычества; но юный, гордый Свѧtosлавъ не хотѣлъ внимать ея наставлѣніямъ. Напрасно сія добродѣтельная мать говорила о счастіи быть Христіаниномъ, о мирѣ, коимъ наслаждалась душа ея съ этого времени, какъ она познала Бога истииннаго. Свѧtosлавъ отвѣтствовалъ ей: «Могу ли одинъ принять новый Законъ, чтобы дружина моя постыдилась надо мною?» Напрасно Ольга представляла ему, что его пріемъ склонилъ бы весь народъ къ Христіанству. Юноша быть неколебимъ въ своемъ мнѣніи и следилъ обрядамъ язычества; не запрещаю никому крестиниться, но изъявлялъ презрѣніе къ Христіанамъ и съ досадою отвергалъ всѣ убѣжденія матери, которая, не преспавая любинъ его вѣжно, должна была наконецъ умолкнуть и поручить Богу судьбу народа Россійскаго и сына.

Сей Князь, возмужавъ, думаль един-^{Г. 964} — 66.
ственно о подвигахъ великодушной храб-^{Ха-}
рости, пыталъ ревноспю оплачивть се-^{рак-}
бя дѣлами и возобновить славу оружія и по-^{терь}
Россійскаго, споль счастливаго при Оле-^{дѣвиги}
гѣ; собралъ войско многочисленное, и съ^{Сла-}
исперпѣнемъ юнаго Героя лепѣль въ по-^{то-}
ле. Тамъ суровою жизнію онъ укрѣпилъ^{слава.}
себя для прудовъ воинскихъ, не имѣль
ни спановъ, ни обоза; пышался кониною,
мясомъ дикихъ звѣрей, и самъ жарилъ его
на углихъ; презиралъ хладъ и ненастые
съвернаго климатап; не зналъ шапира и спалъ
подъ сводомъ неба: войлокъ подсѣдельный
служилъ ему вмѣшпо мягкаго ложа, сѣдо
изголовьемъ. Каковъ бытъ Военачальникъ,
шаковы и воины.—Древняя лѣтопись со-
хранила для потомства еще прекрасную
черпту характера его: онъ не хотѣлъ поль-
зоваться выгодами нечаяннаго нападенія, но
всегда заранѣе объявлялъ войну народамъ,
повелѣвая сказать имъ: *иду на васъ!* Въ
сіи времена общаго варварства гордый
Свѧтославъ соблюдалъ правила испинно-
рыцарской чесчи.

Берега Оки, Дона и Волги были пер-
вымъ єеашромъ его воинскихъ, счастли-
выхъ дѣйствій. Онъ покорилъ Вяпичей,
которые все еще признавали себя данни-

ками Хана Козарского, и грозное свое оружие обратилъ противъ сего, иѣкогда споль могущественнаго Владѣтеля. Жестокая бытва рѣшила судьбу двухъ вародовъ. Самъ Каганъ предводительствовалъ войскомъ: Святославъ побѣдилъ и взялъ Козарскую *Бѣлую Вежу*, или Сар-
Вѣ-
шніе
Бѣлой
Вежи. кель, какъ именуютъ ее Византійскіе Испорики, городъ на берегу Дона, укрѣпленный Греческимъ искусствомъ³⁶¹. Лѣтописецъ не сообщаєтъ намъ о сей войнѣ никакихъ дальнѣйшихъ извѣстій, сказывая сполько, что Святославъ побѣдилъ еще *Ясовъ* и *Касоговъ*: первые—вѣроятно, нынѣшніе Оссы или Оссеинцы — будучи Аланскаго племени, обитали среди горъ Кавказскихъ, въ Дагестанѣ, и близъ устья Волги; вторые суть Черкесы, коихъ спрана въ X вѣкѣ именовалась Касахію: Оссеинцы и теперь называютъ ихъ Касахами³⁶².—Тогда же, какъ надобно думать, завоевали Россіие городъ Тамашарху, или Фанагорію, и всѣ владѣнія Козарскія на восточныхъ берегахъ Азовскаго моря: ибо сія часть древняго Царства Воспорскаго, названная потомъ Княжествомъ Тмутро-роканскимъ³⁶³, была уже при Владимірѣ, какъ мы увидимъ, собственною Россіи. возаеніе споль ощаденное кажешся уди-

випшельнымъ; но бурый духъ Свяшослава веселился опасностями и трудами. Отъ рѣки Дона проложивъ себѣ путь къ Воспору Киммерийскому, сей Герой могъ утвердить сообщеніе между областю Тмушороканскою и Киевомъ посредствомъ Чернаго моря и Днѣпра. Въ Тавридѣ оспаривалась уже одна шѣнь древняго могущества Кагановъ³⁶⁴.

Неудовольствіе Императора Никифора Г.967.
Фоки на Болгарскаго Царя Пептра служило для Свяшослава поводомъ къ новому и еще важнѣйшему завоеванію. Императоръ, желая отмстить Болгарамъ за то, что они не хотѣли препятствовать Венграмъ въ ихъ частыхъ впаденіяхъ въ Грецию, велѣлъ Калокиру, сыну начальника Херсонскаго, ѿхать Посломъ въ Киевъ, съ обѣщаніемъ великихъ даровъ мужественному Князю Россійскому, ежели онъ пойдетъ воевать Болгарію. Свяшославъ исполнилъ желаніе Никифора, взявъ съ Грековъ на вооруженіе нѣсколько пудъ золота, и съ 60,000 воиновъ явился въ ладіяхъ на Дунай³⁶⁵. Тщетно Болгари хотѣли отразить ихъ: Россіянне, обнаживъ мечи и закрываясь щитами, успремились на берегъ и смили непріятелей. Города сдалися побѣдителю. Царь Болгарскій умеръ отъ

Завоеваніе
Болгаріи.

горести. Удовлетворивъ месни Грековъ, богатый добычею, гордый славою, Князь Россійскій началъ властновать въ древней Мизіи; хотѣлъ еще, въ знакъ благодарности, даровъ отъ Императора, и жилъ весело въ Болгарскомъ Переяславцѣ⁵⁶⁶, не думая о пломъ, что въ самое сie время ощечесвшенная столица его была въ опасности.

Г.968. Печенѣги напали на Россію, зная оши-
Наше-
существо храбраго Князя, и приспустили
смы-
Пече-
къ самому Кіеву, гдѣ затворилась Ольга
къ-
говъ. съ дѣшими Святослава. На другой споро-
нъ Днѣпра спояль Воевода Россійскій име-
немъ Препичъ, съ малочисленною дружи-
ною, и не могъ имѣть съ осажденными
никакого сообщенія. Изнемогая отъ голо-
да и жажды, Кіевляне были въ отчаяніи.
Одинъ смѣлый опрокъ вызвался увѣдо-
мить Препича о бѣдственномъ ихъ со-
стояніи; вышелъ съ уздою изъ города,
прямо въ шолпу непріятелей, и говоря
языкомъ Печенѣжскимъ, спрашивалъ, кіо-
видѣлъ его коня? Печенѣги, воображая,
что онъ ихъ воинъ, дали ему дорогу.
Опрокъ спѣшилъ къ Днѣпру, сбросилъ съ
себя одежду и поплылъ. Тутъ непріятели,
узнавъ свою ошибку, начали спрѣлять
въ него; а Россияне съ другаго берега вы-

ѣхали на всipрѣчу и взяли оипрока въ лодку. Смыша опь сего посланаго, что изнуренные Кіевляне хотятъ на другой день сдаться, и болсь гиѣва Святославова, Воевода рѣшился спасти хопя семейство Княжеское — и Печенѣги, на разсвѣтѣ, увидѣли лодки Россійскія, плывущія къ ихъ берегу съ прубнымъ звукомъ, на которыи обрадованные жищели Кіевскіе опівѣшпвовали громкими восклисаніями. Думая, что самъ грозный Святославъ идетъ на помошь къ осажденнымъ, непріятели разсѣялись въ ужасѣ, и Великая Княгиня Ольга могла, вмѣстѣ со внуками, безопасно вспрѣтить своихъ избавителей за спиными города. Князь Печенѣжский увидѣлъ ихъ малое число, но все еще не смѣлъ сразиться: требовалъ дружелюбнаго свиданія съ предводителемъ Россійскимъ, и спросилъ у него, Князь ли опь? Хитрый Воевода объявилъ себя начальникомъ передовой дружины Святославовой, утѣряя, что сей Герой со многочисленнымъ войскомъ идетъ въ сѣдѣ за нимъ. Обманутый Печенѣгъ предложилъ миръ: они подали руку одинъ другому и въ знакъ союза обмѣниались оружіемъ. Князь далъ Воеводѣ саблю, спрѣзы и коня: Воевода Князю щипъ, броню и

мечь. Тогда Печенѣги немедленно удалились отъ города.

Освобожденные Кіевляне опправили гонца къ Святославу, сказашь ему, что онъ для завоеванія чужыхъ земель жертвуючи собственное; что свирѣпые врачи едва не взяли сполицы и семейства его; что отсущшіе Государя и защищника можетъ снова подвергнуть ихъ той же опасности, и чтобы онъ склонился надъ бѣдствіемъ отечества, пресшарѣлой машери и юныхъ дѣтей своихъ. Трусливый Князь съ великою поспѣшносью возвратился въ Кіевъ. Шумъ воинскій, любезный его сердцу, не заглушилъ въ немъ вѣжной чувствительности сына и родищеля: лѣтопись говорить, что онъ съ горячносцю лобызalъ матерь и дѣтей, радуясь ихъ спасенію. — Дерзости Печенѣговъ требовала мески: Святославъ отразилъ ихъ отъ предѣловъ Россіи, и сего побѣдою возстановилъ безопасность и шиншу въ отечествѣ.

Но мирное пребываніе въ Кіевѣ скоро наскучило дѣятельному Князю. Страна завоеванная всегда кажется прѣликою за воевашему, и сердце Героя спремилось къ берегамъ Дунайскимъ. Собравъ Бояръ, Г.969. онъ въ присущшіи Ольги сказать имъ,

что ему веселъе жить въ Переяславцѣ, нежели въ Кіевѣ: «ибо въ сполицѣ Болгарской, какъ въ средоточіи, спекаются всѣ драгоцѣнности Искусства и Природы: Греки шлютъ труда золото, шкады, вино и плоды, Богемцы и Венгры серебро и коней, Россіяне мѣха, воскъ, медь и невольниковъ.» Огорченная матерь опившись спровала ему, что спасетъ и болѣнь (не замедлять прекрасиши), ея жизни. «Погреби меня» — сказала она — «и никогда иди, куда хочешь.» Сіи слова оказались пророчествомъ. Ольга, на четвертый день скончалась. Она запретила ^{чина} Од- правлять по себѣ языческую призну, и ги- была погребена Христіанскимъ Священникомъ на мѣстѣ, где сама для этого избраниемъ. Сынъ, внукъ, а благодарный народъ оплакали ее копину.

Предавіе нарекло Ольгу *Хитрою*, Церковь *Святую*, Испоря *Мудрою*. Опимствивъ Древлянамъ, она умѣла соблюсти пищницу въ странѣ своей и миръ съ чуждыми до совершеннааго возрасла Свято послѣдова; съ дѣятельностью великааго мужа учредила порядокъ въ Государствѣ обширномъ и новомъ; не писала, можешъ бышь, законовъ, но давала уставы; самые просыщие и самые нужнѣйшіе для людей въ юношѣ

гражданскихъ обществъ. Великіе Князья до временъ Ольгиныхъ воевали: она *правила* Государствомъ. Увѣренный въ ея мудрости, Святославъ и въ мужескихъ лѣтахъ своихъ оставлялъ ей, кажется, внутреннее правленіе, безпрестанно занимаясь войнами, которыя удаляли его отъ столицы. — При Ольгѣ Россія стала известна и въ самыхъ отдаленныхъ странахъ Европы.

Посольство Лѣтописцы Нѣмецкіе говорятъ о Посольстве ея въ Германію къ Императору Оспіону Г^рІ⁶². Можетъ быть, Княгиня скійской Россійской, узнавъ о славѣ и побѣдахъ въ Германіи новыхъ, юнѣла, чтобы она также свѣдала о знаменитости ея народа, и предлагала ему дружественный союзъ чрезъ Пословъ своихъ. — Наконецъ, сдавшись рѣвносчию Христіанкою, Ольга — по выражению Нестора, *девица* и луна спасенія — служила убѣдительнымъ примѣромъ для Владимира и предуготовила пуржество непинной Вѣры въ наше время отечествѣ.

По кончинѣ матери Святославъ могъ уже свободно исполнить свое безразсудное намѣреніе: то есть, перенести столицу Государства на берега Дунайскіе. Кроме самолюбивыхъ мечтаний завоевателя, Болгарія действительна могла пра-

вившися ему своимъ теплымъ климатомъ, изобиліемъ плодовъ и богатствомъ дѣятельной, удобной торговли съ Константинополемъ; вѣроятно также, что сіе Государство, сопредѣльное съ Имперію, превосходило Россію и въ гражданскомъ образованіи: но для такихъ выгода должна была ощущаться отъ своего отечества, гдѣ былъ, такъ сказать, корень его силы и могущества? По крайней мѣрѣ Святославу надлежало бы овладѣть прежде Бессарабію, Молдавію и Валахію, то есть, выгнать оттуда Печенѣговъ, чтобы непрерывною цѣпью за воеваній соединить Болгарію съ Россійскими владѣніями. Но сей Князь излишне надѣлся на счастіе оружія и на грозное имя побѣдителя Козаровъ.

Онъ поручилъ Кіевъ сыну своему, Ярополку,^{Г.970.} а другому сыну, Олегу, Древлянскую землю, гдѣ прежде властвовали ея собственные Князья. Въ то же время Новогородцы, недовольные, можетъ быть, властью Княжескихъ Намѣстниковъ, прислали сказать Святославу, чтобы онъ далъ имъ сына своего въ Правители, и грозились въ случаѣ отказа избрать для себя особенного Князя. Ярополкъ и Олегъ не захотѣли принять власти надъ ними;

но у Святослава былъ еще третій сынъ, Владіміръ, отъ ключницы Ольгиной, име-
нemъ Малуши, дочери Любчанина Малька⁵⁶⁸:
Новогородцы, по совѣту Добрыни, Малу-
шина братца, избрали въ Князя сего юно-
шу, которому судьба назначила преобра-
Пер- зить Россію. — И такъ Святославъ пер-
вые ввелъ обыкновеніе давать сыновьямъ
Удѣ- лы въ особенные удѣлы: примѣръ несчастный,
Рос- сии. бывшій виною всѣхъ бѣдствій Россіи.

Святославъ, отпустивъ Владіміра съ
Добрынею въ Новгородъ, немедленно оп-
правился въ Болгарію, копорую онъ счи-
талъ уже своею областію, но гдѣ народъ
лич- всѣпрѣшилъ его какъ непріятеля. Мно-
ное за- гочисленное войско собралось въ Перея-
ние славцѣ и напала на Россіянъ. Долговре-
Бол- менное, кровопролитное сраженіе клони-
гаріи лось уже въ пользу Болгаровъ; но воины
Святославовы, ободренные его рѣчью:
братья и дружина! умремъ, но умремъ
съ твердостію и мужествомъ! напрігли
силы свои, и ввечеру побѣда увѣнчала ихъ
храброспѣ. Святославъ взялъ приступомъ
городъ Переяславецъ, снова овладѣлъ Цар-
ствомъ Болгарскимъ и хощѣлъ тамъ на-
всегда осіашься. Въ семъ намѣреніѣ еще
больше упвердились его знаміный Грекъ, име-
нemъ Калокиръ⁵⁶⁹, самый тошъ, копорый

оаъ Имперашора Никифора быль Посломъ у Святослава. Калокиръ съ помонцю Россіянъ надѣялся свергнуть Государя своего съ пресипала и царствовать въ Константинополѣ: за чио обѣщалъ имъ успушить Болгарію въ вѣчное владѣніе и присылатъ дары.— Между пѣмъ Святославъ, довольствуясь власпію надъ сею землею, позволилъ сыну умершаго ея Царя, имеянемъ Борису, украшавшися знаками Царскаго достоинства⁵⁷⁰.

Греки, призвавши Россіянъ на берега Дунайскіе, увидѣли свою ошибку. Святославъ, ошважный и воинственный, казался имъ въ ближнемъ сосѣдствѣ гораздо опаснѣе Болгаровъ. Іоаннъ Цимискій⁵⁷¹, тогдашній Имперашоръ, предлагая сему Князю исполнить договоръ, заключенный съ нимъ въ царствованіе Никифора, требовалъ, чтобы Россіяне вышли изъ Болгаріи; но Святославъ не хотѣлъ слушать Пословъ, и съ гордостью опровергивалъ, что скоро будеъ самъ въ Константинополѣ и выгонитъ Грековъ въ Азію. Цимискій, напомнивъ ему о бѣдственной участіи ненасыщенаго Игоря, сталаъ вооружавшися, а Святославъ спѣшилъ предупредить его.

Въ описаніи сей кровопролитной вой-

ны Неспоръ и Византийскіе Испоры и несогласны: первый отдаєтъ честь к славу победы Князю Россійскому, впопрые Императору — и, кажется, спрavedливѣ: ибо война кончилась шѣмъ, чино Болгарія осталась въ рукахъ у Грековъ, а Святославъ принужденъ былъ, съ горючию воиновъ, ишши назадъ въ Россію: слѣдствія весьма несообразны: съ счастливымъ успѣхомъ его оружія! Къ тому же Греческие Испорики описываютъ всѣ обстоятельства подробнѣе, яснѣе, — и мы, предпочиталъ испину народному самохвалству, не должны отвергнуть ихъ любопытнаго сказанія.

Вой- Великій Князь (говорятъ они), къ Рус-
на съ ской дружинѣ присоединивъ Болгаровъ,
Цими- скіемъ новыхъ своихъ подданныхъ, — Венгровъ
и Печенѣговъ, погодашнихъ его союзни-
ковъ, вспушилъ во Фракію и до самаго
Адріанополя опусшилъ ея селенія³⁷². Вар-
да Склиръ, Полководецъ Имперіи, видя
многочисленность непріятелей, заключил-
ся въ семъ городѣ, и долго не могъ оправа-
житься на битву. Наконецъ удалось ему
хитростію разбить Печенѣговъ: погода
Греки, ободренные успѣхомъ, сразились
съ Княземъ Святославомъ. Россияне изъ-
являли пылкое мужество; но Варда Склиръ

и братъ его, Константина Патрикій, принудили ихъ отступить, умершивъ въ единоборствѣ какихъ-то двухъ знаменитыхъ богатырей Скиоскихъ.

Несторъ описываетъ сю битву такимъ образомъ: «Императоръ вспрѣпилъ Святослава мирными предложениями и хотѣлъ знать *число* его витязей, обѣщая на каждого изъ нихъ заплатить ему дань. Великий Князь объявилъ у себя 20,000 человѣкъ, едва имѣя и половину. Греки, искусные въ коварствѣ, воспользовались временемъ и собрали 100,000 воиновъ, которыхъ со всѣхъ сторонъ окружили Россію. Великодушный Святославъ, покойно осмотрѣвъ грозные ряды непріящелей, сказалъ дружинѣ: *Бѣство не спасетъ насъ; волею и неволею должны мы сразиться. Не посрамимъ отечества, но лжемъ здѣсь kostями: мертвымъ нестыдно! Стремимъ крѣпко. Иду предъ вами, и когда положу свою голову, тогда дѣлайте, что хотите!* Видны его, пріученные не боаться смерти и любить Вождя смѣлаго, единодушно отвѣщивали: *наши головы лгутъ вѣльстѣ съ твою!* вступили въ кровопролитный бой, и доказали, что не множество, а храбрость побѣждаетъ. Греки не успѣли: обрашили тыль, раз-

свялись — и Святославъ шель къ Константинополю, означая свой путь всѣми ужасами опусшошенія. «.... Доселѣ можемъ не сомнѣваться въ испинѣ Неспорова сказанія; но дальнѣйшее его повѣствованіе гораздо менѣе вѣроятно. »Цимискій (пишетъ онъ) въ спрахѣ, въ недоумѣніи призвалъ Вельможъ на совѣтъ и рѣшился искусить непріятеля дарами, золотомъ и паволоками драгоцѣнными; отправилъ ихъ съ человѣкомъ хитрымъ, и вельможъ ему наблюдалъ всѣ движения Святославовы. Но сей Князь не ходилъ взглянуть на золото, положенное къ его ногамъ, и равнодушно сказалъ Опрокамъ своимъ: возмите. Тогда Императоръ послалъ къ нему въ даръ оружіе: Герой схватилъ оное съ живѣйшимъ удовольствіемъ, изъявляя благодарность, и Цимискій, не смѣя разборчивоватъ съ такими непріятелемъ, заплатилъ ему дань; каждый воинъ взялъ часпъ свою; доля убѣнныхъ была назначена для ихъ родственниковъ. Гордый Святославъ съ торжествомъ возвратился въ Болгарію.« Греки не имѣли нужды искушать Великаго Князя, когда онъ съ малыми силами уже разбилъ ихъ многочисленное войско; но сія сказка доспойна

замѣчанія, свидѣтельствуя мнѣніе постом-
сива о характерѣ Святослава.

Въ слѣдующій годъ, по извѣстіямъ Византійскимъ, самъ Цимиский выспу-^{Г.971}шиль изъ Константинополя съ войскомъ, отправивъ напередъ сильный флотъ къ Дунайскому устью, безъ сомнѣнія для того, чтобы пресечь сообщеніе Россіянъ водою съ Киевомъ. Сей Императоръ открылъ себѣ путь ко прону зладѣйшемъ, умертвивъ Царя Никифора, но правилъ Государствомъ благоразумно, и былъ Героемъ. Избирая Полководцевъ искусныхъ, щедро награждалъ заслуги самыхъ рядовыхъ воиновъ, строго наказывая малѣшее неповиновеніе, онъ умѣлъ вселить въ первыхъ древнее Римское славолюбіе, а впoreхъ пріучить къ древней подчиненности. Собственное его мужество было примѣромъ для шѣхъ и другихъ. — На пути встрѣтили Императора Послы Россійские, которыхъ холѣли единственно узнать силу Грековъ. Ioannъ, не входя съ ними въ переговоры, велѣлъ имъ осмотрѣть спасъ Греческій, и возвратившися къ своему Князю. Сей поступокъ уже доказывалъ Святославу, что онъ имѣетъ дѣло съ непріятелемъ опаснымъ.

Оставивъ главное войско назади, Импе-

раторъ съ ошборными рапшинками, съ Легиономъ такъ называемыхъ *Бесмертныхъ*, съ 13,000 конницы, съ 10,500 пѣхоты³⁷³, явился нечаянно подъ спѣнами Переяславца и напаль на 8,000 Россіянъ, которые спокойно занимались шамъ воинскимъ ученьемъ. Они изумились, но храбро вспутили въ бой съ Греками. Большая часть ихъ легла на мѣстѣ, и вылазка, сдѣланная изъ города въ помощь имъ, не имѣла успѣха; однакожъ побѣда весьма дорого стоила Грекамъ, и Цимискій съ нешерпѣніемъ ожидалъ своего осѣльванаго войска. Какъ скоро оно пришло, Греки со всѣхъ сторонъ окружили городъ, гдѣ начальствовалъ Россійскій Полководецъ Сфенкаль. Самъ Князь съ 60,000 воиновъ сполъ въ укрѣпленномъ спанѣ на берегу Дуная.

Калокиръ, виновникъ сей войны, по словамъ Греческихъ Лѣтописцевъ, бѣжалъ изъ Переяславца увѣдомить его, что сполица Болгарская осаждена. Но Цимискій не далъ Святославу времени освободить ее: лицепріо предлагавъ Россіянамъ сдаться, онъ взялъ городъ приступомъ. Борисъ, шолько именемъ Царь Болгарскій, доспахся Грекамъ въ пѣнѣ, со многими его знаменитыми единоземцами; Императоръ

обошелся съ ними благосклонно, увѣрля — какъ бывалъ въ такихъ случаяхъ — что онъ вооружился единственно для освобожденія ихъ отъ неволи, и что признаетъ врагами своими однихъ Россіянъ³⁷⁴.

Между шѣмъ 8,000 воиновъ Святославовыхъ заперлись въ Царскомъ дворцѣ, не хотѣли сдаться и мужественно отражали многочисленныхъ непріятелей. Напрасно Императоръ ободрялъ Грековъ: онъ самъ съ оруженосцами своими пошелъ на приспупъ и долженъ былъ уступить опечаленной храбросши осажденныхъ. Тогда Цимискій велѣлъ зажечь дворецъ, и Россіяне погибли въ пламени.

Святославъ, свѣдавъ о взятии Болгарской сполицы, не показалъ воинамъ свою ни спраха, ни огорчения, и спѣшилъ двояко встрѣтить Цимискія, копорый со всѣми силами приближался къ Доросполу, или нынѣшней Силистрии. Въ 12 миляхъ оттуда сошлись оба воинства. Цимискій и Святославъ — два Героя, достойные спорить другъ съ другомъ о славѣ и победѣ — каждый ободривъ своихъ, дали знакъ битвы, и при звуки штробъ началось кровопролитіе. Опять первого спремышельного удара Грековъ поколебались ряды Святославовы; но вновь

успроенные Княземъ, сомкнулись пвердою сіткою и разыли непріятелей. До самаго вечера счастіе ласкало шу и другую сторону; дельнадцать разъ шо и другое войско думало торжествовать победу. Цимискій велѣль распустилъ священное знамя Имперіи; былъ вездѣ, гдѣ была опасность; махомъ копія своего удерживалъ бѣгущихъ и показывалъ имъ путь въ средину враговъ. Наконецъ судьба жестокой битвы рѣшилась: Святославъ отступилъ къ Доросполу и вошелъ въ сей городъ³⁷⁶.

Императоръ осадилъ его. Въ то же самое время подоспѣлъ и флотъ Греческій, который пресекъ свободное плаваніе Россіянъ по Дунаю. Великодушная Святославова бодрость возраспала съ опасностями. Онъ заключилъ въ оковы многихъ Болгаровъ, которые хопѣли измѣнить ему; окопалъ сітѣи глубокимъ рвомъ, безпрестанными вылазками превожиль спасть Грековъ. Россіяне (пашупъ Византійскіе Испорики) оказывали чудесное оспірвененіе, и думал, что убийшій непріятеля долженъ служить ему рабомъ въ адѣ, вонзали себѣ мечи въ сердцѣ, когда уже не могли спастися: ибо хопѣли шѣмъ сохранить вольностъ свою въ будущей жизни³⁷⁶. Самыя жены ихъ ополча-

лись и какъ древнія Амазонки мужествовали въ кровопролитныхъ сѣчахъ. Малѣйшій успѣхъ даваль имъ новую силу. Однажды, въ счастливой вылазкѣ, принявъ Магистра Іоанна, свойственника Цимискіева, за самого Императора, они съ радостными кликами изрубили сего знатнаго сановника и съ великимъ торжествомъ высушавши голову его на башнѣ. Не рѣдко, побѣждаемые силою превосходною, обращали штыкъ безъ стыда: шли назадъ въ крѣпость съ гордостью, медленно, закинувъ за плеча огромные щиты свои. Ночью, при свѣтѣ луны, выходили жечь шѣла друзей и брашпевъ, лежащихъ въ полѣ; закалали пѣнниковъ надъ вими, и съ какими-шо священными обрядами погружали младенцевъ въ спруи Дуная. Примѣръ Святоплава одушевлялъ воиновъ.

Но число ихъ уменьшалось. Главные Полководцы, Сфенкаль, Икморъ (не родомъ, по сказанію Византійцевъ, а доблестнію Вельможа) пали въ рядахъ непріяцельскихъ. Сверхъ этого Россіяне, спасенные въ Доросполѣ и лишенные всякаго сообщенія съ его плодоносными окрестностями, пергѣли голодъ. Святоплавъ хопѣлъ преодолѣть и сіе бѣдствіе: въ лѣтнюю, бурную ночь, когда лиль силь-

ный дождь съ градомъ и гремѣль ужасный громъ, онъ съ 2000 воиновъ сѣлъ на лодки, при блескѣ молни обошелъ Греческій флотъ и собралъ въ деревняхъ запасъ пшена и хлѣба. На возвратномъ пути видя разсѣянныя по берегу шатлы непрѣжелей, которые поили лошадей и рубили дрова, отважные Россіяне вышли изъ лодокъ, напали изъ лѣсу на Грековъ, множество ихъ убили и благополучно достигли пристани.—Но сія удача была послѣднею. Императоръ взялъ мѣры, чтобы въ другой разъ ни одна лодка Русская не могла вымыть изъ Доросполя.

Уже болѣе двухъ мѣсяцевъ продолжалась осада; счастіе совсѣмъ оставило Россіанъ. Они не могли ждать никакой помощи. Отчеснѣво было далеко — и, вѣроятно, не знало ихъ бѣдствія. Народы сосѣдственныя волею и неволею держали спорону Грековъ, ибо спрашивались Цимисція. Воины Святославовы изнемогали отъ ранъ и голода. Напротивъ этого Греки имѣли во воемъ изобиліе, и новые Легіоны приходили къ намъ изъ Константинаополя.

Въ сихъ трудныхъ обстоятельствахъ Святославъ собралъ на совѣтъ дружину свою. Одни предлагали спасиця бѣг-

сивомъ въ ночное время; другіе совѣтовали просить мира у Грековъ, не видя иного способа возвращенія въ отечество; наконецъ всѣ думали, что войско Россійское уже не въ силахъ бороться съ непрѣимлемъ. Но Великій Князь не согласился съ ними, и хотя еще испытать счастіе оружія. „Погибнешь“ — сказалъ онъ съ тяжкимъ вздохомъ — „погибнешь, слава Россіицъ, если нынѣ устрашимся смерти! Пріятна ли жизнь для пѣхъ, которые спасли ее бѣгствомъ? и не впадемъ ли въ презрѣніе у народовъ сосѣдъ, спивенныхъ, досель ужасаемыхъ именемъ „Русскимъ“? Наслѣдемъ предковъ своихъ „мужественные, непобѣдимые, завоевавшіи мнѣхъ странъ и племень, или побѣдимъ Грековъ, или падемъ съ честною, совершивъ дѣла великия!“ Тронутые секо рѣчью, достойные его сподвижники громкими восклицаніями изъзвили рѣшительность геройства — и на другой день все войско Россійское съ бодрымъ духомъ выступило въ поле за Свѧтославомъ. Онъ велѣлъ запереть городскія ворота, чтобы никто не могъ думать о бѣгствѣ и возвращеніи въ Доростоль. Сраженіе началось упромъ: въ полдень Греки, утомленные зноемъ и жаждою, а болѣе всего

*

упорствомъ непріятели, начали отступать, и Цимискій долженъ былъ дать имъ время на отдохновеніе. Скоро битва возобновилась. Императоръ, видя, что тѣсныя мѣста вокругъ Доростола благопріятствуютъ малочисленнымъ Россіянамъ, велѣлъ Полководцамъ своимъ заманить ихъ на обширное поле пригвоздымъ бѣгствомъ; но и сія хитрость не имѣла успѣха: глубокая ночь развела воинства безъ всякаго рѣшишельного сльдѣствія.

Цимискій, изумленный отчаяннымъ мужествомъ непріятелей, вздумалъ прекрашить упомищельную войну единоборствомъ съ Кнлземъ Святославомъ, и велѣлъ сказать ему, что лучше погибнуть одному человѣку, нежели губить многихъ людей въ напрасныхъ битвахъ. Святославъ отвѣтствовалъ: «Я лучше врага своего знаю, что мнѣ дѣлать. Если жизнь мему наскучила, то много способовъ отъ нее избавиться: Цимискій да избираетъ любой!» За симъ послѣдовало новое сраженіе, равно упорное и жестокое. Греки всего болѣе хотѣли смерти Героя Святослава. Одинъ изъ ихъ випяzel, имею-
ніемъ Анемасъ, открылъ себѣ пусть сквозь ряды непріящелей, увидѣвъ Великаго Князя

и сильнымъ ударомъ въ голову сшибъ его съ коня; но шлемъ защищилъ Святослава, и смѣлый Грекъ палъ отъ мечей дружины Княжеской. Долгое время победа казалась сомнительной. Наконецъ самая Природа ополчилась на Святослава: спрашанный вѣтръ поднялся съ Юга, и дулъ прямо въ лицо Россіянамъ, осыпавъ ихъ густыми облаками пыли, такъ, что они долженствовали прекратить битву, оспавивъ на мѣстѣ 15,500 мершвыхъ и 20,000 щитовъ. Греки назвали себя побѣдителями. Ихъ суевѣrie приписало сюю удачу сверхъестественному дѣйствию: они рассказывали другъ другу, будто бы Св. Феодоръ Стратилатъ явился впереди ихъ войска, и разъезжая на бѣломъ конѣ, приводилъ въ смятение полки Россійскіе⁵⁷⁸.

Святославъ, видя малое число своихъ храбрыхъ воиновъ, большею частию раненныхъ, и самъ уязвленный, рѣшился наконецъ требовать мира. Цимискій, обрадованный его предложеніемъ, отправилъ къ нему въ сашь богатые дары. «Возмемъ ихъ,» сказалъ Великій Князь дружинѣ своей: «когда же будемъ недовольны Греками, то, «собравъ войско многочисленное, снова находимъ путь къ Царюграду.» Такъ повѣспуя нашъ Лѣтописецъ, не сказавъ

ни слова о счастливыхъ успехахъ Греческаго оружія. Византійскіе Испорики говоряшъ, что Цимискій, дозволяя Святославу свободно выйти изъ Болгаріи и купцамъ Россійскимъ торговать въ Константинополь, примолвилъ съ велико-душною гордостію: «Мы Греки любимъ побѣждать своихъ непріятелей не столько оружіемъ, сколько благодѣлніями.» Императорскій Вельможа Феофанъ Синкель и Россійскій Воевода Свѣнельдъ, именемъ Государей своихъ заключили слѣдующій договоръ, который находился въ Несторовой летописи, и также ясно доказываетъ, что успѣхъ войны былъ на споронѣ Грековъ: ибо Святославъ, торжественно обязываясь на все полезное для Имперіи, не требуешъ въ немъ никакихъ выгодъ для Россіянъ.

Дого- «Мъсяца Іюля, Иадикла XIV, въ лѣто
ворь съ Гре- 6479, я Святославъ, Князь Русской, по-
камъ вданной мною клятвѣ, хочу имѣть до кон-
ца вѣка миръ и любовь совершенную съ
Цимискіемъ, Великимъ Царемъ Греческимъ,
эсъ Василіемъ и Константиномъ, Бого-
вдохновенными Царями⁵⁷⁹, и со всѣми
людьми вашими, обѣщаюсь именемъ всѣхъ
иущихъ подо мною Россіянъ, Бояръ и
впрочихъ, никогда не помышлять на васъ,

въе собирашь моего войска и не приводиши чужоее маго на Грецію, обласпь «Херсонскую и Болгарію. Когда же иные враги *помыслятъ на Грецію*, да буду ихъ вратою и да борюся съ ними. Если же *я* *жылъ* *сущіе подо мною* не сохранишь *сихъ правыхъ условій*, да *имъемъ* *клетву* *вопль Бога*, въ коего вѣруемъ: Перуна и Волоса, бога скоповъ. Да будемъ желты *какъ золото*, и собственнымъ нашимъ оружиемъ *изслѣнъ*. Въ удословіреніе че-
го написали мы договоръ на сей харпіи *и* *своими печатями* запечатали. Утвер-
дивъ миръ, Императоръ снабдилъ Рос-
сію съѣспными припасами⁵⁸⁰; а Князь
Россійскій желалъ свиданія съ Цимискіемъ.
Сіи два Героя, знакомые *шолько* по слав-
нымъ *дѣламъ* *своимъ*, имѣли, *можешъ*
быть, равное любопытство узнаніи другъ
друга лично. Они видѣлись на берегу Ду-
ная. Императоръ, окруженный златонос-
ными *всадниками*, въ блестящихъ лашахъ,
пріѣхалъ на конѣ: Свѧтославъ въ ладіи,
въ проспой бѣлой одежды, и самъ гребя
весломъ. Греки смотрѣли на него съ удив-
леніемъ. По ихъ сказанію, онъ быль сред-
шаго росща, и довольно строенъ, но мра-
ченъ и дикъ видомъ; имѣль грудь широ-
кую, шею шолашную, голубые глаза, брови ^{руже-}
^{Свѧ-}
^{шо-}
^{слово-}
ва.

гусиные, носъ плоскій, длинные усы, бороду рѣдкую и на головѣ одинъ клюкъ волосовъ, въ знакъ его благородства; въ ухѣ висѣла золотая серыга, украшенная двумя жемчужинами и рубиномъ. Императоръ соняль съ коня: Святославъ сидѣть на скамье въ ладіи. Они говорили — и разспались друзьями.

Но сія дружба могла ли быть искреннею? Святославъ съ воинами малочисленными, упруждеными, предпріялъ обращенный путь въ опечесиво на ладіяхъ, Дунаемъ и Чернымъ моремъ; а Цимиский въ то же время оправилъ къ Печенѣгамъ Пословъ, которыхъ должны были, заключивъ съ ними союзъ, требовать, чтобы они не ходили за Дунай, не опускали Болгаріи и свободно пропускали Россію чрезъ свою землю. Печенѣги согласились на все, кроме послѣдняго, досадуя на Россіянъ за то, что они примирились съ Греками. Такъ пишутъ Византійскіе Историки; но съ большего вѣроятностію можно думать совсѣмъ прошавное. Тогдашняя политика Императоровъ не знала великодушія: предвидя, что Святославъ не оставитъ ихъ на долго въ покое, едва ли не сами Греки вспашали Печенѣговъ воспользовавшись слабостію Россійского вой-

ека. Несмотря приписываясь сие коварство жителемъ Переяславца: они, по его словамъ, дали знать Печенѣгамъ, что Святославъ возвращается въ Киевъ съ великимъ богатствомъ и съ малочисленной дружиною.

Печенѣги обспутили Днѣпровскіе пороги и ждали Россіи. Святославъ зналъ о сей опасности. Свѣнельдъ, знаменитый Воевода Игоревъ, совѣтовалъ ему оспа-
вать ладіи и сухимъ пушемъ обойти пороги: Князь не принялъ его совѣта, и рѣшился зимовать въ Бѣлобережїѣ, при устьѣ Днѣпра, где Россіяне должны были Г.972
щерпѣти во всемъ недоспашокъ и самый голодъ, такъ, что они давали полгривны за лошадинную голову³⁸¹. Можетъ быть, Святославъ ожидалъ шамъ помощи изъ Россіи, но птицено. Весна снова открыла ему ощущенный путь въ опечество. Не смотря на малое число изнуренныхъ воиновъ, надлежало сразиться съ Печенѣгами, и Святославъпалъ въ битвѣ. Князь ихъ, Кон-Куря, отрубилъ ему голову, изъ ея черепа сдѣлалъ чашу³⁸². Только немногіе Россіяне спаслись съ Воеводою Свѣнельдомъ, и принесли въ Киевъ горестную вѣстъ о погибели Святослава.

Такимъ образомъ скончалъ жизнь сей

Александръ нашей древней Исторіи, ко-
торый сполъ мужественно боролся и съ
врагами и съ бѣдствіями; былъ иногда
побѣждаемъ, но въ самомъ несчастіи
изумлялъ побѣдителя своимъ величуд-
шіемъ; равнялся суровою воинскою жизнью
съ Героями Пѣснопѣвица Гомера, и снося
терпѣливо свирѣпость непогоды, шруды
изнурительные и все ужасное для нѣгъ,
показалъ Русскимъ воинамъ, чѣмъ могущъ
они во всѣ времена одолѣвать непрѣ-
лей. Но Святославъ, образецъ великихъ
Полководцевъ, не есть примѣръ Государя
великаго: ибо онъ славу побѣдъ уважаль
больше государственного блага, и характеромъ
своимъ пѣння воображеніе Спико-
шворца, заслуживаешь укоризну Исто-
рика.

Если Святославъ въ 946 году, — какъ
пишетъ Несшоръ — былъ еще слабымъ
опрокомъ, то онъ скончалъ дни свои въ
самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ мужества, и
сильная рука его могла бы еще долго ужа-
сать народысосѣдственныя.

Г Л А В А VIII. •

Великий Князь Ярополкъ.

Г. 972 — 980.

Междоусобие Князей. Первый дьялъ Владимира. Бракъ Владимира. Братоубийство. Послы Россійскіе въ Германіи.

По смерти Святослава Ярополкъ князь Г.973. жилъ въ Киевѣ, Олегъ въ Древлянской землѣ, Владимиръ въ Новгородѣ. Единодержавіе пресеклось въ Государствѣ: ибо Ярополкъ не имѣлъ, кажеся, власпи надъ Удѣлами своихъ братьевъ. Скоро открылись пагубныя слѣдствія такого раздѣла, и братъ возсталъ на брата.

Виновникомъ сей вражды были славный Воевода Свѣнельдъ, знаменитый сподвижникъ Игоревъ и Святославовъ. Онъ ненавидѣлъ Олега, который умершилъ сына его, именемъ Люта, вспрѣвшись съ Г.975. нимъ на ловѣ въ своемъ владѣніи: причина досадочная, по тогдашнимъ грубымъ нравамъ, для поединка или самаго злодѣйского убийства. Свѣнельдъ, желая опомнить ему, убѣдилъ Ярополка ипти

войною на Древлянскаго Князя и соединить область его съ Киевскою.

Г.977. Олегъ, узнавъ о намѣреніи своего брата, пакже собралъ войско и вышелъ къ нему на встрѣчу; но, побѣжденный Яро-
полкомъ, долженъ былъ спасаться бѣгствомъ въ Древлянскій городъ Овручъ: воины его, гонимые непріятелемъ, пѣсни-
лись на мосшу у городскихъ воротъ, и сполкнули своего Князя въ глубокій ровъ³⁸⁵. Ярополкъ вступилъ въ городъ и хопѣль видѣть брата: сей несчастный былъ раздавленъ множествомъ людей и лошадь-
ми, которыя упали за нимъ съ мосшу. Побѣдитель, видя бездушный, окровавлен-
ный трупъ Олеговъ, лежащий на коврѣ предъ его глазами, забылъ свое торже-
ство, слезами изъявилъ раскаяніе, и съ горестю указывая на мертваго, сказалъ Свѣнельду: *того ли хотѣлось тебѣ?*.. Могила Олегова въ Несшорово время бы-
ла видима близъ Овруча, гдѣ и нынѣ по-
казываютъ оную любопытнымъ пушеч-
спасенникамъ. Поле служило тогда клад-
бищемъ и для самыхъ Князей Владѣтель-
ныхъ, а высокій бугоръ надъ могилою
единственнымъ Мавзолеемъ.

Искренняя печаль Ярополкова о смерти
Олеговой была предчувствуемъ собствен-

ной его судьбы несчастной. — Владиміръ, Князь Новогородскій, свѣдавъ о кончинѣ братца и завоеванія Древлянскій области, успѣшилъ Ярополкова властолюбія, и бѣжалъ за море къ Варягамъ. Ярополкъ воспользовался симъ случаемъ: отправилъ въ Новгородъ своихъ Намѣшниковъ или Посадниковъ, и такимъ образомъ сдѣлалъ Государемъ Единодержавнымъ въ Россіи.

Но Владиміръ искалъ между шѣмъ спо- Пер-
сона возвратиться съ могуществомъ и ^{выя} славою. Два года пробылъ онъ въ древнемъ ^{да-} опечествѣ ^{тия} своихъ предковъ, въ землѣ ^{Вла-} Ва-
ряжской; участвовалъ, можетъ быть, въ ^{дими-} ^{ровы} сѣмыхъ предпріятіяхъ Нормановъ, кото-
рыхъ флаги развѣвались на всѣхъ моряхъ Европейскихъ и храброспѣ ужасала всѣ спраны отъ Германіи до Италіи; нако-
нецъ собралъ многихъ Варяговъ подъ свои знамена; прибылъ съ сею надежною дру-
жиною въ Новгородъ, смѣнилъ Посадни-
ковъ Ярополковыхъ, и сказалъ имъ съ Г.980.
гордостию: «Идите къ брату моему: да ^изнаетъ онъ, что я прошивъ него воору-
жаясь, и да гощовиниця опразитъ меня!»

Въ области Полоцкой, въ землѣ Кри-
вичей, господствовалъ тогда Варягъ Рогволодъ, который *пришелъ изъ-за моря,*

въролтно, для того, чтобы служить Великому Князю Российскому, и получилъ отъ него въ Удѣль сію обласць³⁸⁴. Онъ имѣлъ прелестную дочь Рогнѣду, скованную за Ярополка. Владміръ, готовясь отнять Державу у брата, хотѣлъ лишить его и невѣсты, и чрезъ Пословъ требовалъ ея руки; но Рогнѣда, вѣриая Ярополку, отвѣтила, что не можешь соединиться бракомъ съ сыномъ рабы³⁸⁵: ибо мать Владмірова, какъ намъ уже извѣстно, была ключницею при Ольгѣ. Раздраженный Владміръ взялъ Полоцкъ, умершиль Рогволода, двухъ сыновей его,

Бракъ женился на дочери. Совершивъ сію ужасную месть, онъ пошелъ къ Кіеву. Войско его состояло изъ дружинъ Варяжской, Славянъ Новгородскихъ, Чуди и Кривитей сіи при народа съверо-западной Россіи уже повиновались ему, какъ ихъ Государю. Ярополкъ не дерзнулъ на битву, и запворился въ городѣ. Окруживъ сіанъ свой окопами, Владміръ хотѣлъ взять Кіевъ не храбрымъ приступомъ, но злодѣйскимъ коварствомъ. Зная великую довѣренность Ярополкову къ одному Всеводѣ, именемъ Блуду, онъ вошелъ съ нимъ въ шайные переговоры³⁸⁶. «Желаю твоей помощи», вѣльмъ сказалъ ему Владміръ:

и ты будешь мнѣ въпорымъ опциемъ, когда
я не спасенъ Ярополка. Онъ самъ началъ
вбраюубийства: я вооружился для спасе-
нія жизни своей.» Гнусный любитецъ не
усомнился предать Государя и благодѣ-
шеля; совѣтовалъ Владиміру обспечить
городъ, а Ярополку удаляться отъ битвы.
Страшася вѣрности добрыхъ Кіевлянъ,
онъ увѣрилъ Князя, будто они хотятъ
измѣнить ему и шайно зовутъ Владимира.
Слабый Ярополкъ, думая спастись отъ
мнимаго заговора, ушелъ въ Родню: сей
городъ споалъ на плоть мѣшѣ, гдѣ Рось
впадаєтъ въ Днѣпръ³⁸⁷. Кіевляне, оспа-
вленные Государемъ, должны были поко-
рииться Владиміру, который спѣшилъ оса-
дишь братца въ послѣднемъ его убѣжищѣ.
Ярополкъ съ ужасомъ видѣлъ многочислен-
ныхъ враговъ за стѣнами, а въ крѣпости
изнеможеніе воиновъ своихъ отъ голода,
коего память долго хранилась въ древ-
ней пословицѣ: *бѣда ака въ Роднѣ.* Измѣн-
никъ Блудъ склонилъ сего Князя къ миру,
представляя невозможность оправить не-
ирятели, и горестный Ярополкъ ошѣвѣ-
спивовалъ наконецъ: «да будешь по шво-
зему совѣту! возьму, чи то успушить мнѣ
вбраю.» Тогда злодѣй увѣдомилъ Влади-
міра, чи то желаніе его исполнился, и чи то

Ярополкъ отдаётся ему въ руки. Если во всѣ времена, варварскія и просвѣщенные, Государи бывали жертвою измѣнниковъ: то во всѣ же времена имѣли они и вѣрныхъ, добрыхъ слугъ, усердныхъ къ нимъ въ самой крайности бѣдствія. Изъ числа сихъ былъ у Ярополка нѣкто про-званиемъ *Варяжко* (да сохранишь Испорія память его!), кошорый говорилъ ему: «не ходи, Государь, къ брату; ты погибнешь. Оспавь Россію на время, и собери войско въ землѣ Печенѣговъ.» Но Ярополкъ слушалъ только изверга Блуда, и съ нимъ отправился въ Кіевъ, где Владіміръ ожидалъ его въ перенномъ дворцѣ Святослава. Предатель ввелъ легковѣрнаго Государя своего въ жилище браша, какъ въ вертепъ разбойниковъ, и заперъ дверь, чтобы дружина Княжеская не могла войти за ними: Брашамъ два наемника, племяни Варяжскаго, убийство. пронзили мечами грудь Ярополкову Вѣрный слуга, кошорый предсказалъ гибель сему несчастному, ушелъ къ Печенѣгамъ, и Владіміръ едва могъ возвратить его въ отечество, давъ клятву не мстить ему за любовь къ Ярополку.

Такимъ образомъ старшій сынъ зна-
менишаго Святослава, бывъ 4 года Кіев-
скимъ Владѣтелемъ и 3 года Главою всей

Россії, оставилъ для Испорії одну памѧть добродушнаго, но слабаго человѣка. Слезы его о смерти Олеговой свидѣтельствующъ, чи то онъ не хотѣлъ брачно-убийства, и желаніе снова присоединить къ Кіеву область Древлянскую казалось согласнымъ съ государственnoю пользою. Самая довѣренносіть Ярополкова къ чести Владимиrowой изъявляещъ доброе, всегда неподозрительное сердце; но Государь, который двѣйствующъ единственно по внушению любимцевъ, не умѣя ни защищать своего трона, ни умереть Героемъ, доспоянъ сожалѣнія, а не власпи.

Ярополкъ оставилъ беременную супругу, прекрасную Монахиню Греческую, пѣвницу Святославову. Онъ былъ женатъ еще при отцѣ своемъ, но сватался за Рогнѣду: слѣдствено много-женство и прежде Владимира не счипалось беззаконіемъ въ Россіи языческой.

Въ княженіе Ярополка, въ 973 году, Попо извѣстію Лѣтописца Нѣмецкаго³⁸⁸, находились въ Кведлинбургѣ, при дворѣ Императора Оттона, *Послы Россійскіе*: за какимъ дѣломъ? неизвѣстно; сказано только, что они вручили Императору богатые дары.

ГЛАВА IX.

Великий Князь Владими́ръ, на-
званный въ крещеніи Васи-
лівмъ.

Г. 980 — 1014.

Хищность Владимира. Усердіє къ идолопоклонству. Жа-
полюбіе. Завоеваніе Галиції. Первые Христіанскіе
мученики въ Кіевѣ. Бунтъ Радимичей. Камская Бол-
гарія. Торки. Отчаяніе Гориславы. Супружество Влади-
мира и крещеніе Россіи. Раздѣленіе Государства.
Спросіе городовъ. Война съ Хорватами и Печенѣ-
гами. Церковь Десятинная. Набѣгъ Печенівговъ. Пиры
Владимировы. Милосердіе. Осада Бѣлагорода. Бунтъ
Ярослава. Кончина Владимира. Свойства его. Сказки
народныя. Богатыри.

Г.980. **Владими́ръ съ помошію злодѣянія и хра-
брыхъ Варяговъ овладѣль Государствомъ;**
во скоро доказалъ, что онъ родился быть
Государемъ великимъ.

Хищ- Сіи гордые Варяги счищали себя за-
ростъ воевателями Кіева, и требовали въ дань
Вла- съ каждого жищеля по двѣ гривны: Вла-
димі- диміръ не хотѣль вдругъ отказать имъ,
Ра. а маниль ихъ обѣщаніями до самаго шого
времени, какъ они, по взятымъ съ его

стороны мѣрамъ, уже не могли быть страшны для сполицы. Варяги увидѣли обманъ; но видя также, что войско Россійское въ Кіевѣ было ихъ сильнѣе, не дерзнули взбунтоваться, и смиренно просились въ Грецію. Владіміръ, съ радостю отпустилъ сихъ опасныхъ людей, удержалъ въ Россіи дѣспойнейшихъ изъ нихъ, и раздалъ имъ многіе города въ управлениѣ. Между тѣмъ Послы его предувѣдомили Императора, чтобы онъ не оспавлять мяшежныхъ Варяговъ въ сполицѣ, но разославъ по городамъ, и ни въ какомъ случаѣ не дозволилъ бы имъ возвращаться въ Россію, сильную собственнымъ войскомъ.

Владіміръ, упвердивъ власть свою, Усердѣвъ олімпійное усердіе къ богамъ лзы-^{дѣ къ} ческимъ: соорудилъ новый испуканъ Пелопонеса <sup>идо-
клон-
сиву.</sup> руна съ серебряною головою, и поспашивъ его, близъ теремного двора, на священномъ холмѣ, вмѣстѣ съ иными кумирами⁵⁸⁹. Тамъ, говориша Лѣтописецъ, спекался народъ ослаѣменный и земля осквернилась кровью жерновъ. Можешь быть, совѣсть беспокоила Владіміра; можешь быть, хопѣлъ онъ сею кровью примиряться съ богами, раздраженными его браньюубийствомъ: ибо и самая Вѣра язви-

ческая не терпѣла такихъ злодѣйній....
Добрыня, посланный отъ своего племянника
управлять Новыимгородомъ, также
пославши, на берегу Волхова, богатый
кумирь Перуновъ.

Жен-
лю-
біе. Но сія Владимира набожность не препятствовала ему ушопашь въ наслажденіяхъ чувственныхъ. Первою его супругою была Рогнѣда, мать Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода и двухъ дочерей; умершивъ браша, онъ взялъ въ наложницы свою беременную невѣспку, родившую Святополка; отъ другой законной супруги, Чехини или Богемки, имѣлъ сына Вышеслава; отъ третьей Святослава и Мстислава; отъ четвертой, родомъ изъ Болгаріи, Бориса и Глѣба. Сверхъ этого, ежели вѣришь лѣтописи, было у него 300 наложницъ въ Вышегородѣ, 300 въ нынѣшней Бѣлогородкѣ (близъ Кіева), и 200 въ сель Бересповѣ. Всакая прелестная жена и девица спрашивалась его любоспрашнаго взора: онъ презиралъ святость брачныхъ союзовъ и невинности. Однимъ словомъ, Лѣтописецъ называетъ его вшорымъ Соломономъ въ женолюбіи.

Владиміръ, вмѣстѣ со многими Героями древнихъ и новыхъ временъ любя женъ,

любить и войну. Польские Славяне⁵⁹⁰, Ляхи, вскучивъ бурною вольностію, подобно Славянамъ Россійскимъ, еще ранѣе ихъ прибѣгнули къ Единовластію. Мечиславъ, Государь знаменитый въ Исторіи введеніемъ Христіанства въ землѣ своей, правильшогда народомъ Польскимъ: Владимиrъ объявилъ ему войну, съ намѣреніемъ, кажется, возвращить то, что было еще Олегомъ завоевано въ Галиціи, по послѣ, можетъ быть, при слабомъ Ярославѣ отошло къ Государству Польскому. Онъ взялъ города Червенъ (близъ Хел-Завоема), Перемышль и другіе, которые, съ ^{заніє} Галиціи, времени будучи собственностию Ростовскими, назывались Червенскими⁵⁹¹. Въ слѣдующіе два года храбрый Князь смириль — 83. Г. 989 бунтъ Ватничей, не хопѣвшихъ плашти дани, и завоевалъ страну Яшлаговъ, днѣкаго, но мужественнаго народа Лашинскаго, обитавшаго въ лѣсахъ между Лившою и Польшою. Даlѣе къ Сѣверо-Западу онъ распространилъ свои владѣнія до самаго Балтийскаго моря: ибо Ливонія, по свидѣтельству Штурлезона, Лѣтописца Исландскаго, принадлежала Владимиру, коего чиновники єздили собирашь дань со всѣхъ жищелей между Курляндіею и Финскимъ заливомъ⁵⁹².

Увѣнчанный побѣдою и славою, Влади-
міръ хотѣлъ принести благодарносій
ідоламъ, и кровію человѣческою обагрить
олтарі. Исполняя совѣтъ *Бояръ и спар-*
цевъ, онъ велѣлъ бросить жребій, кому
изъ опроковъ и дѣвицъ Кіевскихъ надле-
жало погибнуть въ удовольствіе мнимыхъ
боговъ — и жребій палъ на юнаго Варяга,
прекраснаго лицемъ и душою, коего отецъ
былъ Христіаниномъ. Посланые отъ
высшіхъ
Хри-
спіан-
скіе
иуче-
нія
въКіе-
вѣ.
спарцевъ объявили родителю о семъ не-
счастії: вдохновенный любовію къ сыну
и ненавистію къ такому ужасному сущ-
вѣрію, онъ началъ говорить: иначе о за-
блужденіи язычниковъ, обезумії кланяющи-
ся шлѣпиному дереву, вмѣсто живаго Бо-
га, истиинаго Творца неба, земли и чело-
вѣка. Кіевляне терпѣли Христіанство;
но торжественное куленіе Вѣры ихъ про-
извело всеобщій мятежъ въ городѣ. На-
родъ вооружился, размешалъ дворъ Ва-
ряжскаго Христіанина и требовалъ жерт-
вы. Отецъ, держа сына за руку, съ извер-
достію сказалъ: «даже если ідолы ваши дѣй-
вашительно боги, то пусть они сами
извлекутъ его изъ моихъ объятій.» На-
родъ, въ изступленіи ярості, умерилъ
отца и сына, кошорые были такимъ обра-
зомъ первыми и послѣдними мучениками

Христіанства въ языческомъ Кіевѣ. Церковь наша чищить ихъ Святыми подъ именемъ Феодора и Иоанна³⁹³.

Владиміръ скоро имѣлъ случай новыми Г.984. побѣдами доказать свое мужество и счастье. Радимичи, спокойные даниники Великихъ Князей со временемъ Олеговыхъ, вѣдумали объявить себя независимыми: онъ спѣшилъ наказать ихъ. Храбрый Воевода его, прозваниемъ *Волгий Хвостъ*, начальникъ передовой дружины Княжеской, вспрыпался съ ними на берегахъ рѣки *Пищаны*, и на голову избилъ мятежниковъ³⁹⁴; они смарились, и съ того времени (пишетъ Несторъ) вошло на Руси въ пословицу: *Радимичи волъя хвоста бѣгаютъ*.

На берегахъ Волги и Камы издревле обитали Болгары, или, можешъ быть, Г.985. переселились, иуда съ береговъ Дона въ VII вѣкѣ, ~~и~~ хотѣвъ повиноваться Хану Козарскому³⁹⁵. Въ штеченіе времени они сдѣмались народомъ гражданскимъ и торговымъ; имѣли сообщеніе, посредствомъ судоходныхъ рѣкъ, съ Сѣверомъ Россіи, а чрезъ море Каспійское съ Персіею и другими богатыми Азіатскими странами. Владимиръ, желая завладѣть Камскою Болгаріею, отправился на судахъ внизъ по скальной Болгаріи Волгѣ вмѣстѣ съ Новгородцами и зна-

менитымъ Добрынею; берегомъ шли конные Торки, союзники или наемники Россіанъ. Здѣсь въ первый разъ упоминается о семъ народѣ, единоплеменномъ съ Туркоманами и Печенѣгами³⁹⁶: онъ кочевалъ въ степяхъ на юговосточныхъ границахъ Россіи, тамъ же, гдѣ скитались Орды Печенѣжскія. Великій Князь побѣдилъ Болгаровъ; но мудрый Добрыня, по извѣстію Лѣтописца, осмотрѣвъ пленниковъ, и видя ихъ въ сапогахъ, сказалъ Владиміру: «они не захочшутъ быть нашими данниками: пойдемъ лучше искать лапотниковъ!» Добрыня мыслилъ, что люди избыточные имѣютъ болѣе причинъ и средствъ обороныться. Владиміръ, уваживъ его мнѣніе, заключилъ миръ съ Болгарами, которые торжеславно обѣщались жить дружелюбно съ Россіянами, упвердивъ кляту сими прасными словами: «развѣ тогда нарушимъ договоръ свой, когда камень станетъ плавать, а хмѣль понунуть на водѣ.» — Ежели не съ данию, то по крайней мѣрѣ съ честію и съ дарами Великій Князь возвращался въ столицу.

Къ сему времени надлежитъ, кажется, чалніе опинесции любопытный и прогательный Гори- славы случай, описанный въ продолженіи Неспо-

ровой лѣтописи. Рогнѣда, названная по
ея горестямъ *Гориславою*, простила су-
пругу убійство оща и братъевъ, но не
могла простить измѣны въ любви: ибо
Великій Князь уже предпочиталъ ей дру-
гихъ женъ, и выслалъ несчастную изъ
дворца своего. Въ одинъ день, когда Влади-
міръ, посѣтивъ ел жилище уединенное
на берегу Лыбеди — близъ Кіева, гдѣ въ
Несгорово время было село *Предславино* —
заснуль шамъ крѣпкимъ сномъ, она хо-
тила ножемъ умертвить его. Князь про-
снулся и отвелъ ударъ. Напомнивъ же
спокому смерть ближнихъ своихъ и про-
ливая слезы, отчаянная Рогнѣда жалова-
лась, что онъ уже давно не любить ни
ея, ни бѣднаго младенца, Изыслава. Влади-
міръ рѣшился собственною рукою ка-
знить преступницу; велѣвъ ей украсить-
ся брачною одеждью, и сидя на богатомъ
ложѣ, въ свѣтлой храминѣ, ждать смер-
ти. Уже гибельный супругъ и судія всту-
пилъ въ сію храмину... Тогда юный Изы-
славъ, наученный Рогнѣдою, подалъ ему
мечъ обнаженный и сказалъ: «ты не
одинъ, о родитель мой! сынъ будешь
свидѣтелемъ»³⁹⁷. Владимиръ, бросивъ мечъ
на землю, опившись: «кто зналъ,
что ты здѣсь!»... удалился, собравъ

Болръ и требовалъ ихъ совѣща. «Государь!» сказали они: «проспи виновную для сего младенца, и дай имъ въ Удѣль бывшую область отца ея.» Владіміръ согласился: построилъ новый городъ въ нынѣшней Витебской Губерніи, и назвавъ его *Изяславлемъ*, отправилъ шуда матерь и сына⁵⁹⁸.

Теперь приступаемъ къ описанію важнѣйшаго дѣла Владімірова, которое все-го болѣе прославило его въ Исторіи... Исполнилось желаніе благочеснѣвой Ольги, и Россія, гдѣ уже болѣе ста лѣтъ мало по малу укоренялось Христіанство, начоцѣвъ вся и торжественно признала святость онаго, почти въ одно время съ землями соѣдѣнными: Венгрію, Польшею, Швецію, Норвегію и Данію. Самое раздѣленіе Церквей, Восточной и Западной, имѣло полезное слѣдствіе для исчезнѣющей Вѣры: ибо Главы ихъ спарались превзойти другъ друга въ дѣятельности, ревнѹши къ обращенію язычниковъ.

Древній Лѣтописецъ нашъ повѣстивъ, что не только Христіанскіе проповѣдники, но и Магометане, вмѣстѣ съ Іудеями, обижающими въ землѣ Козарской или въ Тавридѣ, присыпали въ Киевъ мудрыхъ законниковъ, склоняясь Владіміра, къ при-

и яштю Вѣры своей, и чи то Великій Князь охотно выслушиваль ихъ ученіе. Случай вѣроятный: народы сосѣдственныя могли желать, чтобы Государь, уже славный побѣдами въ Европѣ и въ Азіи, исповѣдавъ одного Бога съ ними, и Владимиръ могъ также — увидѣть наконецъ, подобно великой бабкѣ своей, заблужденіе языческихъ — искаль испинъ въ разныхъ Вѣрахъ.

Первые Послы были отъ Волжскихъ или Камскихъ Болгаровъ³⁹⁹. На вос точныхъ и южныхъ берегахъ Каспійскаго моря уже давно господствовала Вѣра Магометанская, утвержденная шамъ счастливымъ оружиемъ Аравийланъ: Болгары приняли онуу и хотѣли сообщить Владиміру. Описаніе Магометова рая и цвѣтушихъ Гурій пленило воображеніе счастолюбиваго Князя; во обрѣзаніе казалось ему ненавистнымъ обрядомъ и запрещеніе пить вино успавомъ безразсуднымъ. *Вино, сказалъ онъ, есть веселіе для Русскихъ; не можетъ быть безъ него.* — Послы Нѣмецкихъ Каптоликовъ говорили ему о величинѣ невидимаго Вседержителя и ничтожности идоловъ. Князь отвѣтствовалъ имъ: *идите обратно; отцы наши не принимали Вѣры отъ Папы*⁴⁰⁰. Выслушавъ Іудеевъ, онъ спросилъ, гдѣ ихъ опе-

*

чеспво? »Въ Іерусалимѣ,« опівѣтствовали проповѣдники: »но Богъ во гнѣвѣ Своемъ «распочилъ насть по землямъ чуждымъ.« *И вы, наказываемые Богомъ, дерзаете угитъ другихъ?* сказалъ Владіміръ: *мы не хотимъ, подобно вамъ, лишиться своего отечества.* — Наконецъ безъименный Філософъ⁴⁰¹, присланный Греками, опровергнувъ въ немногихъ словахъ другія Вѣры, рассказалъ Владіміру все содержаніе Библіи, Ветхаго и Новаго Завѣта: Исторію творенія, рая, грѣха, первыхъ людей, потопа, народа избраннаго, искупленія, Христіанства, семи Соборовъ, и въ заключеніе показалъ ему картины Страшнаго Суда, съ изображеніемъ праведныхъ, идущихъ въ рай, и грѣшныхъ, осужденныхъ на вѣчную муку⁴⁰². Пораженный симъ зрѣлищемъ, Владіміръ вздохнулъ и сказалъ: »благо добродѣтельнымъ и горе злымъ!« *Крестися, опівѣтствовалъ Філософъ — и будешь въ раю съ первыми.*

Лѣтописецъ нашъ угадывалъ, какимъ образомъ проповѣдники Вѣръ должныствовали говорить съ Владіміромъ; но ежели Греческій Філософъ дѣйствительно имѣлъ право на сіе имя, то ему не трудно было увѣриить язычника разумнаго въ великомъ превосходствѣ Закона Христіанскаго.

Вѣра Славянъ ужасала воображеніе могу-
щеспвомъ разныхъ боговъ, часпо между
собою несогласныхъ, которые играли жре-
бiemъ людей и не рѣдко увеселялись ихъ
кровію. Хотя Славяне признавали также
и бышie единаго Существа высочайшаго,
но празднаго, беспечнаго въ разсужденіи
судьбы мiра, подобно божеству Эпикуро-
ву и Лукреціеву. О жизни за предѣлами
гроба, споль любезнай человѣку, Вѣра не
сообщала имъ никакого яснаго понятія :
одно земное было ея предметомъ. Освя-
щая добродѣтель храбрости, великоду-
шія, честности, гостепріимства, она
способствовала благу гражданскихъ об-
ществъ въ ихъ новоспти, но не могла
удовольствовать сердца чувствительнаго
и разума глубокомысленнаго. Напропивъ
того Христіанство, представляя въ еди-
номъ невидимомъ Богѣ создания и пра-
вителя вселенныя, нѣжнаго отца людей,
снисходительнаго къ ихъ слабостямъ, и
награждающаго добрыхъ — здѣсь миромъ
и покоемъ совѣсти, а шамъ, за лимою
временной смерти, блаженствомъ вѣчной
жизни — удовлетворяєтъ всѣмъ главнымъ
потребностямъ души человѣческой.

Владимиръ, оппушивъ Философа съ Г.987.
дарами и съ великою честію, собралъ

Бояръ и градскихъ старцевъ; объявилъ имъ предложенія Магометанъ, Іудеевъ, Католиковъ, Грековъ, и требовать ихъ совѣща. «Государы!» сказали Бояре и спарцы: «всякой человѣкъ хвалишь Вѣру свою: ежели хочешь избрать лучшую, ми пошли умныхъ людей въ разныя земли, испытать, который народъ достойнѣе поклоняется Божеству» — и Великий Князь отправилъ десять благородныхъ мужей для сего испытанія. Послы видѣли въ странѣ Болгаровъ храмы скучные, моленіе унылое, лица печальныя; въ землѣ Нѣмецкихъ Кашоликовъ богослуженіе съ обрядами, но, по словамъ живописи, безъ всякаго величія и красоты; наконецъ прибыли въ Константинополь. *Да созерцаютъ они славу Бога нашего!* — сказалъ Императоръ, и зная, что грубый умъ пленяется болѣе наружнымъ блескомъ, нежели испытаниями, опровергнутыми, приказалъ веселии Шсловъ въ Софійскую церковь, где самъ Патріархъ¹⁰³, облаченный въ Святыни ризы, совершилъ Литургію. Великолѣпіе храма, присутствіе всего знаменитаго Духовенства Греческаго, богатыя одежды служебныя, убранство алтарей, красочна живописи, благоуханіе еніама, сладостное пѣніе Клироса, безмол-

віс народа, священная важность и шанованиеность обрядовъ изумили Россіянъ; имъ казалось, что самъ Всеяииній обишаенъ въ семъ храмѣ и непосредствено съ людьми соединяется..... Возвратясь въ Кіевъ, Послы говорили Князю съ презрѣніемъ о богослуженіи Магометанъ, съ неуваженіемъ о Католическомъ и съ вошпоргомъ о Византійскомъ, заключивъ словами: «всякой человѣкъ, вкушивъ сладкое, имѣетъ уже отвращеніе отъ горькаго; такъ и мы, узнавъ Вѣру Грековъ, не хотимъ иной.» Владиміръ желалъ еще слышать мнѣніе Бояръ и спарцевъ. «Когда бы Законъ Греческій — сказали они — не былъ лучше другихъ, то бабка пивоя, «Ольга, мудрѣшая всѣхъ людей, не вздумала бы принять его.» Великій Князь рѣшился быть Христіаниномъ.

Такъ повѣстуешь нашъ Лѣтописецъ, который могъ еще знать современниковъ Владимира, и пошому достовѣрный въ описаніи важныхъ случаевъ его княженія. Истина сего Россійскаго Посольства въ спрану Католиковъ и въ Царьградъ, для испытанія Закона Христіанскаго, утверждается также извѣстіями одной Греческой древней рукописи, хранимой въ Парижской библіотекѣ: несогласіе сошошъ

единствено въ прилагательномъ имени Василія, тогдашняго Царя Византійскаго, названного въ ней *Македонскимъ*, вмѣсто *Багрянороднаго*¹⁰⁴.

Владиміръ могъ бы креститься и въ собственной сполицѣ своей, гдѣ уже давно находились церкви и Священники Христіанскіе; но Князь пышный хотѣлъ блеска и величія при семъ важномъ дѣйствіи: одни Цари Греческіе и Паштіархъ казались ему достойными сообщить цѣлому его народу уставы новаго богослуженія. Гордость могущества и славы не позволяла также Владиміру унизишился, въ разсужденіи Грековъ, искреннимъ признаніемъ своихъ языческихъ заблужденій и смиренно просить крещенія: онъ вздумалъ, такъ сказать, завоевать Вѣру Христіанскую и принять ея святыню рукою побѣдителя.

Собравъ многочисленное войско, Г.988. кій Князь пошелъ на судахъ къ Греческому Херсону, копюраго развалины донынѣ видимы въ Тавридѣ, близъ Севастополя¹⁰⁵. Сей шорговый городъ, построенный въ самой глубокой древности выходцами Гераклейскими, сохранялъ еще въ X вѣкѣ бытіе и славу свою, не смотря на великія опустошенія, сдѣянныя

дикими народами въ окрестностяхъ Чернаго моря, со временъ Геродотовыхъ Скиѳовъ до Козаровъ и Печенѣговъ. Онъ признавалъ надъ собою верховную власть Императоровъ Греческихъ, но не плашилъ имъ дани; избиралъ своихъ начальниковъ и повиновался собственнымъ законамъ Республиканскимъ. Жилели его, торгая во всѣхъ пристаняхъ Черноморскихъ, наслаждались изобилиемъ. — Владимиѳ, остановясь въ гавани или заливѣ Херсонскомъ, высадилъ на берегъ войско, и со всѣхъ сторонъ окружилъ городъ. Издревле привязанные къ вольносипи, Херсонцы оборонались мужественно. Великій Князь грозилъ имъ сплющить при года подъ ихъ спѣнами, ежели они не сдадутся: но граждане отвергали его предложения, въ надеждѣ, можетъ быть, имѣть скорую помошь отъ Грековъ; спарались уничтожить всѣ рабопы осаждающихъ, и сдѣлавъ піайный подкопъ, какъ говорилъ Льшописецъ, ночью уносили въ городъ шуzemлю, которую Россіяне сыпали передъ спѣнами, чтобы окружить оныя валомъ, по древнему обыкновенію военного искусства. Къ счастію, нашелся въ городѣ доброжелатель Владиміру, именемъ Анастасъ: сей человѣкъ пустилъ къ Россід-

намъ спрѣму, съ надписью: *за вами, къ Востоку, находится колодези, дающіе воду Херсонцамъ чрезъ подземельные трубы; вы можете отыскать ее.* Великій Князь спѣшилъ воспользоваться совѣшомъ, и всѣмъ перекопашь водоводы (коихъ слѣды еще замѣщны близъ нынѣшнихъ развалинъ Херсонскихъ⁴⁰⁶). Тогда граждане, изнуряемые жаждою, сдались Россіянамъ.

Завоевавъ славный и богатый городъ, который въ ищеченіе многихъ вѣковъ умѣль отражаніе приступы народовъ варварскихъ, Россійскій Князь еще болѣе возгордился своимъ величиемъ, и чрезъ Пословъ объявилъ Императорамъ, Василию и Константинау, чи то онь желаетъ быти суиругомъ сестры ихъ, юной Царевны Анны, или, въ случаѣ отказа, возьмешъ Константинополь⁴⁰⁷. Родственійный союзъ съ Греческими знаменитыми Царями казался лесшимъ для его честолюбія. Имперія, по смерти Героя Цимисція, была жертвою малежей и беспорядка: Воевачальники Склиръ и Фока не хотѣли повиноваться законнымъ Государямъ и спорили съ ними о державѣ. Сіи обстоятельства принудили Императоровъ забыть обыкновенную надменность Грековъ и презрѣніе къ язычникамъ⁴⁰⁸. Василій и Константинъ,

надѣясь помошью смильного Князя Россійскаго спасши проинъ и вѣнецъ, оправившись овдовѣли ему, чѣмъ онъ него зависиши бысть икъ злочемъ; чѣмъ пригнавъ Вѣру Хрисантіанскую, онъ получиши и руку Царевны и Царство Небесное. Владимири, уже готовый къ тому, съ радостию изъявилъ согласіе крестиниться, но хотѣлъ прежде, чѣмбы Императоры, въ залогъ довѣренности и дружбы, прислали къ нему сескру свою. Анна ужаснулась: супружество съ Княземъ народа, по мнѣнию Грековъ, дикаго и свирѣпаго, казалось ей жестокимъ *плѣномъ*⁴⁰⁹ и ненавистище смерти. Но Политика требовала сей жертвъ, и ревносиль къ обращенію идолопоклонниковъ служила ей оправданіемъ или предлогомъ: Горесная Царевна оправилась въ Херсонъ на кораблѣ, сопровождаемая знаменитыми духовными и гражданскими чиновниками: памъ народа всшрѣзилъ ее какъ свою избавительницу со всѣми знаками усердія и радости. Въ лѣшомъ сказано, чѣмъ Великий Князь тогда разболѣлся глазами и не могъ ничего видѣть; чѣмъ Анна убѣдила его немедленно крестиниться, и чѣмъ онъ прозрѣлъ въ самую ту минуту, когда Святыниль возложилъ на него руку⁴¹⁰. Бояре Россійские,

удивленные чудомъ, вмѣстѣ съ Государемъ приняли испинную Вѣру (въ церкви Св. Василія, копорая спояла на городской площади, между двумя палашами, гдѣ жилъ Великий Князь и невѣста его). Херсонскій Митрополитъ и Византійскіе Пресвітеры совершили сей обрядъ торжественный, за коимъ слѣдовало обрученіе и самый бракъ Царевны съ Владиміромъ, благословленный для Россіи во многихъ отношеніяхъ и весьма счастливый для Константинополя: ибо Великий Князь, какъ вѣрный союзникъ Императоровъ, немедленно отправилъ къ нимъ часть мужественной дружины своей, копорая помогла Василію разбить мятежника Фоку и восстановить шишну въ Имперії⁴¹¹.

Сего не довольно: Владиміръ отказался отъ своего завоеванія, и соорудивъ въ Херсонѣ церковь — на пломъ возвышеніи, куда граждане сносили изъ-подъ спѣнъ землю, возвращиль сей городъ Царямъ Греческимъ въ изъявленіе благодарности за руку сестры ихъ⁴¹². Вмѣсто платниковъ, онъ вывелъ изъ Херсона однихъ Іереевъ и того Анастаса, копорый помогъ ему овладѣть городомъ; вмѣсто данн взялъ церковные сосуды, мощи Св. Климентія и Фава, ученика его, такжे два ишукана

и четырехъ коней мѣдныхъ⁴¹³, въ знакъ любви своей къ художествамъ (сіи, можетъ быть, изящныя произведенія древнаго Искусства сполили въ Неспорово время на площади старого Кіева, близъ нынѣшней Андреевской и Десятииной церкви). Наставлennyй Херсонскимъ Митрополитомъ въ тайнахъ и нравственномъ учениіи Христіанства, Владимиръ спѣшилъ въ сполицу свою озарить народъ свѣшомъ крещенія. Истребленіе кумировъ служило пріуготовленіемъ къ сemu торжеству: одни были изрублены, другіе сожжены. Перуна, главнаго изъ нихъ, привязали къ хвосту конскому, били тросями и свергнули съ горы въ Днѣпръ⁴¹⁴. Чтобы усердные язычники не извлекли идола изъ рѣки, воины Княжескіе оттачивали его отъ береговъ и проводили до самыхъ пороговъ, за коими онъ былъ изверженъ волнами на берегъ (и сіе мѣсто долго называлось Перуновымъ). Изумленный народъ не смѣлъ защищать своихъ мнимыхъ боговъ, но проливалъ слезы, бывшія для нихъ послѣднею данію суевѣрія: ибо Владимиръ на другой день велѣлъ объявить въ городѣ, чтобы всѣ люди Русскіе, Вельможи и рабы, бѣдные и богатые шли крестицься — и народъ,

уже липленный предметовъ древняго обожанія, устремилсѧ пюлпами на берегъ Днѣпра, разсуждая, что новая Вѣра должна быть мудрою и святою, когда Великій Князь и Бояре предпочли ее спасрой Вѣрѣ отцевъ своихъ. Тамъ явился Владимиръ, провождаемый соборомъ Греческихъ Священниковъ, и по данному знаку безчисленное множество людей вспутило въ рѣку: большіе спояли въ водѣ по грудь и шею; отцы и матери держали младенцевъ на рукахъ; Еереи читали молитвы крещенія и пѣли славу Вседержителя. Когда же обрядъ торжественный совершился; когда Священный Соборъ парекъ всѣхъ гражданъ Кіевскихъ Христіанами: тогда Владимиръ, въ радости и восторгѣ сердца успремивъ взоръ на небо, громко произнесъ молитву: «Творецъ земли и неба! благослови сихъ новыхъ чадъ Твоихъ; дай имъ познать «Тебя, Бога истиннаго; утверди въ нихъ Вѣру правую. Будь ми помошью въ искушенияхъ зла, да восхвалю дошойно, освятое имя Твое!... Въ сей великий день, говорить Лѣтописецъ, землю и небо ликовали.

Г. 988 Скоро знаменія Вѣры Христіанскої,
— 90. принятой Государемъ, дѣльны его⁴¹⁶, Вель-

можами и пародомъ, явились на развалинахъ мрачнаго язычества въ Россіи, и жертвеники Бога испиннаго заступили мѣсто идольскихъ требищъ. Великій Князь соорудилъ въ Кіевѣ деревянную церковь Св. Василія⁴¹⁶, на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ Перунъ, и призвалъ изъ Константинополя искусствныхъ зодчихъ для спроенія храма каменнаго во имя Богоматери, шамъ, гдѣ въ 983 году пострадалъ за Вѣру багачеславившій Варягъ и сынъ его. Между тѣмъ ревностные служители олтарей, Священники, проповѣдавали Христа въ разныхъ областяхъ Государства. Многіе люди крестились, разсуждая безъ сомнѣнія шакъ же, какъ и граждане Кіевскіе; другіе, привязанные къ закону древнему, отвергали новый: ибо язычество господствовало въ нѣкоторыхъ спранакъ Россіи до самаго XII вѣка. Владимиръ не хотѣлъ, кажется, принуждать совѣстни; но взялъ лучшія, надежнѣйшія мѣры для испребленія языческихъ заблужденій: онъ старался просвѣтить Россію. Чтобы утвердить Вѣру въ знаніи книгъ Божественныхъ, еще въ IX вѣкѣ переведенныхъ на Славянскій языкъ Кирилломъ и Меѳодіемъ и безъ сомнѣнія уже давно известныхъ Кіевскимъ Христіанамъ, Вели-

кій Князь завелъ для отроковъ училища, бывшіл первымъ основаціемъ народнаго просвѣщенія въ Россіи. Сіе благодѣяніе казалось тогда спрашною новостпю, и жены знаменитыя, у коихъ неволею брали дѣтей въ науку, оплакивали ихъ какъ мертвыхъ, ибо счищали грамоту опаснымъ чародѣйствомъ.

Владиміръ имѣлъ 12 сыновей, еще юныхъ отроковъ. Мы уже наименовали изъ нихъ 9: Станиславъ, Позвиздъ, Судиславъ, родились, кажеся, послѣ. Думая, что дѣти могутъ быть надежнѣйшими слугами отца, или, лучше сказать, слѣдуя несчастному обыкновенію сихъ временъ, Владиміръ раздѣлилъ Государство на области⁴¹⁷, и далъ въ Удѣльъ Вышеславу Государеву Новгородъ, Иэславу Полоцкъ, Ярославу спава. Росповъ: по смерти же Вышеслава Новгородъ, а Росповъ Борису; Глѣбу Муромъ, Святославу Древлянскую землю, Всеводу Владиміръ Волынскій⁴¹⁸, Мстиславу Тмуторакаву или Греческую Таматарху, завоеванную, какъ вѣроятно, мужественнымъ дѣломъ его; а Святополку, усыновленному племяннику, Туровъ, который донынѣ существуетъ въ Минской Губерніи и названъ такъ отъ имени Варяга Тура, повелѣвавшаго нѣкогда сею обла-

спію⁴¹⁹. Владіміръ оправилъ малолѣтныхъ Князей въ назначенный для каждого Удѣль, поручивъ ихъ до совершенного возрасла благоразумнымъ пѣстунамъ. Онъ безъ сомнѣнія не думалъ раздробить Государства и дасть сыновьямъ одни права своихъ Намѣстниковъ; но ему надлежало бы предвидѣть слѣдствія необходимыя по его смерти. Удѣльный Князь, повинуясь отцу, самовласному Государю всей Россіи, могъ ли споль же еспесшенно повиноваться и наследнику, то есть брашу своему? Междоусобіе дѣлѣй Святославовыхъ уже доказало противное; но Владіміръ не воспользовался симъ опытомъ: ибо самые великие люди дѣйствующіи согласно съ образомъ мыслей и правилами своего вѣка.

Желая удобнѣе образовать народъ и защищить южную Россію отъ грабительства Печенѣговъ, Великій Князь основалъ новые города по рѣкамъ Деснѣ, Оспѣ-Спрору, Трубежу, Суѣ, Спугнѣ, и населилъ ^{еніе} _{городъ} Новогородскими Славянами, Криви-дозами, Чудью, Вяпичами. Укрѣпивъ Кіевскій Бѣлгородъ сильною, онъ перевелъ шуда многихъ жишелей изъ другихъ городовъ: ибо отмѣнно любилъ его, и часто Г.990. живалъ въ ономъ⁴²⁰.

Война съ Хорватами, обиравшими (какъ Г.993. думаемъ) на границахъ Седмиградской області и Галиціи⁴²¹, отвлекла Владимира отъ Хорватовъ, внутреннихъ государственныхъ распоряжений. Едва окончавъ ее, миромъ или по-Пече-бѣдою, онъ свѣдалъ о набѣгѣ Печенѣговъ, кошерые циціли изъ-за Сулы и разорили області Кіевскую. Великий Князь вспрѣшился съ ними на берегахъ Трубежа: при чемъ Лѣтописецъ разсказываетъ слѣдую-щую новѣсть:

»Войско Печенѣговъ споадло за рѣкою: «Князь ихъ вызвалъ Владимира на берегъ и предложилъ ему рѣшити дѣло поедин-вкомъ между двумя, съ обѣихъ сторонъ избранными богатырями. Ежели Русской пубъетъ Печенѣга, сказалъ онъ, то обл-живаемся три года не воевать съ вами; за же жели нашъ побѣдить, то мы сольныи три года опустошать твою землю. Владимира согласился, и велѣль Бирюгамъ и Герольдамъ въ спанѣ своеи клик-нуши охотниковъ для поединка⁴²²: не всыпалось ни одного, и Князь Россійскій «былъ въ горести. Тогда приходишъ къinemу старецъ и говоришъ: «Я вышелъ изъ пола съ четырьмя сынаими, а меньший остался дома. Съ самого дѣтства никто не могъ одолѣть его. Однажды, въ сердцѣ

на меня, онъ разорвалъ на-дое толстую
валовью кожу. Государь! если ему бороть-
ся съ Печенѣгомъ. Владимиръ немедленно
въ послалъ за юношою, который для опы-
тиша въ силѣ своей требовалъ быка ды-
каго; и когда звѣрь, раздраженный при-
косновенiemъ горячаго желѣза, бѣжалъ
внѣмъ юноши, сей богатырь одною ру-
кою вырвалъ у него изъ боку кусокъ
мяса. На другой день явился Печенѣгъ,
великанъ страшный, и видя своего ма-
лорослаго противника, засмѣялся. Выбра-
ли мѣсто: единоборцы схватились. Рос-
сіянинъ крѣпкими мышцами своими дав-
нулъ Печенѣга, и мертваго ударилъ объ
землю. Тогда дружина Княжеская, вось-
микликнувъ побѣду, бросилась на устра-
шеннное войско Печенѣговъ, которое едва
могло спастися бѣгствомъ. Радостный
Владимиръ въ память сему случаю зало-
жилъ на берегу Трубежа городъ, и на-
звалъ его *Переяславль*: ибо юноша Рус-
ской перелѣгъ у враговъ славу. Великій
Князь, наградивъ виновнаго и старца, опи-
ца его, саномъ Болрскимъ, возвратился
въ торжествомъ въ Кіевъ. « Поединокъ
можетъ быть испытаниемъ; но обстоятель-
ство, чѣмъ Владимиръ основалъ Переяславль,
кажется сомнительнымъ: ибо о семъ го-

родѣ упоминается еще въ Олеговомъ договорѣ съ Греками въ 906 году⁴²³.

Г. 994 — 96. Россия года два или три наслаждалась потомъ пишиною. Владимиръ, къ великому своему удовольствію, видѣлъ на конецъ совершеніе каменнаго храма въ наил. Кіевѣ, посвященнаго Богоматери, и художествомъ Грековъ украшеннаго. Тамъ, исполненный вѣры святой и любви къ народу, онъ сказалъ предъ олтаремъ Все-вышняго: «Господи! въ семъ храмѣ, мною сооруженномъ, да внимашь всегда молитвамъ добрыхъ Россіянъ!» и въ знакъ сердечной радости угостилъ во дворцѣ Княжескомъ Бояръ и градскихъ спартцевъ; не забылъ и людей бѣдныхъ, щедро удовлетворивъ ихъ нуждамъ.—Владимиръ опдалъ въ новую церковь иконы, кресты и сосуды, взятые въ Херсонѣ; велиль служить въ ней Херсонскимъ Ереямъ; поручилъ ее любимцу своему Анастасу; уставилъ братъ ему десятную часть изъ собственныхъ доходовъ Княжескихъ, и клятвенною грамотою обязавъ своихъ наследниковъ непреступать сего закона, положилъ ону въ храмѣ⁴²⁴. Слѣдственno Анастасъ былъ Священнаго сана и, вѣроятно знаменитаго, когда главная церковь сполицы (донынѣ именуемая Деся-

тинною) находилась подъ его особыннымъ вѣдѣніемъ. Новѣйшіе Лѣтописцы утверждительно повѣствуютъ о Кіевскихъ Митрополиахъ сего времени, но, именуя ихъ, прошиворѣчатъ другъ другу⁴²⁵. Несторъ совсѣмъ не упоминаетъ о Митрополіи до княженія Ярославова, говоря единственно о Епископахъ, уважаемыхъ Владимиromъ, безъ сомнѣнія Грекахъ или Славянахъ Греческихъ, копорые, разумѣя языкъ нашъ, шѣмъ удобнѣе могли учить Россіянъ.

Случай, опасный для Владимиrowой жизни, еще болѣе утвердилъ сего Князя въ чувствиахъ набожности. Печенѣги, снова напавъ на обласпи Россійскія, приспутили къ Василеву, городу построенному имъ на рѣкѣ Спугнѣ⁴²⁶. Онъ вышелъ въ поле На-
багъ
Пече-
чновъ.
съ малою дружиною, не могъ успоять прошивъ ихъ множества и долженъ быль скрыться подъ мосшомъ. Окруженный со всѣхъ споронъ врагами свирѣпыми, Владимиrъ обѣщался, ежели Небо спасетъ его, соорудить въ Василевѣ храмъ празднику шого дня, Свѧтому Преображенію. Непріятели удалились, и Великій Князь, исполнивъ обѣтъ свой, созвалъ къ себѣ на пиръ Вельможъ, Посадниковъ, спарбѣшина изъ другихъ городовъ. Желая из-

образить его роскошь, Лѣтописецъ 'гово-
ришъ, что Владімиръ приказалъ сваріти
<sup>Влади-
миро-</sup> *тріста варъ меду, и восемь дней праздно-*
валъ съ Боярами въ Василевъ. Убогіе по-
лучили 300 гривенъ изъ казны государ-
ственной. Возвращаясь въ Киевъ, онъ далъ
новый пиръ не шолько Вельможамъ, но
и всему народу, который искренно радо-
вался спасенію доброго и любимаго Госу-
даря. Съ того времени сей Князъ всякую
недѣлю угощалъ въ Гридицѣ, или въ
прихожей дворца своего, Бояръ, Гридиней
(меченощевъ Княжескихъ) воинскихъ Со-
пливниковъ, Десятникъ и всѣхъ людей име-
нитыхъ или народныхъ¹⁸. Даже и въ
тѣ дни, когда его не было въ Киевѣ, они
собирались во дворцѣ и находили сходы
покрытые мясами, дичиною и всеми и рос-
кошными яствами погодашняго времени.
Однажды — какъ разсказываютъ Лѣтопи-
сецъ — госпини Владіровы, угоенные крѣп-
кимъ медомъ, вздумали жаловашися, что
у знаменитаго Государя Русскаго подающъ
имъ къ обѣду деревянныя ложки. Великій
Князъ, узнавъ о штомъ, велѣль сдѣлать
для нихъ серебряныя, говоря благоразумно:
серебромъ и золотомъ не добудешь вѣрной
дружины; а съ ней добуду много и серебра
и золота, подобно отцу моему и дѣду.

Владиміръ, по словамъ лѣтописи, отпѣни-
но мобилъ свою дружину и совѣтовался
съ сими людьми, не только храбрыми,
но и разумными, какъ о воинскихъ, такъ
и гражданскихъ дѣлахъ.

Будучи другомъ усердныхъ Бояръ и
чиновниковъ, онъ быль испиннымъ от-
цемъ бѣдныхъ, кошорые всегда могли при-
ходить на дворъ Княжескій, уполнять
шамъ голодъ свой и брашь изъ казны
деньги¹²⁸. Сего мало: бѣльные, говорылъ
Владиміръ, не въ силахъ дойти до палатъ
моихъ — и велѣль развозить по улицамъ
хлѣбы, мясо, рыбу, овощи, медъ и квасъ
въ бочкахъ. «Гдѣ нищіе, недужные?» спра-
шивали люди Княжескіе, и надѣляли ихъ
всѣмъ попребнымъ. Сю добродѣтель Влади-
мірову приписывалъ Несторъ дѣй-
ствію Христіанскаго ученія. Слова Еван-
гельскія: блажени милостиви, яко тѣ
помилованы будуть, и Соломоновы: да
нищему, Богу въ заимѣ даете, вселили въ
душу Великаго Князя рѣдкую любовь къ
благоворенію и вообще такое милосер-
діе, которое выходило даже изъ предѣ-
ловъ государственной пользы. Онъ щадилъ
жизнь самыхъ убійцъ и наказывалъ ихъ
только Вирою, или денежною пенею¹²⁹: Мило-
число преснупниковъ умножалось, и дер-сердіе.

зосить ихъ ужасала добрыхъ, спокойныхъ гражданъ. Наконецъ духовные Пастыри Церкви вывели набожнаго Князя изъ заблуждениа. «Для чего не караешь злодѣя спива?» спросили они. *Боюсь гнѣва Небеснаго, ошвѣшствовалъ Владимиръ.* »Нѣпъ,« сказали Епископы: »ты поспавленъ Богомъ на казнь злымъ, а добрымъ на милованіе. Должно карашь преступника, но и только съ разсмотрѣніемъ.« Великий Князь, принявъ ихъ совѣтъ, опимѣнилъ *Виру* и снова ввель смертную казнь, бывшую при Игорѣ и Свѧтославѣ.

Симъ благоразумнымъ совѣтникамъ надлежало еще пробудить въ немъ, для государственного блага, и прежній духъ воинскій, усыпленный пѣмъ же человѣко любіемъ. Владимиръ уже не искалъ славы Героевъ, и жилъ въ мирѣ съ сосѣдственными Государями: Польскимъ, Венгерскимъ и Богемскимъ⁴⁵⁰; но хищные Печенѣги, употребляя въ свою пользу миролюбіе его, безпрестанно опустошали Россію. Мудрые Епископы и старцы доказали Великому Князю, что Государь долженъ быти ужасомъ не только преступниковъ государственныхъ, но и вѣшнихъ враговъ — и гласъ воинскихъ трубъ снова раздался въ нашемъ древнемъ отечествѣ.

Владиміръ, желая собрасть воинство Г.997
многочисленное для отраженія Печенѣговъ,
самъ отправился въ Новгородъ; по сіи
неупомимые враги, узнавъ его опуск-
спивіе, приближились къ сполицѣ, окру-
жили Бѣлгородъ и пресѣкли сообщеніе Осада
Бѣла-
жшелей съ мѣшами окрестными. Чрезъ да-
нѣсколько времени сдѣлался шамъ голодъ,
и народъ, собравшись на Вѣче или со-
вѣтъ⁴⁵¹, изъявилъ желаніе сдаться непрія-
телиамъ. «Князь далеко», говорилъ опъ:
«Печенѣги могутъ умертвить только нѣ-
»кошорыхъ изъ насъ; а отъ голода мы
»всѣ погибнемъ.» Но хитрость умнаго
спарца, впрочемъ не совсѣмъ вѣроятная,
спасла гражданъ. Онъ велѣлъ ископать два
колодезя, поставилъ въ нихъ одну кадь
съ сытою, другую съ пѣстомъ, и звать
спаршии непріятельскихъ будто бы для
переговоровъ. Видя сіи колодези, они по-
вѣрили, что земля сама собою произво-
дитъ шамъ вкусную для людей пищу, и
возвратились къ своимъ Князьямъ съ вѣ-
сплю, что городъ не можетъ имѣть не-
достатка въ съѣстныхъ припасахъ! Пе-
ченѣги сняли осаду.

Вѣроятно, чтио Владиміръ счастли- Г.997
вымъ оружіемъ унілъ на конецъ сихъ вар—¹⁰¹⁴.
варовъ: по крайней мѣрѣ Лѣтописецъ не

упоминается болѣе о ихъ нападеніяхъ на Россію до самаго 1015 году. Но здѣсь преданія оспавающіе, кажешся, Неспора, и въ печеніе *семнадцати лѣтъ* онъ скаживаєтъ намъ только, что въ 1000 году умерли Мальфрида — одна изъ бывшихъ Владимировыхъ женъ, какъ надобно думать — и знаменившая несчастіемъ Рогнѣда, въ 1001 Изяславъ, а въ 1003 младнецъ Всеславъ, сынъ Изяславовъ; что въ 1007 году привезли иконы въ Кіевскій храмъ Богоматери изъ Херсона или изъ Греціи, а въ 1011 скончалась Анна⁴³², супруга Владимира, достопамятная для поминовѣя: ибо она была орудіемъ Небесной благодати, извлекшей Россію изъ тьмы идолопоклонства.

Коп.
чиша
Анны.

Въ сіи годы, скудные происшествіями по Неспоровой лѣтописи, Владимиръ могъ имѣть ту войну съ Норвежскимъ Принцомъ Эрикомъ, о коей повѣщущій Исландскій Лѣтописецъ Стурлезонъ⁴³³. Гонимый судьбою, малолѣтный Принцъ Норвежский Олофъ, племянникъ Сигурда, одного изъ Вельможъ Владимировыхъ, съ матерью, вдовствующею Королевою Астридю, нашелъ убѣжище въ Россіи; учился при Дворѣ, осыпаемый милостями Великой Княгини, и ревностно служилъ Государю;

Вой-
на съ
Эри-
комъ
Нор-
веж-
скимъ.

но оклеветанный завистливыми Боярами, долженъ быть оставилъ его службу. Чрезъ нѣсколько лѣтъ — можетъ быть, съ по-мощью Россіи — онъ сдѣлался Королемъ Норвежскимъ, отнявъ престолъ у Эрика, который бѣжалъ въ Швецію, собралъ вой-ско, началъ на сѣверо-западныя Владими-ровы обласки, осадилъ и взялъ приспу-шомъ городъ Россійскій *Альдейгабургъ*, или, какъ *вѣролѣтие*, вынѣшнюю Спарую Ладогу³⁴, гдѣ обыкновенно приставали мо-реплаватели Скандинавскіе, и гдѣ, по на-родному преданію, Рюрикъ имѣлъ дворецъ свой. Храбрый Норвежскій Принцъ четы-ре года воевалъ съ Владиміромъ; наконецъ, уступивъ превосходству силъ его, вы-шелъ изъ Россіи.

Судьба не пощадила Владимира въ спа-роски: предъ концемъ своимъ ему надле-жало увидѣть съ горестію, что власпо-любіе вооружаетъ не только браша про-шивъ браша, но и сына противъ отца.

Намѣстники Новгородскіе ежегодно Г.
платили двѣ тысячи гривенъ Великому 1014.
Князю и тысячу раздавали Гриднямъ или ^{Бунты} пѣхорожанинамъ Княжескимъ³⁵. Яро-
славъ, тогдашній Правитель Новагорода, рова
дерзнула объявить себя независимымъ и ^{сыва,} Яро-
не ходіть платить дани. Раздраженный ^{Яро-} слава.

Владиміръ велѣлъ готповитъся войску къ походу въ Новгородъ, чтобы наказать ослушника; а сынъ, ослѣпленный власшо-любіемъ, призвалъ изъ-за моря Варяговъ на помощь, думал, вопреки законамъ Божественнымъ и человѣческимъ, поднять мечь на отца и Государя. Небо, отвра-шивъ сю войну богопротивную, спасло г. Ярослава отъ злодѣянія рѣдкаго. Влади-
1015. міръ, можешъ бытъ отъ горести, зане-
могъ тяжкою болѣзнію, и въ то же са-
мое время Печенѣги ворвались въ Россію;
надлежало оправить ихъ: не имѣа силь-
предводицельствовать войскомъ, онъ по-
ручилъ его любимому сыну Борису, Кня-
зю Росповскому, бывшему тогда въ Киевѣ,
Кон-
чина
Вла-
дими-
ра.

Свѧтополкъ, усыновленный племян-
никъ Владимира, находился въ сполицѣ:
боясь его власшо-любія, придворные хо-
тили упаковать кончину Великаго Князя,
вѣроятно для того, чтобы дать время
сыну его, Борису, возвратиться въ Киевъ;
ночью выломали полъ въ сѣяхъ, завер-
нули шѣло въ коверь, спуссили внизъ по
веревкамъ и отвезли въ храмъ Богома-

щери. Но скоро печальная вѣспь разгласилась въ городѣ: Вельможи, народъ, воины бросились въ церковь; увидѣли трупъ Государя и спешаніемъ изъявили свое опечаленіе. Бѣдные оплакивали благопвориепла, Бояре отца отчесши... Тѣло Владимира заключили въ мраморную раку и поставили овую торжественно, рядомъ съ гробницею супруги его, Анны, среди храма Богоматери, имъ сооруженнаго⁴⁵⁶.

Сей Князь, названный Церковію *Равноапостольныи*, заслужилъ и въ Исторіи имя *Великаго*. Испинное ли увѣреніе въ святынѣ Христіанства, или, какъ повѣствуетъ знаменитый Арабскій Историкъ XIII вѣка⁴⁵⁷, одно честолюбіе и желаніе бышь въ родственномъ союзе съ Государями Византійскими рѣшило его креститься? извѣсно Богу, а не людямъ. Довольно, что Владимиръ, принявъ Вѣру Спасителя, освятился ею въ сердцѣ своемъ и спалъ инымъ человѣкомъ. Бывъ въ языческихъ мѣстахъ евирѣпымъ, гнуснымъ сласполюбцемъ⁴⁵⁸, воиномъ кровожаднымъ и — что всего ужаснѣе — брашубійцею, Владимиръ, наставленный въ человѣколюбивыхъ правилахъ Христіанства, боялся уже проливать кровь самыхъ злодѣевъ и враговъ отчесши. Главное право его

Свой
сина
его.

на вѣчную славу и благодарность потомства состоятъ конечно въ томъ, что онъ поставилъ Россію на путь исправленія Вѣры; но имя Великаго принадлежитъ ему и за дѣла государственные. Сей Князь, похитивъ Единовластие, благоразумнымъ и счастливымъ для народа правлениемъ загладилъ вину свою; выславъ мятежныхъ Вариговъ изъ Россіи, употребилъ лучшихъ изъ нихъ въ ея пользу; смирилъ бунты своихъ данниковъ, отражая набѣги хищныхъ соседей, побѣдилъ сильного Мечи-слава и славный храбростью народъ Японскій; расширилъ предѣлы Государства на Западѣ; мужествомъ архипелага своей утвердилъ вѣнецъ на слабой главѣ Восточныхъ Императоровъ; спасался просвѣтилъ Россію: населилъ пустыни, основалъ новые города; любилъ совѣтоваться съ мудрыми Боярами о полезныхъ уставахъ земскихъ; завелъ училища и призывалъ изъ Греціи не только Іереевъ, но и художниковъ; наконецъ былъ нѣжнымъ отцемъ народа бѣднаго. Горестію послѣднихъ минувъ своихъ онъ заглатилъ за важную ошибку въ Политикѣ, за назначеніе особенныхъ Удѣловъ для сыновей.

Слава его правленія раздалась въ прѣхъ частяхъ міра: древнія Скандинавскія, Нѣ-

мецкія, Византійскія, Арабскія лѣтописи говорять о немъ. Кромѣ преданій Церкви Сказ-
и нашего первого Лѣтописца о дѣлахъ ки пад-
Владимировыхъ, память сего Великаго роя.
Князя хранилась и въ сказкахъ народныхъ
о великомъ пирѣ его, о могучихъ
богатыряхъ его времени: о Добрынѣ Но- Бога-
вогородскомъ, Александрѣ съ золотою гриз- шы-
кою, Ильѣ Муромцѣ, сильномъ Раходѣ (ко- ри-
шторый будто бы одинъ ходилъ, на 300
воиновъ), Янѣ Усмошвецѣ, грозѣ Печенѣ-
говѣ, и прочихъ, о коихъ упоминается
въ новѣйшихъ, опчастніи баснословныхъ
лѣтописяхъ⁴³⁹. Сказки не Исторія; но
сіе сходство въ народныхъ понятіяхъ о
временахъ Карла Великаго и Князя Влади-
міра достойно замѣчанія: штотъ и друг-
ой, заслуживъ бессмертие въ лѣтописяхъ
своими побѣдами, усердіемъ къ Христіан-
ству, любовию къ Наукамъ, живущъ до-
нынѣ и въ сказкахъ богатырскихъ.

Владиміръ, не смотря на слабое огнь
природы здоровье⁴⁴⁰, дожилъ до спаро-
спи: ибо въ 970 году уже господствова-
валъ въ Новгородѣ, подъ руководствомъ
дяди, Боярина Добрыни.

Прежде нежели будемъ говорить о на-
следникахъ сего великаго Монарха, дополн-
нимъ Исторію описанныхъ нами временъ

всѣми извѣстіями, кошорыя находятся въ Несторѣ и въ чужеспранныхъ, современныхъ Лѣтописцахъ, о гражданскомъ и нравственномъ состояніи тогдашней Россіи: чтобы не прерывать ниши историческаго повѣстовданія, сообщаемъ оныя въ статьѣ особеной.

ГЛАВА X.

О СОСТОЯНИИ ДРЕВНЕЙ РОССІИ.

Предѣлы. Правленіе. Законы гражданскіе. Военское искусство. Флоты. Чивоначаліе и внутреннее образованіе войска. Торговля. Пышность и роскошь. Столітие городовъ. Деньги. Успѣхи разума. Механическія и свободныя художества. Нравы.

Прѣдѣлы. Въ самый первый вѣкъ бытія своего Россія превосходила обширностю едва ли не всѣ тогдашнія Государства Европейскія⁴⁴¹. Завоеванія Олеговы, Святославовы, Владимировы, распроспарили ея владѣнія отъ Новагорода и Кіева къ Западу до моря Балтийскаго, Двины, Буга и горъ Карпатскихъ, а къ Югу до пороговъ Днѣпровскихъ и Киммерийскаго Востора; къ

Съверу и Востоку граничила она съ Финляндію и съ Чудскими народами, обиша-
щелами вынѣшнихъ Губерній Архангель-
ской, Вологодской, Вятской, также съ
Мордою и съ Казанскими Болгарами, за-
коими, къ морю Каспійскому, жили Хва-
лисы, ихъ единовѣрцы и единоплеменники
(почему сіе море называлось тогда Хва-
лынскимъ или Хвалинскимъ).

Слова Новогородцевъ и союзныхъ съ
ними народовъ, преданныя намъ Лѣпо-
писцемъ: «хотимъ Князя, да владѣешъ и Пра-
вавиши нами по закону», были основа-
ніемъ первого успава государства-
Россіи, то есипь, Монархическаго.

Но Князья привели съ собою многихъ
независимыхъ Варяговъ, которые счища-
ли ихъ болѣе своими шоварищами, неже-
Государями, ишли въ Россію властиво-
вать, а не повиноваться. Сіи Варяги бы-
ли первыми чиновниками, знаменишѣй-
щими воинами и гражданами; составляли
отборную Дружину и верховный Совѣтъ,
съ коимъ Государь дѣлился властію. Мы
видѣли, что Послы Россійскіе заключали
договоръ съ Греціею отъ имени Князя и
Бояръ его; что Игорь не могъ одинъ
упвердить союза съ Императоромъ, и
что вся дружина Княжеская должна бы-

ла вѣстѣ съ нимъ присягать на свя-
щенномъ холмѣ⁴⁴².

Самый народъ Славянскій хотя и по-
корился Князьямъ, но сохранилъ нѣкоторыя
обыкновенія вольности, и въ дѣлахъ
важныхъ, или въ опасносныхъ государ-
ственныхъ, сходили на общий съѣздъ.
Бѣлогородцы, шѣснадцати Печеньгами, раз-
суждали на Вѣчѣ, чилю имъ дѣлать⁴⁴³. —
Сіи народные собранія были древнимъ
обыкновеніемъ въ городахъ Россійскихъ,
доказывали участіе гражданъ въ правле-
ніи и могли давать имъ смѣюшь, неиз-
вѣстную въ Державахъ строгаго, неогра-
ниченного Единовластія. Такъ Новгород-
цы объявили Свѧтославу, чилю они пред-
бующъ отъ него сына въ Правителіи,
или, въ случаѣ отказа, изберушъ себѣ
особеннаго Князя.

На войнѣ права Государя были огра-
ничены корысшомюбемъ воиновъ: онъ
могъ брати себѣ только часть добычи,
уступая имъ прочее. Такъ Олегъ, Игорь
взяли дань съ Грековъ на каждого изъ
своихъ рабниковъ; самые родственники
убитыхъ имѣли въ ней долю⁴⁴⁴. Желая
одинъ воспользоваться грабежемъ въ землѣ
Древлянской, Игорь удалилъ отъ себя вой-
ско: следственно не только добычею сча-

спливой битвы, но и данію, собираю
сь народовъ уже подвластныхъ Россіи ,
Князья дѣлились съ воинами.

Впрочемъ вся земля Русская была ,
такъ сказать, законной собственностью
Великихъ Князей: они могли, кому хотѣли,
раздавать города и волости. Такъ многіе
Варяги получили Удѣлы отъ Рюрика.
Такъ супруга Игорева владѣла Вышегородомъ ,
а Рогволодъ, по словамъ лѣтописи ,
жилъ въ Полоцкѣ⁴⁴⁵.

Варяги, на условіяхъ *Полъстной Си-
стемы* владѣвшіе городами, имѣли право
Князей: о сихъ-то многихъ Князьяхъ Рос-
сійскихъ упоминается въ Олеговомъ дого-
ворѣ съ Греческимъ Императоромъ⁴⁴⁶. Дѣ-
ти ихъ , заслуживъ милость Государя ,
могли получать тѣ же Удѣлы: Бояре
Владимировы называли Полоцкъ , гдѣ ква-
жилъ отецъ Рогвѣдинъ , ея наследствен-
нымъ доспояніемъ или опчиною⁴⁴⁷. Но
Великий Князь какъ Государь располагалъ
сими частными Княжествами: Влади米尔ъ
отдалъ дѣплемъ своимъ Рословъ , Муромъ
и другія области , бывшія со временемъ
Рюриковыхъ Удѣлами Вельможъ Норман-
скихъ . — Другіе города и волости непо-
редственно зависѣли отъ Великаго Кня-

за: онъ управлялъ ими чрезъ своихъ Помѣщиковъ или Намѣсниковъ⁴⁴⁸.

Образъ сего внутренняго правленія опиѣтствовалъ простотѣ тогдашніхъ нравовъ. Одни люди были чиновниками воинскими и гражданскими: Государь съвѣтовался о земскихъ учрежденіяхъ съ храброю дружиною⁴⁴⁹. Ему принадлежала верховная законодательная и судебная власть: Владимиръ по волѣ своей опредѣлилъ и снова установилъ смертную казнь.— Несмотря упоминается еще о градскихъ старѣшинахъ, кошорые лѣпами, разумомъ и честію заслуживъ довѣренность, могли быть судіями въ дѣлахъ народныхъ.

Законы Славянъ гражданское правосудіе имѣло основаніемъ совѣстъ и древніе обычаи каждого племени въ особенности⁴⁵⁰; но Варяги прінесли съ собою общіе гражданскіе законы въ Россію, извѣсные намъ по договорамъ Великихъ Князей съ Греками, и во всемъ согласные съ древними законами Скандинавскими. На примѣръ: и въ лѣхъ и другихъ было установлено, что родственникъ убіеннаго имѣлъ право лишить жизни убійцу; что гражданинъ могъ умершевшій вора, который не захотѣлъ бы добровольно отдашься ему въ руки; что

за каждый ударъ мечемъ, копіемъ или другимъ орудіемъ, надлежало плащить денежную пеню⁴⁵¹. Сіи первые законы нашего опіечества, еще древнѣйшіе Ярославовыхъ, дѣлають честь вѣку и народному характеру, будучи основаны на довѣренности къ клятвамъ, слѣдственno къ совѣсти людей, и на справедливости: такъ виновный, былъ увольняемъ отъ пени, ежели онъ утверждалъ клятвенно, что не имѣетъ способа заплатить ее; такъ хицникъ наказывался соразмѣрно съ виной, и платилъ вдвое и втрое за всякое похищеніе; такъ гражданинъ, мирными трудами наживъ богатство, могъ при кончинѣ располагать имъ въ пользу близкихъ и друзей своихъ⁴⁵². — Трудно вообразить, чтобы одно словесное преданіе хранило сіи уставы въ народной памяти. Ежели не Славяне, то по крайней мѣрѣ Варяги Россійскіе могли имѣть въ IX и X вѣкѣ *законы писанные*: ибо въ древнемъ опіечествѣ ихъ, въ Скандинавіи, упомянутое Руническихъ писменъ было извѣстно до временъ Христіанства⁴⁵³.

Мы имѣемъ еще древній, такъ называемый *Владимиръ уставъ*, по коему, со- Цер- образно съ Греческими Номоканонами, оп- ^{ков-} чуждены отъ мірскаго вѣдомства Монахи уставъ

Вла- и церковники, бояре, лекари и всѣ
домы спрашиваются, люди увѣчные. Дѣла ихъ были подсудны
дома Епископамъ: такжे вѣсы и мѣ-
рила городскія, распри и невѣроносль су-
пруговъ, браки незаконные, волшебство,
оправы, идолопоклонство, нечестивая
брань, злодѣйства дѣтей въ ознакомлені-
къ олицу и матери, шлябы родныхъ,
оскверненіе храмовъ, церковная пашьба;
снятие одежды съ мертвца, и проч. и
проч. Ить сомнія, что Духовенство
Россійское въ первыя времена Христіан-
ства рѣшило не только церковныя, но
и многія гражданскія дѣла, которыя отно-
силися къ совѣти и нравственнымъ пра-
виламъ новой Вѣры (такъ было во всей
Европѣ); ить сомнія, что означенные
здѣсь суды могли принадлежать ему (въ-
которые изъ оныхъ и нынѣ остаются
его правомъ): но сей Уставъ есть под-
ложный — и вотъ доказательство: шамъ
Владиміръ пишетъ, что Патріархъ Фотій
далъ ему первого Митрополита Леона; а
Фотій умеръ за 90 лѣтъ до сего Вели-
каго Князя⁴⁵⁴.

Воин- Варяги, законодатели нашихъ предковъ,
ское были ихъ наставниками и въ искусствахъ
искус- войны. Россіяне, предводимые своими

Князьями, сражались уже не полпами беспорядочными, какъ Славяне древніе, но спроемъ, вокругъ знаменъ своихъ или сплаговъ, въ сомкнутыхъ рядахъ, при звукахъ трубы воинскихъ; имѣли конницу, собственную и наемную, и сторожевые ошряды, за коими цѣлое войско оставалось въ безопасности. Головясь къ билвамъ, они выходили на открытое поле заниматься воинскими играми: учились быстрому, лужному нападенію и согласнымъ движеніямъ, дающимъ побѣду; носили для защиты своей тяжелая лашы, обручи, высокіе шлемы. Мечи, съ обѣихъ сторонъ осеные, копья и стрѣлы были ихъ оружіемъ. Укрепляя города свои спѣвами, хотя деревянными, но непріступными для народовъ варварскихъ, тогдашнихъ соѣдовъ Россіи, предки наши умѣли брасть города чуждые, и знали искусство осадныхъ земляныхъ работъ; окружали глубокими рвами не только крѣпости, но и полевые станы свои для безопасности⁴⁵⁶.

Подобно другимъ Славянамъ мужественные на сущѣ, они занимались опѣ Варяговъ искусствомъ мореплаванія, и только Фло-одинъ спрашный огонь Греческій могъ ^{ны} спасти Царьградъ опѣ флота Игорева: для того Великіе Князья всегда желали

узнать штатный составъ сего огня; но хитрые Греки увѣряли ихъ, что Ангель Небесный вручилъ онъ Императору Константину, и что одни Христіане могутъ имъ пользоваться. Тогдашніе военные корабли Россійскіе были не что иное, какъ гребныя, съ помощью большихъ парусовъ весьма ходкія суда, на которыя садилось отъ 40 до 60 человѣкъ⁴⁵⁶.

Чинопочасіе и внуширеніе образованія войска извѣстно намъ вѣнчавшее: Князь былъ его Главою на водѣ и суше; подъ нимъ начальствовали боеводы, Тысяческіе, Сотники, Десантскіе⁴⁵⁷. Дружину первого составляли опытные витязи и Бояре, которые хранили его жизнь и служили примѣромъ мужества для прочихъ. Мы знаемъ, сколь Владимиrъ уважалъ и любилъ ихъ. Дружина Игорева и по смерти Князя носила на себѣ его имя. Подъ симъ общимъ называніемъ разумѣлись иногда и молодые опиборные воины, Опроки, Гридни, которые служили при Князѣ: первые счищались знаменитѣе вторыхъ⁴⁵⁸. Главные Воеводы имѣли также своихъ Опроковъ, какъ Свенельдъ, Воевода Игоревъ. — Варяги до самыхъ временъ Ярославовыхъ были въ Россіи особыеннымъ войскомъ: они и Гридни,

или *Метники*, брали изъ казны жалованье; другіе участвовали только въ добычу⁴⁶⁹.

Народы, изъ коихъ состоялось Госу- Тор-
дарство Россійское, и до пришествія Ва- говъ.
ряговъ имѣли уже иѣкоторую степень
образованія: ибо самые грубые Древляне жи-
ли отчастіи въ городахъ; самые Вятичи и
Радимичи, варвары по описанію Нестора-
ву, издревле занимались хлѣбопашествомъ.
Вѣроятно, что они пользовались и выго-
дами торговли, какъ внутренней, такъ
и внешней; но мы не имѣемъ никакого
исторического обѣй свѣдѣнія. Первый
извѣстія о нашемъ древнемъ купечествѣ
относятся уже ко временамъ Варяжскихъ
Князей: договоры ихъ съ Греками свидѣ-
тельствующіе, что въ X вѣкѣ жило множес-
тво Россіянъ въ Царьградѣ, кошорые
продавали шамъ невольниковъ и покупали
всякія шкави. Звѣриная ловля и пчело-
водство доставляли имъ множество воску,
меду и драгоценныхъ мѣховъ, бывшихъ,
вмѣстѣ съ невольниками, главнымъ пред-
метомъ ихъ торговли. Константинъ Баг-
рянородный пишетъ, что въ Хазарію и
въ Россію шли тогда изъ Царьграда пур-
пуръ, богатыя одежды, сукна, сафьянъ,
перецъ: къ симъ товаровамъ, по извѣстію
Нестора, можно прибавить вино и пло-

дь¹⁶⁰. Ежегодное путешесвіе Российскихъ купцевъ въ Грецію описываетъ Константина слѣдующимъ образомъ: «Суда ихъ приходяще въ Царыградъ изъ Новагорода, Смоленска, Любеча, Чернигова и Вышегорода; подвластные Россамъ Славяне, Кривичи, Лучане и другіе, зимою рубить льсь на горахъ своики и справлять лодки, называемыя *моукоула*: ибо онъ дѣлающія изъ одного дерева. По вскрытии Днѣпра Славяне приплывающе въ Киевъ и продающія омыя Россіянамъ, которые дѣлающія уключины и весла изъ старыхъ лодокъ. Въ Апрѣль мѣсяцѣ собирающія звесь Российской флотъ въ городкѣ Витинчевѣ, откуда идеть уже къ порогамъ. Дошедши до четвертаго и самаго опаснаго, што есть, *Нелситя*, купцы выгружавоти яловары и ведущі скованыхъ невольниковъ около 6000 шлаговъ берегомъ. Печанѣги ожидающія ихъ обыкновенно за порогами, близъ такъ называемаго *Кратійскаго перевоза* (гдѣ Херсонцы, возвращаясь изъ Россіи, переправляються чрезъ Днѣпръ): оправивъ сихъ разбойниковъ, и доплыvъ до острова Св. Григорія, Россіяне приносящі богамъ своимъ жеритву благодарности, и до самой рѣки Селины, которая есть рукавъ Дуная, не

встрѣчаютъ уже никакой опасности; но шамъ, ежели вѣромъ прибѣдетъ суда ихъ къ берегу, они снова должны сражаться съ Печенѣгами, и наконецъ, миновавъ Конопу, Константию, такжे успѣе Болгарскихъ рѣкъ, Варны и Дицины, дѣснаго Месимврии, первого Греческаго города^{461.} Сія торговля безъ сомнѣнія весьма обогащала Россіанъ, когда они для ея выгодъ оправдывались на сполько опасноснѣй и трудовѣ, и когда она была предмѣтомъ всякаго ихъ мирнаго договора съ Имперію. — Они ходили на судахъ не сполько въ Болгарію, въ Грецію, Хазарію или Тавриду, но, если вѣритъ Константину, и въ самую отдаленную Сирію^{462.} Черное море, покрытое ихъ кораблями, или, справедливѣе сказать, лодками, было названо *Русскимъ*^{463.} Но Цареградскіе купцы едвали вѣзли чрезъ пороги Днѣпровскіе; одни, кажется, Херсонцы торговали въ Кіевѣ.

Печенѣги, всегдашніе грабители нашего древняго опіечества, имѣли съ нимъ также и мирныхъ торговыхъ связи. Будучи народомъ кочующимъ и скотоводнымъ, подобно нынѣшнимъ Киргизамъ и Калмыкамъ, они продавали Россіанамъ множество Азіатскихъ коней, овецъ и быковъ;

но Константинъ къ сему извѣстію прибавляєшъ явную ложь, сказывая, чио въ Россіи не было прежде ни лошадей, ни скота рогатаго. — Волжскіе Болгары, по сказанію Эбнъ-Гаукаля, Арабскаго Географа X вѣка, доспавали отъ насъ шкуры черныхъ куницъ или Скиескихъ соболей; но сами не ъездили въ Россію, будно бы для штого, чио въ ней убивали всѣхъ иноzemцевъ⁴⁶⁴.

О торговлѣ древнихъ Россіянъ съ вародами съверными находимъ любопытныя и достовѣрныя извѣстія въ Скандинавскихъ и Нѣмсцкихъ Лѣтописцахъ. Средо-точіемъ ея былъ Новгородъ, гдѣ со временъ Рюриковыхъ поселились многіе Варяги, дѣлательные въ морскомъ грабежѣ и купечествѣ. Тамъ Скандинавы покупали драгоценныя ткани, домовые приборы, Царскія одежды, шипы золотомъ, и мягкую рухлядь. Первые не могли бышь собственнымъ рукодѣліемъ нашихъ предковъ: вѣроятно, чио они покупали сіи богатыя одежды и ткани въ Царьградѣ, куда, по сказанію Несторову, ъезжали Новгородцы еще въ Олеговы времена. Въ славной Виннепѣ и другихъ Балтийскихъ городахъ находились купцы Россійскіе. Мы знаемъ, чио Ливонія зависѣла отъ Владимира: тамъ

ежегодно бывали многолюдныя ярмарки, собирались весною Норвежские и другие купцы, покупали невольников, мяча и возвращались въ опечеспиво не прежде осени. Торговля наша споль уже славилась богатствомъ на Сѣверѣ, чио Лѣпнописцы сего времени обыкновенно называютъ Россію спраною *изобильного вспоми благами*, *omnibus bonis affluentem*⁴⁶⁶.

Вѣроятно, что Великие Князья, съдуя примѣру Скандинавскихъ Владѣтелей, сами участвовали въ выгодахъ народной торговли для умноженія своихъ доходовъ. Государственная подать въ IX и X вѣкѣ сослалась у насъ болѣе въ *вещахъ*, нежели въ *деньгахъ*. Извѣстно разныхъ областей Россіи ходили въ столицу обозы съ *медомъ* и *шкурами*, или съ оброкомъ Княжескимъ — что называлось: *возить повозъ*. Слѣдствиено казна изобиловала *товарами* и могла отпускашь ихъ въ *чужія земли*⁴⁶⁷.

Россияне, подобно Норманамъ, соединили торговлю съ грабежемъ. Извѣстно, что они славились морскими разбоями въ окрестностяхъ Меларского озера, и что желѣзныя цѣпи при Стокзундѣ (гдѣ нынѣ Стокгольмъ) не могли ихъ удерживать⁴⁶⁷. Требование Грековъ въ договорѣ съ Игоремъ, чтобы всѣ морходцы Россійские

предъявляли отъ своего Князя письменное свидѣтельство о мирномъ ихъ намѣреніи, имѣло безъ сомнѣнія важную причину: шу, кажеся, что иѣкопорые Россіяне подъ видомъ купеческаго выѣзжали грабить на Черное море, а послѣ виѣзгъ съ другими приходили свободно торговать въ Царьградъ. Надобно было опровергнуть испытанныхъ купцевъ отъ разбойниковъ.

Пышнѣсть ^{сіянъ}, служивъ къ обогащению народа, и роскошь, должныствовали, въ печеніе счастья и болѣе, произвѣши иѣкопорую роскошь, прежде неизвѣстную. Узнавъ пышность Двора Константинопольскаго, Великіе Князья хотѣли подражать ему: не только сами они, но и супруги ихъ, дѣши, родственники, имѣли своихъ особенныхъ придворныхъ чиновниковъ⁴⁶⁸. Не рѣдко Послы Россійскіе, имевшіе Государа, требовали въ даръ отъ Грековъ Царской одежды и вѣнцевъ: чего Императоры, желая отличаться отъ варваровъ хотя украшеніями драгоценными, не любили давать имъ, увѣряя, что сіи порфиры и короны сделаны руками Ангеловъ и должны бытъ всегда хранимы въ Софійской церкви. Друзья Владимира, обѣдая у Князя, тли сереб-

бранными ложками. Медъ, древнее любимое питие всѣхъ народовъ Славянскихъ, былъ еще душево славныхъ пировъ его; но Кіевляне въ Олеговы времена уже имѣли вина Греческія и вкусные плоды теплыхъ климатовъ. Перецъ Индійскій служилъ пріправою для ихъ трапезы изобильной. Богатые люди носили одежду шелковую и шурпированную, драгоценные поясы, сафьяновые сапоги⁴⁶⁹, и проч.

Города сего времени оживѣствовали уже состоянію народа избыточнаго. Нѣмецкій Лѣтописецъ Дипмаръ, современникъ Владимира, увѣряетъ, что въ Кіевѣ, ~~великомъ~~ градѣ, находилось тогда 400 Со- церквей, созданныхъ усердіемъ новообра- <sup>столи-
зденныхъ</sup> Хрестіанъ, и восемь большихъ ро- ^{домъ} торговыхъ площадей. Адамъ Бременскій именуетъ онъ главнымъ украшениемъ Россіи и даже вторымъ Константинопо- лемъ⁴⁷⁰. Сей городъ до XI вѣка стоялъ весь на высокомъ берегу Даїпровскомъ: мѣсто нынѣшняго Подола было въ Оль- гово время еще заливо водою⁴⁷¹. Смоленскъ, Черниговъ, Любечъ имѣли сооб- щеніе съ Греціею. Императоръ Константи- янъ, несправедливо называя Новго- родъ сполицею Великаго Князя Свѧто- слава, даєлъ по крайней мѣрѣ знать;

что сей городъ быль уже знаменитъ въ
Х вѣкѣ.

Народъ торговый не можетъ обой-
тися безъ денегъ, или знаковъ, предста-
вляющихъ цѣну вещей. Но деньги не все-
гда бываюшь мешалломъ: донынѣ, вмѣ-
сто ихъ, жители Мальдивскихъ островъ-
въ употребляютъ раковины. Такъ и
Славяне Россійскіе цѣнили сперва вещи
не монешами, а шкурами звѣрей, кунацъ
и бѣлокъ: слово *куны* означало деньги.
Скоро неудобношь носить съ собою цѣ-
лыя шкуры для купли подала мысль за-
мѣнить оныя *мордками* и другими *лос-
кутками*, куними и бѣльими⁴⁷². Надобно
думашь, что Правительство клеймило
ихъ, и что граждане сначала обмѣнивали
въ казнѣ сіи *лоскутки* на цѣлыя кожи.
Однакожь, зная цѣну серебра и золота,
предки наши издревле добывали ихъ по-
средствомъ виѣшней торговли. Въ Оле-
говыхъ условіяхъ съ Импѣріею сказано,
что Грекъ, ударивъ мечемъ Россіанина,
или Россіанина Грека, обязывался пла-
тить за вину 5 лапиръ *серебра*. Россіяне
брали также въ Царѣградѣ за каждого
невольника Греческаго 20 золотниковъ, и. е.
Византійскихъ червоноцевъ, *номисис* или
*солидовъ*⁴⁷³. Нѣтъ сомнѣнія, что и внутри

Государства ходило серебро въ монетахъ: Радимичи вносили въ казну *ицляги* или *шиллинги*, безъ сомнѣнія полученные ими отъ Козаровъ⁴⁷⁴. Однакожъ мордки или куны долгое время оставались еще въ употребленіи: ибо малое количество золота и серебра не было достаточно для всѣхъ торговыхъ оборотовъ и платежей народныхъ. Именемъ *гривны* означалось известное число кунъ, нѣкогда равное цѣною съ полуфунтомъ серебра; но сіи москушки, не имѣя никакого существеннаго достоинства, въ iteratione времени болѣе и болѣе унижались въ отношеніи къ мѣталламъ, такъ, что въ XIII вѣкѣ гривна серебра содержала въ себѣ уже семь гривенъ Новгородскими кунами⁴⁷⁵.

Успѣхи разума и способности его, не-успѣ обходимое слѣдствіе гражданскаго состояния людей, были ускорены въ Россіи Хри-стіанскою Вѣрою. Волхвы славились при Олегѣ гаданіемъ будущаго: волѣ древнѣй-ши мудрецы нашего опечества! Наука ихъ состояла или въ обманахъ или въ заблужденіяхъ. Народъ, погруженный въ не-вѣжество, считалъ дѣйствіемъ сверхъ-естественнаго знанія всякую догадку ума, всякое оптимистично счастливое предпріятіе, и называлъ Олега *вѣщимъ*, ибо сей велико-

дущный, смѣлый Князь возвращался съ сокровищами изъ Константиноцоля. Любопытство, сродное человѣку, пилгалось испортическими сказками и преданіями, украшенными вымысломъ. Въ сказкѣ о хитростяхъ Ольгинихъ видимъ вѣково-рое оспроуміе. Пословицы народныя: *погибоша аки Обри — бльда аки въ Роднѣ — Лищанцы волъя хвоста бѣгаютъ*⁴⁷⁶, и конечно многія другія, хранили также память важныхъ случаевъ. Въ государспен-ныхъ договорахъ Великихъ Князей находимъ выраженія, которыя даюцъ намъ понятіе о тогдашнемъ краснорѣчіи Россіянъ; напримѣръ: *дондеже солнце сіяеть и міръ стоить — да не защищатся щиты своими — да будемъ золоти аки золото, и проч.* Краткая сильная рѣчь Святославова есть доспойный памятникъ сего Героя. Но времена Владимировы были нача-ломъ испиннаго народнаго просвѣщенія въ Россіи.

Скандинавы въ IX вѣкѣ знали употребленіе Руническихъ буквъ; однакожъ мы не имѣемъ никакихъ основательныхъ причинъ думать, чтобы они сообщили его и Россіянамъ. Руны, какъ мы выше замѣтили, недоспапочны для выраженія многихъ звуковъ языка Славянскаго. Хопти

Кирилловскія письмена могли быть известны въ Россіи еще до временъ Владимиrowыхъ (ибо самые первые Христіане Киевскіе имѣли нужду въ книгахъ для церковнаго служенія), но число грамотныхъ людей было конечно не велико: Владіміръ умножилъ опое заведеніемъ народныхъ училищъ, чтобы доспавить Церкви Пасхыреи и Священниковъ, разумѣющихъ книжное писаніе, и такимъ образомъ открылъ Россіянамъ путь къ наукѣ и свѣдѣніямъ, которыя посредствомъ грамоты изъ вѣка въ вѣкъ сообщаются....

Здѣсь должно ошѣстивовать на вопросъ любопытный: какія Священные книги были тогда употребляемы Христіанами Россійскими? тѣ ли самыя, которыми донынѣ пользуется наша Церковь, или иного, древнѣшаго перевода? Сличивъ рукописныя харашейныя Евангелія XII вѣка и разныя мѣста Св. Писанія, приводимыя Несцюромъ въ лѣтописи, съ печатною Московскою или Кіевскою Бібліею, всякой увѣрился, что Россіяне XI и XII столѣтія имѣли шошь же переводъ ея⁴⁷⁷. Мы знаемъ, что она нѣсколько разъ была исправляема: при Константинѣ, Волынскомъ Князѣ, въ XVI вѣкѣ; при Царѣ

Алексія Михайловичъ, Пепрѣ Великомъ и Елисаветѣ Пешровнѣ; однакожъ, не смотря на многократное исправление, со-сстоящее единственно въ ошмѣнѣ, нѣкото-рыхъ словъ, сей переводъ сохранилъ, такъ сказать, свой начальный, особенный характеръ, и люди ученые справедливо признаюшъ онъ древнѣйшимъ памятни-комъ языка Славянскаго⁴⁷⁸. Библія Чеш-ская или Богемская переведена съ Лашин-ской Иеронимовой въ XIII или XIV вѣкѣ; Польская, Краинская, Лаузицкая, еще го-раздо новѣе.

Слѣдуетъ другой вопросъ: когда же и гдѣ переведена наша Библія? при Ве-ликомъ ли Князѣ Владимириѣ, какъ сказано въ любопытномъ предисловіи Оспрож-ской печатной⁴⁷⁹, или она єсть бессмерт-ный плодъ трудовъ Кирилла и Меѳодія? Впорое гораздо вѣроѧтнѣе: ибо Несшоръ, почи современникъ Владимировъ, ко славѣ отпечатства не умолчалъ бы о новомъ Рос-сийскомъ переводѣ ея; но сказавъ: *съмъ бо первая преложены книги (ш. е. Библія) въ Моравѣ, яже прозвася грамота Словен-ская, еже грамота есть въ Рѹси*⁴⁸⁰, онъ ясно даєшъ знать, что Россійскіе Хри-стіане пользовались трудомъ Кирилла и Меѳодія. Сіи два братіи и помощники ихъ

основали правила книжного языка Славянского на Греческой Грамматикѣ, обогащили его новыми выражениями и словами, держась нарѣчія своей родины, Фессалоники, то есть Иллирическаго или Сербскаго, въ коемъ и теперЬ видимъ сходство съ нашимъ Церковнымъ. Впрочемъ всѣ тогдашнія нарѣчія должныствовали менѣе нынѣшняго различия между собою, будучи гораздо ближе къ своему общему исходнику, и предки наши шѣсть удобнѣе могли присвоить себѣ Моравскую Библию. Слогъ ея сдѣвался образцемъ для новѣйшихъ книгъ Хрисціанскихъ, и самъ Неспоръ подражалъ ему; но Русское особенное нарѣчіе сохранилось въ употребленіи, и съ того времени мы имѣли два языка, книжный и народный. Такимъ образомъ изъясняется разность въ языкахъ Славянской Библии и *Русской Правды* (изданной скоро послѣ Владимира), Неспоровой лѣтописи и *Слова о полку Игоревѣ*, о коемъ будемъ говорить въ примѣчаніяхъ на Россійскую Словесность XII вѣка.

Нужнѣйшия Искусства механическія, Механическія и Свободныя, были извѣшены древнимъ Россіянамъ. И нынѣ селянинъ свободныя Русской дѣлаетъ собственными руками почти все необходимое для его хозяйства: худо-

же въ спарину, когда люди менѣе сообщались
справа. другъ съ другомъ, они имѣли еще болѣе
нужды въ сей промышленности. Мужъ
обрабатывалъ землю, плотничалъ, спро-
иль; жена пряла, шкала, шила, и всякое
семейство представляло въ кругу своеемъ
дѣйствіе многихъ ремеслъ. Но основаніе
городовъ, торговли, роскошь, мало по ма-
ту образовали людей особенно искусственныхъ
въ вѣкошорыхъ художествахъ: богатые
пребывали вѣщей сдѣланныхъ удобиѣ и
лучше обыкновеннаго. Всѣ Нѣмецкіе Сла-
вяне торговали полотнами: Русскіе из-
древле шкали холсты и сукна; умѣли
также выдѣлывать кожи, и сіи ремеслен-
ники назывались *умарями*⁴⁸¹. Народъ со-
ставленный изъ воиновъ, хлѣбопашцевъ
и звѣролововъ, безъ сомнѣнія пользовался
искусствомъ ковать желѣзо: чѣто утвер-
ждается самою Неспоровою сказкою о
мечахъ, будто бы предложенныхъ Кіевля-
нами въ дань Козарамъ. — Христіанская
Вѣра способствовала дальнѣйшимъ успѣ-
хамъ зодчества въ Россіи. Владимиръ на-
чалъ спроектировать великолѣпныя церкви, и
призвалъ художниковъ Греческихъ; одна-
ко жъ и въ языческія времена были уже
каменные зданія въ столицѣ: на примѣръ,
Ольгинъ теремъ. Спѣны и башни слу-

жили для городовъ не только защищою, но и самыи украшениемъ⁴⁸². Вѣроятно, что и тогдашнія деревенскія избы были подобны нынѣшимъ; а горожане имѣли высокіе дома, и занимали обыкновенно верхнее жилье, оставляя низъ, можетъ быть, для погребовъ, кладовыхъ, и проч. Кельти, или горницы, съ обѣихъ сторонъ дома раздѣлялись помостомъ или сѣными; спальни назывались одринами. На дворахъ строились вышки для голубей: ибо Россіяне искони любили сихъ птицъ⁴⁸³. — Неспорово описание Перунова испущано свидѣтельствуетъ о рѣзномъ и плавильномъ искусстве нашихъ предковъ. Вѣроятно, что они знали и живопись, хотя грубую. Владиміръ украсилъ Греческими образами одну Десятинную церковь: иконы другихъ храмовъ были, какъ надобно думать, писаны въ Киевѣ. Греческие художники могли выучить Русскихъ. — Трубы воинскія, коихъ звукъ ободрялъ Героевъ Свѧтославовыхъ въ жаркихъ битвахъ, доказываютъ древнюю любовь Россіянъ къ искусству музикійскому.

Что касается собственно до нравовъ Иправы сего времени, то они представляютъ намъ смѣсь варварства съ добродушіемъ, свойственную вѣкамъ невѣжества. Россія-

не IX и X вѣка славились на войнѣ ко-
рыстолюбіемъ и свирѣпостію; но Импе-
раторы Византійскіе вѣрили имъ какъ
честнымъ людямъ въ мирныхъ догово-
рахъ, позволяя себѣ, кажеши, обманы-
вать ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ:
ибо Неспоръ называлъ Грековъ ковар-
ными⁴⁸⁴. Мы видѣли грабежъ, убийства и
злодѣянія внутри Государства: еще бо-
льше увидимъ ихъ; но чѣмъ же инымъ бо-
гаша Испорія Европы въ среднихъ вѣ-
кахъ? Одно просвѣщеніе долговременное
смягчаешь сердца людей: купѣль Христі-
анская, освяшивъ душу Владимира, не могла
вдругъ очистить народныхъ нравовъ. Онъ
боялся, по человѣколюбію, казнить зло-
дѣевъ, и злодѣйства умножились.... Госу-
дарство, основанное на завоеваніяхъ, уже
доказываетъ необыкновенную храбрость
народа: она была добродѣтелю нашихъ
предковъ, и слово любимаго Вождя: *ста-
немъ крѣпко, не посрамимъ земли Русскія*,
вселяло въ вихъ рѣшишельность побѣ-
дить или умереть. Самыя жены ихъ не
робѣли смерти въ битвахъ⁴⁸⁵. — Дома, и
въ мирное время, они любили веселиться:
Владиміръ, желая казаться другомъ наро-
да своего, давалъ ему пирь, и сказалъ
Магомепанскимъ Болгарамъ: *Rуси есть*

веселіе пitti⁴⁸⁶. Между доспопамяшными черпами древнихъ Русскихъ нравовъ замѣшимъ шакже описанное уваженіе къ спарцамъ: Владиміръ слушался ихъ со-вѣща; въ гражданскихъ Вѣчахъ они имѣли первенство⁴⁸⁷. Наконецъ сей народъ, еще грубый, необразованный, умѣлъ любить своихъ добрыхъ Государей: плакалъ надъ лѣломъ Великаго Олега, мудрой Ольги, Св. Владимира, и попомству своему ославилъ примѣръ благодарности, которыи дѣлаетъ честь имени Русскому.

Конецъ I Тома.

**ПРИМѢЧАНІЯ
КЪ I ТОМУ
ИСТОРИИ
ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.**

**ПРИМѢЧАНІЯ
КЪ I ТОМУ
ИСТОРИИ
ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.**

(1) Сія мимаа Ореевеа Поэма состояашъ изъ 1373 стиховъ. См. ея географическое изъясненіе въ Маннверш. *Geographie der Griechen und Römer*, Т. IV, стр. 27 и съдѣ.

(2) См. Одис. XI, 13.

(3) Нынѣшии Греки и Турки называюпъ его шакже *Махро Эдлаззга*, Kara Deginiz или Denghiz (Баер. *Opuscula, de Cimmeriis* стр. 127).

(4) Поншъ Эвксинский (или Черное море) назывался прежде *Αξευος*, то есть *легостепрішниъмъ*; а послѣ дали ему имя *Ευξειος*, то есть *гостепріимиаго* (Спра-бон. *Geographia cum notis Casauboni*, изд. Амстердамское, кн. VII, стр. 458).— Греки именовали сперва Гипербореями всѣхъ людей жившихъ за Фракіею, откуда вѣдь къ имъ съверный вѣтеръ (см. Маннверш. *Geographie der Griechen*, Т. IV, стр. 48); а послѣ Спихопворцы въ воображеніи своемъ опредалили сихъ мнимосчастливыхъ смершныхъ — коихъ Гомеръ въ *Иліадѣ* называетъ *Акіамы*, а мимый Орефъ *Макровіямъ* — къ самымъ полунощнымъ границамъ міра, тѣль воззываюпъ Рифейскія горы, подобно Гипербо-реямъ баснословныя (см. Спрабона кн. VII, стр. 452, 458); ибо сомнительно, чтобы Греки разумыли подъ симъ именемъ наши Уральскія горы, какъ думалъ Гер-берштейнъ, а за имъ Шпраценбергъ и другие Гео-графы. Помпоній Мела, Пліний, Солинъ, шакъмъ об-разомъ говоряшъ о славныхъ Гипербореяхъ: «Земля у нихъ плодоносная, воздухъ чистый и благорасщворен-ный. Они живущъ долгѣ и счастливе всѣхъ иныхъ людей: ибо не знаюшъ болѣзней, ни злобы, ни войны, ни проводашъ дни свои въ невинной, беспечной весело-жши и въ гордомъ спокойствїи. Жилища ихъ суть прекрасные лѣса и дубравы, а плоды древесные слу-жали имъ пищею; они умираютъ равнодушно и един-ственno погода, какъ жизнь уже перестъ для нихъ всѣ прелесты: даюшъ миръ друзьямъ и родственни-камъ; украшаюпъ вѣлкими свою голову и бросаюшися въ волны морскія». Сіе описание, основанное на ба-

снословіи Грековъ, пѣшило воображеніе нѣкоторыхъ учепыхъ мужей Сѣвера, и всякой изъ нихъ хотѣть бытие единоземцемъ счастливыхъ Гипербореевъ. Олафъ или Олофъ Веремій, Шведскій Профессоръ, доказывалъ, что Гипербореи обитали въ его океанѣстѣ. Рудбекъ, такжѣ Шведъ, утверждалъ, что самое имя ихъ есть Скандинавское: *Yfwerboren*, люди *высокаго рода* (*Atlantica*, Т. I, спр. 367). Торфей хотѣть обратиши Норвегію въ спрану Гиперборейскую. Мы, Русские, могли бы такжѣ объявить права свои на сию честь и славу! — Петербургскіе Академики, Баерь и Фишеръ, писали о Гипербореяхъ. Любопытные найдущъ еще въ *Mém. de l'Acad. des Inscr.* Т. X, спр. 176 и 198, два разсужденія о томъ же предметѣ.

(5) См. о городѣ Ольвіи Страбон. *Geograph.* спр. 470 и Діона Хризостома *Orat. Bogusthen.* Не давно, по разнымъ памятникамъ, открытымъ въ землѣ, узнали мы его мѣсто: на Бугскомъ Лиманѣ, близъ деревни Ильинской, принадлежащей Графу Кушелеву. Діодоръ Сицилійскій (XII, 31) сказывалъ, что въ теченіе 85 Олимпіады (которая началась за 440 лѣтъ до Рождества Христова) Воспорское Царство уже существовало. Г. Келеръ издалъ описание двухъ спашуй, посвященныхъ Воспорскою Царицею Комосарію богинямъ Нергесъ и Аспаръ лѣтъ за 200 до Р. Х. и найденныхъ въ Таврической Губерніи (см. *Dissertation sur le toniment de la Reine Comosarie и Moscov.* Учен. Вѣdomости, 1805, № 28). — См. о Херсонѣ Страбона *Geogr.* спр. 474.

(6) Киммеріане, изгнанные Скиѳами (за 650 лѣтъ до Р. Х.) удалились отъчества въ Малую Азію, отъчашши въ Германію, откуда они чрезъ нѣсколько лѣтъ, подъ именемъ Цимбрівъ, ворвались въ Римскія владѣнія. Сіе мнѣніе есть общее; но Гашнеръ думаетъ, что Цимбріи, побѣженные Маріемъ, за 114 лѣтъ до Р. Х. вышли прямо изъ Крыма, будучи спасены Скиѳами: см. *Commentationes Societatis Scientiarum Gottingensis*, Т. XII, спр. 146. — Геродотъ пишетъ (кн. IV), что въ его время были еще въ Ски-

еін. *Калкингийскія стѣны, Калкингийскій проливъ и
справа Калкингія.*

(7) Геродопъ пишетъ, чио Скиоы, извѣстные Персамъ подъ именемъ Саковъ, сами себя называли Сколопами. Баеръ доказываетъ, что Геродоповъ Аракъ есть Волга (*Opuscula*, стр. 68 — 71). О Скиоахъ въ южной Азіи см. Діодора Сиц. кн. II.

(8) Герод. кн. IV.

(9) См. Страбон. *Geographъ*. спр. 474. Геродопъ измѣрялъ такъ называемыми *Олимпийскими* стадіями: въ каждой изъ нихъ считалось 600 Греческихъ или 569 Парижскихъ футовъ (см. *Commentationes Scient. Gottingensis*, T. II, спр. 123).

(10) Гампереръ подъ именемъ Ирковъ разумѣетъ Аорсовъ; но Помпоній Мела и Плиций, съдя Геродопу въ описании народовъ съверныхъ, называютъ ихъ Турками.

(11) Агріппен разсказывали еще о другихъ людяхъ съ козьими ногами, а Исседона о Циклопахъ - Ари-маспахъ. О Сибир. рудникахъ см. сей *Исторіи* T. III, примѣч. 76.

(12) См. Геродопа, кн. I, въ концѣ. Тогда была у Массагешовъ Царица Томира или Томирисъ.

(13) Извѣстно, что Донъ въ Тульской Губерніи дѣй-ствительно вытекаетъ изъ Ивановскаго азера: чего Страбонъ и другіе позѣйшие Географы не знали.

(14) Баеров. *Opuscula*, спр. 215—217.

(15) Герод. кн. IV.

(16) Троя Помпея, сокращенаго Юспиномъ.

(17) Страбонъ пишетъ, чио Воспорскій Царь Па-рисадъ добровольно поддался Митридату. О побѣдахъ Александра Великаго см. Арріана. Геродопъ назы-ваешь Гептовъ *безсмертными*, ибо они вѣрили, чио смерть переводитъ человѣка въ другую жизнь. Рим-ляне обыкновенно именовали ихъ Даками. Они по смер-ти Беребиста начали утѣшать Гептовъ; но въ цар-ствованіе Доміціана явился въ Дакіи новый Герой Децебалъ, который принялъ къ себѣ многихъ Рим-скихъ воиновъ, основалъ крѣпости, и старался обра-

зовашь народъ свой. Счастливый во всѣхъ воинскихъ предпріятіяхъ до временъ Траяна, Децебалъ уступилъ наконецъ побѣду сему знаменишому Императору, и гнущаясь рабствомъ, умертвилъ себя добровольно (см. Диона Кас. LXVIII, 14). Въ Спрабоново время Даки еще имѣли до 40,000 воиновъ.

(18) Дионы Хризостом. Orat. Boristh.

(19) Вотъ слова Диодоровы (кн. II) по Лапинскому переводу: *Hi (Sauromatae) multis post annis numero et viribus aucti, magnam Scythiae partem devastarunt, etc.* Географы первыхъ вѣковъ все еще твердили о Каллипидахъ и другихъ Скиѳскихъ пиродахъ, повсюдно Геродотовы известія о Черноморской Скиѳіи, и имена ихъ съ новѣйшимъ, то есть, бывшемъ съ пастоящимъ. См. Плій (IV, 25).

(20) Тунман. Gesch. der Volker am Schwarzen Meere, стр. 10, также Маннерш. Geogr. IV, 139. Тацій именуетъ Роксоланъ Сарматами (кн. I, § 79), а не Германами, какъ желаетъ доказать Гаттереръ. Къ сему прибавимъ еще два обстоятельства: 1) Спрабонъ говоритъ, что Роксолане жили на колесницахъ (въ кибиткахъ), подобно Сарматскимъ и другимъ Азіатскимъ народамъ (кн. VII); 2) Языки въ договорѣ съ Римлянами требовали для себя невоображенаго сообщенія съ Роксоланами (см. Дионы Касс. кн. LXXI): чѣмъ также подтверждается ихъ народное братство. Помоній Мела пишетъ, что Сарматы раздѣлялись на множество племенъ (*una gens, aliquot populi et aliquot nomina*), изъ коихъ всякое имѣло особенное имя свое, но все говорили однимъ языкомъ: «какимъ? не знаемъ», вопреки Татищеву, который безпреседно толкуетъ иамъ слова *Сарматы*, воображая, что сей языкъ и Финскій есть одинъ. Геродотъ (кн. IV) разсказываетъ, что Сарматы произошли отъ смѣшанія Амазонокъ съ юношами Скиѳскими: потому жены первыхъ всегда ходили воевать вмѣстѣ съ мужьями, и всякая девица должна была убить непріятеля прежде своего супружества. Платонъ называетъ Сарматовъ пиродомъ *Мидийскими*. Гаттереръ ясно дока-

значаешь, чио они пришли изъ Азіи въ Европу лишь за 80 до Р. Х. (см. Comment. Societ. Scient. Gottingensis, Т. XIII, 157—159).¹

Обширная Иполемеева Сарматія, изображаемая на всѣхъ картинахъ древнаго мира, дѣйствительно существовала только, по выражению ученаго Тунмана (*Gesch. der Ostl. Völk.* 12) въ головѣ огого Александрийскаго Машемашинца и Географа. Впрочемъ Иполемею не кошлось разенчиться съ именемъ Скиѳіи, которое со временемъ Геродотовыхъ было въ общемъ употребленіи: и для шарго онъ сохранилъ ону въ своемъ землеописаніи, назначивъ ей предѣлами всю ешрану отъ сѣверо-восточныхъ береговъ моря Ка-кырскаго до Имал (Альмайскихъ горъ въ Тобольской Губерніи; какъ думаютъ), и далѣе къ Сернѣ или къ вѣршицамъ Кипцайскимъ.

(21) Пліївіи кн. IV, гл. 12. Греки и Римляне называли ихъ *Метанастами* или *переселенцами*. Иполемей говорить во впюромъ вѣкѣ о Ланахъ Меописскихъ (*Cl. Ptol. Geographia*, кн. III).

(22) Диона Хр. *Orat. Boristh.*

(23) Шпрыш *Memor. populorum*, IV, 332, и Тунман *Gesch. der Ostl. Völk.* стр. 17. Дионісій Харакский упоминаешь объ Аланахъ еще въ первомъ вѣкѣ, называя ихъ сильнымъ народомъ и богатымъ конями, обитающимъ отъ нынѣшняго Кнабураа на Сѣверѣ между Дономъ и Днѣпромъ, въ сосѣдствѣ съ Роксоланами, *единоличными* съ ними, по сказанію Пліївія (кн. IV, 25). Моисей Хоренскій приводитъ Аланъ близъ Кавказа. Всѣхъ подробнѣе говоришь объ нихъ Амміанъ Марцелінъ, Историкъ IV вѣка (кн. XXXI, гл. 2). — Прокопій Кес. называетъ Аланъ Готскимъ народомъ. Дегнѣ думаешь (см. *Histoire des Huns*), что Алане обитали въ когда среди горъ Уральскихъ, и что название ихъ произошло отъ слова *Аланъ*, которое означаетъ гору.

(24) Объ нихъ говорятъ Страбонъ, Пліївій, Та-цишъ (см. Туниата *Gesch. der Ostl. Völk.* 17—20).

(25) Дѣжю составляли Молдавія, Валахія; Трансиль-

кия, даже часъ Венеции Баццашъ Гемесарскій (см. Маннерп. *Geographie*, IV, 172). — С Гопбахъ си. Шпринт. *Memor. porul.* I, 37—240. Утверждаютъ, что Готы жили нѣкогда въ Скандинавіи на Чёрномъ морѣ, имѣли участию въ войнахъ Минираша, и побѣдленные Легіонами Республики (уже во времена Траянова, какъ думаетъ Далинъ) искали убежища въ сириахъ полуночныхъ, съ юждемъ своимъ Одиссеемъ, который оружиемъ и мудростью покорилъ себѣ южную часть Сѣвера и вселить въ народы его южной висти къ Риму. Въ одной Греческой, такъ называемой *Пасхальной атласописи* (дѣйствительно сказано, что Трампъ въ 106 году воевалъ съ Персами и Готами: следственно посѣдѣлъ общими погодѣ близъ Персии? Но Готы въ прерѣвѣ вѣкъ пришли въ Дакію изъ Скандинавіи, какъ пишетъ изъ *Историка VI столѣтия*, Йорданъ (см. его сочиненіе *de rebus Geticis*, Гамбург. изд. 1611 года, стр. 83). Еще вѣка за ширь до Христіанского атласописиенія славный Пиѳеасъ, Марсельский уроженецъ, имѣвъ случай видѣть отдаленные сѣверныя земли, въ окрестностяхъ моря Бадышскаго, наименъ Готеевъ, которыхъ онъ, и Планій называютъ Гиппонами, Тации Гопонами, Плюсей мей Гиппонами. Впрочемъ Пиѳеасъ ссыпь величайшемъ лжецомъ, ибо хощеть утверждать современниковъ, живо на Сѣверѣ Европы нѣть уже ни земли, ни моря, ни воздуха, и сихихъ, перемѣшанныхъ между собою, образующъ какое-то неизримаемое веществство (см. Страбона, стр. 163). По его словамъ, онъ долженъ оспѣ Испанію до рѣки Дона и полуночного острова Тукса за Британію. Что касается до Исперіи Одисея, Скандинавскаго Магомета, то онъ принадлежитъ вообще болѣе къ баснословію Скаммова, нежели къ дословѣрной Исторіи. По сказанію Эдда, отъ вышелъ изъ Азгарда; а какъ Страбонъ упоминаетъ о Скандинавскомъ народѣ Азіахъ (стр. 729), наименованныхъ также Плисию и Плюсемею, то Сѣверные Повѣщиватели (см. Стурдэз. *Hist. Reg. Sept.* I, стр. 2) безъ всякоаго сомнія выводятъ. Одна въ окрестностяхъ

Деми Накопорью устроил дешев, что баснословный
Ангардъ есть нашъ Азъбъ. Мардагъ говорилъ (*Histoire de Danemarc*, I., 54), како древнее Кельшкое
слово *Мз* знаменоѧло *Готтдина* и *Вода*: можетъ
быть, Исландскіе Сильвонборцы хотын сказашъ
такъко, что Одинъ помыслъ отъ смирилъ бѣговъ.

(26). См. Мемор. профил. I, 42. Гернандъ (de rebus Gestis стр. 305) говорить, что Генеалогия повиновалась и Мордву и Мордову. Миренс, Mordenus. Линей пишет, что многие огородные пра́вы, распуштіи единственно на степи́я Азіатской России, отдалились из краевъ въ Европу когда, какъ Готы заняли Испанию. (См. Штетцер. Proba Russ. Annal. стр. 45).

3) (27) Скадровы надгробие называли Фокладисю вст
восточные берега моря Балтийского (см. Далина
Gesch. des Schwedtsch. Reichs, I, 297) ошь уезны
Вислы до залива Финского.

Лорандъ де Гевиз Gettois, стрп. 103: «Побѣдивъ Геттоисовъ (обижавшихъ), ту же время еще при Бальшой скомъ мора»; Германники помчались войною на Венецию, которые были для нихъ ратицемъ не иокусты, и подожгли гавань и спаравись сперва оборониться. «Ходы» Венеции, Ашины, Славине, вызыпаючися шить «сами» спремъ, разыгнавъ ижеийки, однажды, произошло сбить сапъ одного, пасмени. Теперь они за грѣхи наши звезды свирѣпоподиущіи, но прижде весь повиновались Германникамъ въ хаскии. Они же покорили Эспону, берегахъ Германского Океана, и сяреч.

(28) См. Геродота, кн. III, и Баера *de dictato Rhodio* и его *Opuscula ad Historiam Antiquam*, спр. 500. Зная единство Адриатического Венециань, Греки искали Эридана в Италии, и думали, ишо онъ есть рѣка Пас. Но Диодор Сицилійскій (кн. V) и Пліній (кн. XXXVII, гл. 2 и 3) явно говорятъ, что літары собираются въ Северной Европѣ, и ишо тамъ, а не въ Италии, ищемъ съюзникъ рѣка Эриданъ. Баерь разумѣеть подъ ишоъ именемъ Западную Данию! (*Opuscula*, спр. 527, 528), то есть Гельсінгборгъ.

Нынешние оценки Славянской Всеповъ Иша-

ліянская, будто бы пришедшихъ съ Азиатскимъ, изъ Фригии послѣ разрушенія Трои, и говорятъ: «Венеты назывались и Генетами, конхъ имъ безъ сомнѣнія произошло отъ Греческаго слова *Anos*, *хвала*—см. Іорнанда de reb. Get. гл. 29, и Павла Диак. de gest. Longobard. гл. II, гл. 14 — хвала то же, чимо и *слава*, отъ которой происходилъ имъ Славянъ: и иначе Венеты были Славянами». Но Сиррабонъ, кото-
рому надлежало знать Илліинскихъ Венетовъ; ири-
знаешь ихъ (спр. 298) за одинъ народъ съ Белтчи-
скими Галлами-Венетами, побѣжденными Цезаремъ въ
морскомъ сраженіи: *Nobis ego Venetos (Белтческихъ)*
existimo Venetiarum in Adriatico sinu esse auctores. —
Гомерова Поэма споль проевавила Трою, чимо всѣ
народы хотѣли быти Троянами. Эпей вышелъ изъ
Трои: Одинъ Скандинавскій шакже (см. предисловіе
къ Исландской Эддѣ): слѣдствено и Славянамъ над-
лежало дать право гражданина въ Илонѣ.

Дошли въ Германіи именемъ Вендовъ означающіе
Славянъ: думаютъ, чимо Немцы называли ить шакъ
ещьлагола *sich werden*, *обращаться*, *переходить въ*
жеста на лѣтю. Финны и всѣкъ Русскіи имену-
ютъ *Вендалами*.

(29) См. Шлецер. *Nord. Gesch.* 10—34, и Геснеръ
de Phoenicum navigationibus extra columnas Herodii:
Въ Азіи цвѣли уже государства, когда въ Европѣ
жили одни дикіе люди. Кадму и Финикиямъ, основа-
вшемъ Кадикса, принадлежитъ честь и слава Евро-
пейского образования. Мореходцы ихъ года по три
не возвращались въ опечество (см. Шлецер. *Versuch*
einer Geschichte des Handels und der Schiffahrt in
den ältesten Zeiten). Къ сожалѣнію, всѣ книги Фини-
кіянъ пропали, и только нѣкошорыя ихъ географиче-
скія свѣдѣнія дошли до насъ посредствомъ Грековъ.
Спіхшворецъ Авіенъ говоритъ о путешествии Кар-
вагена Имилькона въ сѣверную часть міра еще за
150 лѣтъ до Пиѳеаса (см. Шпренгера *Gesch. der*
Entdeckungen спр. 57).

Янтарь и олово, привозимое Финикиянами изъ Бри-

татніи, были уже известны Гомеру. Справою (кн. III) рассказываєшъ, что Финикии ходили къ остро-
вамъ Касситерскимъ, или Британскимъ, для купли
солов и шапки сю торговлю отъ другихъ народовъ.—
Однакожъ мы не хотимъ говорить утверждительно о
непосредственно мѣ спосыпіи Венедовъ съ Финикиянами,
копиорымъ и Германцы, сосѣды первыхъ, могли до-
справлять янтарь. Въ Тациево время онъшелъ един-
ственno изъ земли Эстовъ (Descr. Germ. XLV),
куда въ царствование Нерона юздила для того одинъ
Владикъ Римскій (см. Плінія, кн. XXXVII, гл. 5).
Сіи Эсты были народомъ Германскимъ, называли ян-
тарь Glesum (Glas), и говорили языкомъ сходнымъ
съ Британскимъ. Тунманъ заключаетъ (Untersuchungen
über d. alt. Gesch. Nordisch. Völk. стр. 9) что они,
закладывали берегами Балтии, пригудили Вене-
довъ удаиться въ Литву, Лессо, и проч. Гарп-
кою же мышія (Alt-und Neues Preussen. гл.
1. стр. 10, 23). Онъ думаетъ, что имя Прусской
Шалавоніи (Schalauen), Венеда, Виндау, Ушевенде въ
Ливоніи и Курляндіи произошло отъ Славянъ и Ве-
недовъ, которые жили тамъ прежде Эстовъ. Герман-
скіе Эсты могли выѣхать съ Готеями переселиться
въ Дакію.

Прибавимъ однакожъ, что некоторые изъяснили
древности счишають ис Пруссіо, а Ютыандію тою
землею, где Финикии и Римляне искали янтаря: см.
Шпренгеля Gesch. der Entdeckun. 51 и 114.

(30) Таціяша Descr. Germ. XLI, Плінія кн. IV,
гл. 13. Если вѣрить известію Космографа Энка
(Aethici Cosmographia, стр. 26 въ изд. 1685 года),
то Юлій Цесарь послалъ трехъ учёныхъ мужей
для измѣрения міра и для его описанія: Зенодокса въ
страны вос точные, Феодора въ съверные, Поликли-
ти въ южные. Энкъ жилъ послѣ временъ Константина
Великаго (см. Дю-Канж. Constantinop. Christ. I, 62).

(31) См. Птолемея Geograp. кн. III, стр. 75. Тун-
манъ (Untersuch. ü. d. Gesch. nord. Völk. стр. 9)

думаешь, что въ Птолемеево время уже не было Венедовъ въ земляхъ приморскихъ. — Не ссылаемся на Шеушингерскую каршу: ибо крайне сомнительно, чтобы она сочинена была въ III вѣкѣ, какъ прежде полагали Ученые, (см. Маннерша въ его разсужденіи *de Tabulae Peutingerianaæ aetate*). — Гашнеръ счищалъ Птолемеевыхъ Венедовъ Нѣмцами, ш. е. Вандальми, воображая, что Славяне назывались ихъ именемъ, занять посль берега моря Балтийскаго (см. его *Weltgesch. и Comment. Societ. Gottingensis*, XII, 263).

Прешорій (см. его *Orb. Goth.*) думалъ, что Балтийское море получило имя свое отъ бывшихъ береговъ *Балтыасъ* значившъ на Латышскомъ языке *блато*. Рыцари Нѣмецкаго Ордена, завоевавши Пруссію, называли ея берега, гдѣ находился ливарь, *Витландію*, или *Блюю землею* (Баер. *Coniectura de nomine Balthici maris*, въ Комениш. С. Петербургск. Академіи, V, 359). Шеннигъ говорилъ, что слово *Балте* или *Бельте* на древнемъ сѣверномъ языке значиуетъ *полъ*. Гопшы могли такъ называть море свое, воображая, что оно какъ поясъ окружаетъ землю (см. Шлецер. *Nord. Gesch.* спр. 24). Въ Планіевой Исторіи уже находимъ имя сѣвернаго острова Балтии: *Ниѳеасъ* называемъ его *Базилио*.

(32) «Мы должны» — говорилъ ученый Гейне — «искать древнейшихъ свидѣтельствъ о народѣ, и время ихъ счищать первою эпохой бытія его для Исторіи. Гдѣ онъ былъ прежде? или откуда вышелъ? — увѣдаемъ разъ за предѣлами сего міра, extra anni solisque vias.»

Нѣкошорые Ученые (не говорю уже о Мавро-Урбинахъ, Раичахъ и подобныхъ Историкахъ) доказываютъ, что Венеды-Славяне были Скины. «Филиппъ Македонскій, по ихъ мнѣнію, разрушалъ Монархію Скинскую; изъ остатковъ ея, кажется, произошли другіе народы, а въ числѣ ихъ и Венеды: ибо въ-вторыя Скинскія имена, сохранившія Историками, имотупъ быть изъяснены языккомъ Славянъ» (см. *Allg. Weltgesch. nach dem Plane Guthrie und Gray*, T.

III, или въ Гебгарди *Gesch. der Wenden*, I, въ предисл. стр. 21). Но 1) Филиппъ не испребилъ Скифовъ: черезъ 250 лѣтъ по его кончинѣ они жили въ окрестностяхъ Чернаго моря, сражались съ Мизриашомъ, съ Римлянами и съ Геппами. 2) Венеды еще до временъ Филипповыхъ были уже известны на берегахъ моря Балтийскаго. 3) Нравы Венедовъ, изображенны Тацишомъ, ни мало не сходствовали съ обычаями Скифовъ. 4) Слова языка Скифскаго, приводимыя Геродотомъ, шакъ мало подходятъ къ Славянскимъ, чѣмъ ими скорѣе можно доказать несходство сихъ двухъ языковъ.

(33) См. въ твореніяхъ Жебленевыхъ, *sur la grammaire comparative*, о связи Европейскихъ языковъ съ Восточными. — Сю вѣроятность Азіатскаго происхожденія всѣхъ народовъ подтверждаемъ славный Линней замѣчаніемъ весьма любопытнымъ. Онъ говоритъ: «Первые люди, созданные Богомъ, жили между Тропиками: не только Св. Писание, но и самая нагота человѣка свидѣтельствуетъ, что мы никогда не существовали шамъ, гдѣ находимъ животныхъ безъ щерсти: слоновъ, носороговъ, Индийскихъ собакъ, и гдѣ *веселажи* древесные плоды служили ему вкусною и самою естественною пищею. Потопъ испребилъ людей, и ковчегъ Ноевъ, какъ сказано въ Св. Писаніи, остановился на горѣ Араратской, откуда цѣль горъ идетъ къ Сибири и Ташары, спранамъ *высокийшии*, изъ коихъ шекушъ многія рѣки въ море Ледовитое, Каспійское, Океанъ Восточный и во всѣ земли окружныя. Сіи мѣста должныствовали казашася Ноеву семейству лучшими и безопасѣйшими для обитания, и Богъ произвелъ памъ хлѣбъ, копорымъ больше всего пишашся человѣкъ въ Тропиковъ, и который (чѣмъ изѣшило Башаникамъ) расшепъ дланій въ одной Россіи восточной. Гейнцельманъ называлъ въ спелыхъ Башкирскихъ пшеницу и ячмень. Жилели Сибирские пекущъ хлѣбы изъ дикой ржи. Слѣдственно можно заключить, что Сибирь была первымъ отечествомъ Ноевыхъ полномоковъ, и про-

(см. Шлецер. Probe Russisch. Annal. спр. 45—46). Шлецеръ, начинавшъ сіе мѣсто изъ Линнеевої рукописной Диссертациі, прибавляетъ: «Мысль новая и прекрасная! она разительнымъ образомъ доказываетъ чистоту Естественной Испорки для Испорки народа».

Антонъ (см. его Versuch über der alten Slaven Ursprung) замѣчаетъ, что въ языке нашемъ есть имя слова, кельблюда, обезьяны, которыхъ нѣть въ Европѣ. Другіе счищаются называемыя икоююшихъ древнихъ городовъ въ Азіи Славянскими: напримѣръ, Смирны. Но это не доказательство, чтобы Славяне уже какъ народъ особенными существами въ Азіи.

(34) Для того назывались они Гамаксобами, пишетъ Мела, кн. II, спр. 39.

(35) См. Мемор. рорул. I, 452. Такъ описывается имъ Амміанъ Марцеліанъ (XXX, 2): «Гунны, прежде едва извѣстные, имѣютъ отвратительныя лица и щеки изрѣзанныя ножемъ, для того, чтобы не росла борода. Они все безобразны, плоскощеи, супулы и кажущиися не людьми, а грубыми болванами; ъдятъ сплошь, коренья и сырое мясо, согревъ его на сѣде подъ собою; не знаютъ дома, убѣгая ихъ какъ мотыль; скитаются всегда по горамъ и лѣсамъ, привыкаютъ терпѣти холодъ и зной, жажду и голодъ; носятъ одежду изъ полотна или кожъ звѣрныхъ, и творятъ ее на своемъ пѣви; на лошадяхъ ъдятъ и спятъ; не сходятся съ нихъ и во время народныхъ съѣдовъ; говорятъ нескладно и ищемо; живутъ безъ Вѣры и законовъ; не имѣютъ понятия о честии и нравственности; свирѣпы, лживы, хищны, и проч. — Йорнандъ, ненавидя Гунновъ за порабощеніе единоземцевъ его, разсказываетъ великую басню о происхожденіи сего народа. «Въ войсکѣ Готскаго Царя Филимера (говорить онъ) завелись волшебницы наизѣдьмы; будучи имъ высланы изъ спана, ог҃ь ушли въ спешь и прижали пашъ съ Faunами (quos Faunos Ficarios vocant) безобразныхъ Гунновъ, которые долго обитали на восточныхъ берегахъ Азовскаго

мора, и наконецъ перешли на другую спорону, въ сайдъ заланию, указавшио имъ путь чрезъ сие море. Византийские Историки говорятъ только, что Гунны пришли изъ Авар чрезъ реку Донъ. Дегнть, по Киппайскимъ языческимъ, опредѣляющиъ ихъ древнее жилище между рекою Иртышемъ и Киппаемъ. Они беспрестанно опускались сюо Имперію, и славная спѣша Киппайская послана вѣка за вѣкъ до Хри-
сіанскаго язычественія для защиты отъ ихъ наба-
гоевъ. Гуны, около Рождества Христова, раздѣли-
лись на Южныхъ и Сѣверныхъ: первые ссыпались стъ Киппайцами и Татарами; вторые, основавъ разные
области, въ Татарии, явленіемъ своимъ успѣшили
Европу (см. *Histoire Générale des Huns*). Сѣдѣвшемъ
но одинъ изъ народовъ Сибирскихъ уже въ IV вѣкѣ
сдѣлался наимъ извѣстнѣй по Исторіи. — Гуны по
общему мнѣнію были Калмыки. Гашшерерь причи-
няется къ нимъ: Массагетовъ, Саковъ, Хоразовъ или
древніи жители Хивы (см. *Comment. Soc. Gottin-
gens.* T. XIV, стр. 24).

Юранд. *de rebus Geticis*, стр. 105: *Hermanicus* (узваний двумя язычниками) tam vulneris doloreum, quam etiam incursiones Hunnotum non ferens, grandaevis et plenus dierum, centesimo decimo anno vitae suae defunctus est. Ам. Марц. сказываешьъ, что онъ умершиналь самъ себя.

(36) См. выше, примѣч. 27. Прокопий (*de bell. Goth.* кн. III, гл. 4).

(37) Юранд. *de rebus Geticis*, стр. 130. Всъ они
были распяты на крестѣ.

(38) См. Присково. описание посольства отъ Импе-
ратора къ Ашиши (Memoriae populorum T. I, стр.
513), гдѣ Ромуль исчисляетъ Ашишину завоеванія.
Присковъ разсказываетъ весьма любопытныя подоб-
ности объ Ашиши, у котораго онъ самъ былъ не-
сколько дней. Греческіе послы нашли его въ спаѣ
войскомъ. Ашиши, принялъ ихъ и дары Импе-
раторскіе съ великою гордостию, велиъ имъ хань за
собою въ одно мѣстечко, гдѣ онъ живъ обыкновенно

въ мирное время. Тамъ вспрѣтили его молодыя дѣ-
вицы, въ дамскомъ бѣломъ плашьѣ, и пѣли въ честь
ему пѣсни на языке Скиескомъ. Деревянная стѣна
окружала дворецъ, такжে деревянный, построенный
на возвышеніи. Аппиана, въ утренніе часы, вышла
изъ дома, садася у дверей и рѣшилъ таинѣ народ-
ныхъ; въ день принималъ пословъ изъ разныхъ частей
мира, а ввечеру ужиналъ съ ними. Всѣ другіе были
съ блюда серебряныхъ и пили изъ золотыхъ стакан-
ковъ: Аппианъ подавали имъко деревянные. Въ кон-
це ужина являлись Гумискіе Стихопѣворцы, пѣши и
славящіе величія побѣды Царя. Друзья и поклони-
тели, оживленные воспоминаніемъ бывшъ, изѣвали удо-
вольствіе; спарцы, юнами обезоруженные, плакали
о пѣтъ умилія. Аппиана, всегда мрачный и задумчивый,
безмолвствовала, лаская рукою маленькато сына сво-
его, которому волхвы Гумискіе обѣщали успѣхъ и сла-
вищу онца. Одежда, мечи и кони вождей его блестали
золотомъ и драгоценными каменными; самъ Аппиана
презиралъ наружныя украшения. — Не только Гумискій
но и другіе народы, имъ подавленные, любили сего
удивительного человѣка за его великія свойства и пра-
восудіе. Многіе Греки и Римляне добровольно служи-
ли ему. Одинъ изъ нихъ сказалъ Приску: «Я люблю
Скиескіе нравы. Мы часто воюемъ; но за то въ
мирное время наслаждаемся совершеннымъ покоемъ,
и не боимся упрашивать любезной собственности. Въ
зѣбывшемъ моемъ ощечествѣ, въ Римской Имперіи,
зѣласившися шираны, а молодушные рабы не смѣютъ
обороняться. Тамъ ишь правосудіе, ии равенства
въ государшвенныхъ податяхъ, и сильные угнета-
ютъ слабыхъ.» — Въ числѣ пословъ Императорскихъ
быть человѣкъ, который взялся умертвить грознаго
Царя Гумновъ: Аппиана знать о семъ умысль, но вс-
лѣдодушно презрѣлъ его. Воинское счастіе вскружило
ему голову, такжъ же, какъ и Герою Македонскому.
Александъ хотѣлъ называться Юпитеровымъ сы-
номъ: Аппиана говорилъ о себѣ, что онъ былъ Небес-
ной и златой, вселенными; что звезды падаютъ и зем-

як трепещетъ отъ его взора. — Мы привыкли воображать Гунновъ чудовищами: надобно думать, что Ашшила бытъ не очень безобразенъ, ибо Гонорія, ееспра Императора Валентіана, предлагала ему руку свою.

(39) См. Іорнанд. de reb. Get. спр. 135. — Гепиды въ сльѣ за Гошевами пришли съ береговъ моря Балтийскаго.

(40) См. Іорнанд. de reb. Get. спр. 134. Алане владѣли въ Испаніи Лузитанскю и Картахенскю провинціями; но многіе изъ нихъ остались между Каспійскимъ и Чернымъ моремъ, гдѣ они жили и въ 557 году (см. Memor. popul. I, 644). Въ Эрбелошовой *Восточной Библиотекѣ* упоминается объ Аланскомъ Князѣ, обиравшемъ въ IX вѣкѣ близъ Дербента; Чингисханъ воевалъ шамъ съ Аланами (см. Hist. des Tatars d'Abulgasi, спр. 309). Карпинъ (въ Бержерон. Voyages спр. 58) и Рубрукъ, или Руброкъ (спр. 24), Монахи и пушнествѣщики XIII вѣка, также говорятъ о Кавказскихъ Аланахъ, сказывая, что они назывались и Ясами (Asses, Acias), о коихъ упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ; были Христіане, искусные кузнецы и слесари; дѣлали прекрасное оружіе и хранили свою независимость. Полковникъ Герберъ называвшъ въ горахъ Кавказскихъ деревню Кубеша, гдѣ всякой житель есть оружейный мастеръ или серебреникъ. Миллеръ (Sammlung Russ. Gesch.) признаетъ сихъ людей, говорящихъ совсѣмъ особеннымъ языкомъ, похожими древнихъ Аларъ. Спирковскій мечтаетъ, что Алане перешли въ Лишву (см. выше, примѣч. 362).

(42) Memoriae popul. T. I, 545—568, и T. II, 495. Первое извѣстіе объ Уграхъ находится въ Пристѣ (Memor. popul. I, 641): онъ называетъ ихъ Гунугурами, Урогами, Сарагурами — Агаэл Унугурами, Феофилактъ Гунугурами, Огорами — Мешандеръ Ушигурами и Унугурами — Іорнандъ Гунугурами, прибавляя, что они торгуютъ мѣхами — Прокопій Ушигурами и Купригурами (см. Туимана Gesch. der Ostl. Völk. спр. 30 въ Гебгарди Gesch. des R. Hungarn. I, 321).

Нынѣшнюю Башкирию счишаютъ древнимъ отечествомъ Угорскихъ народовъ (см. Тумана *Gesch. der Ostl. Völk.* стр. 30); можешьъ быть, они жили и гораздо дальше на Востокъ. Абульгази (*Histoire des Tatars.* стр. 91—98) пишетъ о многочисленномъ народѣ Азіапскомъ, Угурахъ или Уйгурахъ, которые долгое время обитали въ Великой Татаріи и раздѣлились на двѣ части: одни оселись въ первобытномъ опицествѣ, имѣя памъ селенія и города; другие же удалились къ Иртышу, вели памъ жизнью кочевую и ловили звѣрей, бобровъ, куницъ, соболей, бѣлокъ. Син Угурь могли распространиться оттуда до Уфимской Губерніи. Юго-восточные единоземцы ихъ были гораздо просвещеннѣе: знали хорошо Турецкій языкъ и служили писарями въ канцеляріи Чингисхана. См. ниже примѣчаніе 294.

Болгары называются также разными именами въ Византійской Исторіи (см. *Memor. popul.* II, 441). Вопреки Нестору (въ печати стр. 145) многие считали ихъ Славянами, для того, что сей народъ, за-воевавъ послѣ ту часть Мизіи, где жили Славяне, смылся съ ними и въ теченіе времени принялъ языки ихъ; но Болгары говорили прежде особеннымъ языкомъ. Древнейшая собственная имена ихъ совсѣмъ не Славянскія, а подобны Турецкимъ (см. роспись Болгарскихъ Царей въ *Memor. popul.* II, 457) разно какъ и самые обычай (см. Тумана *Gesch. der Ostl. Völk.* стр. 36). Историки Византійскіе называютъ Угровъ и Болгаровъ Гуннами (*Memor. popul.* I, 451, и II, 441). Болгары, по Восточнымъ лѣтописямъ, обитали нѣдревле на берегу Волги, где найдемъ ихъ и въ X вѣкѣ. Византійцы полагаютъ *Великую* или *Старую Болгарию* между Волгою и Дономъ (*Memor. popul.* II, 441). Діоклесий (въ Швандшер. изданіи *Script. rerum Hung. etc.* III, 478) и Никифоръ Григора, Историкъ XIV вѣка, пишутъ, что они названы такъ отъ реки Волги. Арабскіе Историки (см. Эрбелоти. *Biblioth. Orient.* подъ словомъ *Bulgar*) называютъ Волгу *Булгарою*. Монсей Хоренскій, Арменскій Историкъ, пер-

вый упоминаетъ о Болгарахъ, сказывая, что еще за 100 лѣтъ до Рожд. Хр. многие изъ нихъ вышли изъ своего древялого опечесства, изгнанные внутреннимъ мялжемъ, и поселились въ Арmenіи (Mos. Chor. Hist. Arm. спр. 90 и 100).

Угры и Болгары выпѣснены были изъ Азіатской Россіи Савирами, народомъ мужественнымъ и беспокойнымъ, который скоро перешелъ къ горамъ Кавказскимъ, и воевалъ шамъ съ Римлянами и съ Персами до 578 года. Съ сего времени иѣть уже обѣ немъ ни слова въ лѣтописяхъ.

Готы, оставившися въ Тавридѣ, назывались Готами-Гептракситами: см. ниже, примѣч. 86.

(42) Можно: но въ самомъ дѣлѣ Историкъ не поучился за исшину сей эпимологіи. По крайней мѣрѣ Русскіе Славяне совсѣмъ не думали изъяснять своего имени *словомъ*; ибо писались *Словенами*; въ Венгріи и Польшѣ называющіеся *Словаками*, въ Богемії *Слованами* (см. Гебгарди *Geschichte der Wendisch-Slavischen Staaten*, T. I). Утверждалась на томъ, многое производящіе имя ихъ отъ *слова*, говоря, что сей народъ, не разумѣя языка другихъ, называлъ ихъ Нѣмцами, то есть *плывши*, а себя *словесными* или Словенами. Предки наши дѣйствительно разумѣли всѣхъ иноязычныхъ подъ именемъ Нѣмцевъ (см. сей *Исторіи* T. II, примѣч. 64) и мысль, что оно произошло отъ Германскихъ Немешовъ, кажется неоспоримѣнною; однакожь многія собственныя имена Славянъ — на примѣрѣ: *Святославъ*, *Ростиславъ*, *Мстиславъ* — заставляютъ думать, что и въ народномъ имени было у нихъ А, а не О. Византійскіе Историки иѣвали всегда *Славини*, *Слави*; Гогенскій Іорнандъ, такъ же; а Монеей Хоренскій, сочинитель Арменской Исторіи, *Скалаващи* (Mos. Chor. Geographi 347). — Мы видѣли, что самое древнѣе въ лѣтописяхъ имя Славинъ было Венеды (см. выше, примѣч. 27); Византійскій Историкъ Прокопій сказываетъ намъ еще, что Аланы и Славинѣ именовались нѣкогда *Спорами*, быть што, что жили въ разстояніи (*стороду*): по и-

какія лѣтописи не упоминаюшъ о Спорахъ. Доброя-
скій думаєшъ, что Прокопій, слыша объ имени Сла-
вянскихъ Сербовъ, обратилъ его въ Споры. — Замѣ-
нимъ еще, что Славяне назывались въ Германии *Со-
лапали* (см. Гебг. Т. I, спр. 65); а ваконецъ заклю-
чимъ шымъ, что малыйшій случай, малыйшое обстоя-
тельство, совсѣмъ незвѣстное по лѣтописямъ, раж-
даетъ иногда народное имя, кошораго никакая исто-
рическая ученость изъяснить не можетъ.

(43) См. выше, спр. 17. Въ другомъ мѣстѣ (de Bel. Goth. кн. III, гл. 43), Прокопій говоришъ, что Аиты въ Западу граничилъ съ Славянами, кошорые жили отчасти близъ Дуная, отчасти на самыхъ по-
лунощныхъ берегахъ его (Memor. popul. II, 29 и 31). Йориандъ пишешъ такъ (de rebus Geticis, спр. 85): «На съверной спорогъ горѣ Карпатскихъ, отъ исто-
чниковъ Вислы, на просырансправа, неизмѣрныхъ
обиташася многоголосіиный народъ Венедовъ, ко-
торый по разиць, племенамъ, и мѣстамъ называється
разными именами, но извѣстенъ подъ двумя главны-
ми: Славникъ и Ашповъ. Славяне живущіе, (à civitate
nova et Sclavino Rumanense, et lacu qui appellatur
Musianus, usque ad Danastrum, et in Boceam Viscla-
tenus) отъ Нового города, Румунпенской обласши и
Музіанского озера, до самаго Днѣспра, а на Съверъ
до Вислы; болоша и лѣса служашъ имъ вмѣсто крѣ-
постишь. Аиты же, храбрѣшіе (или сильнейшіе) изъ
обиташелей Черноморского берега, занимаюшъ всю
«спрану отъ Днѣспра до рѣки Дувая.» Сей *Новый*-
городъ, по-Гречески *Неа*, по-Лапиди *Нова*, существова-
валь въ Мизіи, не далеко отъ болоша Эссекскихъ или
Мурсийскихъ, кошорые Йориандъ могъ называть *Lacus*
Musianus вмѣсто *Mursianus* (см. Бицинг. Erdbeschr.
Т. II, спр. 481, Гамбург., изд. 1788). Хриотофоръ
Йорданъ (см. его de originibus Slavicis, Т. II, спр.
157, 158) сплошь же вѣроятно полагаетъ, что *и* Йор-
иандъ надобно чиашъ *lacus Mysianus*, а не *Musianus*,
и что его Румунпенская область есть нынѣшній Во-
лошский округъ Ромунаціи, Romunazii, на западномъ

берегу Алушты. Другие же называют сюю истину въ Юриандѣ шакъ: *a civitate Noviætunense est Iasci*, думая, что имя *Sclavinorum* сподоблено въ древней рукописи только для объяснения въ верху нады *Noviætunense*, а переписчики вспомнили оное въ строку между *Noviet* и *upense*. См. Дуриха *Bibl. Slav.* II, и Добролск. *Slavic* 294—297.

Мы не можемъ *тогда определить времени*, въ кото-
рое Славяне овладѣли земли Германии, где
прежде обитали Тациловы Свары (см. *Versuch in den
ältest. Gesch. der Slav.* in *Teutsch. von Gercken*).
Гаштереръ думаетъ, что они утвердились въ Богемии, Моравии, Саксонии и Туригии въ 534 году, а въ
Стирии и Поммераніи спѣль 569 до 588. Шлецерь (*Nord. Gesch.* 23), именуя 53 народа, кото-
рые обитав-
шихъ въ Германии Славянъ: Тунманъ, замѣчаешьъ, что
къ сему числу можно еще прибавить нѣсколько именъ.
Знающіе были, кроме Чеховъ, Богемскихъ и Моравовъ,
Сорабы или Сербы въ Верхней Саксонии, Лужичи въ
Лаузицѣ, Вильцы или Поморяне въ вышѣ-
ней Поммераніи, Оботриты въ Мекленбургѣ, Укры въ
Бранденбургѣ. Шлецерь утверждалъ, что нѣкоторые
народы Славянскіе издревле могли обитать въ
Германии. Тунманъ другого мнѣнія (см. его *Anmerk.*
über die Nord. Gesch. стр. 100—134).

Въ 590 году Славяне жили, по извѣстіямъ Визан-
тийскимъ (*Memor. popul.* II, 54), на самомъ краю
Западнаго Океана или Моря Балтийскаго. Вѣри-
чо, что Тациловы Эсты (см. выше примѣч. 29) были
Германцы; но быть можетъ, что нѣкоторые Славя-
не Венеды и въ первомъ и въ слѣдующихъ сподѣл-
ахъ, все еще обитали въ древнемъ своемъ отечествѣ
при Балтийскомъ морѣ, по естѣ въ сосѣдствѣ съ
народами Готскими или Нѣмецкими.

(44) Ни Гопескій Испорикъ Юриандѣ, ни Визан-
тийские не называютъ Алановъ, Венедовъ и Славянъ
Сарматами, которые были Азіатскими кочевыми на-
родомъ.

Гиббонъ (*History of the decl. and fall of Rom.*

Емп. Т. V, гл. XLII) объявляяепъ намъ, что Славяне около VI вѣка имѣли 4600 деревень въ Россіи и Польшѣ. Онь ссылаешся на географический отрывокъ 550 года, напечатанный въ *Histoire des Peuples* Графа Бюаша (Т. II, стр. 145) и хранимый въ библиотекѣ Миланской. Сие любопытное извѣстіе заставило меня выписашь изъ Парижа Бюашову забытую Исторію. Что жь вышло? Сей отрывокъ, переведенный съ Латинскаго на Французскій, писать *единственno по мѣньшо* нашего ученаго Графа въ X вѣкѣ, а сочинить, только по *его же мнѣнію*, около 550 года. Вообще кажется, что и самъ Авторъ писать на-обумъ, не имѣя вѣрнаго географическаго свѣдѣнія о сихъ народахъ.

(45) Птолемеемъ Александрийскій во II вѣкѣ описалъ всѣ страны отъ моря Бальтийскаго до Чернаго; Азовскаго, и до глубины сѣверной Азіи; по повѣримъ ли, чтобы онъ, живучи въ Египтѣ, двѣстѣнно имѣлъ свѣдѣніе о мѣстахъ столъ отдаленныхъ, и чтобы его *terra incognita* начиндалась только за шестидесять-первымъ градусомъ широты? Ни куницы, привозивши въ Александрию изъ разныхъ земель, ни славная шамошия библиотека (см. Гапшерер. въ *Comment. Societ. Götting.* XII, 210, и *Маниерш. Geograph.* IV, 132) не могли открыть ему, какіе народы жили тогда въ Россіи сѣверной. Что значатъ пустыя народныя имена щедрою рукою разбросанныя на его картахъ Сарматіи, и совсѣмъ неизвѣстныя для Исторіи: Карвоны, Осіи, Салы, Кареопы, Пагиропы, Офлоны, и проч.? Пусть Гапшереръ рѣшилъ, кого изъ нихъ должно считать Финнами, кого Нѣмцами; пусть Добнеръ (см. его *Annales Bohem.* могли или примѣчанія на Гагека) спаряется увѣринть себя, что они всѣ были Славяне; что имена Птолемеевыхъ Суланъ происходили отъ *соли*, Биссовъ отъ *львакъ*, Басшарновъ отъ *пастырь*, Піеннаповъ отъ *львы*, Славанъ отъ *стю*, Судиновъ отъ *суда* или *сосуда*; по гдѣ историческая доказательства? Понимаю, что Римляне I и II вѣка могли знать при-

чорскихъ житеleй Съвера и сосѣдовъ Дакіи: для то-го захожу любопытнымъ, чио пишеть объ ихъ Та-цишъ или Плиний; замѣчаю и сказаніе Птолемеево о Венедахъ, ибо они уже были извѣстны двумъ вышѣ-упомянутымъ Историкамъ - Географамъ, и чрезъ пѣ-сколько лѣтъ выходялъ на єеашрь Исцоріи. Птол-емей зналъ ли внушиенностъ Россіи, объявлal памъ, что Донъ выпекаетъ изъ горъ Рифейскихъ, и чио Азовское море проспираешся къ Съверу отъ 48 гра-дуса широты до 54? Къ тому же въ Географіи его видны многія прибавленія новѣйшихъ временъ (см. Шлецер. Nord. Gesch. стр. 176). Могъ ли онъ знать Гунновъ (Хунновъ) между Азовскимъ моремъ и Днѣпро-ромъ, Аваровъ (Авариновъ) и Пруссихъ Галицовыхъ? Однозъ словомъ, Птолемеево сочиненіе любопытно и важно описаніемъ тогдашихъ извѣстныхъ земель, а не съверной Россіи. Онъ первый изъ древнихъ Гео-графовъ означаєтъ піечеie Волги или Ра отъ басно-словныхъ горъ Гиперборейскихъ къ морю Каспійско-му; но кто поручится, чтобы и сія рѣка не была вставлена въ Птолемеево твореніе новѣйшими Гео-графами?

(46) (См. Memor. popul. T. II, 24—78). Если дѣй-ствительно Моисей Хоренскій, жившій въ пятомъ вѣкѣ, былъ сочинителемъ Арменской Исторіи (въ чёмъ Туманъ сомнѣваєтся), то онъ раньше всѣхъ го-вориша о Славянахъ. Въ Географіи Птолемеевой (см. выше, примѣч. 45) есть имя съвернаго народа Сла-вами: пѣкоторые думають, чио надобно читать Сла-вами.

(47) Славяне разорили славный въ Далмации городъ Эпидавръ, и почти всѣхъ его житеleй умертвили; только немногіе укрылись на крупной неприсушной скалѣ, начали обрабатывать ее и мало по малу основали городъ Рагузу. Прокопій говориша, что Славяне въ своихъ нашествіяхъ всякой разъ убивали или пѣ-нили до 200,000 человѣкъ.

(48) Построенія Анастасіемъ между Селивріею и Чернымъ моремъ для удержанія Болгаровъ въ ихъ па-

багахъ. — Славяне и Болгары приближались къ Царюграду въ 559 году.

(49) Славяне платили имъ за перевозъ по червонцу съ человѣка (см. Прокопія въ Мемор. рорул. Т. II, 40).

(50) Въ Таугаспль Туркестанскій и къ соудѣственными Мукришамъ: см. Мемор. рорул. I, 719, и Дегин. *Histoire des Huns*, кн. V, 368, и слѣд.

(51) См. Мемор. рорул. III, 44, и слѣд. Посоль опись Дизавула прибылъ въ Константинополь въ 568 году. Менандеръ называетъ Турковъ Саками, а Османъ Массагетами. Восточные Испорики говорятъ, что старший Гафевовъ сынъ именовался Туркомъ, опись моего произошедшель сей народъ (см. Эрбелоп. *Bibl. Orient.*), единоплеменный съ Татарами.

Императоръ послалъ къ Хану Турецкому Земарху (см. Дегип. кн. V, 386, и Мемор. рорул. III, 50—52). Ханъ, за неимѣніемъ вина (ибо въ сей странѣ, по словамъ Византійскихъ Лѣпописцевъ, нѣтъ винограда) пощивалъ Грековъ какимъ-то особыннымъ пищемъ, въроющио кумысомъ. Земархъ перѣѣхалъ черезъ реку Болгу, Яикъ или Ураль, и проч.

(52) Сіи золотые и серебряные вещи, хранимыя въ царской Кусисткамерѣ, большою частию найдены близъ Иртыша и Тобола, а въ могилахъ сподѣй Енисейскихъ одиѣ спрѣмы, кинжалы, ножи изъ красной мѣди: съдѣствено народъ, шамъ обиравший, еще не употреблялъ желѣза (см. въ *Ежемѣсяч. Сочиненіяхъ* 1764 г. Изъясненіе Сибирскихъ Древностей, стр. 483 и слѣд.) Сіи могилы должны бысть по шому гораздо древнѣе временъ Чингисхановыхъ. — Альтайскіе Турки славились богатствомъ, дѣлая изъ чисшаго золота сполы, сѣдалища, конские приборы (см. Мемор. рорул. III, 65, и Дегин. *Histoire des Huns*, кн. V, 588).

(53) Ханъ подарилъ Земарху одну молодую женщицу народа Киргизского, Херхіс (см. Мемор. рорул. III, 52), а не Черкесского, какъ думадъ Дегинъ. И пакъ Киргизы въ 569 году сѣдались извѣстны въ

Лѣтописяхъ. — Мы называемъ Огоровъ или Аваровъ Гуннами, слѣдуя Византійскимъ Историкамъ, сказывающимъ, что Огоры жили прежде на Востокѣ озера Волги: см. Мемор. popul. I, 625 и 643. Сіи Авары-самозванцы именующіеся Pseudabares.

(54) См. Менандра въ Мемор. popul. I, 647.

(55) Когда посолъ Тиберіевъ въ 580 году пріѣхалъ къ Хану Турецкому съ дружескими увѣреніями, сей Ханъ сказалъ ему: «Не вы ли, Римляне, говорите де-лѣтію языками, и на всѣхъ равно обманываєте людѣй?... Мы Турки не знаемъ обмана, ни лжи: да будетъ же вамъ известно, что я найду способъ опровергнуть вашему Государю. Онъ увѣряетъ меня - въ своемъ благорасположении, и въ то же время дружитъ съ Аварами, нашими бѣглыми рабами. Вы говорите, что чрезъ одинъ Кавказъ можно достичнуть въшей страны: но я вѣдаю теченіе Днѣпра и Дуная; знаю, гдѣ и какъ вступили Авары въ Римскую Имперію; знаю и силы ваши. Вся земля отъ Востока до Запада миѣ повинуется», и проч. Въ 581 году область Турецкая раздѣлилась на восточную и западную; но скоро та и другая ослабѣла. Кипайцы, Персы, Аравитыне упѣшили ихъ, до самаго того времени, какъ Турки прославились во времена Калифовъ (см. древнюю Исторію въ Дегнѣ и въ Шприм. Мемор. popul. T. III).

(56) Менандр. въ Мемор. popul. T. II, 47 и слѣд. — Гебгарди хочетъ подъ сими Славянами разумѣть Алановъ; но если бы Лавриппасъ былъ Княземъ Аланскімъ, то онъ не могъ бы отвѣчать Аварамъ, что никто еще не опнималъ вольности у Славянъ: ибо Аланы за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ были уже поробощены Ханомъ; и Византійскіе Лѣтописцы не могли бы сказать, что до сего времени никто еще не перевозилъ Славянъ въ собственной землѣ ихъ (Memor. popul. T. II, стр. 49). Съ 602 году лѣтописи уже не говорятъ объ Аланахъ.

Іоаннъ, начальникъ городовъ Илліріческихъ, былъ отправленъ Тиверіемъ къ Аварамъ со множествомъ

судовъ, па которыхъ онъ перевезъ войско ихъ въ Греческое владѣніе. Баянъ шелъ черезъ Иллирию, и снова переправился за Дунай къ Славянамъ. Мы не знаемъ, для чего онъ, владѣя страною Гепидовъ, не ходилъ прямо оттуда напасть на Славянъ, которые также обитали въ Дакіи къ Востоку и Северу.

(57) Фредегарій Схоластикъ VIII вѣка (см. его Chron. гл. 48. стр. 135) разсказываетъ, что Авары, прѣѣжал па зиму къ Славянамъ, оскорбили цѣломудріе ихъ женъ и дочерей; брали съ народа шагосшую дань и всячески его угнетали (см. ниже, страница 45). Гебгарди пишетъ, что Авары презирали Славянъ за ихъ хлѣбопашество и называли буйволами (у Фредегарія *bifulsus*, но въ другомъ смыслѣ): имя, которое донынѣ считается оскорбительнейшемъ бранью въ земляхъ Славянскихъ (см. Gesch. der Wenden, Т. I. стр. 95).

Греческій Полководецъ, узнавъ ошъ переметчика, когда и гдѣ Славяне хотятъ сдѣлать нападеніе, взялъ мѣры для лучшей обороны (Memor. popul. II, 72).

(58) Феофилактъ, Анастасіемъ и Феофаномъ (см. Memoriae populorum, Т. II, 53 — 54, въ описаніи 590 году).

(59) См. Геркена Versuch in der Gesch. der Slaven, § 11, 12, и Фредегарія въ Дюшен. собраніи Франкскихъ лѣтописей, гл. 48. Фредегарій говоритъ объ немъ: *negotians, natione Francus*; но сочинитель Хроники de conversione Bajoariorum, жившій въ половинѣ IX вѣка, называетъ его Славникомъ: *quidam Slavus, Samo nomine*. Г. Пельцель (въ Abhandl. einer Privatgesell. in Böh. Т. I, стр. 226) доказываетъ, что Фредегарій употреблялъ имя *negotians* въ смыслѣ воина, а не купца.

(60) Константинъ въ книгѣ своей о *Правленіи* говоритъ, что Славяне пришли въ Далмацию изъ Великой или Бѣлой Хроватии и Великой или Бѣлой Сервії — то есть, по мнѣнію лучшихъ Испорниковъ (Гезазія, Бандури, Гаштерера, Геркева), съ береговъ Эльбы, Моравы и Вислы, гдѣ жили прежде Сербы или Сорабы, и Хорваты или нынѣшніе Кроаты. Сіе слу-

чилося во время Ираклия, кошорый царствовалъ отъ 610 до 641 года. — Тогда же, или скоро послѣ, Славяне заняли Крайнъ, Каринтию, Спирю, Фриуль (см. Герк. *Vetus* и проч. сир. 49.)

(61) Шварцнеръ замѣчаетъ, что Византійскіе Историки не объявляютъ времени, въ которое Славяне поселились на южной сторонѣ Дунала. Они за-владѣли Немопонесомъ при Константинѣ Копронимѣ въ 746 году (Memor. popul. II, 78). Слѣды ихъ сохранились въ Морѣ: *нагальники* донынѣ именуются тамъ *Воеводами*. Штабріацъ счишаєшь Майноповъ постом-зами Славянскаго народа (см. его *Путешествіе*, Т. I). — 5000 Славянъ удалились въ 665 году съ Абдерахманомъ, Кияземъ Сарапинскимъ, въ Сирю. Юспинианъ II въ 688 году отправилъ многихъ Славянъ изъ Фракіи за Геллеспонитъ въ Оисиціумъ; 30,000 изъ нихъ сопроводили Легіонъ его шлохрзинцевъ, кошорыхъ онъ считалъ нелобъдимыми. Чрезъ 70 лѣтъ послѣ того 208,000 Славянъ перенесли за Черное море, въ Виению, и на берегахъ Артана основали свои жилища. Memor. populorum, T. II.

(62) Одинъ изъ нихъ занималъ въ длину 50 верстъ. Въ горахъ Кавказскихъ, между Грузіею и Черкесами, донынѣ живетъ народъ Аварскій, говорить особеннымъ языкомъ и повинуясь разнымъ маленьkimъ Князьякамъ. Главный изъ сихъ Князей, Усмей-Аваръ, въ 1727 году прѣѣжалъ въ спанъ къ Русскимъ, и сказалъ, что «славные дѣла ихъ возбудили въ немъ любопытство видѣть такихъ Героевъ; что одинъ изъ его предковъ, изгнанный изъ опечества, помощію Россіяниъ былъ снова возведенъ на Княжескую степень свою, и что онъ хранитъ еще грамоту, данную Русскимъ Государемъ сему предку». Начальникъ войска желалъ видѣть сию грамоту: вышло, что она Татарская и подписана славнымъ Баптыемъ, завоевателемъ Россіи въ XIII вѣкѣ (см. въ Миллер. *Sammlung Russ. Geschichte* извѣснія нашего Аршиллерійскаго Полковника Герберга). — Авары Кавказскіе могущъ быть оспапкомъ шѣхъ древнихъ, испинныхъ Аваровъ, кошорыхъ побѣ-

дили Турки Альшайскіе, и которыхъ именемъ называлася Огоры, т. е. Лжеавары.

(63). См. Memor. popul. II. 501 — 510.

(64) Несторъ (стр. 6 и 10) говорить, что Славяне изгнали изъ Болгарии *Bulgariam*, а изъ Венгерии *Voloхiam*: «придоша Угры Бѣли и наслѣдника землю Словенску, прогнавше Волохи, иже бѣша прѣлан землю Словенску» — то есть, Венгрию, гдѣ Угры или Венгры въ концѣ IX вѣка дѣйствительство нашли *Voloховъ*, во вѣвѣтию Лѣтописца Венгерского (Anonymi Hist. Dicunt Hung. гл. XXIV, XXVI, XLIV). Болгары и Волохи весьма различны: первые суть Турки (см. выше, примѣч. 41), а впорые оспашокъ древнихъ Гептовъ или Фраковъ (см. Тунмана Über die Gesch. der Wlachen, стр. 323), смѣщенныхъ въ Дакія съ Римскими поселенцами (см. выше примѣч. 17). Анна Комнина пишетъ, что въ проспорѣчіи назывались Волохами Болгары, которые вели жизнь пастырскую или кочевую (Memor. popul. II, 670). Лѣтописець Никифора Хоніапскій и новѣйшіе иногда разумѣли Болгаровъ подъ именемъ Волоховъ (Memor. popul. II, 673, 678, 686). Такъ Рубруквистъ, путешесственникъ XIII вѣка, говоритъ: Bulgares . . . qui sont au-dela du Danube près de Constantinople, qu'on apelle Flac (см. въ Бержерон. Voyages en Asie, стр. 47). И въ Татарской Исторіи Абульгази Хана (стр. 45) Болгары имѣвали Влахами.

Именемъ Волошской земли (у Нѣмцевъ *Walschland*) наши предки означали всегда Италью: *Włoch* на Польскомъ языке Итальянецъ. Несторъ говоритъ (стр. 5): «по сему же морю сѣдяще (Варяги) къ Западу до земли Аеллискія и до Волоискія:» здѣсь разумѣется Италия. Славяне называли пынѣвшихъ жителей Дакіи Волохами по сходству ихъ языка съ Итальянскимъ, и для того, что Волохи сами себя, отчасти справедливо, называли Румунье или Римлянами. Уже во время Кинизма они считались переселенцами Итальянскими (Memor. popul. II, 901). Половина ихъ языка состояла изъ Лаппскихъ словъ (см. Тунман. Über die Gesch.

der Wlachen. спр. 339). — Въ какое время, буде сказание Несшора справедливо, они пришли въ Венгрию и вытѣснили оттуда Славянъ? въроятно въ VII или въ VIII вѣкѣ, когда сила Аваровъ ослабѣла.

Несшоръ утверждаетъ, чио въ исчислениіи семидесяти-двухъ народовъ подъ именемъ Нориковъ разумѣются Славяне. Сии Норики сдѣмались извѣстны во времѧ Римлянъ, и жили въ Австріи, Сシリи, Каринтии, Крайнѣ (см. Маннерп. Geograph. der Griechen und Römer, III, 616), гдѣ въ Несшорово время уже обищали Славяне; попому онъ не различаетъ ихъ. Но древніе Норики считаются Кельтами или Галлами.

(65) *Неста* спр. 7, 8. Впрочемъ люди знающіе сомнѣваются въ испинѣ сего Андреева путешесствія, и самъ Несшоръ пишетъ о томъ единственно по слуху и народнымъ разсказамъ. См. Баиров. Origines Russicae, (въ Комменп. нашей Академіи Т. VIII, спр. 390 и слѣд.) и Магнолиша Платона (*Церк. Ист.* I, 12).

Несшоръ при семъ случаѣ описываетъ Славянскія бани такимъ образомъ: «Приде (Св. Апостолъ) въ Словені, и видѣ шу люди сущая, како есть обычай имъ, и како ся мыють, хвощущая, и дивися... И врече (въ Римѣ): видѣхъ (у Славянъ) бани древenia, и пережгутъ каменіе румяно, и розволокушая нази и облыються *жасомъ* усніянымъ (щелокомъ) и возмущъна ся прутые младое, бьються сами, шольма, едаватъзупъ ли живы, и облыютъ водою студеною, и тако оживутъ. И шо творяще по вся дні, не мучими никимъ же, но сами ся мучатъ; а шо творяще *можене*, а пе *можене*.» Лѣтописецъ хотѣть представить сіе древніе обыкновеніе египетскимъ.

(66) Симъ опровергается мнѣніе Тунмана и Гаппера, полагавшихъ, что Славяне Дунайскіе, упѣсненіе Кувратомъ и сыномъ его, населили Россію въ VII вѣкѣ. — Болгары завладѣли Мизіею около 678 года (Мемор. рорул. II, 506 — 509). Аспарухъ нашель тамъ Славянъ, именуемыхъ *Славраны*: въ Россіи также увидимъ *Славраны*. Но бытъ можетъ, чио они перешли не въ Болгарію къ намъ, а опѣ нась въ Болгарію.

(67) См. выше стр. 6. Въроѧнио, чио древнія жилища Славянъ простирались отъ береговъ Пруссіи на Востокъ до Губерніи Смоленской и Черниговской. Гаптнеръ счишаешь Андрофаговъ и Меланхленовъ Германцами.

(68) См. выше, примѣч. 17; см. также Маннерик. *Res Traianі ad Danubium gestae*.

Въ *Словѣ о полку Игоревѣ*, произведениї XII вѣка (см. сей *Исторій* Т. III, въ статьѣ о нашей древней Словесности), говорится о *спахахъ* (а не *влахахъ*, какъ напечатано) Траиновыхъ, о *тропѣ* его и *седмои спахѣ Тралноволиѣ*, въ которомъ жилъ Помоцкій Князь Всеславъ (см. въ сей напечатанной новѣсти стр. 6, 14, 35). Извѣстна *via Traiani*, изображенная на Сульцеровой карте Валахіи: сія *via*, дорога или *тропа*, простирается отъ береговъ Дуная до Прута, и дальше на Востокъ по южной Россіи (см. Канпемир. *Описание Молдавіи и Бишина*. *Erdbeschreibung II*, 770). Отъ времень Траяна до Всеслава прошло гораздо болѣе *семи вѣковъ*; но 1) лѣпосчислѣніе народа безграмотнаго не бываетъ вѣрно; 2) сочинитель *Слова о полку Игоревѣ* могъ также ошибиться, или 3) число *семь* есть описка.

Объ Александрѣ Великомъ см. ниже примѣч. 69, также Станислав. Сарницк. *Annales Polonogiti*, кн. II, стр. 877.— Мавра Урбина *Исторіографію народов Славянскаго*, стр. 3, и Ранча Исторію разныихъ Славянскихъ народостъ, изд. Вѣнскаго I, 3. Феофилактъ, Византий. Историкъ, именно называетъ Славянъ древними Гептами (Метог. рориц. II, 3); но не для того ли, что первые заняли въ VI вѣкѣ отечество послѣднихъ? Самые древніе жители Иланрика и Панноніи могли быть единоплеменники Славянъ. Думають, что древнѣйшіе обитатели Венгрии гордо называли себя *Паннами*, т. е. господами, и что отъ сего родилось имя Панноніи. Нѣмецкій Писатель Антонъ замѣчаетъ, что имена древніхъ Иллірическихъ городовъ кажутся Славянскими. Впрочемъ османемся при одномъ чаяніи.

(69) «И отъ шѣхъ Лаховъ прозвашає Поминѣ», въ

проч. Добнеръ (см. его *Annales Bohemorum* или примѣчанія на Гатека) думалъ, что имя Поляковъ соспашено изъ предлога *по* и народнаго имени *Влахи*!

«Была бо два брата въ Ляскѣхъ, Радимъ, а другой Вялко,» и проч. Тапищевъ думаетъ, что Несторъ ошибся, и что Вяшчи были не Славяне, а Сарматы! Миллеръ въ своей рѣчи о происхожденіи народа Россійскаго повторяетъ слова Тапищева, вопреки Нестору, который собственными глазами видѣлъ Вяшичей!

Лѣшописецъ не означаетъ области Древлянъ: но мы увидимъ далѣе въ Российской Исторіи, что Овручъ и Коростень имъ принадлежали: первый если и нынѣ городъ, а второй мѣстечко Искоростнь въ Волынской Губерніи на рѣкѣ Ушѣ, между Овручемъ и Житомиромъ.

«Бужане, зане сѣдоша по Бугу, послѣ же Волынцы (ш. е. они послѣ назывались Волынцами, отъ стариннаго города Волыни, бывшаго между Владимиромъ и Львовомъ: см. *Воскресенск. Лѣт. I*, 21). — «Дулѣби живяха по Бугу, гдѣ нынѣ Волынляне.» Слѣдствіенно подъ общимъ именемъ Волынцевъ разумѣлись въ новѣйшія времена и Бужане и Дулѣбы. Дулѣбы жили въ западной Волынії.

«Лупичи (въ пѣкопорыхъ спискахъ *Луцици*) и Тивирцы сѣдаху по Днѣспру, присѣдаху къ Душаеви; бѣ множесшво ихъ; сѣдаху бо по Днѣспру оли до зморя. Супѣ грады ихъ и до сего днѣ; да шо ся зваху юпѣ Грекъ Великая Скиѳъ.» Слѣдствіенно часѣшь Молдавіи и Бессарабія принадлежали Россійскимъ Славянамъ. Нынѣшній Акерманъ назывался Бѣлагородомъ (*Воскресенск. Лѣт. I*, 20) и едва ли не ими основанъ. Опѣт Ушицы до успѣя Днѣспра могли издревле существовать и другіе города Княжества Галицкаго. Опѣт имени Лупичей и Тивирцевъ, кажется названы шамъ города Лупловиска и Тирава. Древнѣйшіе Польськіе Историки, Кадлубекъ или Кадлубко (*Hist. Polon. спр. 787*) и Богуфаль упоминаютъ о Тивіанцахъ, обиравшихъ близъ Днѣспра и служившихъ Князю Галицкому въ

XII вѣкъ. — Гельмольдъ, Испорикъ XII вѣка, пишетъ о Бальпійскихъ Славянахъ Лупичахъ (*Chron. Slav.* гл. II), бывшихъ, какъ вѣроятно, одного племени съ Днѣстровскими.

Неспорѣ говорить о Бѣлыхъ Хорватахъ и Хорушахъ (въ печати, спр. 6), называя иногда и шѣхъ и другихъ прослою Хорватии. Одни были вынѣшие Кроаты, побѣдившіе Болгарскаго Царя Симеона въ 942 году (см. печати, *Нест.* спр. 36, и *Мемор. рориц.* II, 602); а Бѣлыe Хорваты обитали гораздо ближе въ Кіеву — думаю, въ окрестностяхъ горъ Карпатскихъ, сдва ли не отъ ихъ имени такъ названныхъ — служили Олегу, воевали противъ Владимира, и съ X вѣка упратили сіе имя въ нашихъ лѣтописяхъ. Константинъ Багрянородный (*de Adm. Imp.* гл. 30 и 31) пишетъ также о двухъ Хроватіяхъ: Иллірической и *Бѣлой* или *Великой*, за *Turię*, т. е. Венгрию, и *ultra Bagibaream* (см. Аисельца Бандури *Animadversiones in libr. Constant. de Adm. Imp.* спр. 91—92, и въ началѣ сихъ примѣчаній Деличевы *Adnotations in tab. geograph. ex. Const. Porgrh.*) По мнѣнію Бандури *Bagibareal* есть испорченное Славянское имя Карпатскихъ или бѣлыхъ горъ, какъ ихъ кѣшорые называютъ (а Добнеръ утверждаетъ, что Константина разумѣетъ здѣсь Баварію). Деличъ говоритъ: *quod ad Chrobatiam Albam attinet, ad montes Chrobatis porrectam fuisse Constantinus ait; hos autem non diversos esse ab iis, quos Crapack populares vocant, nominum affinitas svadet.* Наружинъ имѣваетъ Червенную Россію или Галичину *Chrobacya Czerwona*, см. его *Hist. Narodu Polsk.* II, 53, 55, 69).

Тапиццевъ опять полкуетъ намъ, что Кривинчи были не Славяне, а Сарматы: «ибо слово *Криве* на Сарматскомъ языке значитъ *верхосье рѣкъ*.» А мы опять повѣримъ Неспорѣ, кошорый причисляетъ ихъ къ Славянамъ. Липовцы всю Россію называли *Krewen-Zemla*, или землю Кривинчей.

«Рѣчки ради, яже печеять въ Двину, именемъ Помлоша, отъ сея прозващася Подочаще. *Она малъ же*

«Кривичи, съдягъ наверхъ Волги», и проч. См. ниже, примѣчаніе 71.

Одни Ильменскіе поселенцы, какъ говорилъ Несторъ, назывались въ Россіи Славянами; всѣ другіе принадли имѣнамъ особынныя, или отъ мѣстоположенія, или отъ вождей своихъ. Ильмень въ древнѣйшихъ рукописяхъ называется вѣдѣмъ Ильмеромъ. — Я говорю, что Новгородъ основанъ послѣ Рождества Христова; ибо его не было еще въ то время, какъ Святый Андрей, по словамъ Несторовыемъ, приходилъ въ Россію.

Древній Лѣтописецъ не сообщаешь никакихъ обстоятельствъ извѣсій о построеніи Новагорода: за то находимъ ихъ множествомъ въ сказкахъ, сочиненныхъ большою частию въ XVII вѣкѣ, и внесенныхъ невѣждами въ лѣтописи. Предлагаемъ здѣсь выписку изъ оныхъ для любопытныхъ: «Отъ правнука Гафевова, Скиое, произошли пять братьевъ и Князей, именемъ Словенъ, Русь (самые мудрѣйшіе и храбрые), Болгаръ, Команъ, Истеръ. Всѣ они жили на берегахъ Чернаго моря до 3099 году отъ С. М. Въ сіе время Словенъ и Русь съ народомъ своимъ оставили древнюю отчизну, ходили по странамъ вселенныя, обозрѣвали безмолвныя пустыни какъ орлы быстрокрылые, 14 лѣть искали селенія по сердцу своему, и наконецъ пришли къ озеру Мойску. Тогда волхвованіе открыло имъ, что сіе мѣсто должно быть для нихъ опечеенствомъ. Словенъ поселился на рѣкѣ Мутной, основавъ городъ Словенскъ, и назвалъ рѣку Мутную Волховомъ, пропложъ ея Волховцемъ (но именіи двухъ съшовей), другую рѣку Шелоню, а озеро Ильмеромъ (въ честь жены своей Шелоны и сестры Ильмеры). Старший сынъ былъ лютый гардѣй, принималъ въ себя образъ крокодила, скрывался въ рѣкѣ, погибалъ и пожиралъ людей, не хотѣвшихъ обожать его какъ Перуна. Онъ жилъ въ особенномъ городкѣ на берегу рѣки, въ штомъ мѣстѣ, которое именуется Перышью, и гдѣ язычники покланялись ему. Они утверждали, что Волховъ сливъ въ бои, но мы знаемъ, что бѣсы ушо-

»пали его въ рѣкѣ. Надъ прѣломъ злаго чародѣя, вол-
ьнами изверженномъ въ Перыни, злочестивые опира-
»вили призму и насыпали высокую могилу, которая
»черезъ шрн дни провалилась въ адъ. — Именемъ *Вол-ховицевъ* сына, *Жилотуга*, названъ особенный прошокъ
»рѣки Волхова, гдѣ онъ утонулъ младенцемъ (подобно
»какъ Тиберинъ въ Тибрѣ; см. Т. Ливія, кн. I, опідъ.
3.) — «Братъ Словеновъ, Русъ, основалъ городъ *Русу*
»и назвалъ шамъ одну рѣку *Порусью*, а другую *Поли-
»стою*: шакъ именовались жена и дочь его. Попомки
»сихъ Князей обогащились и прославились мечемъ сво-
»имъ, завладѣвъ всѣми странами съверными до Ледо-
»вншаго моря и желтовидныхъ водъ, и за высокими
»каменными горами въ земль *Сибири* до Оби, и до устья
»бл.ловидныхъ листныхъ рѣки, гдѣ ловятъ звѣря *дынку*
»или соболя. Они воевали въ Египтѣ, въ странахъ
»Иерусалимскихъ, Еллинскихъ и варварскихъ; мѣръ
»ужасался ихъ храбрости. Во время Александра Маке-
»донскаго управили Словенами и Руссами Князья Ве-
»ликосанъ, Асанъ, Авехасанъ. Сей Монархъ, слыша
»всеобщія жалобы на ихъ жестокость, сказалъ: *что*
»*никъ дѣлать съ такими сыродѣдцами, обитающими за*
»*морями и горами непроходимыми?* и написалъ къ нимъ,
»слово въ слово, грамоту слѣдующую: *Александъ, Царь*
»*Царемъ, бичъ Божій и предвitezный Рыцарь, всего*
»*свѣта обладатель, и всѣхъ ижес подъ солнцемъ гроз-*
»*ный повелитель, покорнымъ мнъ милосердый поща-*
»*дитель, а не покорнымъ же простный месть, въ дале-*
»*комъ, разстоятельномъ и незнаемомъ приль вашемъ*
»*отъ нашего величества честь и миръ и милость вамъ,*
»*храброродому народу, славнѣшиему полну Русскому,*
»*Княземъ и Владыколъ отъ моря Варяжскаго до Хва-*
»*лижскаго, великотѣпныи и мыльнии моии, храбро-*
»*му Великосану, мудрому Асану, счастному Авеха-*
»*сану, вѣти радоватися, яко самъхъ васъ любезно цѣ-*лую, яко други по сердцу моему. Да будете данницѣ*
»*знателю величеству, и сю милю даю вашему вла-*дьмѣстству: аще каковыи народъ вселится во предѣлахъ*
»*вашихъ, да будетъ вамъ и по васъ сродству вашему***

подлежимъ вѣнцѣ работѣ; во иные же предѣлы
вотиходь да не вступить нога ваша. Сие же досто-
вѣральное дѣло затвержено съ нами листомъ и
подписано мою Царскою высокодержавною десницей,
и занесано нашими перстиками, и дано вашей че-
стности на вѣки безконечные. Аминь. Писана же сія
наша грамота въ именіи нашего предѣла, въ величіи
Александрии, мѣсяца Припуса, начальничьаго дна.—
Принесъ Царскія руки златопернатыми буквами: мзгъ
Александъ, сынъ великихъ боговъ Юпитера и Венусы
изъ небъ, земскихъ же Филиппа и Олимпіады, въгсо-
въдѣржавною правицею утвердихъ вѣнцо. — Словено-
Русскіе Князья, обрадованные шакою грамотою, по-
звѣсили опую въ своеи каницѣ съ правой стороны
идола Велеса, уставивъ великий праздникъ въ день ея
изнанія. — Чрезъ нѣсколько времени возсіали опу
ихъ рода два Князя, Ляхъ (Мамохъ, Лалохъ) и Лахернъ,
воевали землю Греческую и ходили подъ самый
царствующій градъ: шамъ, близъ моря, положилъ
свою голову Князь Лахернъ (гдѣ созданъ быль послѣ
монастырь Влахернскій), а товарищъ его съ глубо-
кою язвою и съ великимъ богатствомъ возвратился
въ отечество. Въ Сидеръхъ же (*σιδηρα?*), или въ
Мордѣ и въ Черемисѣ, княжили тогда два брата,
Діолель и Дидиладъ, копорыхъ язычники назвали бо-
гами, за то, что они научили ихъ пчеловодству. —
Скоро ужасный моръ опустошилъ землю Словенскую;
останьные жители ушли на Бѣлыя воды, т. е. Бѣ-
лоозеро, или Тинное озеро, и назвалися Весью; дру-
гіе на Дупай, къ древнимъ племенамъ своимъ; а въ
Словенскѣ и въ Русѣ обитали тогда одни дикие звѣ-
ри. Чрезъ нѣкошорое время Словени возвратились
на берега Волхова и привели съ собою многихъ Ски-
ѳовъ и Болгаровъ; но скоро Бѣлыя Угры явились въ
странѣ ихъ и разорили ону до кощца. Тогда Словени
Черноморскіе, услышавъ о запустѣніи отечественной
земли своей, опять пришли туда съ безчисленнымъ
множествомъ Скиѳовъ, Болгаровъ и всякихъ инопле-
мениковъ, построили новый городъ, опу спараго

Словенска визъ по Волхову съ верспу, дали ему нынѣ **Великаго Новаграда**, и выбрали спартышину, Князя Госпомысла. Нѣкоторые изъ нихъ назвались Полянами, другіе Кривичами, Сербами, Болгарами, Чудью, «Мерею, Лопью, Мордею; земля Русская, свергнувъ съ себѣ ризы столовиц, облеклась въ порфиру и виссонъ, уже не вдовствует, но опочивала много лѣтъ съ мудрымъ Госпомысломъ. Сынъ его, Словенъ, построилъ въ земль Чудской городъ Словенскъ, и черезъ 3 года умеръ; а внукъ Госпомысловъ, Изборъ, перенеменовалъ сей городъ *Изборскимъ*, и также въ юности умеръ отъ жала зміи.» Конецъ басни увидимъ въ другомъ мѣстѣ (ниже, примѣч. 88).

(70) Лѣтописецъ сказываетъ единственно, что Киевъ, подобно Новугороду, еще не существовалъ во время Апостола Андрея (въ печатн. спр. 8). Стриковскій пишетъ (ки. XI, гл. 3), что Киевъ основанъ, по мнѣнию нѣкоторыхъ, въ 450 году.—Псковская Синодальная Лѣтопись XV или XVI вѣка (копия хранится въ Патріаршій Бібліотекѣ подъ №. 349, л. 154) начинается такъ: «Въ лѣто 6362 бѣаху три браты, единому имя Кый... И поставили градъ на горѣ и нарекоша имя граду тому Кьевъ; и такъ онь будоша бы основати уже въ 854 году? Но сіе новое извѣсіе не достойно уваженія (см. еще повѣйшую сказку о строителяхъ Кіева, ниже, примѣч. 276.)—Шлецерь думаетъ (его Nest. I, 103), что древнее сказаніе о Кіш-перевозчикѣ, опровергаемое нашимъ Лѣтописцемъ, могло быть справедливо. »Франкфуртъ (говорить онъ), Оксенфуртъ и другіе города произошли такимъ же образомъ.« Князь Щербатовъ, оставилъ дословѣрного Нестора и послѣдовавъ Автору Синописа, выписанаго большою частию изъ Польскихъ Историковъ, Длутоша и Спrikовскаго, сказываетъ, что Щекъ создалъ городъ Щековицу, Хориъ Хоривицу или Вышегородъ, а сестра ихъ городъ Лыбедь: совершившая басни! такихъ городовъ не бывало въ Россіи; и Несторъ пишетъ, что всѣ три браты построили одинъ Кіевъ. — На рѣчкѣ Лыбеди спошь загородный домъ

нынѣшнаго Кіевскаго Митрополита. Сіе мѣсто называется Шулявино, окружено рощею и служило гуляньемъ для Кіевскихъ жителей. См. *Извѣстіе о погребеніяхъ въ Кіевѣ Князьлѣхъ* спр. 1.

(71) Мидлеръ въ рѣчи своей *о происхождении народовъ Россійскаго* несправедливо говоритьъ, что Лѣпописецъ нашъ нигдѣ не именуетъ основателей Полоцка Кривичами. См. Нестор. (спр. 17). Въ *Архангел. Лѣт.*, спр. 4, названъ Изборскъ городомъ Кривичей. Константииъ Батрягородный пишетъ о Новѣгородѣ, Кіевѣ, Вышегородѣ, Смоленскѣ, Любечѣ, называя ихъ *Нескіерадѣ, Кіоза, Вудеградѣ, Чернигова, Милинска, Телѣца*, (Мемор. рорул. II, 981). Кіевъ, по его извѣстію, назывался еще *Самватасъ*. — Арабскій Географъ XV вѣка, Бакуй (донышъ еще не изданный), упоминаетъ о знаменитомъ Славянскомъ городѣ Maschphat близъ Козарін: см. Шпренгеля Gesch. der Entdeck. 160.

(72) О Переславскомъ озерѣ см. *Никон. Лѣт.* II, 229. Оно же называется и Плещеево. Иориандъ упоминаетъ о Мери (Merens) въ числѣ народовъ, покоренныхъ въ IV вѣкѣ Готскимъ Царемъ Эрманариемъ (см. выше, примѣч. 26).

Народъ Мурома, обитавший въ Губерніи Нижегородской, оставилъ памятникъ бытія своего въ названій города Мурома.

Несторъ не означаетъ земли Черемисской, Мещерской, Мордовской, а только полагаетъ оную въ соединеніи съ Мерею. Мордва (Иориандовы Mordens: см. выше, примѣч. 26) и Черемисы издревле жили тамъ, гдѣ живутъ и нынѣ: первые наиболѣе въ Нижегородской, Пензенской, Тамбовской, Симбирской Губерніяхъ; а вторые опь Нижнаго на лѣвомъ берегу Волги. Въ языкоислѣдіи среднихъ временъ именованы Мещерою именныи Мокшане, родъ Мордвы, обитающіе въ Пензенской и Тамбовской Губерніяхъ, въ окрестностяхъ реки Мокши. Мещеряками называются нынѣ Ташары, живущіе въ земль Башкирской. Они тамъ пришельцы, равно какъ и Тешпери, смысь Черемисовъ съ Волжскими Чувашами и Ташарами, кошорые въ

XVI вѣкѣ, по разрушениі Казанскаго Царства, ушли къ Башкирцамъ.

Ливонія получила имя свое отъ Ливи, народа Финскаго, кошораго остатки существующіе нынѣ въ Курляндіи, отъ Ангерскаго озера и береговъ залива Рижскаго до Вицавской гравиціи, а въ Ливоніи (или Губерніи Лиѳляндской) въ окрестностяхъ рѣки Салиса и на островѣ Рунѣ. Другіе Ливонцы принадлежатъ къ народу Лаппіншней (о кошоромъ см. ниже, примѣч. 79). Имя Ливонія сдѣжалось извѣстно въ Европѣ не прежде XII вѣка.

Не только Эстонцы или Эспланцы, Вожае или Водь (въ вынѣшней Ораніепбаумской округѣ: см. *Новгород. Лѣт. 134*) Ижорцы, Корелы, но и первобытные жители Двинской земли или Архангельской Губерніи, Вологодской, Вяшской, Пермской, назывались Чудью (см. *Двинск. Лѣт. въ Трудахъ Вольн. Росс. Собрания, Журналъ Путешествія Рычкова и Казанск. Исторію*, спр. 190 и слѣд.). Миллеръ въ *Рѣчи* своей о проишествіи народа Россійскаго пишетъ: «Чудь апаменуешь на Русскомъ языке вообще первобытныхъ жителей» (не лучше ли сказать: *иноплеменниковъ, или чуждыхъ?*): Иорнандъ называетъ Чудь Thuidos. Баерь думаль, что имя Скины и Чудь есуть одно.

Имя города Нарвы происходитъ отъ имени *Наровской* Чуди.

Что Емью именовались Финляндцы, ясно доказывается слѣдующими извѣстіями *Лѣтописца Новгородскаго*: 1) Сумь (*Суома*, какъ называющіе себя Финляндцы) и Емъ въ 1240 году шли на корабляхъ противъ Новагорода и хотѣли взять *Ладогу*: Князь Александръ встрѣтилъ ихъ (спр. 132, 133) на рѣкѣ Невѣ: слѣдствіенно они жили не между Ладожскимъ озеромъ и Бѣльмъ моремъ. 2) Въ 1256 году Князь Александръшелъ изъ Новагорода на Емъ *чрезъ Копорье* (спр. 142, 143). 3) Въ 1228 году Ладожане побили Емы: непріятель, спасаясь отъ нихъ бѣгствомъ въ землю свою, былъ испребленъ Ижорцами и Корелами (спр. 107): пускай Читатель взглянетъ на карту.

4) Въ 1311 году Новогородцы воевали за моремъ, т. е. за Финскимъ заливомъ, съ Емью, и взявъ ихъ городъ *Vanai*, на Черной рекѣ, опустошили берега Перны: мы знаемъ въ Новой Финляндіи *Vanakale* и *Perno* (см. Бишингъ *Erdbeschr.*). Черною именуется въ нашихъ лѣтописяхъ одна изъ рекъ западно-южной Финляндіи. — Мѣстечко *Eloie* въ Таваотландскомъ Графстве также напоминаетъ *Емь*. Одинъ изъ именъ прилагательныхъ, знакомый съ сими местами, пишетъ ко мнѣ, что шамониате жители донышъ называютъ себя *Hämi*, и что имъ Суми или Суоми въ особенности принадлежитъ Финляндцамъ съвернымъ. — Адамъ Бременскій, по мнѣнію Шлецера, называетъ Ямъ *Lami*, а Гервазій, Авторъ XIII вѣка, *Jartmenses*, вместо *Jatmenses* — Йориандъ именуетъ Весь *Vas*.

Въ *Болгаріи*. Чертежъ, испр. 317: «Тѣ города по Сысев и по Сосев Югра.» Герберштейнъ на карте Россіи полагаетъ Югру за Обью. Досель Испорики и Географы наши искали Югры на берегахъ Юга, Двины и Мезени. Описание покоя Ростовъ въ землю Югорскую около 1500 года ясно доказываетъ, что она была за Каменнымъ Поясомъ: см. сей *Исторіи* Т. VI. Имя Оспяковъ есть новое Гашарское: покоривъ часть Сибири въ XIII вѣкѣ, Татары называли ея жителей *Ушталаки*, т. е. *жильи джильи*. Богуличи именующиеся Березовыхъ Оспяковъ *Мансалы*: такъ называются и сами Богуличи.

Теперь ишь особенного народа Печорского. Думаю, что такъ назывались пыгѣшніе Зыряне (см. ниже), а не Самоѣды; которые въ Неспоровой лѣтописи именуются особенно Самоѧдью.

(73) Мера, Мурома, Весь, уже давно обратились въ Россіанъ. Зыряне или Сырлые живутъ на берегахъ Вымы, Сычолы, Вычегды, и проч. Они принадлежали къ многочисленному народу Пермскому и говорящъ съ ними почили однимъ языкомъ, которого словарь напечатанъ Маллеромъ въ его *Sammlung Russ. Gesch.* Большій, не зная этого, пишетъ, что Зыряне упразднили языки свой и сдѣлались совершенію Русскими:

см: *Путешествія Академика Лопехина*, Т. IV, стр. 404, Фишер. *Сибирь Исторію* стр. 81, 99, 100, и въ Миллер. *Sammlung Russ. Gesch.* словари Чудскихъ народовъ. Живъ долго между Ташарами, Чуваши занимствовали отъ нихъ множества словъ; во языкъ ихъ въ основаціи есть шакже Финскій.

(74) См. Тацит. *Descript. Germaniae* гл. 46. Венеды, по его словамъ, граничили къ Сѣверу съ Финнами. Гашпереръ думаетъ, что Финны жили когда въ Курляндіи, Самогітіи, съверной Литвѣ (см. *Somitatem Nationes Societ. Gottingensis*, Т. XII, стр. 208, и Шлецер. *Nord. Gesch.* стр. 438). Можетъ быть, въ глубокой древности Финны пришли изъ съверной Азіи въ Европу; но крайней мѣрѣ языкъ ихъ весьма отличенъ отъ корейскаго языковъ Европейскихъ, а сходенъ съ Венгерскимъ (см. D. Gyarmathi *Affinit. ling. Hungaricae cum linguis Fennicae originis*). Баерь (а за нимъ и Гашпереръ) производятъ Финновъ отъ Скиесовъ; но образъ жизни первыхъ, описанный Тацитомъ, не представляєшъ ничего Скиесского.

(75) Кажется, пѣть сомнія, что Весь, Мера и Мурома были единоплеменники Морды и другихъ Финскихъ народовъ.

(76) Такъ означаетъ Торей границы ея (*Historia Norveg.* Т. I, стр. 102, и Шлец. *Nord. Gesch.* 500.) Въ древнихъ Скандинавскихъ извѣстіяхъ Бѣлое море называется Гандвикъ (*Hist. Norveg.* I, 163). — Квентандія значитъ *женская земля*. Сіе имя заславило Адама Бременского баснословіи о съверныхъ Амазонкахъ (въ *Линдеброг.* издаціи стр. 59). — Финская чародѣйства подробно описываются въ съверныхъ сказкахъ (см. Шлецер. *Nord. Gesch.* стр. 437 и его *Nestor*, Ч. II, стр. 45; шакже Торе. *Nat. Norveg.* Т. II, стр. 165).

(77) Исландія, островъ пообитаемый до 874 года и въ сіе время населенный Норвежцами, не хонѣвими появилась Гаральду, первому Деспоту съверному, прославилась своими языческими, копориями служить главнымъ источникомъ для Скандинавскихъ Исто-

риковъ. Лучшій Исландскій Лѣтописецъ еесь Снорро или Снорри Стурлесонъ или Стурлусонъ, бывшій въ XIII вѣкѣ Лагианомъ острова, ꙗо еесь, блюститель законовъ. Отъ лѣтописей, доспойныхъ уваженія, надобно отынчать Исландскія *Саги*, или сказки, весьма недословѣрныя. Лейбницъ, Ире, Маллецъ, Шлегеръ, признаютъ ихъ болѣе романами, нежели Исторію, хотя Шперлингъ и самый ученый Брингъ другато мнѣнія, счиная Поэзію Скальдовъ историческою драгоценностью. Въ *Сагахъ*, какъ и во всѣхъ вародныхъ сказкахъ, еесь конечно исшинныя древнія преданія: шолько онѣ сочинены уже гораздо послѣ десятаго вѣка — и кло отынчить въ нихъ можъ отъ исшини?

(78) См. Отперово пушещесвіе въ Форсперовой *Geschichte der Entdeckungen in Norden.*

(79) Нѣть нужды спорить съ шѣми, которые производятъ Лапышей отъ Римлянъ, Македонянъ, Евреевъ, Сарациновъ и проч. Большая половина языка ихъ еесь Славянская (см. Тунмана *Uber Nordl. Völker*); во упомянемъ о мнѣніи ученаго Гашперера. Онь признаешь сей народъ Сарматами, говоря: «Ежели Финны «Скифы, а Славяне Дако-Гепты, шо не можно ли Лапышей произвести отъ Азіатскихъ Сарматовъ?» (см. его *Weltgeschichte*, стр. 737, особенно же *Commentationes Societ. Gottingensis*, T. XI и XII). Но кто доказалъ, что Финны Скифы, а Дако-Гепты Славяне? см. выше, примѣч. 68, 74. Иправы Лапышей, извѣсные намъ съ IX вѣка по описанію Вульфша-нову, не имѣли и не имѣютъ никакого сходства съ правами Сарматовъ. Вся Гашперерова система народовъ основана на словѣ *если!*

(80) De reb. Geticis, стр. 85. Сіе мнѣніе ученаго Тунмана кажетсѧ мнѣ вѣроятнымъ. Многіе Гошы и Славяне, бывши въ Дакіи, могли возвратиться къ Лапышамъ и сообщить имъ иѣкопория слова Лапишскія, находящіяся въ языке послѣднихъ. Сприковскій и Прешорій разсказываютъ, что Видувушъ, оскорблennyй междуусобiemъ народнымъ, говорилъ шакъ своимъ

»единоземцамъ : «Если бы вы имѣли хощя разумъ честь, что ссоры ваши давно бы прекрашились. Знаете, что врой повинулся одной маткѣ, и что она для каждой пчелы опредѣляетъ особенную работу, выгоняя живыхъ изъ улья. Воспользуйтесь симъ привѣромъ ; изберите Государя, и вручите ему судьбу вашу, да судить распри гражданинъ, отвращающъ убийства, злоупотребленіе силы, и печется о всеобщей безопасности ! — Народъ единодушно избралъ его въ Цари: ибо видути быть знаменитъ какъ въ своемъ отечествѣ, такъ и въ чужихъ земляхъ, умомъ и богатствомъ. Больше крошками наспасленіями, нежели спротоискию, онъ пріучилъ своихъ подданныхъ къ трудолюбію, земледѣлію, скотоводству.» — Вотъ народная сказка, которая можешь имѣть нѣкоторое историческое основаніе.

Леппіандію называлась южная часть Ливоніи, где жили Латыши (а не Ливы).

(81) Въ вышнемъ Нашангенѣ, где село Гросвалденъ.

(82) Несторъ: «И есть припча въ Руси и до сего вѣка: погибла аки Обри, ихъ же нѣсть племене; и наслѣдка.» Авары были известны Грекамъ гораздо раньше (Memor. popul. I, 642)...

(83) См. Memor. popul. III, 549 и слѣд. Нѣкоторые Арабскіе Писатели считаютъ Козаровъ за одинъ народъ съ Грузинами (см. Эрбелоп. Biblioth. Orient. подъ словомъ Khozar.). Тунманъ и Шлецерь думали, что Несторъ Бѣлыми Уграми называетъ также Козаровъ; однакожъ извѣстіе Несторово (стр. 10), что Бѣлые Угры завладѣли посль землею Славянскою (см. выше, примѣч. 64), можетъ относиться только къ дѣйствительнымъ Уграмъ: ибо Лѣтописецъ напѣ, какъ онъ сказалъ выше (стр. 6), означаетъ симъ именемъ Венгрию, или завоеванную. Греческіе Историки называютъ и Венгровъ и Козаровъ Турками (Memor. popul. III, 543, 607). Венгрия въ среднихъ вѣкахъ называлась Бѣлою : Alba Ungaria (см. Гебгарди Gesch. des R. Ungarn, I, 362, Пестскаго изданія 1802). —

Ташинцевъ и Болгарию несправедливо думали, что Козары и Хазары одинъ народъ (см. ниже примѣч. 441). — Монеей Хоренскій (*Hist. Arm.* кн. II, спр. 183) называетъ Козаровъ Хазирами, а нѣкоторые Византийцы Аказирами.

(84) Пепиръ Великий и храбреое войско его, взявшее Дербентъ, съ удивленіемъ видѣли оспашки сей спѣни, проведенной чрезъ горы и пустыни отъ Каспійскаго моря къ Чёрному. Князь Димитрій Кантемиръ, мужъ просвѣщенный и любопытный, описалъ ея развалины. «Въ долинахъ, говорилъ онъ, стоять еще множія башни съ воротами, похожія на башни Московскія. Спѣни въ толщину больше сажени; огромные камни, изъ коихъ она сдѣлана, безъ желѣза и безъ извести, сплошены весьма крѣпко» (см. Баера de шиго Caucasoe въ Комменп. Академіи Наукъ, Т. I, или въ его Ориас. спр. 94; см. также Эрбелюш. *Bibl. Orient.* подъ словомъ *Khozar*).

(85) Д'Анвиль пишетъ, что въ началѣ V вѣка Ташарскій Князь, именемъ Тулунъ или Турунъ, первый назывался Каганомъ или Ханомъ (см. его *Mémoire sur les peuples de la Dace*, въ Mém. de l'Acad. des Inscript. T. LII).

(86) См. *Voyage de Rubruquis*, въ Бержерон. изд. спр. 1. Кроме принадлежавшаго Греческимъ Императорамъ Херсона и юго-западной приморской области Дори, гдѣ жили 3000 зависимыхъ Готеевъ Христианской Вѣры, оспашокъ тѣль, которые въ IV вѣкѣ, при Эрманарихѣ, господствовали надъ всею восточною Европою. Сии малочисленные Готеи, вѣryые союзники Константинополя, славились храбростью и господствомъ, любили земледѣліе, жизнь сельскую и не терпѣли городовъ въ странѣ своей. Юстинианъ I, для ихъ защиты, оградилъ Дори, въ нѣкоторыхъ опасныхъ мѣстахъ, каменною спѣниою, (см. Прокоп. *de Aedif.* кн. III, гл. 7). Они уже въ концѣ IX вѣка были покорены Ханомъ Козарскимъ (см. *Memor. popul.* I, 245 и слѣд.).

Юстинианъ II, свергнувший съ престола Тиберіемъ,

учель къ Хашу Козаровъ и женился на его дочери, копорую онъ послѣ вѣчаль царскими вѣацемъ въ Константинополь. Филиппикъ также искалъ ихъ защиты. Императоръ Левъ женился сына своего, Константина, на Княжнѣ Козарской; отъ сего брака родился сынъ, копорый царствовалъ подъ именемъ Льва Козарского.

(87) См. *Абульфеду*, въ Бишин. Historisch. Magaz. T. V. стр. 365, Эрбелоти. Bibliothéque Orientale при имени Khosar, Balangiar, и Oriental Geography of Elbn Haukal, an Arabian Traveller of the tenth century, translated by W. Ouseley стр. 185 — 190. Переведемъ здѣсь любопытныя извѣсія о Козарахъ изъ послѣдней книги и Chréstomathie Arabe, par Silvestre de Sacy:

»Каганъ (или Хаканъ) долженъ бысть всегда Императорскаго поколѣнія. Только въ важнѣйшихъ дѣлахъ можно имѣть къ нему деспунгъ; входящіе падаюнть ницъ и ждутъ, чтобы они велѣли имъ встать, приближншися и говорить. Никто не смѣетъ тѣкать въверхомъ мимо Кагановой могилы: надобно сойти съ коня, поклонившися гробу, и птицъ пѣшкомъ и сѣсть на лошадь единицѣно шогда, какъ могила уже скроется отъ глазъ. Если Каганъ скажетъ знающому чиновнику: *поди, умри*, то чиновникъ немедленно идешь домой и убиваешь себя. Иногда самые бѣдные люди Каганскаго поколѣнія восходяще на пронь въ свою очередь. Я слышалъ, что одинъ молодой человѣкъ сидѣть въ лавкѣ, торгуя бездѣлицами, и что народъ говорилъ объ немъ: *по смерти нынѣшиаго Кагана онъ сядетъ на престолъ!* Но сей человѣкъ быъ Мусульманъ, а Каганъ долженъ бысть всегда Іудейской Вѣры (которую, по сказанію Восточнаго Испорика, Массуди, жившаго въ Х вѣкѣ, принялъ въ 740 году Козарскій Владыка Була: см. ниже). »Съ Царемъ судяшь девяты Чиновниковъ, копорые могутъ бысть Мусульмане, Евреи, Христіане, идолопоклонники. Меньшая часть жителей Іудейскаго закона, а большая Магометанскаго и Христіанскаго.... Городъ Ашель окруженъ верстъ на ссмдесятъ плодоносными поля-

ми.... Главная пища жителей есть рыба и ишено; медъ и воскъ привозятъ къ нимъ изъ Россіи. Знамѣнитые граждане Ашельские супы. Мусульмане и купцы; мазыкъ ихъ Турецкій.... Въ землѣ Козарской есть городъ Асмидъ, весьма богатый садами. Дорога отъ Дербенса къ Сериру вся окружена ими; шушъ родится и виноградъ (Oriental Geography).

Массуди около 947 года пишетъ слѣдующее: «По зѣкѣ, раздѣляющей сполицу Козарскую на две части, входяша вверхъ большія суда, нагруженныя шоварами Ховарезмскими. На другихъ судахъ изъ земли Бергашасъ привозятъ шкуры черныхъ лисицъ, самыя сдавленыя и дорогія. Есть и красныя, пестрыя, бѣлыя. Такъ называемыя Арабскія малоцѣнныя всѣхъ иныхъ. Черныя идутъ единственно изъ сей земли или сосѣдствиавшихъ съ нею. Цари народовъ варварскихъ покупаютъ оныя весьма дорогою цѣною для шапокъ и шубъ. Изъ Козаріи отправляющи ихъ не поменько въ Дербенсъ, въ Берду и другія мѣста въ Хорасанъ, но и въ страны Франковъ въ Испанию.» (Chrstomathie Arabe par S. de Sacy).

Хотя въ Козаріи было много городовъ, изъ коихъ Нубійскій Географъ (Шерифъ аль-Эдризі, писавшій около 1153 года) именуетъ Куравъ, Гадранъ, Сегесавъ, Самандаръ, Альбанду, Садиль и Ферузъ - Кападъ: во многіе люди жили тамъ еще въ шаторахъ или въ кибиткахъ. Дворецъ Кагановъ, на западномъ берегу Волги, былъ кирпичный; а другія жилища всѣ мазанки. Обыкновенная воинская дружина сихъ Государей состояла изъ 12,000 человѣкъ (Orient. Geogr.). — По другимъ Восточнымъ извѣстіямъ Каганская сполица находилась ближе къ Дербенсу.

Константинъ Багріонородный, описывая въ Х вѣкѣ только южныя области Козарской на берегахъ Азовского и Чернаго моря, не упоминаетъ объ ихъ Волжскихъ или Каспійскихъ владѣніяхъ; но въ его время Каганы еще господствовали въ нынѣшней Астраханской Губерніи по Восточнымъ извѣстіямъ (см. нашій *Исторіи* годъ 1021), хотя Узы, народъ Турецкаго

племени, уже кочевали иногда между Волгою и Дономъ, или съ согласія или противъ воли Козаровъ (см. Консг. Багрянород. въ Бандури Т. I, стр. 105, 106, и Делилеву географич. карту шамъ же, стр. 32, 33). Узы (*Ougòi*, *Ougòz*) называются въ Византийскихъ лѣтописяхъ Гуннами и Скиаами. Одинъ новѣйший Гликъ приписываетъ ихъ именно къ Печенѣгамъ (Метог. рор.). Баеръ безъ всякаго основанія считаетъ Узовъ и Половцевъ или Комаловъ за одинъ народъ: Скилицій и Анна Комнина говорятъ особенно о томъ и другомъ. Дегинъ сказываетъ, что Арабскіе Историки называютъ Узовъ *Gozz*. Если не ошибаюсь, то они въ лѣтописи Несторовой именуются Торками (см. сей *Исторій* Т. II, примѣч. 106).

Имя города Саркела, по шолжованію Константина Баеряновороднаго и Продолжателя его, значило на языке Козаровъ *бѣлую гостинницу* или *бѣлый домъ* (Метог. рор. T. III, стр. 567). На Турецкомъ языке оно значитъ *бѣлый городъ* (Баер. *Geographia Russ. ex Const. Rorgr. въ Коммент. Академіи, T. IX, стр. 399*). Поэтому ученый Делль (см. въ началѣ Бандури *Annotadvers. in Const. Rorgr. libros de Themat.*) вообразилъ, что Саркель есть нынѣшній Бѣлгородъ въ Курской Губерніи, и что Константинъ назвалъ Танаисомъ не Донъ, а Донецъ. Баеръ, *д'Авиаль* (въ *Mémoire sur les peuples qui habitent aujourd'hui la Dace*: см. *Mém. de l'Acad. des Inscr.* год. 1758 — 1760) и другие повѣрили ему; но сие мнѣніе кажется несправедливымъ. Бѣлгородъ Курскій извѣстенъ только съ XVI вѣка (см. сей *Исторій* годъ 1502, въ примѣч.) и названъ *Бѣльмъ* отъ своего положенія на мѣловой горѣ, съ которой перенесли его въ долину (см. *Большой Чертежъ*). Люди, отправленные Императоромъ Феофиломъ, приплыли на судахъ къ шому мѣсту, где надлежало имъ спроить Саркель (Метог. рор. T. III. стр. 567 — 568): а Донецъ въ окрестностяхъ Бѣлгорода не удобенъ для судоходства (см. *Запаски* В. Зуева, стр. 170). Козары, владѣвъ Тавридою, желали имѣть Саркель для защиты отъ Печенѣговъ (см.

Кедрина въ Мемор. рориѣ Т. III, стр. 568), которые еще жили тогда, по извѣстію Константина, на берегахъ Яика и Волги: не Донецъ, по Донъ могъ быть границею между ими и Козарами. Константинъ, Продолжатель его и Кедринъ пишутъ, что сей городъ столъ на берегу Танаиса (Мемор. рориѣ Т. III, стр. 567 — 568). Въ *Хожденіи Митрополита Пимена къ Царюграду*, писанному въ исходѣ XIV вѣка, сказано, что па Дону, въ двухъ дняхъ плаванія внизъ отъ устья Медведицы, находились развалины древняго города *Сергій* (см. нашей *Исторіи* Т. V, примѣч. 116): вонъ мѣсто *Саржела*, если не ошибаюсь.

О Кагановомъ и другихъ городицахъ см. въ *Описании Харькова*, стр. 101; также въ *Географ. Словарѣ Рос. Госуд. подъ именемъ Воронежъ*. Въ *Большомъ Чертежѣ* упоминается о многихъ городицахъ на берегахъ Донца (стр. 47 — 50). Имена: *Когодезъ Каганской, Переездъ Каганской, свидѣтельствующіе, что сю мѣста принадлежали Козарамъ.*

Греческій Царь Михаилъ отправилъ въ Козарію-Философа Константина, обратившаго ея жителей въ Христіанство. Они изъ благодарности хотѣли осыпать его дарами; но Константина требовалъ только освобожденія Греческихъ невольниковъ: что ими съ радостию было исполнено (см. *Vitae ambae SS. Cyrill. et Method. in. Act. Sanct. 9* марта, Ассемани *Kalend. Ecclesi. univers. III, 4*; см. также нашу *Минею*, въ житіи Святыхъ Константина и Меѳодія). Между тѣмъ Каганы, не препятствуя народу креститься, сами еще оставались въ Іудейскомъ Законѣ (см. нашей *Исторіи* Т. II, примѣч. 23, въ описаніи 1021 года). Св. Константина или Кирилла чрезъ нѣсколько лѣтъ прославился изобрѣтеніемъ буквъ Славянскихъ и переводомъ церковныхъ книгъ съ Греческаго (см. ниже статью о языке и грамотѣ *Славянъ*.) О Козарахъ см. также прим. 347.

(88) Слѣдствіенно имя нынѣшней Россіи происходить не отъ *разъялия*, какъ думали нѣкоторые, согласно съ извѣстіемъ Прокопія о Спорахъ. Герберштейнъ пи-

шешть, что въ его время сие именіе было уже общимъ въ Россіи (см. Rerum Moscoviticarum Comment. стр. 1). — Нѣкоторые новѣйшиe Лѣтописцы, вопреки Нестору сказавшю, производили имя Руси отъ рѣки Порусъя. Въ древнія времена писали у насъ *Русь*, посль *Rusia*, а наконецъ обращали букву У въ О. — Сообщаемъ здѣсь конецъ сказки, внесенной нами въ примѣчаніе 69: «Когда Госпомысь дожилъ до глубокой старости и не могъ уже править шакими многочисленными, беспокойными народами: тогда же великий мужъ, столь умный и мудрый, приводилъ начальниковъ Русской земли, учила ихъ законамъ, по смерти его, за море въ Прусскую и Варяжскую землю, къ шамошину *Самодержца*, отъ города *Августа Кесаря*, и предложилъ имъ власть надъ землею Славянскою. Госпомысь скоро умеръ, и Новгородцы погребли его сть великою честию на мысль именуемомъ *Волотово*, по долго не хопыни Самодержавия и выбирали только *Посадников*; наконецъ безпорядки и междуусобіе заставили ихъ отправиться въ Варяжскую землю и въ Пруссію къ шамошему *Курфюрсту* Рюрику, потомку Августову въ XIV столѣтіи, который согласился управлять ими. Сіи сказочки объясняютъ намъ, что Цесарь Августъ имъ братъевъ: *Пруssa*, Августула, Киринія, Илларика, Ишюча, сродника Эвельгерда и проч. Такими и подобными испортическими баснями оспинчался у насъ какой-то Диаконъ Ходопьяго монастыря (доныхъ существующаго при устьѣ рѣки Мологи), именемъ Тимоѳеи Камешевичъ Рвовскій. Онъ жилъ и писалъ около 1699 году. Я нашелъ его сочиненія въ Синодальной библиотекѣ, въ рукописной книгѣ, названной о дрѣвностяхъ Россійскаго Государства No. 529, T. II.

(89) См. Нестора. Достойно примѣчанія, что одинъ Арабский Географъ упоминаетъ о *Варанескоиз* морѣ какъ о заливѣ Сѣверного, и сказываетъ, что *Варанес* есть имя народа, обитающаго на его берегахъ (см. Абульфеду въ Бишинг. Hist. Magaz. T. IV, стр. 151).

(90) См. Гельмольда.

(91) Въ 516 году, по извѣстію Григорія Турскаго. Долго чишили въ церквахъ молитву: à furore Normanorum libera nos, Domine — то есть: *сохрани насъ, Господи, отъ свирѣпства Нормановъ.*

(92) См. Форшерово сочиненіе Von den Entdeckungen in Norden. Они въ 1001 году были занесены бурею къ Американскимъ берегамъ; послѣ нѣсколько разъ тѣдили шуда изъ Гренландіи, и назвали сюю новую землю Винландіею. Адамъ Бременскій упоминаетъ обѣ пей.

(93) Саксонъ, Авторъ XIII вѣка, прозванный Грамматикомъ по его чистому Латинскому слогу, дозволилъ себѣ выдумашь всю начальную Испорю Скандинавіи, основываясь будто бы на древнихъ спихопровеніяхъ и надписяхъ, неизвѣстныхъ ни одному человѣку, кроме его. Не только благоразумные Критики — Малешъ, Шлецерь — но и самъ Шведскій повѣстиватель Даинъ, весьма склонный къ баснословію, опровергаетъ древнюю Испорю Саксонову. Не смопря на то, Миллеръ въ своей Академической рѣчи съ важностию повторилъ сказки сего Дапчанина о Россіи, замѣшивъ, что Саксонъ пишеть о Русской Царевицѣ Риндѣ, съ которойю Одинъ прижилъ сына Боуса, и что у насть есть также сказка о Бовѣ Коромевичѣ, сышъ Додона: «имена Боусъ и Бова, Одинъ и Додонъ, сходны: слѣдствіено не должно опровергать сказаний Грамматика!» (см. Миллерово сочиненіе о народахъ въ Россіи обитавшихъ, въ статьѣ о Готахъ).

Для читателей любопытныхъ предложимъ здѣсь сїи весьма недостовѣрныя извѣстія о древней Россіи.

Фропонъ I, Король Дапскій, по миѳію Торфееву современникъ Христа, въ морскомъ сраженіи побѣдилъ Россійскаго Царя или Тирана (Сакс. Граммат. Hist. Dan. кн. II, стр. 21), именемъ Траннова: взялъ городъ его Ропалу въ Ливоніи (см. Грубер. Liefländ. Chronik) и Пелтискъ или Полоцкъ, столицу Веспазія, другаго Царя Россійскаго; завоевалъ еще дальнѣйшую страну какого-то Царя Гандуваиа и женился на его дочери.— Въ I вѣкѣ Норвежскій Владыпель Галфданъ воевалъ въ земляхъ Восшока, Россіи и Ливоніи, убилъ на пое-

дникъ славного Царя Сигурнита и женился на дочери Россійскаго Государя Эймунда, именемъ Альмейгъ или Альфнія (Торф. Hist. Norveg. I, 173). — Шведскій Король Готбродъ также счастливо воевалъ въ Россіи (Сакс. Грам. спр. 28). Наслѣдникъ его, Гошеръ, погибъ въ сраженіи съ Боеемъ, сыномъ Опиниа (или славного Одина) и Россійской Царевны Ринды. Колдунъ Финскій предсказалъ Опину сей случай; но мужественный Бой, самъ раненный въ битвѣ, умеръ на шрецій день, и погребенъ съ великою честію Россійскими воинами, которые насыпали высокій курганъ надъ его могилою, да служишъ долговременнымъ памятникомъ славы Боевой (Сакс. Грам. Hist. Dan. спр. 44, 46). — Сынъ Гошеровъ и преемники его имѣли многія войны съ Россіянами въ теченіе II вѣка.

Фроонтъ III, Король Датскій, въ III вѣкѣ по исчезновенію Торфееву, женился на дочери какого-то Царя Гунновъ, приворотилъ ее къ себѣ волшебнымъ пипшемъ, и развелся съ нею: за что шесть его объявилъ ему войну и соединился съ Россіянами, но былъ побѣженъ (Сакс. Грам. Hist. Dan. 69, 86, 89). Фроонтъ ощадилъ Гольмгардскую (или Новогородскую) область Царю Олімару, Эспію (Эспонію) другому Царю, а пренесенную Коногардію, также Россійскую землю. — Въ Исландскихъ повѣстяхъ упоминающія о знаменитомъ Россійскомъ Государѣ Зигурламѣ, кошорый, по мнѣнію Торфея (Hist. Norv. I, 420), жилъ въ III вѣкѣ. Гейррида, дочь Русскаго богатыря и Владычицы Гейрравда, вышла за Норвежца Аугмунда, и не малая часть Россіи была ея приданымъ или наслѣдіемъ (Торф. Hist. Norv. I, 273). Одѣль, другой витязь Норвежский, живашій на Сыкзиевѣ, Царевѣ Россійской, также господствовалъ въ опечесшѣ ея. Больше всѣхъ Россійскихъ Государей славышился тогда могуществою и богатствомъ Гроллавъ; а супруга его Герборгъ, сынъ Герлангъ, дочь Гергерда, не менѣе славышилась красою. Норвежецъ Гейдринкъ (Торф. Hist. Norv. I, 432) совокупился бракомъ съ Гергердою, и взялъ за нею въ приданое Виндландиню (или Финляндію, какъ шолкують).

Одна пристань или городъ въ Россіи назывался Альдѣйгабургомъ или Альдѣйгабургомъ (см. ниже примѣч. 434). Тамошній Владѣтель Ингварь былъ умерщвленъ Стурлавомъ Трудолюбивымъ, копорый, на его дочери Ингигердѣ женившъ Фрамора, отдалъ ему сію область (Торф. Hist. Norv. I, 204). Трандійскій Король Энсшейнъ, осадивъ Альдѣйгабургъ, убилъ его Владѣтеля, именемъ Гергейра (Торф. Hist. Norv. I, 296). Біаршмаръ, Графъ (Comes) Альдѣйгабургскій, не уступалъ въ силѣ Королямъ (Торф. Hist. Norv. I, 422). Сіи происшествія Торфей относится ко II или III вѣку.

Сынъ Фротона III, Фридлевъ, былъ восписанъ въ Россіи (Сакс. Грам. Hist. Dan. кн. VI, спр. 96) и съ помощью шамошнаго Царя вошелъ на престолъ оспечскій. — Старкаперь, вишлязъ Датскій, обративъ въ бѣгство Россійскаго Князя (Principem) Флокка, овладѣвъ его несметными сокровищами, множествомъ серебра и золота (Сакс. Грам. кн. VI, спр. 104, 105), и на поединкѣ одолѣвъ Визинна, богатыря нашего, въ царствованіе Фротона IV, т. е. въ IV вѣкѣ по хронологіи Торфеевої.—Лѣшъ черезъ спло или болѣе Гальданъ, Король Датскій, помогаль Россіянамъ проникнуть Шведскаго (Сакс. Грам. кн. VII, спр. 135); и Король Ярмерикъ воевалъ съ ними.

Знаменитый Король Сѣверный, Иваръ Видфадме, покоривъ Швецію, Данію, завоевавъ и часть Государства нашего. Дочь его, Авдура Діупаудга (Торф. Hist. Norv. I, 442) или *пребогатая* (praedives), одовѣвъ, ушла въ Россію съ малолѣтнимъ сыномъ Гаральдомъ, и сочесалась бракомъ съ шамошнімъ Владѣтелемъ Радбардомъ. Иваръ, досадуя на зятя, хотѣвъ испить ему, но уронулъ въ морѣ, и Гаральдъ съ помощью своего воинчика сдѣлался Королемъ Датскими, въ началѣ VII вѣка по Торфееву лѣпосчислѣнію. Сынъ Радбардовъ, мужественный Рацлеръ, не доволыный своимъ наследственнымъ Россійскимъ Царствомъ, отправился въ Норвегію и Англію, где погибъ въ сраженіи. Родъ его долго царствовалъ въ Швеціи, Даніи и Норвегіи. Внукъ Радбардовъ, Регнальдъ,

господствую въ нашемъ отечествѣ, ходилъ въ Скандинавію помочь сыну Рандверову, Сигуршу, кошорый въ 735 году лишилъ жизни дядю своего, Гаральда.

Во время Карла Великаго жилъ славный Датскій Король, Регнеръ Лотброкъ, и завоевалъ Ливонію. Сыновья убитаго Короля ея, Диана, женатые на Россійскихъ Царевнахъ, съ помощью своего шеста сражались мужественно; но Регнеръ, побѣдивъ ихъ и завладѣвъ Россіею, Финляндіею, Біарміею, опдалъ сіи земли сыну своему, Вишперку. Царствованіе его было не долговременно: сынъ Ливонскаго Короля, именемъ Даксонъ, взялъ Вишперка и скжегъ на костре (Сакс. Грам. Hist. Dan. кн. IX, стр. 174).

Слѣдуетъ заключаемъ выписку изъ Саксона и повѣстей Исландскихъ о древней Россіи:

(94) *Гардъ* знаменуетъ не только городъ, но и страну. Датчане именовали Россію Острогардомъ, ш. е. *восточною страною*: ибо она лежитъ отъ нихъ къ Востоку. Гардерикъ означаєтъ или проство государство или землю, въ которой есть города; Гольигардъ землю острововъ, insularum regio, или городъ на островѣ. Бангеръ думалъ, что Скандинавы назвали Россію Грецію отъ Вѣры, привлѣкшей Славянами отъ Грековъ, вмѣстѣ съ ихъ азбукою; но такъ именовалась она въ Скандинавіи еще и во время язычества (см. Баеров. Geograph. Russiae ex Script. Septentr. въ Коммент. Академіи Т. X, стр. 371, и разсужденіе Ученаго Ире о путешествіи Скандинавовъ въ Грецію, въ Шлец. Nord. Gesch. 549 — 556) вѣроятно для того, что Норманыѣздили въ Грецію обыкновенно чрезъ Россію, и въ мысляхъ своихъ какъ бы соединили сіи двѣ страны. Сѣверные Писатели именовали Россію и Хунигардомъ, по еспѣ, по изложенію Гельмольдову, *страною Гунновъ*. Гунны конечно могли въ IV и V вѣкѣ владѣть частію Россіи; но вѣроятнѣе, что имя Chunigard произошло отъ испорченного имени Кіева, называемаго Сѣверными Авторами Chive, Cuieca, Koepugardia.

Ружали именуются сшарыя письмена Скандинав-

скія. Ученые долго спорили о ихъ древности. По крайней мѣрѣ извѣстно, что сіи буквы употреблялись въ Скандинавіи уже около VII или VIII вѣка; ихъ находишь еще на памятникахъ и гробахъ языческихъ, хотя, кромѣ сихъ надписей, не имѣть иныхъ древніихъ и важныхъ для Исторіи монументовъ Руническихъ (см. въ Шлецер. *Слѣвр. Ист.* Von der Schreibkunst in Norden). Жители Далекарліи донынѣ употребляють Рунические знаки (см. Далинову *Gesch. des Schwed.* K. T. I, стр. 180).

(95) Дюшен. *Historiae Francorum Scriptores* T. II, 389, 524, 850. Другія имена см. въ Баевомъ сочиненіи *de Varagis* въ Коммени. Академіи, Т. IV, или въ его *Opusc.* стр. 339. Въ договорахъ первыхъ Князей Русскихъ съ Греческою Имперіею называются многие Бояре ихъ также Скандинавскими именами; напримѣръ: «Мы отъ рода Русского Карль Инегельдъ, Веремундъ, Рулавъ, Руальдъ, и прот. посланы отъ Ольга, Великого Князя Русского», и прот. (см. печатн. *Нестора*, стр. 26).

(96) Анна Комнина пишетъ, что Варяги (или, по Греческому произношению, *Варанеи*) были изъ Туле, ш. е. изъ Скандинавіи. Кедринъ также признаетъ ихъ Скандинавами. Когда Эрикъ, *Датский* Король, прѣѣхалъ въ Царьградъ, то Варяги получили дозволеніе иппи къ нему: ибо онъ былъ Государемъ *ихъ* народа. Норвежского Принца Гаральда избрали Константинопольские Варяги, какъ *своего единоземца*, въ начальники ихъ дружины (см. *разсужденіе* Баера *de Varagis*, въ Коммени. Академіи, Т. IV). Впрочемъ между Константинопольскими Варягами были другие чужеземные воины: Авгры, Франки (см. *Memor. popul.* T. IV, стр. 431 и слѣд.).

(97) См. ученаго Ире *Reise der Normanner im Mittel-Alter.* въ Шлецер. *Nord. Gesch.* стр. 546. Еще отъ временъ Константина Великаго Римляне называли Готскую дружину *Foederati*, или *союзники*. Шведы уже въ половинѣ IX вѣка имѣли сообщеніе съ Царемградомъ (см. ниже примѣч. 106). Константинъ Ба-

григородный называетъ Варяговъ Фарганами. (см. Мемог. popul. IV, 453). — Упомянемъ еще о шрехъ шолкованихъ Варяжского имени: 1) Нѣкоторые хо-
тили производить его отъ Финского слова *Varaas*,
ш. е. *воръ*: ибо не только Скандинавскіе вишлази, но
и самыя Короли ихъ не ссыдались быть разбойни-
ки, и часто опускали Эстонію (*Hervarar Saga*,
т. XIII). 2) »Въ Нормандіи донынѣ называется Va-
rechъ то, что выбрасывается морскими волнами на
берегъ. Норманы, приставая къ берегамъ чужезем-
ными, назывались, можешьъ бысть, Варягами въ смыслѣ
«мореплавателей; а Финны и Славяне обратили сіе имя
въ собственное.« (Миллеръ въ *Sammlung R. G.*); но
Varechъ значить собственно кораблекрушение: всякия
разбитыя, пошонувшия суда называются по-Француз-
ски *varech*. — 3) »Имя Варягъ могло произойти отъ
древняго Нѣмецкаго *War*, война, и знаменовать *война*;
оно сохранилось въ языке Англійскомъ.« Въ Герман-
скихъ законахъ IX вѣка упоминается о. *Варенгахъ*,
(см. изданный Пепромъ Георгиемъ *Copius iuris Germanici antiqui*, спр. 782); кажется, въ смыслѣ
военного человека, а можешьъ бысть и союзника.

(98) Первый, какъ говорить Константинъ въ книжѣ
о правленіи (Мемог. popul. T. II, стр. 982), на-
зывался по-Славянски *Несупи* (шакъ надобно читать
вмѣсто Эссупи), то есть, *не си;* впорыи *Островуны
прагъ* (осхровный прагъ); третій *Геландри*; чешвер-
тый *Неаситъ* (пища неясныи, или пеликанъ); пятый
Вульнипрагъ (вольный прагъ); шестой *Веруки* (Вергтсъ;
quasi dicas aquae scaturigo: ручей или *вертлюгъ*?),
седьмой *Напрези*; а по-Русски: первый также *Несупи*,
второй *Ульворси*, четвертый *Аифаръ*, пятый *Баруфо-
росъ*, шестой *Леакти*, седьмой *Струвунъ*. Констан-
тинъ шолкуетъ Славянскія имена справедливо, кромѣ
трехъяго и седьмаго: *Геландри* не есть *шумный*, а
Напрези не *малый прагъ*, какъ онъ говоришь; первое
слово не имѣеть никакого значенія въ языке Славя-
нскомъ, а второе можешьъ происходить отъ старин-
наго глагола *прегу* или *селязываю*. Вѣроятио, что сей

наглый водопадъ не мѣшалъ дѣйствію парусовъ, и что его назвали шакъ отъ крика лодошниковъ: «на-шрагай или навязывай парусы!» — Баеру казались Русскіи имена совсѣмъ непонятными; но Спрубе и Тунманъ признаютъ ихъ Скандинавскими, (см. Тунмана *Über einige Gegenst nde der Russ. Geschichte*, и Спрубе *Dissertation sur les anciens Russes*, также Лерберг. *Untersuchungen*, спр. 350 и слѣд.). Послѣдній не соглашается съ двумя первыми въ нѣкоторыхъ изъясненіяхъ, но согласенъ въ главномъ). — И шакъ сie важное мѣсто въ Конспаншиновомъ сочиненіи доказываетъ: 1) что около половины X вѣка говорили въ Россіи двумя языками, и что 2) Русскимъ назывался Скандинавскій, бывшій конечно нѣсколько времени въ употребленіи между нашими Князьями и Вельможами Норманскаго происхожденія, но мало по малу осправленный ими, подобно какъ Болгары забыли свой языкъ между Славянами, а Франки между Галлами. Сие ни мало не удивительно: Скандинавы приходили въ Россію большую часцю безъ семействъ, и женились на Славянкахъ; дѣти, воспитываемыя матерями, должны были знать лучше языкъ ихъ, нежели ощевескій, которому надлежало совсѣмъ исчезнуть въ прѣстремъ или чешвершомъ колѣнѣ. Однакожъ нѣкоторыя Скандинавскія и Шведскія слова донынѣ оспались въ языке Русскомъ; напримѣръ: Besman безъ менъ, Grus грузъ, и проч.

(99) Въ печатн. спр. 5. Часть Лапландіи, кошорою владѣли Норвѣжцы, называлась по-Русски Мурманскимъ Лопорьемъ. Спрубе, въ *Dissertation sur les anciens Russes*, пишетъ, что Финны называютъ Датчанъ Йошами.

(100) См. Шприншеровы *Memor. popul.* T. IV, спр. 431, *объ именіи, отечествѣ и родѣ Варяговъ*. — Англія, Angli, уже извѣстные Тацишу въ числѣ Свѣтскихъ народовъ, обитали прежде на сѣверныхъ берегахъ Эльбы, и вмѣстѣ съ Саксонами въ V вѣкѣ овладѣли Англіею; они, подобно Скандинавамъ, издревле славились морскими разбоями.

(101) Въ чём согласны все ученые Историки, кроме Тапищева и Ломоносова. Первый хотѣлъ непремѣнно сдѣлать Русскихъ Варяговъ Финляндцами, не думал о шумѣ, чѣмъ сіи послѣдніе называются въ нашихъ языкахъ Емью (см. выше, примѣч. 72). — Въ *Степенной Книги* сказано, чѣмъ Рюрикъ вышелъ изъ Пруссіи (см. ниже, примѣч. 107): по сему Ломоносовъ утверждалъ, чѣмъ Варяги-Русь были Пруссы, чѣмъ Латышы, единоплеменники Славянъ. — Польские Историки — Длугошъ, Кромеръ, Спирковскій — писали знаменитыхъ Римлянъ между Латышами; слѣдствіемъ Варяги наши могли быть родственниками Цезарей: чѣмъ въ Герберштейново время уже хвалились Русскіе: *hosce fratres originem à Romanis trahisse gloriantur Rutheni* (*Rerum Mosc. Com.* стр. 3), и сочинитель *Книги Степенной* доказываетъ, чѣмъ Рюрикъ именно происходилъ отъ Августа! Но если мы захотимъ сообразить Исторію съ пользою народнаго піщеславія, то она упрощитъ главное свое доспоянство, испану, и будешь скучнымъ романомъ. Собственно имена Варяговъ не Латышскія, не Славянскія: слѣдствіемъ они не древніе Пруссы, не Славяне: Несторъ же весьма ясно определяетъ ихъ отъ Пруссовъ (стр. 5): *»Прусь и Чудь пристѣдиши къ морю Варяжскому; по сему же морю сѣдаши Варязи.«*

(102) Сімъ молчаниемъ Ломоносовъ хотѣлъ опровергнуть ясную, неоспоримую испину, чѣмъ Рюрикъ и брашья его были Скандинавы; но Шведы и Датчане имѣють ли собственную подробную, вѣрную Исторію сего времени? — Шлезеръ замѣчаешь въ своемъ *Несторѣ*, чѣмъ въ *Исландскихъ повѣстиахъ*, Hergauds и Bose Sage, упоминаешь о прѣхъ славныхъ Упландскихъ морскихъ разбойникахъ, кошорыхъ имена похожи на имѧ Рюрика, Синеуса и Трувора (*Rörerkr, Siggeir, Tuares*), но кошорые, по сімъ сказкамъ, жили не въ шо времія.

(103) Далинъ (*Schw. Gesch. I*, 306).

(104) Даже и въ языкахъ XIII вѣка Готландцы не именующіеся у насъ Шведами. Въ Швеціи, въ Нор-

всеги каждый уголокъ земли составляли нѣкогда особливое Королевство или Графство (см. Далина I, 306). Поэтому Неспоръ могъ говорить въ особенности о Варягахъ-Свіяхъ или Шведахъ, и Варягахъ-Руси, едва ли зная, что послѣдніе вышли изъ той страны, которая въ его время составляла часть общей Державы Шведской. — Туманъ, Гампереръ (Comment. Societ. Gotting. XIII, 126), Шлецерь признаюшъ Рюрика и братьевъ его Шведами.

(105) См. Finnisches Lexicon и Гупелеву Estische Grammatik; также Далип. Gesch. des Reichs Schw. I, 306.

(106) Т. III, стр. 195.

Гаканъ (Hakan) есть собственное, весьма обыкновенное имя Скандинавское (см. Исторію Далиноку). Сходство его съ именемъ Хакана, которыми назывались Цари Козарские, заславило нѣкоторыхъ думать, чѣмъ мнимые Послы Русскіе были Козары: такъ мыслить не только Болтинъ, но и Шлецерь въ своихъ Proben Russ. Annal. Но Козары въ концѣ седьмаго вѣка, въ осьмомъ и девятомъ имѣли безпрестанное сношеніе съ Константинопольемъ: могъ ли Императоръ Феофиль говорить о друзьяхъ и союзникахъ какъ о народѣ ему неизвѣстномъ? Могъ ли называть ихъ чуждымъ именемъ и отправить въ Германію, чѣмъ они удобнѣе возвращались отшуда въ землю свою, сопредѣльную съ его Таврическими владѣніями? — Миллеръ воображалъ сихъ Пословъ Варягами - Русью, которые будто бы еще прежде Рюрика утвердились въ Киевѣ, прѣѣзжали отшуда въ Константинополь, и назвали资料 своего Княза Каганомъ для того, чѣмъ имѧ было въ великомъ почтеніи у Грековъ. Если бы Миллеръ видѣлъ Житіе Владимира, хараштейную рукопись XIII или XV вѣка, хранимую въ библіотекѣ Графа А. И. Мусина-Пушкина, то могъ бы доказать, чѣмъ самые Русскіе или Киевскіе Государи именовались Каганами: ибо такъ называется Владимиръ въ Житіи его. Однакожъ сіи послы народа Россовъ были конечно не изъ Киева, куда Греческий Императоръ не могъ отшудить ихъ чрезъ Нѣмецкую землю. Киевъ при-

надлежалъ тогда Козарамъ: сообщеніе между ими и Грецію было свободно моремъ или сухимъ пушемъ, чрезъ Болгарію: гдѣ шутъ *многія варварскія земли*, о которыхъ Феофилъ говорилъ въ письмѣ своемъ къ Людовику? Но если Послы (что всего вѣроятнѣе) прѣѣзжали изъ Швеціи, то они въ самомъ дѣлѣ могли возвратившись въ свое ощечество чрезъ Германію удобнѣе, нежели чрезъ владѣнія многочисленныхъ Славянскихъ и Финскихъ народовъ, еще полудикихъ въ IX вѣкѣ. — Шведы были уже извѣстны при дворѣ Людовика, кошоры въ 829 году самъ отправляясь къ намъ посольство (см. Далина).

(107) Въ Степен. *Книга*, I, 7 и 79.

О *Руссѣ* и *Руси* см. Гаршкоха *Alt und Neu. Preuss.* спр. 9. Имя Pruzzi сдѣмалось извѣстно въ 997 году: въ первый разъ упомянулось его безыменный сочинитель жизни Св. Адальберта (*Acta Berussica* Т. II, спр. 1). Всего вѣроятнѣе, что оно произошло отъ рѣки Русы или Русны.

О переселеніи Скандинавовъ въ Пруссію см. Lucas David's *Preussische Chronik*. I, спр. 14, 15, 18. Славный Видвупъ былъ изъ числа ихъ, также и Первосвященникъ Криве или Криво. — Лѣтописцы Прусскіе говорятъ о частныхъ войнахъ *Россіи* съ Пруссиами въ VI вѣкѣ (*Lucas Dav. Chr.* 41, 45, 53, 55). Князь первыхъ, сокозникъ Мазовскаго, именовался Чимбахъ или Чинбекъ.

О *Пруссской* улицѣ въ Новѣгородѣ см. сей *Исторія* Т. II, примѣч. 103, и *Новогод. Лѣт.*

Географъ Равенскій, изданный въ 1688 году Монахомъ Першерономъ, говоришъ (спр. 140): *Item juxta Oceanum est patria, quae dicitur Roxolanorum, Suaricum, Sauromatum, per quam patriam inter cetera transeunt flumina, quae dicuntur, fluvius maximus, qui dicitur Vistula, quia nimiris undosus in Oceano mergitur, et fluvius, qui nominatur Lutta* (по мнѣнію Гаптерера *Ripata* или *Руоа*).

Миллеръ въ рѣчи своей о древношахъ нашего ощечества, вмѣстѣ съ Баеромъ признавъ Вараговъ Скан-

дивавами, справедливо доказалъ ошибку пѣхъ, которые единственно по сходству имени считаюшъ Варяговъ-Русь *древниими* Роксоланами: ибо первые жили на Сѣверѣ, а другіе въ окрестностяхъ Азовскаго моря.

(108) И такъ Берлинскія лѣтописи первыя упоминаюшъ о Россахъ: по Византійскимъ сдѣались они извѣстны уже за половину IX вѣка (см. Шприншеровы *Memoriae populorum*, Т. II, спр. 956).

(109) Говорить ли о мнемомъ происхожденіи Русскихъ опь Роса, о которомъ будто бы упоминается въ главѣ 38 и 39 Пророка Іезекіиля? Тапиццевъ уже доказалъ сю ошибку: Еврейское слово *Ros* означаетъ *главу* или *начальника*; оно не есть собственное имя.

Мы должны упомянуть здѣсь о *Dissertation sur les anciens Russes*, сочиненіи Г. Спрубе, въ коемъ онъ сиашся доказывать, что Несшоровы Варяги-Русь были Гопеи Роксолане, будто бы живши между Балтийскимъ и Ледовитымъ моремъ, въ землѣ, которая въ Исландскихъ сказкахъ именуєтся *Risaland* или *страною Великановъ*. Сія земля, или Йопунгеймъ, принадлежитъ къ баснословію Исландскому: шамъ обитали не Варяги-Русь, а злые духи, оборошни, чудовища (см. *Samsonfagre Saga*) или, какъ воображаешь *Далинъ*, древніе Гопеи, которые, будучи велики ростомъ, прозвались Великанами (см. его *Gesch. des K. Schw.* I, 61).

(110) Такъ во всѣхъ древнихъ спискахъ Несшора.

(111) Гашпереръ думаешьъ, что Норманы овладѣли Россіею при Королѣ Иварѣ Видфадмѣ, въ концѣ VI вѣка (по лѣпосчисленію Торфееву, а по Далинову уже въ VIII, *Allgemeine Weltgeschichte*). Миллеръ приписываетъ сіе завоеваніе попомку его, славному Рангари Лодброку, современнику Карла Великаго (*Origines gentis et nominis Russorum*); а Туманъ Эрику Рейнльсону, умершему въ 852 году (*Über einige Gegenstände der Rus. Gesch.*).

(112) См. въ печатномъ *Несторѣ* о изобрѣтеніи Славянскихъ писменъ, спр. 21.

(113) См. древній *Пушкин.* и многіе другіе полные списки Нестора.

(114) См. ниже, примѣч. 255.

(115) Того, разумѣю, которое относится собственно къ нашимъ внутреннимъ происшествіямъ.

(116) Memor. popul. II, 29. Нѣкоторые пишутъ, что Славяне омывались три раза во всю жизнь свою: въ день рожденія, женихъ и смерти (см. въ Раичевой *Исторіи Славян. народа* ви. I, гл. V).

(117) Memoriae populorum T. II, спр. 28 — 29, и Маврик. Strategicum Упсальскаго изданія, ви. II, гл. 5. Императоръ Маврикій сочинилъ XII книгъ о военномъ искусствѣ, изданныхъ Шефферомъ въ 1664 году: для насть всего любопытнѣе въ нихъ описание Славянскихъ нравовъ, которое читатель найдетъ въ Москв. Gesch. der Deutshen, T. II, въ примѣч. спр. 211, 212.—Императоръ Левъ Мудрый въ своей Тактикаѣ посторонствъ сказанія Маврикіевы о Славянахъ.

(118) Выше, спр. 29.

(119) Memor. popul. II, 36.

(120) См. Маврик. Strateg. ви. II, гл. 5, — Тацица о Венедахъ, Прокопія въ Mem. popul. II, 29, 33, и Фредегарія Chron. гл. 48. Маврикій пишетъ, что ядъ, коимъ Славяне намазывали спрѣзы, былъ весьма дѣйствителенъ и могъ заразить все тѣло уязвленнаго, ежели не давади ему пріятие Феріака, либо другихъ лекарствъ, или не вырезывали мяса вокругъ раны.

(121) См. выше, спр. 27.

(122) См. въ Memor. popul. II, 34, 43.

(123) Vita S. Severini, гл. II, и Гебгарди Gesch. der Wenden, T. I, спр. 12. Греческие поселеніе называли ихъ *Скамарами*.

(124) Memor. populor. II, 37. Славяне сажали пѣнниковъ на коль, запирали въ хлѣвы и сожигали вмѣстѣ съ скотомъ, котораго не могли увесинъ съ собою.

(125) Memor. popul. T. II, спр. 59.

(126) Маврикій говоритъ, что они скрываютъ свое имѣніе какъ воры. — Померане (пишетъ Гельмольдъ)

оправляясь на войну, также зарывали все драгоценное въ землю.

(127) См. Прокопія и Маврикія.

(128) См. Адама Бременского (кн. II, гл. 12) и Маврикія.

(129) Коэма Прагскій въ Менкен. Script. rer. Germ. I, 1970, и Vita Otton's, стр. 690. Даље см. Гельмольда Chron. Slavorum. кн. I, гл. 83.

(130) См. выше стр. 15.

(131) См. Маврик. Strateg. Св. Вонифатій, жившій въ половинѣ VIII вѣка, въ письмѣ своемъ къ Королю Англійскому шакъ говориша о Нѣмецкихъ Славянахъ или Вендахъ: Winedi, quod est foedissimum et deter-
ritum genus hominum, tam magno zelo matrimonii
amorem mutuum servant, ut mulier, viro proprio mor-
tuo, vivere recuset, et laudabilis mulier inter illas
esse judicatur, quae propria manu sibi mortem intu-
lit, ut in una strue pariter ardeat cum viro suo. См.
Abhandl. Böhmischer Gesellsch. Ч. III, стр. 158 ;
также Дитмара Chron. стр. 419, и Д. Антона Erste
Linien eines Versuches über der alten Slaven Ur-
sprung, Sitten, etc. стр. 125.

(132) См. Abhandlung von den Heyrathsgebrauchen
der Oberlausitzischen Wenden, Гебгарди въ Geschichte
der Slaven, Т. I, стр. 8, и Антона Versuch стр. 127.
Вѣно означало у древнихъ Славянъ плату, которую
женихъ давалъ за невѣсту отцу или сродникамъ ея.

(133) Memoriae popul, II, 72.

(134) Антон. Versuch, стр. 54.

(135) Vita S. Ottonis, стр. 682.

(136) Гебгарди Gesch. der Wenden, I. 9. Другіе па-
роды языческие, Прусы, Герулы, поступали шакъ же
(см. Гарпікпох. Antiqu. Pruss. Dissert. XIII, стр. 188,
и Москов. Geschichte der Deutschen, кн. XI, гл. 24).
Вообще находимъ великое сходство между нравами
Славянъ и народовъ Германскихъ.

(137) Chron. Slavorum, въ издан. Ліпденброг. стр.
202.

(138) См. печаш. Нестора, стр. 12.

(139) О жилищахъ Славянъ см. въ Memor. popul. II, 29. Иориандъ (de reb. Get. стр. 85): *hi paludes sylvasque pro civitatibus habent.* Древнее Славянское обыкновение, зарывать хлѣбъ въ землю, донынѣ существуєтъ въ Молдавіи и Валахіи. См. выше, прим. 126.

(140) Мавракій: *Abundant copia brutorum omnis generis et terrae nascentium quae comportant in simulum; praeecipue vero milii (просо) et panici (гречиха?)* см. Плін. Н. Н. XVIII, 7).

(141) См. Гебгарди Gesch. der Slav. Т. I, стр. 42. Послѣ будемъ говорить о сходствѣ многихъ Латинскихъ и Славянскихъ словъ.

(142) См. выше, примѣч. 129 — Mem. popul. II, 29, и Гельмольд. Chron. Slavor. кн. I, гл. 83. Древніе Лашыши и сѣверные Нѣмцы такжѣ любили медъ. Вульфстанъ, кошорый жилъ въ IX вѣкѣ, говорить, что Пруссія изобилуетъ пчеловодствомъ (см. Форстпер. Entdeckungen in Norden стр. 99). — Эдда называетъ Miöd божественнымъ питиемъ. Житіе Дакій въ V вѣкѣ, по словамъ Приска, употребляли вмѣсто вина M  dou (Memor. populor. I, 504). На древніемъ языке Греческомъ M  dъ значицъ *力量*.

(143) Memoriae populorum, II, 29, и въ Машев. Alterthümer der Obotriten изображеніе 16 и 20.

(144) Гебр. Gesch. der W. u. der Slav. Т. I, стр. 44 — 45.

(145) Адамъ Бременскій называетъ сей городъ Юлиномъ, а Гельмольдъ Виннетою (см. первого Hist. Eccl. стр. 19 и Chron. Slav. втораго, кн. I, гл. 2). Баеръ думалъ, что имя Юлина есть описка (см. Шлец. Nordische Geschichte стр. 505); но многіе утверждаютъ, что оно происходить отъ Юлія Цесаря, шакъ же какъ Волгасть значицъ Iulia-Augusta, а Деминъ Domina mundi (см. Vandalaio Альберта Кранца кн. II, гл. 33). Ни Юлій Цесарь, ни Римскія войска никогда въ сихъ мѣстахъ не бывали.

(146) Гебгарди Gesch. der Slav. Т. I, стр. 45.

(147) Vita S. Ottonis, въ описаніи Славянскихъ храмовъ въ Швеппинѣ, и Бекман. Beschreibung der Mark

Brandenburg стр. 392 и 398. Карл Великий уста-
вилъ, чтобы никто не смыть въ Германии продаваніе
оружія Славянамъ (Гебгарди Gesch. der Slav. Т. I,
стр. 45).

(148) См. Тунмана Über die gottesdienstl. Alterthümer
der Obotriten стр. 262.

(149) См. Hofpredigers Masch. Gottesdienstliche
Aiterthümer der Obotriten, и Voyage en Basse Saxe
Графа Потоцкаго. Сіи любопытныя древности хра-
нились въ Радебургской библиотекѣ и въ Нейбранд-
бургѣ въ Шпонгольцскомъ кабинетѣ. См. также
Бекман. Beschreib. der Mark Brandenburg, Т. II,
стр. 377.

(150) Гельмольдъ въ Chron. Slavorum: casas de vir-
gultis conduxunt, necessitatibus tantum consulentes adver-
sus tempestates et pluvias. О городахъ и храмахъ
Гебгарди въ Gesch. der Slav. Т. I, стр. 41, и Vita
S. Ottonis, стр. 680.

(151) См. выше, стр. 28, и Доктора Антона Erste
Linien стр. 142 — 146. Между Славянскими древно-
стями нашли изображеніе воина, играющаго на во-
лынкѣ (см. Mash. Gottesdienstl. Alterthümer der Obo-
triten).

(152) Memor. popul. II, 61. Проповѣдь называемыи
сіи именемъ Аварскимъ единозвично для такого, что Гре-
ки считали Аваровъ и Славяне какъ бы за одинъ на-
родъ. См. еще Гебгарди въ Gesch. der Slav. Т. I,
стр. 6.

(153) Д. Антона Versuch. etc. стр. 33 и 143., Геб-
гарди Gesch. der Slav. Т. I, стр. 7, и Vita S. Otto-
nis (см. ниже).

(154) Я выписалъ сіи древнія Русскія имена изъ
каратейшаго Евангелія 1144 года (см. ниже, примѣр.
477): они употреблялись всѣми племенами Славянски-
ми, съ нѣкоторою разностію по кличашамъ. Вотъ
Малороссійскія и Польскія для сравненія:

	Малорос.		Польск.
Генварь	Свѧченъ		Styczen.
Февраль	Люшый		Luty.

Марцъ	Березозоль	Marzec.
Апрель	Цвѣтень	Kwiecień.
Май	Травень	May.
Іюль	Червень	Czerwiec.
Іюль	Липецъ	Lipiec.
Августъ	Серпень	Sierpień.
Сентябрь	Вресень	Wrzesień.
Октябрь	Паздерникъ	Pazdernik.
Ноябрь	Листопадъ	Listopad.
Декабрь	Студень	Grudzień.

Добровскій (*Slovanka*, стр. 71) изъясняетъ, что *Пресинецъ* есть Beth-Monath, отъ глагола *проситъ!* — Слѣдъ отъ стъку: или въ смыслѣ жестокихъ морозовъ, или Славяне чио нибудя стъкли, рубили въ семъ мѣсяцѣ. — Г. Калайдовичъ сообщаиъ въ слѣдующемъ о мѣсяцѣ Изокѣ: «Экзархъ Болгарскій въ своемъ предисловіи *Шестоднева спасибо изока* въ числѣ птицъ, но въ переводеъ сихъ бесѣдъ Василія Великаго (стр. 240) гово-ришъ: *не только бо изоци отъ дажды се раздѣлютъ; въ подицнинъ же здесь въ уар. ибо он тѣттиуас... свидопиен-но юонъ не пишица, а нузничица или хобъяка, cicada...*» Сѣкъ животинъ являющійся во множествѣ именъ силь-ныхъ дождей, въ красные дни, и больше въ Іюнѣ мѣсяцѣ, называемый ихъ именемъ, т. е. *Изокомъ*. — Въ первоѣ из-даніи самъ *Исторіи* я сказаъ, что *Рюенъ*, какъ дождев-ный мѣсяцъ, могъ быти шакъ: назывы отъ глагола *рюмитъ*. Но изъясненіе Г. Добровскаго, отъ глагола *реву*, не вѣроятнѣе ли? Тогда, пишетъ онъ (*Slovanka* 72), бывающіе олені въ шечкѣ, бытаютъ я *ревутъ*. — Слѣдующее шоколаніе имени *Рюенъ*, или Сентябрь, кажешся еще вѣроятнѣйшимъ. Сербы называющіи *Рюена* или *Рюенъ* желтое деревцо (*желтичка*; *Rhus cotinifolia*, *Perücken Raut*, *Gelb-Holz*, по-Валающіи дацкіи), употребляемое въ краску. Они и все жел-тое — напримѣръ, вино — называютъ *руено* и *руесно* (см. Сербскій Словарь Вука Шефамовича). Славяне дали Сентябрю имя *желтаeo* (*Рюена*) отъ желтю-щихъ плодовъ древесныхъ листьевъ. (Октябрь назывался

у нихъ *Листопадомъ*). — Въроятно, что *грудныи* назывался первый зимний пурпъ, еще малоснежный, широховатый, бойкій: ибо въ лѣтописи XVI вѣка сказано: «а зима была гола, и ходъ конемъ бысть нужно *грудовато*.» Не Южные, но Сѣверные Славяне могли такъ именовать мѣсяцы. Богемцы называли Груднемъ Генварь, а посль Февраль (см. Slovanka 72).

(155) Memor. popul. II, 28. Маврикій говоришъ: neminem ferant imperantem.

(156) Вотъ причина великаго къ нимъ уваженія во времена глубокой древности, когда письмо и типографіи были неизвѣстны.

(157) Византійскіе Лѣтописцы говорятъ, что Баянъ въ концѣ VI вѣка опустошашъ и жегъ селенія Дунайскихъ Славянъ (Memor. popul. II, 48).

(158) Шурцфлейшъ de rebus Slavicis 468.

(159) См. выше, спр. 28, и Гебгарди Gesch. der Slav. I, 49.

(160) См. Гельмомъда въ Chron. Slavor. (кн. I, гл. 16), Chron. Дишиара Мерзебургскаго (писавшаго въ самомъ началѣ XI вѣка) кн. VI, Маша Über die gottesdienstl. Alterthüm. der Obotrit. и Туммана разсужденіе о семъ предметѣ.

(161) Коизма Прагскій, кн. I, спр. 1972, въ изд. Менкен.

(162) Паганъ, Владытель Болгарскій, праходилъ къ Императору съ своими *Бойлдами* (*Мета тов Волхдам* аутъ): смиъ именемъ означались безъ сомнѣнія Бояре. Никифоръ Патріархъ щолкуешъ, что оно знаменовало Вельможу или начальника (Memor. popul. II, 525). — О Воеводѣ см. Гебгарди Gesch. der Slav. I, 52.

(163) Vita S. Ottonis. См. также Гебгарди въ Gesch. der Slav. T. I, спр. 52. Добровскій (Slovanka 219) производитъ Князя опь слова *конъ*, въ смыслѣ *нагала*, какъ у Грековъ *Αρχων* произошелъ опь *αρχη*. — Въ Лаузницѣ изъ учтивости называють всякаго *Княземъ*, п. е. господиномъ, хозяину *Княгиню*, а Слуги *Княземъ душевными* (см. Шлецер. Russische Annalen Ч. I, спр. 174).

(164) Memor. popul. T. II, стр. 395, — Гебгарди *Gesch. der Slav.* T. I, стр. 52, и Добнеръ *ad Hagecium* T. II, стр. 56. Поляки говориша: *Панъ Богъ*, шакъ же, какъ мы говоримъ *Господъ-Богъ*.

(165) Memor. popul. T. II, стр. 89 и 395. Константинъ говориша всегда *Жупаны-старѣйшины*, бѣ *чеснота*, *senes*. Іоаннъ Луцій пишешъ, чио сїа имя пронеходитъ отъ древняго слова Zupa, которое означало *народъ или населенную страну*: (см. его *de regno Dalm. et Croat.* кн. I, гл. 13, стр. 78). Гелазій Добнеръ не вѣрилъ его толкованию: (въ примѣч. на Гагек. *Лѣтопись*, Ч. II). Но въ *Уставѣ Стѣфана, Цара Сербскаго*, сочиненномъ въ 1249 году, дѣйствительно упомянуто слово *Жупа* въ смыслѣ *жительства или селенія*, (см. Ранчеву *Исторію Славянск. народа*, IV, 242 и 255). — На Польскомъ языке *Zupa* значиша *солничу варину, солнистай анбаръ и рудокопнио*; *Zupan* *полукаптанъ*.

(166) Гебгарди въ *Gesch. der Slav.* T. I, стр. 52 — 57. Въ XI и XII вѣкѣ самые Короли Славянскіе въ Сервіи и Далмации гордились именемъ *Великихъ Жупановъ*.

(167) Д. Ашпонъ *Versuch etc.* стр. 90. Другіе утверждають, чио слово Краль произошло отъ имени Карла Великаго (см. въ *Neuer Abhandl. der Böhmer-Gesell. der Wissenschaft*. Добровск. Исторію Богемск. языка, Т. I, стр. 324). На языке Арменскомъ *Король* есть *сильный, могущественный* (*Bibliotheca Slavica* T. I, стр. 302).

(168) Гебг. *Gesch. der Slav.* I, 53, 54.

(169) Шреппер. III *Abhandlung aus dem Österreichischen Staatsrechte* стр. 116, и Гебгард. I, 54. Исторія сохранила намъ примѣръ еще спранѣйшаго обыкновенія въ Богеміи: Король, отправляясь къ Ив мецкому Императору, могъ на пути своемъ жечь деревни (Добнер. *Monumenta Historica Boemiae* IV, 54, и Гебгарди *Gesch. der Slav.* I, 54).

(170) Гебг. *Gesch. der Slav.* T. I, стр. 54.

(171) Гельмольд. *Chron. Slav.* кн. I. гл. 84, стр. 68;

также Vita S. Ottonis стр. 670. Имя *Прое* значило *правый или правъ*.

(172) См. Саксон. Граммат. Hist. Dan. стр. 291, изд. 1644 года, и Дицм. Мерзебург. Chron. кн. VI.

(173) Гебгарди Gesch. der Slav. Т. I. стр. 57. Сия дань называлась въ землѣ Нѣмецкихъ Славянъ *Воеводскою трагою*.

(174) См. Нест. стр. 11, 12, и Прокопія въ Memor. popul. II, 28.

(175) См. выше, примѣч. 162.

(176) Прокопій въ Memor. popul. Т. II, стр. 28.

(177) Memor. popul. Т. II, стр. 28.

(178) Гебг. Gesch. der Wend. u. d. Slav. Т. I, стр. 23.

(179) Гельмоуд. Chron. Slav. кн. I, гл. 84. См. также Гебгарди Gesch. der Slav. 21, 24. Славяне и всѣхъ добрыхъ боговъ именовали *Бѣльми*.

(180) Гельм. въ Chron. кн. I, гл. 53. Въ Верхнемъ Лаузицѣ есть гора, именуемая *Чернебогъ*; а въ Серавѣ былъ городокъ *Чернобожскій*. См. Ann. Versuch, стр. 52, Маша и Тумана von den Alterthüm. der Obotritten, 305, I Соборное Писаніе Св. Апостола Петра, гл. 5, сш. 8, и Гебг. въ Gesch. der Slav. I, 23.

(181) Несторъ стр. 33, Д. Автонъ стр. 146, и Гебг. Т. I. стр. 22.

(182) Гельмоудъ пишеть Zuantevit, а Саксонъ Грамматикъ Svantovitus. Нѣкопорые, счищалъ сего идола Славянскимъ Фебомъ, думаюшъ, что надобно писать Солнцевидъ; но вѣроятие, что кумиръ его назывался Солнцевидомъ, что есть, *свѧтыми образомъ*. См. Лудевиг. de Idolis Slavorum въ Opusc. miscell. Т. II, Сакс. Граммат. Hist. Dan. гл. XIV, стр. 320 — 321, Гельмоуда кн. II, гл. 12, стр. 89 — 90, и Гебг. Gesch. der Slav. Т. I, стр. 25 въ примѣчанії.

(183) См. Русский переводъ его, стр. 66.

(184) Сакс. Грам. Hist. Dan. кн. XIV, стр. 327. Туманъ думалъ, что Рюгенскій Поревингъ былъ Первъ нашихъ Славянъ, и что онъ же назывался какъ

Святыми, такъ и Ругевиномъ; но различныя изображения сихъ идоловъ пропионорѣчать сему мнѣнію. См. Гебр. Т. I, стр. 27. Нѣкоторые счишающъ Поренуша богомъ беременныхъ женщинъ.

(185) См. Маша Über die Alterthüm. der Obotriten, Попоцк. Voyage en Saxe, и Адама (De situ Daniae, стр. 143).

(186) Въ городѣ Саксенъ - Лауенбургскаго Герцогства, которое соединяло некогда землю Славянскихъ Полабовъ. См. Гельмольда гл. 53, Маша Alterthüm. der Obotriten, Тунмана стр. 274, и Гебр. Gesch. der Slav. Т. I, стр. 25.

(187) Въ странахъ Балтийскихъ, около Вислы и горъ Карпатскихъ: см. Тунмана Über die Alterthüm. der Obotriten, стр. 273 — 274, и Гебр. Gesch. der Slav. Т. I, стр. 26.

(188) См. въ Хроникѣ Маша. Спирковскаго о богахъ Лапышскихъ, и Маша Über die Alterthüm. der Obotriten.

(189) См. Маша Alterthüm. der Obotriten. и Гебр. Gesch. der Slav. Т. I, стр. 26.

(190) Vita S. Ottonis, стр. 479, 495, 502 — и Гебр. Gesch. der Slav. Т. I, стр. 27.

(191) Въ нынѣшнемъ Герцогствѣ Голштейнскомъ. См. Гельмольда, гл. 84.

(192) Попоцк. Voyage en Saxe, стр. 85, фигур. 12. Въ прошивности шому Гельмольдъ пишеть (кн. I, гл. 84), что сей богъ никакъ не изображался у Славянъ.

(193) См. Маша Alterthüm. der Obotriten, Гебр. Gesch. der Slav. Т. I, стр. 28, и Тунмана стр. 316.

(194) См. Chron. Дициара Мерзебургскаго, стр. 417. Я не говорю о Кротѣ, Флинце и другихъ миниатюрныхъ богахъ Славянскихъ, о которыхъ не находимъ извѣсія въ достовѣрныхъ Испорникахъ.

(195) Живущій въ Далмациї. Земля къ южной части залива Венецианскаго, между Истріею и Далматіею, называемая собственно Морахіею. См. Д. Антона Erste Linien etc. стр. 50.

(196) Кадлубека, Длугаша, Кромера, Спирковского, Гваньини. Сходство между Греческимъ или Римскимъ и Славянскимъ баснословиемъ весьма замѣтно.

(197) Несторъ спр. 70. Славянскій трагогъ *перу* значитъ не только *пру*, но и *бью*, *ударяю*; собственно имъ Перунъ означало *бога разлагающаго*. Въ новѣйшіе времена стали называть Перуномъ молчію. Можемъ вѣрить Спирковскому, что древніе Лапыши посвящали неугасимый огонь своему идолу *Перкуну*, который называлъ одно съ Перуномъ Славянскимъ. Въ Далмации есть мѣсто, именуемый *Rigun Dabgrave*. Можно заключить, что и Славяне Иллірические обожали Перуна (см. Д. Аппона *Versuch* спр. 49.)

У Индійцевъ въ Генварѣ *месяцъ быка* есть праздникъ, называемый *Перунъ-Понгаль*, или *Великий Понгаль*. Въ сей день они варятъ *тишено* съ молокомъ, и, смотря, какъ оно кипитъ, тадаютъ будущее. *Понгаль* значитъ собственно: *кипитъ*. См. *Voyage aux Indes orientales et à la Chine*, par Sonnerat, T. I, p. 240. И такъ имъ *Перунъ* не есть ли древнее Индійское? Славяне могли назвать имъ Бога въ смыслѣ *Великаго*.

(198) Такъ они названы въ древнейшихъ спискахъ Нестора, въ *Луканіи* и *Троїцѣ*. — *Стрибогъ*, кажущаяся, былъ Славянскимъ Эоломъ.

(199) См. также Минею 15 Іюля, въ житіи Владимира, и въ рукописномъ шакѣ называемомъ *Новгородъ Летописцъ по 1717 годъ*, (хранящемся въ Архивѣ Иностранной Коллегіи) главу о *идолахъ*.

(200) См. Спирковскаго въ описаніи Липовскихъ идоловъ. Имя сего бога напоминаетъ слово *ладъ* и *ладить*: въ старинныхъ Русскихъ пѣсняхъ *ладо* значитъ мужа. Въ *Словѣ о полку Игоревѣ* Ярославна называетъ супруга *ладою*, спр. 38 въ 39.

(201) Онь пишеть: *Греки*; но Баягершъ въ Гаршконохъ доказали, что Адамъ называетъ шакъ Русскихъ (см. въ Коммент. нашей Академіи Баэрому *Geograph. Russ. ex Script. Sept. T. X*, спр. 371, или Шлец. *Nord. Geschichte* спр. 495).

(202) См. Каншемирово описание Молдавии и Сульцер. Историю Дакии, Т. II, стр. 322.

(203) См. Синопсисъ и Ломоносова *Рос. Историю*; также *Путешествие Академика Лепехина Ч. IV*, стр. 410, и Ранчеву *Историю Славянскихъ народовъ*, кн. I, гл. 21, стр. 172.

(204) Чему я самъ нѣсколько разъ бывалъ свидѣтелемъ. Пѣсня, которой поюшь въ пакомъ случаѣ, напечатана въ *Абвегель Русскихъ създаний* стр. 224. — Наши святошныи игрища не имьюшь связи ни съ Римскимъ праздникомъ Януса, ни съ Испанскимъ Карнаваломъ.

(205) Недѣля отъ седмицы Св. Опещъ до Троицына дня называлась у насть въ спарину *Русалного Автора Синопсиса*, ссылалась только на Кромера и Гваныни, въ числѣ Русскихъ боговъ называемъ еще *Посвиста* или *Похвиста*, бога ведра и вѣнастія. Въ Русскикъ новѣйшихъ сочиненіяхъ о древнемъ идолопоклонствѣ нашихъ предковъ говорится о Чурѣ, Славянскомъ Терминѣ, богинѣ Ладѣ или Венерѣ, Ледѣ и Помелѣ, или Купидонѣ и Гименѣ, Диадѣ или Амперосѣ, Зимшерѣ или Флорѣ, и проч.; но догадки и выдумки не принадлежашь къ Исторіи. — Цари Морской, чуда морскія, Баба-Яга, Волшы или Великаны, Полканъ или Кенкпасръ, вымыщены Русскими сказочниками, и не относяться къ древней Славянской Вѣрѣ.

(206) Главные идолы были такої величины, что нѣсколько воловъ не могли сдвинуть ихъ съ мѣста (*Vita S. Ottonis* и *Тум.* *Über die Alterthümer der Obotrit.* стр. 293). Но между огромными кумирами въ крамѣ Рештскомъ сплюши и маленькие, липкие, на шронахъ или круглыхъ подношкахъ, и каждый и иныхъ своимъ особеннымъ жертвеннаго орудія. См. *Маша и Гебр.* *Gesch. der Slav.* Т. I, стр. 29.

(207) Козма Прагскій въ *Менкен.* изданіи Т. I, стр. 2074, и *Vita S. Ottonis* 680.

(208) См. *Chrou.* *Дипл.* кн. VI.

(209) Въ рукописномъ житіи *Муромскаго благовѣр-*

наео *Книга Константина Солтославика*, въ библиотекѣ Графа А. И. Мусина-Пушкина. Впрочемъ сіе *Житіе*, равно какъ и печатное (см. Прологъ, Маія 21) писано не ранѣе XVI вѣка (см. сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 122). См. еще Синопсисъ, Рос. Исторію Ломоносова, и Раича, кошорый описываетъ шакія же обыкновенія у Сербовъ.

(210) Гельм. въ Chron. Slav. кн. I, м. 84, и Vita S. Ottonis. Сочинитель именуетъ сіе дерево hastam Julii Caesaris, копьемъ Юлія Цезаря.

(211) Въ рукописномъ *Житіи Муром. Князя Константина*.

(212) Memoriae populorum T. II, стр. 984. Сей островъ Св. Григорія долженъ бысть Хоршица.

(213) Гебр. Gesch. der Slav. T. I, стр. 30.

(214) Сакс. Грам. Hist. Dan. стр. 322, Машъ, Über die Alterthüm, der Obotriten, и Chron. Динім. Мерзебург. стр. 415.

(215) См. изображеніе сикъ требищъ въ Бекман. Hist. Beschreibung der Mark Brandenburg, Ч. II, стр. 347; см. также Гебгарди Gesch. der Wend. I, 31.

(216) Подобныя существующія донынѣ въ Англіи, Ирландіи, Вестфалии, Брауншвейгѣ (см. Мамет. Исторію Дании Т. I, гл. XII). Историки призываютъ сіи монументы Славянскими въ Мекленбургѣ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ обишли Венды.

(217) Vita S. Ottonis, стр. 680.

(218) Сакс. Грам. Hist. Dan. кн. XIV, стр. 319.

(219) Сей храмъ былъ основанъ на сполнахъ, кошорые имѣли образъ затворицъ рогозъ: шакъ ло крайней мѣрѣ изъясняетъ сіе мѣсто Нѣмецкій переводчикъ Дипперовой Хроники, Г. Урзинусъ, стр. 328.— См. Гельм. Chron. кн. I, гл. 53.

(220) Только въ Пашерикѣ Киевскомъ; въ житії Исаии Чудотворца, сказано, что сей Угодникъ разорялъ капища въ Ростовской области.

(221) Гебр. Gesch. d. Wend. T. I, стр. 34 — 36, Сакс. Грам. Hist. Dan. 320 — 321, и Гельм. Chron. Slav. кн. I, гл. 53.

- (222) Несторъ, стр. 71, и Гельм. Chr. Slav. гл. 23.
(223) Сакс. Граммат. кн. XIV, стр. 320 — 321,
Vita S. Ottonis, стр. 681, и Дипл. Мерзебург. Chron.
кн. VI.
- (224) Сакс. Грамм. кн. XIV, стр. 320.
(225) Гебр. Gesch. der. Slav. Т. I, стр. 36. Извѣстно, что Русскіе землемѣльцы въ день Св. Флора и Лавра приводятъ лошадей своихъ къ церкви.
(226) Гельм. въ Chron. Slav. гл. 84.
(227) Д. Антон. стр. 71, и Гебр. Т. I, стр. 36. Наши Родицельскія Суббоши напоминаютъ сей древній обычай Славянъ. Въ Богеміи поютъ тогда:
«Уже несемъ смерть изъ веси, а новое лѣто въ весь.
Здравствуй, любезная весна и зелень!»
(228) Козма Прагск. кн. III, подъ годомъ 1093, и Дипл. Chron. кн. I.
(229) Д. Антонъ и Гебр. Т. I, стр. 36. Въ урны клади разныя вещи, которыя принадлежали умершему: ножницы, Римскія монеты, дѣтскія игрушки, маленькие кумиры.
(230) Mem. popul. II, 61. Страва значитъ на Польскомъ языке жушанье; птичу.
(231) Трика есть подиег, tournoi. — См. Нестор. стр. 12, и Житіе Муромскаго Кн. Константина.
(232) Vita S. Columbani, въ Ассем. Kalend. Eccles. Univ. II, 21, и Гебр. Gesch. der Slav. I, 13. — Гельмольдъ, кн. I, гл. VI. — Германские Венды со временемъ Карла Великаго нѣсколько разъ принимали Христіанскую Вѣру, но только неволею, и снова обращались къ идолопоклонству, которое совершило испребывалось между ими только въ XIII вѣкѣ. Болгары, Чехи и Моравы крестились около половины IX вѣка (см. Мозгейм. Церковную Исторію); а Славяне Иллинрическіе при Императорѣ Василии Македонскомъ, который началъ царствовать въ 867 году (см. Константина Багрянороднаго de adm. Imp. гл. IX, и Мозг. Церк. Исторію).
(233) Прокопій называетъ его *варварскимъ*: (Memor. popul. Т. II, стр. 29).

(234) См. ниже, о грамошѣ Славянъ.

(235) Въ чёмъ всякой, развернувъ лексиконы языка нашего, Польского, Богемскаго, Иллирическаго, можешьъ легко увѣриться. — Кромъ общаго, мы имѣемъ нѣсколько особенныхъ нарѣчий: Украинское, Суздальское, Новогородское. Въ Суздальскомъ много чуждыхъ, неизвѣстныхъ словъ; напримѣръ, Богъ называется *Стодз*, отецъ *Хрутинъ*, сестра *Миндра*, жена *Эльтона*, дѣва *Шиктора* (см. *Сравнительные Словари всѣхъ языковъ*, напечатан. въ С. Петербургѣ 1787).

(236) См. Гаппера *Einleitung in die Synchr. Universalhistorie*, спр. 127.

(237) *De orig. Slav.* спр. 108, — Добров. *Litterarisch. Magazin von Böhmen*, — Поповича, Австрійскаго ученаго Славянина, *Untersuchungen vom Meere*, — Гаппера. *Synchr. Universalhist. и Сравнительн. Словари*. — Въ раздѣлѣніи Славянскихъ нарѣчий слѣдую ученому Богемцу Добровскому (см. *Abhandlungen der Böhm. Gesellschaft*, годъ 1791, спр. 313 — 314).

(238). См. *Untersuch. vom Meere*. Болгарскимъ нарѣчіемъ говорятъ въ Турецкой Болгаріи и въ Расціи, и. е. Восточной Сербіи или древней Дарданіи, названной такъ ошь рѣки Раски; а Славонскимъ въ Славоніи.

(239) См. Гаппер. *Universalhist.* Послѣдній человѣкъ, который говорилъ по-Славянски на островѣ Рюгенѣ, умеръ въ 1404 году (см. *Untersuchungen der v. d. König. Academie zu Berlin auf d. J. 1752 aufgegebenen historisch. Fragen*, спр. 30). Нѣмцы, покоривъ Славянъ въ Германіи, старались испребить языкъ ихъ.

(240) См. Лаузенцкія *Provinzialblätter* спр. 101. Замѣтимъ, что есть сходство даже между Индѣйскимъ Санскритскимъ и нашимъ языками; напримѣръ: *этотъ*, віторой; *піете*, піепъ; *тону*, тонкій; *мри*, умри; *сото*, сю; *томуръ*, четыре; *тритіе*, трешіе; *томо*, шемно; *моду*, медь. Въ Индѣйскомъ языке имена существительные оканчиваются на *тво*; напримѣръ: *богатство*, *безумство*, и проч. (см. Шлегелл *über die Sprache und Weisheit*

der Indier, стр. 11 и далъе). Самое измѣненіе дѣйствительныхъ глаголовъ Латинскихъ, Нѣмецкихъ и Славянскихъ бываетъ по одному закону.

(241) Въ именахъ существительныхъ: *Матерь*, *мѣтѣръ*, mater, Mutter. — *Патѣръ*, *Vater*, pater. — *Братъ*, Bruder, frater. — *Свекръ, свекровь*, *socer, socrus*, Schwiegervater, Schwiegermutter. — *Сынъ*, Sohn. — *Вдова*, vidua, Wittwe. — *Пастырь, пасторъ*. — *Око*, oculus, Auge. — *Брада*, Bart, barba. — *Сердце*, Herz. — *Кость*, oséou, costa (ребро). — *Кровь, синякъ*. — *Солнце*, sol, Sonne. — *Огонь*, ignis — *Пламя*, flamma, Flamme, Flōz. — *Лучъ, лѣкъ*, lux (свѣтъ), Licht. — *День, dies*. — *Ночь, пох*, nūc, Nacht. — *Тепло, тепоръ*. — *Вода, vadum* (иногда *мелкая*, иногда просто *вода*) wāsъr, Wasser. — *Глыба, gleba*. — *Роса, ros*, brōtos. — *Пыль, pulvis*. — *Море, mare*, Meer. — *Соль, sal*, Salz, ἄλс. — *Гора, ὄρος*; (Нѣмецкое Слово Berg и Славянское *верхъ* есть одно). — *Гость, Gast*, hospes (также Латинское имя hostis означало сперва не врага, а чужестранца, съдѣствиено гостя). — *Сонъ, somnus*. — *Обитаніе, habitatio*. — *Домъ, домус*, domus; *дома, domi*. — *Слѣпира, securis*. — *Скамья, scamnum*. — *Труба, tuba*. — *Коробъ, corbis*, Korb. — *Скрина* (скриня), scrinium, Schrank. — *Кадъ, cadus, κάδος*. — *Якорь, Anker*, anchora, ἀγκύρα. — *Мельница, мѣль*, mola, Mühle. — *Кора, cortex*. — *Кисъ, кѣлъ*. — *Сокъ, succus*. — *Вино, vinum, Wein*, ὕδω;. — *Ленъ, лісъ, līnum, Lein*. — *Копопти, cannabis, κάννυχβιс*. — *Семя, semen, Saame*. — *Имя, юноша, nomen, Name*. — *Воръ, Φωръ, fur*. — *Даръ, δῶρον, donum*. — *Гробъ, Grab*. — *Лепоть, lepor, lepos*. — *Кругъ, Kreis*. — *Вола, вѣлъ, Вѣлѫха, voluntas, das Wollen*. — *Листъ, List*. — *Пенка, поенка, роена*. — *Любовь, Liebe* (отъ сего происходить въ Латинскомъ языке libido, lubet, или libet). — *Овца, ovis, ὄvis*. — *Быкъ, bos, βῆσ*. — *Агнецъ, agnus, ἄγνος*. — *Свинья, Schwein, σῦς, sus*. — *Бобъ, Bieber, fiber*. — *Левъ, лѣвъ, leo, Löwe*. — *Оса, asellus, Esel*. — *Мышь, мѣшъ, mus, Maus*. — *Котъ, catus, Kater*.

Въ именахъ числительныхъ: *Единъ, unus, eins, εἷς*;

два, duo, δύο, zwey; три, tres, трей; четыре, τέσσαρες; пять, πέντε; десять, δέκα, decem, zehn; сто, centum: — *Оба*, ambo, ἀμφο,

Въ прилагательныхъ: *Левый*, λευκός, leucus, link; *десный*, δεξιός, dexter, rechter; *молодой*, λεπίδος, lepidus; *последний*, ποντίος, pons; *старый*, νεώτερος, νεός, neos; *старый*, νεῖος, νεῦς, neis; *юный*, νεανίς, νεανίς, jung, junior (*юнгий*); *изогнутый*, κυρτός, curvus; *тонкий*, τενίος, tenuis, dünn; *короткий*, κορτάς, curtus, kurz; *легкий*, λεβίς, levis, leicht; *сухой*, σατιατός, satiatus, satt; *долгий*, δολιχός, dolichos; *мертвый*, μορτουός, mortuus; *красный*, ρύζιος (красный), ρύζιος, rutilus; *строгий*, στρεγγός, streng; *полный*, πλήνιος, plenus.

Въ мѣшанинніяхъ: *мій*, μοι, moi, мѣ, mihi, me mich; *ты*, tu, du; *тебѣ*, τιμη, tibi, te, dir, dich; *себѣ*, ся (себя), sibi, se, sich; *мой*, μείος, mein, īeos; *твой*, tuus, dein; *ео*, εἰος, ejus; *свой*, suus, sein; *нашъ*, οὐμεῖς, noster; *вы*, vos; *вашъ*, vester.

Въ глаголахъ: *есмы*, εἰμί, sum; *еси*, εἰς, es; *естъ, єсъ*, est, ist; *есмы*, εἰμένι, sumus; *есте*, εἰστε, estis; *сущь*, sunt, sind, εἰσι; *яду* (ѣмъ), ἔδω, edo, esse; *пью*, πίνω (пить, poto); *ераду*, gradior; *сидѣть*, sedere, sitzen; *стою*, sto, stehē; *видѣть*, videre, vidēō; *даю*, do, dōwmi; *строю*, struere; *сплю*, зеко; *бить*, battuo; *насти*, pascere; *созу*, sugo, sauge; *клоню*, κλίνω, clino; *плѣшу*, πλένω; *вено*, νεῦο; *деру*, δέρω; *влену*, βλέψω; *кую*, cudo; *верну*, verto; *дренлю*, dormio, dormito; *арю*, aro, ἄρω; *елотаю*, glutio; *скоблю*, scabo; *валлю*, volvo, wälze; *токо*, molo, mahle; *льгу*, lüge; *носу*, mox, mögen; *пру*, tero; *плету*, plecto, πλέκω, flechte; *рву*, ruo, ruo.

(242) *шпринтъ*, каркаде, бледные, кваканье, и проч.

(243) Это справедливо замѣтилъ Левекъ. «Никто не сомнѣвается (пишетъ Шлецеръ въ Proben Russisch. Annal. стр. 71), чтобы Нѣмецкій, Греческій и Латинскій не были въ основании однимъ языкомъ — Славянскій также. Юнусъ, Ире, доказывали великое сходство Греческаго и Гопескаго.

(244) См. выше, сапр. 23.

(245) Схиоскимъ, говорилъ ученый Ире (см. его Prooemium, или предисловіе въ Лексиконѣ Шведо-Гопескому); но Схионы пришли изъ Азіи уже въ то

*

время, когда Европа имѣла своихъ жителей (см. выше спр. 4). *Кельтскимъ*, скажетъ Пеллупье, написавшій *Histoire des Celtes*: ибо Греческіе и Римскіе Историки признаютъ Кельтовъ самыми древнѣйшими Европейцами, предками Галловъ и Германцевъ, жившимъ на обѣихъ сторонахъ Рейна, на Дунавѣ, Днѣпрѣ, гдѣ они смыкались съ народами Фракийскими и Скиеами (см. Спраб. *Geograph.* спр. 58 и 465), на берегахъ Сѣвернаго Океана, близъ горъ Рифейскихъ (см. Платоника въ жизни Камила), въ Италии и въ Испаніи, иакъ что Птолемей всю Европу называетъ Кельтикою. Но Шлецеръ замѣчаетъ справедливо, что сѣя имѧ, подобно Скиеи, есть болѣе географическое, нежели историческое, означая у Древнихъ, по системѣ Эфоровой, западную часть свѣта со всѣми ся жителями безъ всякаго различія въ народахъ.

(246) См. Ире *Prooemium*, спр. XXI, XXVIII. Геродотъ (кн. II) сказываетъ, что Эллада называлась некогда Пеласгіою; что древніе Аттики были Пелазги, которые жили прежде во Фракіи. Гекатей Милетскій по извѣстію Спрабонову (кн. VI) говоритъ также, что Фраки населили Аттику.

(247) См. Шлец. *Nord. Gesch.* спр. 599.

(248) См. *Réligion des Gaulois* T. I, спр. 39, и Тунман. *Erklärung einer alten Preuss. Aufschrift*. спр. 229. — Доказано, что Готы еще прежде имѣли булавы; но Ульфил, переводя Евангелие, избрѣмъ только нѣкоторыя новыя (Ире *Analecta Ulfil. Diss.* I; см. также Шлец. *Nord. Gesch.*, Малешову *Histoire de Danoemarc* и Тунмана). Бепикою называлась часть Испаніи отъ рѣки Анаса на полдень до моря. Руны были известны въ Германіи и въ Британіи (см. von der Schreibkunst im Norden въ Шлец. *Nord. Gesch.*). Фортунашусъ, Поэтъ VI вѣка, упоминаетъ обѣ нихъ въ стихахъ своихъ (Шлец. *Nord. Gesch.* спр. 611).

(249) См. Тунмана *Erklär. einer Preuss. Aufschrift* спр. 229.

(250) Геренов. *Ideen über den Verkehr der alten Welt*, T. II, спр. 556.

(251) Турдешане увѣяли во времѧ Страбоново, чѣто они уже 6000 лѣтъ умѣютъ читать и писать. Сіи 6000 лѣтъ могутъ быть ошибкою (см. Шлец. Nord. Gesch. стр. 596).

(252) См. Тунмана Erklär. alt. Preuss. Aufschr. стр. 230 — 232, и Бишнер. Vergleichungstafeln der Schriftarten verschiedener Völk. Tab. II.

(255) Тацитъ сказаиъ о Германцахъ: litterarum secreta viri pariter ac feminae ignorant. Изъ сего пѣ-кошорые заключили, что они въ его времѧ не знали письма; но Римскій Историкъ говориша о тайныхъ любовныхъ письмахъ, хвали супружескую вѣрность и пѣломудрие Германцевъ. Лабешпери, Тунманъ, Миллеръ и другіе такъ разумѣли слова его. Самъ же онъ пишетъ (Descr. Germaniae), чѣто многие памятники между Речею и Германіею были исписаны буквами. Жители Панноніи узнали искусство писать отъ Римлянъ.

(254) Планий кн. VII, гл. 57.

(255) См. Voigts Untersuchung über die Einführung der Buchstaben in Böhmen, въ Abhandlungen einer Privatgesellschaft in Böhmen, Ч. I, стр. 164 и слѣд. Одинъ Лѣтописецъ Россійскій среднихъ временъ, повторя Несторово извѣстіе о буквахъ Кирилловыхъ, прибавляєтъ: «преже убо Словени не имѣаху письменъ, но на германскии и на рѣзанкии чипаху и гадаху» (см. въ Синодальн. библіошкѣ рукописн. книгу о древностяхъ Россійск. Государства, подъ №. 529, Т. I, кн. 2). То же извѣстіе найдено Г. Калайдовичемъ въ сочиненіи Монаха Храбра о письменахъ, (въ Синод. библіошкѣ подъ №. 85).

(256) Acta Sanctorum IX Mart., Добнер. Annales Bohemorum Ч. III, Коля Introductio in hist. et rem litt. Slavorum, гл. II, и въ Несторѣ стр. 20. Византийскіе Лѣтописцы не упоминаютъ о семъ происшествіи. Несторъ описываетъ его между случаями 898 году: явна ошибка! Михаиль убиенъ въ 867 году, а Константина или Кирилла и Меѳодія, какъ самъ Несторъ пишетъ, были имъ отправлены въ Моравію (а не въ городъ Раву, какъ думалъ Ташицевъ). Они

перевели на Славянский языкъ Евангелие, Апостолъ, Псалтирь и Октоихъ. — Несмотря на суеты воз-
стали прошить сей новостри, доказывая, что один
Евреи, Греки и Римляне могутъ имѣть грамоту:
ибо на крестѣ Спасителя не было иныхъ надписей,
кромѣ Еврейской, Грецкой и Латинской. Но Па-
па утвердилъ письмена Моравскія, и сказалъ, что
Бога должно славить на всѣхъ языкахъ. Попомъ
Константина оправился въ Болгарію учить Хри-
стіанству; а Меѳодій, Епископъ Панноніи, избралъ
двухъ Священниковъ, искусныхъ въ языке и въ пись-
мѣ, которые въ шесть мѣсяцевъ, отъ марта до 12
Октября, перевели съ Греческаго на Славянский всѣ
 книги церковныя. — Такъ повествуетъ Несторъ. Въ
книгѣ *Житій Святыхъ*, въ описаніи дѣлъ Константина
и Меѳодія 15 Маія, сказано, что они прежде —
(въ 858 году: см. Гапшерер. *Weltgeschichte* стр. 578) —
обращали уже многихъ Козаровъ въ Христіанство;
что Царь Михаилъ для того послалъ ихъ въ Мо-
равію, убѣдивъ Константина принять сань Архієрей-
скій; что сей мужъ добродѣтельный еще въ Цар-
градѣ изобрѣлъ азбуку Славянскую и началъ перево-
дить *Евангелие отъ Иоанна*; что Моравскій Князь,
Ростиславъ, принялъ его и Меѳодія съ великою ла-
скою, вѣльзъ опровергъ ученью новую азбуку и пере-
веденіемъ каноні, Часословъ и Псалтирь; что святые
мужи въ четыре года утвердили всю землю Славян-
скую въ испанной Вѣрѣ, перевели Евангелие, Апо-
столъ, Апостолію, и совершали Божественную
службу на языкѣ Славянскомъ; что Епископы Запад-
ной Церкви вознегодовали по шѣмъ причинамъ, о ко-
торыхъ говоришъ Несторъ, и Папа, Николай IX,
позналъ въ Римѣ Константина и Меѳодія, во самъ
же же время умеръ; что преемникъ его, Адаиль,
II, одобрилъ ихъ дѣло и предалъ анаѳемѣ хулиганий
новой Литургіи; что оми, Константина и Меѳодія,
служили въ Римѣ общино на языкѣ Славянскомъ; что
Константинъ занемогъ шамъ, принялъ на себя сан-
шую схиму, названъ *Карилломъ*, вручилъ Епископскію

свое Меѳодію, скончался и погребенъ въ Церкви Св. Климента (съдѣствено не ъздилъ въ Болгарію, какъ говориши Несторъ); а Меѳодій Епископъ жилъ долгое время въ Панноніи и перевѣдъ множество книгъ съ Греческаго. Ежели Константина и братъ его жили въ Моравіи четыре года и прѣѣхали въ Римъ скоро по смерти Николая IX, то Славянская грамота изобрѣтена ими въ 863 году: ибо сей Папа умеръ въ 867. Римскіе *Acta Sanctorum* и всѣ иностранные Писанія согласны по крайней мѣрѣ въ главномъ съ иашею Минею (см. Шлец. *Нестора* Ч. III, спр. 198 — 241). Папа Іоаннъ VIII въ Буллѣ своей, писанной въ 880 году къ Моравскому Князю Свѧтополку, именно называемъ Константина изобрѣтателемъ буквъ Славянскихъ.

Я обязанъ Г. Калайдовичу слѣдующими любопытными извѣстіемъ: «Въ Москв. Синод. Библіопекѣ, (No. 66), хранишся въ подлиннике книги *Небеса*, переведеніе съ Греческаго языка на Славянскій Ioannомъ, Экзархомъ Болгарскимъ, въ исходѣ IX или въ началѣ X вѣка. Онъ пишетъ, что азбука Славянская изобрѣтена и Евангеліе преложено Константиномъ или Кириломъ; чи то Меѳодій перевѣль всѣ уставы и молитви, числомъ 60; чи то Монахъ Дукъ убѣдилъ его (Экзарха) перевести книгу *Небеса* (сочиненную Ioannомъ Дамаскінъ) и проч. Ежели сія Славянская рукопись дѣйствительно писана въ исходѣ IX или въ началѣ X вѣка, то она есть древнѣйшая изъ всѣхъ извѣстныхъ».

(257) Буква Ш есть Еврейская Ш. Францъ счи-
щаетъ Б и Ъ также Еврейскими (см. его *Hist. linguaes Sclavonicae etc.* гл. I).

(258) Несторъ говориши: «сими бо первая прело-
жены книги (т. е. Библія) въ Моравѣ, аже прозвася
грамота Словенская, аже грамота есть въ Руси.»

(259) Нѣкоторые воображали Св. Иеронима Далмати-
екимъ Славяниномъ (хотя Славяне вошли въ Далмацию
шелько въ VII вѣкѣ: см. выше, спр. 30). — Иеронимъ
перевелъ Библію не на Славянскій, а на Лапцинскій языкъ
которымъ говорили тогда въ Далмации.

(260) То есть, 1222 году (Acces. Kalendaria Ecclesiae Universae T. IV, стр. 443).

(261) Такъ называемый *Сборникъ*, опубликованный Кн. Щербатовымъ въ библиотеку Эрмитажа, и *Евангелие Софийское* (см. сей *Исторія* Т. II, примѣч. 107).

(262) См. Шлайцер. *Nestor*, Ч. II, стр. 327, Добровскаго въ *Abhandlungen einer Privat-Gesellschaft in Böhmen* T. V, стр. 318, и Voigts Untersuch. über die Einführ. der Buchstab. въ томъ же сочиненіи, T. I, стр. 176. — Однакожь не все Ученые такъ думали. Богемецъ Добнеръ утверждалъ, что истинная Кирилловова азбука есть Глагольская, и что наша, изобрѣтенная послѣ, несправедливо названа симъ именемъ (*Abhandlungen der Böhmis. Gesellschaft der Wissenschaften*, годъ 1785, стр. 101 — 159):

1) «Буквы Глагольскія, грубыя и несложныя, имѣющіе всѣ признаки древности, и не сходыши съ какими другими: Кирилловскія же суть не что иное, какъ Греческія, и не могли бы въ IX вѣкѣ прослыть иначею изобрѣтеніемъ. Между ими видимъ только сходство Греческихъ буквъ, копорыя взяты изъ Глагольской азбуки. — Ученому Греку Кириллу всего естественнѣе было дать Славянамъ Греческія письмена; надлежало выдумать новыя единственно для таихъ звуковъ, которыхъ нѣтъ въ языке Греческомъ. Не все, но только двѣ изъ сихъ новыхъ буквъ однаковы съ Глагольскими; напримѣръ: Ш, Щ. Не правда также, чтобы другія Глагольскія совсѣмъ не походили на Кирилловскія. Изобрѣтатель первыхъ, желая облегчить письмо иныхъ на оборотѣ (Е, З — З, Й, — Р, Й; къ другимъ прибавлять черпцы (П, Г — П, П) и хипрокты въ красивости (Л, Ь — М, А); буква Ф совершиенно та же. Кирилловскія письмена имѣющіе образъ Греческихъ девяшаго вѣка (см. Монфоконову Греческ. Палеографію, также примѣры въ Ephemerid. Graecos-Moscis, T. I, и въ Ламб. Commentar. de Bibliotheca Vindobonensi): доказательство, что Славяне практики пхъ дѣйствительно во время Константина и Меродія,

а по въ новѣшія времена; когда образъ Греческихъ буквъ уже перемѣнился. Но для чего же Кирилль былъ названъ изобрѣтателемъ? Для того, что Славяне прежде не имѣли грамоты, и что ивѣкопорыя буквы въ семъ алфавитѣ дѣйствительно изобрѣтены имъ. — 2) Римскіе Духовные въ XI векѣ называли «Славянскій алфавитъ Готскій» (*dicebant enim gothicas literas à quodam Methodio haeretico fuisse repertas*, говорить Фома Архиаконть Славатрекій, въ Швайднер. собраніи *Script. ger. Hung.* Т. III, стр. 552 — 554); «видѣтельно они разумѣли подъ зенімъ именемъ не Кирилловскій, а Глагольскій, дѣйствительно сходный въ худровости съ Готскими буквами». Римскіе Духовные называли Славянскій алфавитъ Готскимъ единственно для того, что они считали Готовъ и Славянъ за одинъ народъ (см. въ Швайднер. собраніи *Script. ger. Hung.* Т. II, стр. 119; слова Далматскаго Аббата Лудовика Тубера: *praeter Gothas, quos Slavenos nuncupant, et проч.*; см. также въ Асем. *Kalend. Ecclesi. I*, 318). — 3) Имѣ *Кирилловской* азбуки есть любовь; инымъ изобрѣтатель ей только за 50 дней до кончины своей бывшъ называть *Кирилловой* спрашивая, какъ же она прежде называлася? Азбукой или грамотою, или *Славянской* азбукой, и проч. Кирилловкою счали называть ее иконечно въ новѣшія времена, когда Славяне Далматскіе ввели у себя другую, т. е. Буквицу или Глагольскую; а Далматскіе Славяне употребляли Буквицу, Россіи же Кирилловскую; следѣвшимо первое открытие, ибо Россіи же пришла Крестіанство 100 летъ послѣ Далматовъ, т. е. въ книженіе Владимира; Вон-первыхъ Христіанство вошло въ Россію еще въ 867 году; по извѣстію Византійскихъ современныхъ Литописцевъ (о чёмъ см. ниже); во-вторыхъ, ежели другие Славяне, напримъ Сербы, по книжно-документальному доказанію, азбуку свою, принявъ новѣшую Кирилловскую, то въ Далматскіи могли пронестиши Кириллову на Буквицу, т. б. «Пускъ показутишъ Кирilloвское письмо девлшаго сполѣнія!» Опівъчаемъ:

пушъ якожужъ наъ Глагольское письмо ранѣе XIII
сношѧ! По крайней мѣрѣ въ X вѣкѣ существовала
Кирилловская грамоша: си буквы видимъ уже въ над-
писи Киевской церкви, датированной въ 996 году (см.
ниже, примѣч. 424, и выше, примѣч. 256, въ концѣ). —
6) »Но въ предисловіи хараетейвой Глагольской Псал-
тири 1222 году какой-то Николай говориши, что
жона списана съ поданінника временъ Феодора, послѣд-
шаго Епископа Салонекаго; а какъ ученый Ассемани
доказаль, что послѣдній Салонскимъ Епископомъ
надлежалъ списать Феодора, жившаго въ концѣ IX
вѣка, то слѣдуєтъ, что Глагольскими буквами уже
писали въ IX вѣкѣ.« Добнеръ не хотѣлъ замынишь,
что самъ Ассемани сомнѣвающся въ исчинѣ сего из-
вѣстія; въ поданінникѣ (думаешь онъ) спояло, можетъ
быть, только *scriptum impensis et mandato Theodori Episcopri;* а догадливый писецъ Николай прибавилъ ошь
себя: *ultimi Salonitani Episcopi* (Ассем. Kalend. Eccl. Univ. T. IV, стр. 445 въ примѣч.). Къ шому же сіе
Евангеліе могло быть списано. Николаемъ съ Кирил-
ловскаго, а не съ Глагольского поданінника. — 7) »Фран-
цузскіе Бенедиційскіе Монахи въ своей *Новой Си-
стемѣ Дигезматики*, Ч. II, стр. 166, говориши о
»Болгарской рукописи, хранимой въ Парижской биб-
лиотекѣ подъ №. 2340 и писанной лѣтъ за 800 или
900 до нашего времени: сія же рукопись есть Глаголь-
ская. Но ежели Французскіе Монахи ошиблись въ
своемъ мнѣніи премя ещами лѣтъ? На рукописи не
означено ея древноопти, ибо они не сказали бы никогда:
»за 800 или 900 лѣтъ.« Мы знаемъ также, что въ
Болгаріи употребляются же Глагольскія буквы, а Ки-
рилловскія.

Любопытные могутъ видѣть Буквицу во Франц.
Энциклопедії. Я видѣлъ въ рукахъ свою книгу букварь Іе-
роиммовскій, напечатанный въ 1753 году въ Римской
Типографіи Промагазы, и молитвенникъ, изданный въ
Венеціи. Первая книга, напечатанная Глагольскими
буквами, есть Новый Завѣти, изданный въ Тибрагенѣ

въ 1553 году (см. Abhandl. einer Priv. Gesell. in Böhm. T. I, стр. 176 — 177).

(263) Богемские Историки пишутъ (см. Добнера въ Annal. Bohemorum Ч. III, стр. 188), что Константинопольской Паштакъ Фотій, недовольный Меноедием за его сношения съ Римомъ, посыпалъ въ Моравію иного Епископа Агаона, а въ Нейшу Горадоса; но Князья Моравские не хотѣли принять ихъ. Агаонъ былъ Греческимъ посломъ въ Германіи около 873 года, а Горадосъ Болгарскимъ Архиепископомъ въ 880 (Гебг. Gesch. des Staats Mähren, стр. 28). Съ того времени, по достовѣрнымъ извѣшіямъ, не находить уже ни одного Греческаго Епископа въ Моравіи.

(264) См. Былу его 968 году (въ Исторіи Козмы Пражскаго, въ Менкен. собран. Script. rer. Germ. T. I, стр. 1994), и въ тѣхъ земляхъ, где изображена Кирилловая азбука, не осталось даже никакихъ слѣдовъ ея. Время и Написаны испребили шамъ всѣ дреавіи Славянскія рукописи (см. Abhandl. der Böh. Gesellsch. на 1785 годъ, стр. 136).

(265) Гебг. Gesch. der Slav. T. I, стр. 20.

(266) Сильнейшею изъ нихъ была область Кривичей, владѣвшихъ Полоцкою, Витебскою (въ верховѣ Двины), Псковскою, Смоленскою и, можетъ быть, частю Тверской Губерніи. Лашини донынѣ имѣютъ Россію Кревами или Кривичами. — Напрасно многое воображаютъ Новгородъ уже величие и значеніе прѣдѣлъ Рюрика: народная пословица, сказавшая вами о пѣ Кривца, писавшаго въ XV и XVI вѣкѣ: *quis potest contra Deum et magna Novgardiam?* кто противъ Бога и великаго Новаграда? (Wandalia, стр. 5) можетъ относиться единственно ко временамъ позднѣйшимъ. Въ IX вѣкѣ область его, окруженнаго на Юге Кривичами, а на Западѣ, Сѣверѣ и Востокѣ разными Финскими племенами, сдавали союзники и половцы выньшией Губерніи Новогородской.

(267) Гроза, которая сокрушила величие Рима, и

нелькою вѣковъ свирѣпствовала въ Европѣ, начала утихать уже въ концѣ VI вѣка. Все бывшее исчезло: явились новые правленія, новые обычан и законы; прославились новые имена народовъ. Германцы, оставивъ большую половину своего древнаго отечества Славянамъ, властновали въ Англіи, Галії, Испаніи; но въ VIII вѣкѣ успѣшили Испанію Аравіянамъ, пришедшими въ Европу съ мечемъ, Алкораномъ и съ любовью къ Наукаамъ. Карлъ Великий, въ послѣдній годъ сего вѣка, основавъ Имперію Западную, несравненно сильнѣйшую Восточной, которая ужасалась всякаго непрѣппеля, но дерзала сще именоваться Римскою. Скандинавія — officina gentium, vagina nationum, какъ говорилъ Іорнандъ — раздѣленная на малыя Королевства, повелѣвала морями: ея безчисленные винзіи, скучая пѣснями предѣлами отечества, суровымъ его климашомъ и праздносшю, трубами въ рога, спремѣтились опѣ пищества на легкіе корабли свои, искали добычи, новыхъ земель и завоеваній. Азіатскіе пароды — Болгары, Козары — господствовали на западныхъ и сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря. Калифы, наследники Магомѣтова, еще славились на Востокѣ. Въ сїе времена начидалася Исторія Государства Россійскаго.

(268) См. Нестора.

(269) Преданіе о Господомъ сомнительно: въ Несторовой летописи, въ самой Никонов. и въ Степен. Книгѣ есть о шомъ ни слова. Однакожъ Герберштейнъ, который въ 1517 и 1526 году прѣѣзжалъ въ Москву, говорилъ уже о семъ знаменитомъ Новгородскомъ мужѣ (Rerum Moscovit. Commentarii, стр. 3).

(270) Я не вижу причины думать, чтобы Весь и Чудь тоеди уже зависли опѣ Славянъ. Въ Псковской летописи (въ Синодальн. Библіопл. №. 349) имѣно сказано, что каждый изъ упомянутыхъ народовъ имѣлъ особенное прѣимущество (л. 154, на обеихъ).

(271) Миллеръ — см. въ его Описанія народовъ, изданіе облатавшихъ въ Россіи, сущашю въ Варлаахъ —

думаю, что Славяне и Финны звали Варяговъ не для правленія, а единственно для защиты границъ своихъ, и что Рюрикъ былъ похитителемъ власти. Но ясныя слова Альпиниса: да пойдетъ хижасть и володыть наими, опровергаютъ сіе мнѣніе.

(272) Въ Пушкинъ характериомъ спискъ Нестора: *придоша спартаній Рюрикъ.... а другой Синеусъ на Бѣлозеръ, а третій (въ) Изборстъ Труворъ.* Название мѣста, где княжилъ Рюрикъ, пропущено; въ Троице-полъ (что достойно замѣнія) также; поверху приписано, надъ именемъ Рюрика: *Ное...* По всемъ инымъ извѣстнымъ спискамъ Рюрикъ пришелъ въ Новгородъ; только въ Кенисбергскомъ, Хильбенковскомъ и въ Ильинскомъ, гораздо новѣйшихъ, сказано такъ: «Избрашась 3 братья и придоша къ Словенолюбъ первою, и срубши городъ Ладогу, и съде въ Ладогѣ спартаній Рюрикъ.» Да же: «по двою же лѣту уире Синеусъ и Труворъ, и прія всю власть Рюрикъ одинъ, и пришедъ ко Ильміерю, и сруби городъ надъ Волховомъ и прозва Новгородъ и съде ту.» Сіе мѣсто о Ладогѣ и Новгородѣ, основаніомъ будто бы Рюрикомъ, привѣлено безъ сомнѣнія въ новѣйшія времена.—Въ характериомъ сокращеніи Нестора, которое писано въ XIII вѣкѣ и найдено ипою въ *Древнихъ правилахъ Софийскихъ* (Новгородского Собора) или въ Кормчей Книгѣ (Синодальн. библиотеки №. 82) сказано: «спартаній Рюрикъ съде Новгородъ, Синеусъ на Бѣлозеръ, и проч. — Городъ Бѣлозерскъ, по древнему преданию его жителей, споялъ въ IX вѣкѣ на съвершомъ берегу озера: Владимиръ, какъ они сказываютъ, перенесъ его на то мѣсто, гдѣ вытекаетъ река Шексна (см. Миллеровъ *География. Лексиконъ*); нынѣ сей городъ находился, какъ извѣстно, на южной сторонѣ Бѣлозера. — Нынѣшняя слобода Изборскъ въ 26 верстахъ отъ Пскова.

... Замѣнимъ, что Изборскъ два раза былъ перенесенъ съ мѣста на мѣсто: въ 1303 и въ 1330 (см. *Псков. Альп.*).

(273) Смъ *Книгу Столпск., Никоновск.,* также *Софий-*

скую, письменную Новогородскую и Подробную летопись, изданную Львовымъ.

(274) Въ Воскресен. и другихъ лѣтописяхъ именемъ приведено, что Рюрикъ и братья его, утвердившись въ Россіи, погаши воевать всюду.

(275) См. Шведск. Далицову Gesch. des R. Schwed. T. I, и Маллеи. Histoire de Danemarc.

(276) Архангельск. Лѣт. Въ древнихъ спискахъ споминъ Аскольдъ и Сканльдъ, а не Оскольдъ.

Они уже по кончинѣ Симеуса и Трувора отправились изъ Новагорода — съдѣственno въ 864 году. — У насъ есть новѣйшая сказка о началѣ Кіева (см. въ Симодальи. библіот. книгу о древностяхъ Рос. Государства подъ №. 529), въ коей Авторъ пишеть, ч то Аскольдъ въ Дири, отправленные изъ Новагорода Олегомъ послами въ Царьградъ, увидѣн на пути Кіевъ, пленялись красотою окаго и завладѣли имъ, убивъ Кія, братьевъ и сестру его. Тутъ же сказано, ч то Кій, Щекъ и Хоривъ были разбойники въ Новогородской области; ч то Новогородцы посадили ихъ съ сестрою Лыбедью и съ 27 товарищами въ шемницу и хонгын ловѣнинъ; ч то Кіязъ изъ жалости далъ имъ свободу; ч то сіи разбойники два мѣсяца жили дикими ятсипами до рѣки Диїпра, впадающаго въ Теллес море, по коему живутъ Варяги; ч то Кій основалъ тамъ Кіевъ, и принялъ къ себѣ многихъ бродягъ, началь обрабатывать землю; ч то товарищи его назывались Дреблами, и проч.

Баеръ думалъ, ч то Аскольдъ и Дири есть имя одного человѣка; ч то слово Дири означало на языке Скандинавскомъ велиможу или полководца. Сія мысль полюбилась Ташишеву и Мишеру. Но Шлецеръ доказалъ ошибку Баерову. (Шлецеров. Oskold und Diir, eine Russ. Geschichte).

(277) Россы, по извѣстіямъ Византийскимъ, отражали всѣ монастыри и селенія прекрасныхъ осиротовъ Плати, Іапира, Теревинеа, убивъ множество людей. Въ Теревинеѣ жилъ тогда изгнаникомъ благочестивый Патріархъ Игнацій, и едва могъ спасши

жизнь свою (см. Баера *de Russorum prima expeditione Constantinopolitana*, въ Комменп. Академіи, Т. VI, стр. 376 — 378).

Несврь говорить, что Россіяне вошли въ Судъ, то есть, гавань Цареградскую (см. ниже, примѣр. 300). — О семъ нападении *Россия* пишутъ Византійские Историки, Левъ Грамматикъ, неизвѣстный Продолжатель Константина, Георгій Монахъ Симеонъ Логовитъ, и проч.

См. *Memor. popul.* Т. II, стр. 957 — 958. Греки воображали, что на Сѣверѣ, около источниковъ рѣки Днѣпра, есть великая гора Тавръ (см. Баер. *Origines Russicae*, въ Комменп. Академіи Т. VIII, стр. 402).

Шлецерь не признаетъ сихъ *Россия* Киевскими (Nestor, Ч. II, стр. 258).

(278) Во время Императора Льва Македонского два брата, именемъ Галльвій и Кандидъ, носили ризу Богоматери въ домъ одной старой Галилейской Жидовки, привнесли въ Константинополь и наконецъ отдали въ храмъ Богоматери Влахернскай (см. въ Мин. Чеп. Іюля 2, сказание о семъ случаѣ, и Баера *de Russ. prima expedit. Constant.* стр. 380). Сія церковь есть славѣйшая въ аѣтописахъ Восточнаго Христианства. Имя *Влахернъ* произошло отъ какого-то Влахера, будто бы жившаго не далеко отъ Византии еще прежде временъ Константина Великаго. Дюканъ подробно описываетъ ея великолѣбие и чудеса, которыя въ ней случились (*Constantinopolis Christiana* стр. 83). — О ризѣ Богоматери пишутъ Левъ Грамматикъ и Симеонъ Логовитъ. Самъ Фомій въ окружной грамотѣ своей къ Архиепископамъ Восточнымъ, упоминая о паденіи Россіи (Барон. *Annales Eccles.* X, 253) молчитъ о двѣстѣхъ святой ризы. Татищевъ въ утверждениѣ сего чуда, приводитъ (см. Исторіи его Т. II, стр. 364) молитву изъ Акаѳиста Богоматери, гдѣ сказано: *яко же икоода дреалъ всеильныѧ воеводство и спасла еса прѣструющій градъ* свой отъ *Скиѳскаго воеводы, зелрообразнаго, лукаваго вепра, отаго прегордаю Каака, и разсырлыющаго*.

моремъ тьмочисленныя соинства потопила еси. Но къ сей мориице говорится о другомъ чудѣ, которое описано въ Синаксаріи, читаемомъ въ Суббошу памятая недѣли Шосты (см. Тріодіонъ), и случилось въ VII вѣкѣ. Подъ именемъ гордаea Кагана разумѣется Ханъ Аварскій, приспупавшій моремъ и сухимъ путемъ къ Цариграду въ 626 году (Memor. popul. T. I, стр. 747). — Кіевскіе жители употребляли имѧ Ка-гана, выѣсто Государа, для того, чтои они долгое время были подвластны Хазарскимъ Великимъ Ка-намъ.

(279) См. Memor. popul. T. II, стр. 958, Баера de Russ. prima exped. Const. и Барошевы Annales Eccl. X, 253. Напрасно же скажій піенавистникъ Фотій, ученый Ассеманнъ, доказываетъ намъ, что сей великий Патріархъ хотѣлъ обмануть современниковъ и по-тому спасло, и сочинилъ ~~житіе~~ свое посланіе уже тогда, какъ Игнатій своимъ управляемъ Церковью: ибо (говорить Ассеманнъ) Депутаты Восточныхъ Престоловъ на освяленіи Соборѣ, бывшемъ въ 869 году, объявили, что они не имѣли никакого спошнія съ Фотіемъ (Kalend. Eccl. Univ. II, 254, 256). — Древнее испанское преданіе, что Христіанство сошло въ Россию при Фотіи, ввело новѣйшихъ Лѣтописцевъ въ грубую ошибку: не сообразивъ разности временъ, они говорятъ, что Фотій крестилъ Ольгу (см. ел. житіе Промолгъ), и что Фотій же приславъ Епископовъ ко Владимиру!

(280) Memor. popul. T. II, стр. 962 — 964. — Михаиль умерщвленъ въ 867 году, 25 Сент. (см. Круга Byz. Chron. 3). Императоръ Василій Македонскій возвратилъ Игнатаю санъ Патріаршій (см. Баера de Russ. prima exped. Const.). — Константинъ такъ повѣщающій: «Князь и Вельможи Русскіе, въ шорахъ же свѣтихъ соборій слушая Евангельское ученіе, не хотѣли вѣришь ему, но сказали Греческому Епископу: брось въ огонь сию книгу, и ежели она не сгоритъ, то мы поверимъ ея селости. Епископъ испольшилъ ихъ волю, и Евангелие осталось невредимо. Тогда,

зубъжденные чудомъ, Князь и Вельможи пришли Хри-
стіанство. Въ *Никон.* *Лѣт.* упоминается о семъ
случаѣ, Т. I, стр. 21 — 22, и въ *Степен.* Книга Т.
I, стр. 85.

(281) См. Несгора стр. 44.

(282) См. выше, примѣч. 256. Варяги исповѣдывали
Вѣру Одинову (см. Исландскую Эду).

(283) *Никон.* *Лѣт.* выдумалъ на каждый годъ осо-
бенную войну для Князей Кіевскихъ. — Въ *Воскресе-
нії.* и другихъ лѣтописяхъ сказано, что Аскольдъ и
Диръ, за нѣсколько времени до своего Константино-
польского похода, воевали съ Древлянами и Угличами;
но въ харашейныхъ, вѣрныхъ спискахъ Несгора нѣшь
сего обстоятельства.

(284) См. Маллетову *Histoire de Dannemarc* T. I,
146.

(285) По рукописному житію Св. Кназя Коптшан-
шина (см. выше, примѣч. 209). Онъ нашелъ въ Муромѣ
всѣ древнія обыкновенія Славянской Вѣры. Св. Авра-
мій (см. Прологъ) разрушилъ въ Рословѣ Кумиръ *Ве-
лесовъ.* — Въ нѣкошорыкъ новыхъ историческихъ по-
вѣстяхъ Олегъ названъ *племенникомъ* Рюрика (*Др.
Рос. Виалію.* XVI, 53).

(286) Сказка, что Олегъ на пуші своемъ въ Киевѣ
построилъ Москву, есть новое изобрѣтеніе, кото-
рымъ Г. Елагинъ напрасно укоряетъ Мишронолита
Макарія. Она находится въ крашкахъ историческихъ
повѣстяхъ (не смию назвать ихъ лѣтописями) сочи-
ненныхъ около временъ Царя Алексія Михайловича:
впримѣръ, въ Кикинской рукописи библіотеки Мы-
леровой (въ Архивѣ Иностран. Коллегіи, No. 4).

(287) Нынѣшній шакъ называемый *Старый городъ*,
между Кіево-Печерскою крѣпостью и Подоломъ: мѣ-
сто рѣдкое своимъ красивымъ видомъ.

(288) И шакъ Олегъ призывалъ Игоря законнымъ
Государемъ и думалъ властствовать его именемъ.

(289) Кто былъ сей Ольма? безъ сомнѣнія знамени-
шій человѣкъ въ древнемъ Кіевѣ? неизвѣдно. Шле-

церь (Nestor) Т. II, спр. 63) называетъ его спро-
шемъ церкви Св. Николая: по чemu?

(290) *Гравна* означала 1) украшение золотое, но-
симое Князьями и Вельможами на шеѣ; 2) вѣсъ и мо-
нешу числительную см. *Уставъ ратныхъ дѣлъ*.
Гриненка въ общемъ смыслѣ вѣса означала *фунтъ* (шакъ
показано и въ нашихъ древнихъ рукописныхъ Археме-
тикахъ, съ прибавлениемъ, что *ложная* гриненка есть
½ фунта). Но въ мешалахъ драгоценныхъ подъ именемъ
гриненъ разумѣли только 48 золотниковъ или Из-
мѣцкую марку. См. Архем. Леонтий Магницкаго въ
Посольскихъ дѣлахъ Прусскія No. 1, л. 146, годъ
1518. — И въ лѣтописи Несторовой и въ Русской
Правдѣ за числомъ гриненъ означается мешалъ, ко-
гда говорится о золотѣ; но гдѣ рѣчь идетъ прошло
о гриненахъ, шамъ всегда разумѣется серебро. Но какъ
ходила монета древнихъ Россіиъ была дѣйстви-
тельно не серебряная, а *ложная* (см. ниже, примѣръ
472 и 475), то подъ именемъ гриненъ надобно разу-
мѣть единство монету *числительную*, которая
составляла хоня и представляла цѣну серебра, но скоро,
не имѣя доепониенія виупрениаго, упразднилась въ окно-
шенихъ къ мешалу и къ вещамъ.

(291) По ящочному смыслу лѣтописи не одинъ Нов-
городъ, но и другие народы Русскіе платили Варя-
гамъ, хотя Несторъ сказываетъ только, чѣмъ облю-
жены были Новгородцы, для соблюденія мира и друж-
бы съ корыстолюбивыми воинами Скандинавскими.
Виѣзвѣ того, чтобы давать имъ жалованье изъ ка-
злы, Олегъ разложилъ его на свои области. Узнѣмъ
въ послѣдствіи, что Новгородъ, кроме сего жалованья,
платилъ еще особенную дань Гоударямъ Кіевскими.

(292) То есть, между оими народами, по Несторо-
вой Географіи, не было иныхъ. Кривичи восточные,
или Смоленскіе, могли граничить съ Клецинскою Ме-
рею въ нынѣшней Московской Губерніи.

(293) Суздаль принадлежали къ наеменіи Съверянъ
(см. Нестор. спр. 7). — Лупичи и Тивирцы жили по
Днѣпру до самаго моря: быти можетъ, что Пече-

пѣги, завладѣть въ X вѣкѣ берегомъ Черноморскимъ, принудили ихъ отчесши удалившись въ Подольскую Губернию или Галицию.

(294) Сихъ Угровъ, то еспѣ, пынѣшихъ Венгровъ, Неспоръ въ одномъ мѣстѣ называешьъ *Черными*, а древнихъ Угровъ, изъсенныхъ еще въ Ираклиево время, *Блѣмы* (см. выше, примѣч. 41). По Восточному обыкновенію бѣлое означало у Славянъ или *великое* или дреzнее: шакъ Великая или древняя Хроватія называлась *Блѣмок* (Метог. popul. II, 390); шакъ Дувайскіе Бодгары въ Игоревомъ договорѣ (*Нест. спр.* 42) именованы *Черными* въ отношеніи къ Великой Болгаріи; шакъ Венгрия около X вѣка раздѣлялась на *Блѣмую* и *Черную* (см. Гебгард. Gesch. des R. Hungarn, T. I, спр. 362 и 376 Пестск. изд. 1802). Константина Багрянородный пишетъ, что Венгры, изгнавные Печентѣгами изъ Лебедин, спрашены Козарской, обитали въ земль гори года, и помогали Кагану на войнѣ (въ Бандури Т. I, спр. 107), что они не имѣли Государя, ни собственнаго, ни *тужеземного*: слѣдѣственно не были дѣйствительными подданными Кагана, хотя и помогали ему на войнѣ, кажешся, за то, что онъ давалъ имъ обишасть въ его владѣніяхъ. — Исторія дреzнейшихъ Угровъ, или Уроговъ, Гуннгуротовъ, Саргуротовъ и проч. исчезаетъ въ Византійскихъ лѣтописахъ около VI вѣка. Кажешся, что сей народъ, побѣжденный Козарами, смѣшался съ ними.

Спрашивается, откуда пришли Венгры? Неспоръ пишешь: *отъ Востока*; а дреzнейшій Венгерскій Лѣтописецъ говоритъ: *изъ-за Суздаля* (см. ниже). Пущешесцевники XIII вѣка, Іуліанъ, Плавъ Карпинъ, Рубруквистъ, нашли въ сосѣдствѣ съ Казанскою Болгаріею, между Ураломъ и Волгою, людей говорящихъ языкомъ Венгерскимъ (см. Бержероповы Voyages en Asie T. I, и Прай Dissert. II in ann. veter. Hung. спр. 36 — 39). Рубруквистъ именуешь сю спрашу *Pascatir*, ш. е. Башкирию: изъ тѣхъ же, или окрестныхъ мѣстъ, вышли, какъ вѣоящно, въ V вѣкѣ и дреzнейшія Угorskія племена, Ушогуры, Гуннагары

и проч. (см. выше примѣч. 41). — Другое искали древнаго отечества Венгровъ или Угровъ за Каменемъ поясомъ на берегахъ Оби и Сосвы; въ земль Югорской (см. выше, примѣч. 72), Прая Dissert. II. in. ann. vet. Hung. стр. 18 — 34, и Гармати *Affinitas linguae Hung. cum linguis Fenicæ originis*; то есть, полагали Венгровъ единоплеменниками Финновъ. Такъ думали и Россіяне XVI вѣка, по увѣрению Герберштейна (*Rer. Moscovit. Comment.* 65). Но Константинъ Багрянородный называетъ Венгровъ Турками, и въ языкахъ первыхъ находятся весьма много Турацкихъ словъ (см. Прая Dissert. V. in an. vet. Hung. стр. 106 — 108). Имена древнихъ вождей Маджарскихъ суть также неоспоримо Турацкія: (Метог. popul. III, 590). Впрочемъ некоторые и Финновъ производятъ отъ Гунновъ и счишаютъ единоплеменниками Аваровъ, Печенѣговъ и другихъ Турацкихъ народовъ (см. Прая Dissert. I, стр. 8 — 14): вѣрю; но Финны утратили свой первобытный Азіатскій характеръ, отдалась отъ нихъ въ глубокой древности; а Маджары сохранили его.

Венгры сами себя называютъ Маджарами или Маджарами, и въ Восточныхъ языкоислѣдованіяхъ извѣшины подъ симъ же именемъ. Но вѣроятно, что общее, древнѣйшее имя сего народа есть Угры, и что Маджарами называлось прежде какое нибудь особенное, сильное племя. Константинъ Багрянородный говоритъ, что Венгры въ IX вѣкѣ раздѣлялись на семь поколѣній, изъ которыхъ одно именовалось Мезурѣ (въ Бандуринѣ T. I, стр. 109): кажется, *Маджарами*. (Метог. popul. III, 608). Область Угровъ не проспирала ли отъ Харьковской Губерніи до пороговъ Днѣпровскихъ и до устья рѣки Ингульца?

Въ Кавказской Губерніи, на рѣкѣ Кумѣ, видны остатки и развалины каменныхъ зданій, называемые *Маджарами* (см. Samml. Russ. Gesch. IV, 22, и Биннинг. Hist. Magazin, V, 533). О городе *Маджарахъ* именно упоминается въ нашихъ языкоислѣдованіяхъ XIV вѣка. — Палласъ говоритъ еще о *Маджарской соля-*

иомъ озерь, близъ Кумы, и другихъ развалинъ, изъ
въсільныхъ Черкесамъ подъ именемъ Маджаръ Юла
или долюхъ Маджарскіи.

Несторъ пишетъ далѣе, что Угрышли чрезъ то-
ры названныя поасъ Угерскими, то есть Карпат-
скими.

(295) По Троиц. списку, отъ 885 до 906 года.

Городъ Псковъ обыкновенно именуемъ Плесковымъ
въ наимѣ древнихъ лѣтописяхъ: онъ уже существо-
валъ тогда по словамъ Нестора.

(296) Мемор. порул. II, 972 и 1055.

(297) Несторъ именуетъ здѣсь и Вяпичей, но, ка-
жется, ошибкою: ибо самъ говорить послѣ, что до
временъ Святославовыхъ они не признавали надъ со-
бою господства Князей Россійскихъ.

(298) Днѣпропровские пороги, говорить Г. Зуевъ, суть
не чѣмъ иное, какъ быстрое спрѣмленіе воды по кам-
нямъ большимъ и малымъ, которые лежающіе рѣкѣ
и мѣшаютъ судоходству. Они проспираются на 65
верстъ. Главныхъ считается 13 (см. Записки В. Зуе-
ва стр. 253).

(299) Константина, говоря о своемъ времени, имен-
уетъ Печенѣговъ; но Лѣтописецъ вашъ еще не упо-
минаетъ объ нихъ при Олегѣ. Впрочемъ они, по Ви-
зантійскимъ и другимъ извѣстіямъ, могли уже быть
тогда въ Екашеринославской Губерніи (см. ниже). До-
стоинъ замѣчанія, что имя главнаго порога, Нена-
сытскаго (см. Записки Г. Зуева), отъ временъ Кон-
стантиновыхъ сохранилось донынѣ: Императоръ на-
зываєтъ его Нехутъ, ибо памъ на высокихъ камняхъ
гнѣздились ненасыты. Россійне находили способъ про-
водить суда чрезъ другіе пороги, но въ семъ мѣстѣ
обыкновенно вѣками ихъ берегомъ. (Мемор. порул.
II, 982).

(300) Гиббонъ (Decline and fall of the Roman Em-
pire T. VIII, гл. XLVIII).

Несторъ пишетъ: «замкнули (Греки) Суда. Въ раз-
ныхъ новѣйшихъ спискахъ сго прибавлено: «цинию,
веригами». Русские Историки шоковали, что съ

подъ именемъ Суда разумѣшъ Воспоръ, или жадагъ, соединяющій Черное море съ Балтикомъ или съ Пропонтидою; но Византійскіе Альфонсцы говорили, что въ случаѣ опасности Греки преграждали цепью не каналъ, а шелько гавань имъ заливъ его, называемый Рогомъ, Керас, Sinus Ceraticus (Дю-Каж. Constantiopolis Christiana, глав. VI Catena, стр. 9 — 10). См. пачь древнаго Константина о полѣ въ Бандури, Т. II, и въ Шевалье Voyage de la Propontide Т. I.

(301) См. Кантемир. Исторію Оттом. Порты, кн. III, и Риштерово описание Константина о полѣ осады, (от Намец. Allgem. Gesch.) Турецкие сказочники также говорили, что парусы синъ-голубь развалились на сухомъ пучинѣ.

(302) Въ подлинникѣ: «12 гривенъ на ключъ.»

Чтобы судить о вѣроятности означенной дани, надобно иметьъ помянутѣ 1) вообще о суммахъ, какія Норманы или викинги Варяги брали въ IX и X вѣка съ народовъ, ими побѣждаемыхъ, и 2) о тогдашней богатствѣ Грековъ. Въ 810 году Норманы пришли на 200 корабляхъ въ Фризландію и взяли съ жителей 100 фунтовъ серебра (Annales Fuldaenses, въ Дюшенѣ Т. II, стр. 541). Городъ Парижъ заплатилъ имъ въ 845 году 7000 фунтовъ серебра (Т. III, стр. 201). Карлъ Пальмавий, заключивъ миръ съ Норманами, дая имъ въ 866 году 4000 фунтовъ серебра (Дюшен. Т. III, стр. 225). Въ 884 году они требовали съ Карломаномъ 12,000 фунтовъ чистаго, пробного серебра, обязываясь 12 лѣть не перевозить избѣглыми областей его (Annales Metenses, Т. III, стр. 320). См. также Альфонсъ о приведены Г. Кругомъ въ его сочиненіи Münzkunde Russlands, стр. 166 — 173. Что принадлежитъ до Грековъ, что они въ X вѣкѣ были конечно самыемъ богатѣйшимъ народомъ Европы. Напримеръ: въ 902 году жалованье войска ихъ, оправдывавшаго въ Крите, составляло 271,010 солидовъ или червонцевъ. Интересны ежегодно дармы въ церкви Св. Софии 120 лиръ золота. Кто хотѣлъ залоги въ члены Императорскихъ шлюхранишней, пошь вносить въ ка-

зму 504 солида (см. Константи. de Сетиц. спр. 378, 26, 21, 107, 400; въ сочин. Г. Круга Мюнх. Russl. спр. 177, 185).

Улладами называлась дань или налоги. — Здесь упоминается о Переяславль: следствию сей городъ (за реку Трубежъ, въ 60 верстахъ отъ Киева: ибо мы не знаемъ ишаго въ древней Россіи) быть уже въ Олгово время? Полоцкъ есть Полоцкъ.

(303) Въ Константинополь жалованные войску, церковнымъ служителямъ и хлебъ изъ кирзовныхъ магазиновъ выдавались обыкновенно по-месячно (см. Дю-Канж. Glossar. въ словахъ Мурада, Мурадслозуев). Греки облизывались только бъ месяцевъ содержать всякаго купца Русскаго: иначе сіи гости долговременными пребываніемъ своимъ въ Царыградѣ могли бы обременить ихъ.

(304) Константинополь славился народными банями (Constantinopolis Christiana, гл. XXVII, спр. 88). Дю-Канжъ описываетъ ихъ двадцать четыре; такъ называемыя Зевксисы были украшены мраморомъ и спандулями великихъ Позитовъ, Оранторовъ, вонцовъ; въ накоторыхъ баряхъ мылись и женщины и мужчины (Valneum duplex, въ Constant. Christ. спр. 94).

(305) Между городскимъ сплетинами и Воспоромъ. Тамъ была церковь и монастырь Св. Мамы, дворецъ, портикъ и гавань (Бандури Imperium Orientale, Т. II, спр. 719, и Дю-Канж. Constant. Christiana, гл. IV, спр. 185).

(306) Неспоръ говорилъ о двухъ Царяхъ Греческихъ: Левъ и братъ его Александръ, который дай-сашинелько имъть инициу Царя (см. ниже, привыч. 308) ходилъ Лени по смерти свою одинъ управляемъ Имперіею (см. Гиббона Т. VIII, гл. 48, спр. 565 Базельск. изданія). Полиника могла засвидѣть Олега чинища боговъ и Вѣту главнаго народа въ государстваѣ своемъ.

Стриковскій (см. въ его Хроникѣ гл. III) пи-шѣть на Галанскихъ ворошахъ, прошинъ Константина-нополя, изображеніе всадника, бывшаго Московскими

гербомъ; и думалъ, чио левъ вѣдникъ списаиъ отъ
изъ древаго щита: Олегова! Князь... левъ повѣстъ
щитъ свой на Цареградскихъ воротахъ; но Греки
не захотѣли бы долго имъ любоваться; и Св. Георгій
не бывъ конечно гербомъ Олеговымъ.

(307) Левъ Грамматикъ, Симеонъ Догоеца, Продолжатель Константиновъ, Георгій Монахъ, Кедрина, Зонара — самые шѣ, кошорые повѣстующъ о нападеніи Россіянъ въ 866 и 941 году. Но слѣдуєтъ ли заключить, что происшествіе, ими не описанное, должно бывъ выдумкою? Нѣтъ: 1) вообще отъ 813 до 959. года Византійская Исторія, по замѣчанію Баера, вѣсма неполна (см. Шлецер. Nestor Ч. I, спр. 13); 2) не всѣ авторы Византійскіе дошли до настъ; 3) чего нѣтъ въ извѣстныхъ памъ; могло бывъ въ упраченныхъ, ибо мы видимъ, что многіе изъ нихъ говорятъ о случалъ, о которыхъ молчатъ другіе, описывая то же время; 4) Скилицій, Кодринъ, Зонара, называютъ Св. Владимира запечемъ Василіемъ Константиномъ, но не пишутъ ни слова, когда и какъ Россійскій Князь женился на Аннѣ: слѣдовательно не есть важные случаи описаны Византійскими Историками.

Всѣ народы въ юности своей, не зная письменъ, любили историческая пѣсни и сказки, подобныя Исландскимъ Сагамъ: Слово о полку Игоревѣ даешь намъ понятіе о нашихъ древнихъ сказкахъ. Несмотря моть заимствование изъ нихъ нѣкоторыя обстоятельства: напримѣръ, число кораблей Олеговыхъ, сопровождаемыхъ конницей; его сухопутное плаваніе; испомѣрную дань, будто бы взявшую имъ съ Грековъ; щитъ, повѣшенный на воротахъ. Константинопольскихъ, и павлочки вместо парусовъ. Испания служитъ основаниемъ для исторической Поэзіи; по Поэзія не Испания: первая больше всего хочешь возбуждать любопытство, и для этого мышаешь быть съ небылицею; вторая отвергаетъ самые ос проумные вымысли и хочешь шельмо искинцы.

(308) Самыя первыя условия Олеговы съ Греками описаны имъ, кажеется, по словесному преданію о вы-

годъ ихъ для Россіи и по соображенію съ новѣйшими договорами: они предложены кратко и не имѣютъ точности, соблюденной въ договорахъ 911 и 945 года. Лѣпосчислѣніе въ *Troiczh.* спискѣ описываетъ здѣсь годомъ противъ иныхъ, такъ же, какъ и въ извѣстіи о походѣ Олеговомъ къ Царюграду. Въ концѣ самаго договора, по *Troiczhomu* списку, сказано: «мѣсяца Сент. въ 2 Недѣлю, пятигоднадесѧтъ лѣпо соизданье мїра.» *Пятигоднадесѧтъ* лѣпо означаетъ 15 Июня: следствіемъ договоръ заключенъ, по нынѣшнему лѣпосчислѣнію, въ Сентябрь 911 года, за 8 мѣсяцевъ до кончины Императора Льва, умершаго въ 912 году, Маія 11, по точнымъ словамъ Константина Продолжателя: *Maïi 11, die 5, indictione 15 diem obiit Leo.* Здѣсь ошибка единственно во дни недѣли: 11 Маія было въ семъ году не Вторникомъ, а Понедѣльникомъ. Императоръ Александръ умеръ въ 913 году, Іюля 6, въ Воскресенье, чрезъ годъ и нѣсколько дней послѣ брата. Напрасно Паджи, вопреки современному Лѣтописцу, относитъ кончину Льва къ XIV Индикту (см. Круга *Chronologie der Byzantier* стр. 81 — 93).

Шлецеръ (см. его *Nest. IV, 10, 11*) въ опроверженіе Олегова трактата говоритъ, что «въ немъ имѣнованы Царями Греческими Левъ, Александръ и Константинъ»: Левъ же не имѣлъ соправителя, и Константина восцѣль на престолъ уже въ 912 году. Но Кедринъ пишетъ, что Императоръ Левъ еще задолго до смерти своей короновалъ сего младенца. (Т. II, л. 91). Чѣго касается до Александра, то онъ и при жизни Льва назывался Царемъ. См. Льва Грамматика гл. V, годъ 905.

(309) Въ разсужденіи именъ слѣдую *Troiczhomu* списку, какъ древнѣйшему; но многія и въ немъ безъ сомнѣнія испорчены. Всѣ они раздѣлены шотками въ подлинникѣ.

(310) Ни слова объ Игорѣ: доказательство, что онъ при Олегѣ не имѣлъ власти.

(311) См. Хильбников., *Ильиевъ*. и другіе. По Т. I.

законами Ладислава, Короля Венгерского, жена и дети убийцы получали впреприю часть изъ его имѣнія (*Decret. S. Ladisl. kn. II, гл. VIII*).

(312) Въ Греческой монете было 72 золотника, а монета серебра цѣною равнялась съ пятью солидами или червонцами (см. *Dissertation sur l'état de la monnaie Romaine въ Mémoires de l'Academie des Incriptions*, годъ 1718 — 1725, стр. 364, в сочиненіе Г. Круга: *Zur Münzkunde Russlands*, стр. 153).

(313) То есть Византійскихъ *номисмы или солиды*, которые имѣли въѣсть Голландскихъ червонцевъ, или не много болѣе (см. Рейске *Comment. ad Cerim. Const. Porph.* стр. 44, в сочиненіе Г. Круга *Münzkunde Russlands*, I, 137).

(314) Такъ въ *Троицкомъ*.

(315) Сие относится къ времѣни предыдущимъ сашьльмъ.

(316) См. выше, примѣч. 308. Договоры Грековъ съ другими народами, имѣвшими буквы, писывались обыкновенно на двухъ языкахъ (см. въ Менандеровыхъ *Посольствахъ* извѣстіе о мирѣ, заключенномъ между Иустинианомъ и Персидскимъ Царемъ Хозроемъ).

(317) Мемор. popul. I, 8 и 103. Патріархъ Славянинъ назывался Никифоро.

(318) Мемор. popul. II, 983.

(319) »Еще же (всегда имѣ показати) чудеса Бога своего, спасши Господиъ, вѣнецъ, и гвозды, и хламиду багряную, и мощи Святыхъ.« По Византійскимъ дѣпописямъ, около сего времени Царь Левъ угощалъ пословъ Сарацинскихъ, и показывалъ имъ всѣ драгоценности церковныя (см. Кедрина и Льва Грамматика).

(320) Въ одной *Исландской Сагѣ*, сообщенной намъ Торфеемъ, есть такая же басня о рыцарѣ Орварѣ Одѣ. Вѣщунья предсказала ему смерть отъ любимаго коня его, именемъ *Факса*. Конь умеръ, и рыцарь, сполз на его могилѣ, думая, что вся опасность миновала; но *жигерита* (*Tacerta*) выползла изъ гниющаго

чертка Факсона, и изъ пятн укусов Озара (Torf. Hist. Norweg. T. I. kn. VI, m. 6, стр. 273). Киевские же Варяги передали сюю сказку северным землякамъ своимъ, или северные Киевскими?

(321) То есть, мы подаемъ, что Хорваты, имъ покоренные, жили въ окрестностяхъ горъ (см. выше, примѣч. 69).

(322) Здѣсь новѣйшіе Лѣтописцы говорятъ о войнѣ Игоря съ Угличами. — Опѣх похода Олегова до 945 года лѣпосчислѣніе Троицкаго списка все еще отшаетъ годомъ отъ другихъ.

(323) Мемог. рорул. III, 796 — 932. Нѣмецкіе Лѣтописцы называютъ ихъ *Печнацами* и *Печнегами*, Византійскіе *Пачинакитами* и *Пачинаками*, Венгерскіе *Биссенами* и *Бессами*, Польскіе и Русскіе *Печентѣгами* (см. Шлацер. Geschichte der Deutschen in Siebenbürgen, стр. 452). — Мы не знаемъ языка ни Гунновъ, ни Аваровъ, ни Печентѣговъ. Знаемъ только, что послѣдніе говорили однимъ языкомъ съ Команами или Половцами: въ чёмъ уѣтряешь насъ сандышельство Авы Команы (Мемог. рорул. III, 908). — Дунайскіе Болгары до самаго завоеванія Мизіи были, кажется, народомъ бочующимъ. Волжскіе и Камскіе были седенія и города, но уже въ позднѣйшія времена. — Болгары, завоевавши Мизію, давно обращались къ Славянъ по языку и нравамъ своимъ. — Константинъ говорилъ (въ Бандури стр. 105), что Печентѣги жили въ сосѣдствѣ съ Узами и *Мазаринами*, и что Узы съ помощью Хазаровъ выгнали ихъ отшуда.

(324) По словамъ Константина (въ Бандури Т. I, 108). Французскіе Лѣтописцы согласно говорятъ, что Печентѣги выгнали Угровъ изъ Молдавіи въ 896 году: см. Шлец. Nestor III, 140; также Констант. Багр. въ Бандури I, 106, Баером. Geograph. Russ. ex Const. Rotogr. въ Комменн. Акад. IX, 599, и Гаппнер. Allgem. Weltgesch. 582. Константинъ полагаетъ только дѣло лѣды описаніе Россіи до владѣній Печентѣгскихъ, описаніе Узіи и Хазаріи племя діскій, описаніе Аланіи (въ Ка-

казской Губерніи) шесть, а пѣ Мордін (Мордвы) де-
сять.

(325) См. Шлецъ. *Gesch. der Deutsch.* in Sieb.
224 — 225.

(326) См. выше, прим. 324.

(327) Консц. Багрян. въ Бандури Т. I, стр. 56.

(328) Мемог. popul. II, 967, 973. — Кедринъ въ Зо-
наре говориша о 15,000 судовъ! Современный Испо-
ракъ Ліушпрандъ, (о которомъ см. ниже), ражеши
справедливѣ пишешъ, чго Нгорь имѣть *тыслу*, и бо-
льше судовъ (кн. V, гл. 6). — Тогда правилъ Имперію
одинъ Романъ Лакапинъ, шестъ Константина Багря-
нороднаго, и не давалъ послѣднему никакой власши.

(329) Онъ пишешъ, что Россіяне забавлялись му-
ками несчастныхъ пытниковъ: распинали ихъ, раз-
стригали и вбивали имъ въ голову желѣзные гвозди.
Кедринъ тоже слово въ слово (см. "Русскій" переводъ
его, стр. 109, и Мемог. popul. II, 970). Греки лю-
били "увелѣчивать" зверство своихъ пепрѣщелей. —
Протопесчарий былъ хранителемъ царскихъ одеждъ
и первымъ по Доместикъ или начальникъ сухопут-
ныхъ войскъ (см. Кодика о *тинахъ Константино-
ского Двора*).

(330) Онъ сползъ на Европейскомъ берегу Воспора.
Въ *Воскресен. Альб.*: «Романъ же послалъ дромонъкъ (су-
да, у Дю-Канжа *navis oblonga*) зѣлѣко блѣку въ Ков-
стянтииградъ съ Фебланомъ на Русь. Фебланъ же
младенція вол' прежде урядиша и угошовиша, и слузами
себе ушвердивъ, Руси вѣждаша, въ ладахъ на ня хоти-
ши съ окрестнаго Нлаголемаго Фара, спражница,
эль Ней же отъ влагаемъ на прѣвѣщемъ въ воїци: се-
зна устны Понша опражудыла, запа шу часно разбой-
ничество, и на спраты нагнамидъ и яромъ».

О подельни брашъ. Грековъ живиша пишешъ. Ли-
ушпрандъ, въ Hist. кн. V, гл. 6. — Хуроу тир, Гречес-
кій отецъ, изобрѣтенъ, такъ извѣшио, въ VII вѣкѣ
Грекомъ Каллиникомъ. Въ наше время не умѣюши
составляти, еф. тт. Иверь, по Чисторову, извѣшио,
опущошиъ Виеннио и Падаконий, прежде Европей-

скихъ береговъ Воспора; но Греческие Историки всъ согласно покъснѣуютъ, чѣмъ флотъ его, уже разбіянный Феодантомъ, присталъ къ берегамъ Виенни. Недѣльторъ пишеть чѣмъ, чѣмъ Россіяне выжгли Судь или гадань Цареградскую; а Византійцы говорятъ шолько о Стенѣ (Memor. рорул. II, 969). Подъ симъ вмѣнѣвъ разумѣть вообще берега Воспора Фракійскаго.

(331) Отъ Юна до Септабря (Memor. рорул. II, 967 — 970).

(332) Эльмакинъ или Альмакинъ, крещеный Арабъ, бывший въ 1309 году Секретаремъ Египетскаго Камила, говорить (Historia Saracenica стр. 213): *hoc anno, scilicet 329 (и. э. 940 — 941) oppugnarunt Russae Constantiopolim; sed testiterunt iis Romani, qui persecuti eos sunt, et in regionem suam se recesserunt obegerunt.* Міумиранъ (Historia кн. V, гл. 6) пишеть, чѣмъ флотъ Греческій, во времѣ Игорева нападенія, былъ въ опуштѣніи: «Императоръ, думал, какъ отразить враговъ, проводъ безъ сна и вскомъно ночей; узная же, чѣмъ въ гавани есть 15 вѣхихъ судовъ, велѣлъ неправильныхъ и выслать оныхъ съ зогнемъ ярошиевъ Игоря. Вѣшарь, мышавшій двѣстѣю этого огня, утахъ, и Греки зажгли суда непріятелискія. Россіяне, чтобы спастились отъ пламени, бросались въ воду: многие утонули отъ плагоспи своихъ вѣхомъ и лашь; другіе боролись съ волнами и шакоже погибли; живы остались единственно пѣтъ, которыхъ утили на берегъ. Греческия большія суда не могли выныться за Русскими лодками, плавающими въ самыхъ мелкихъ мѣстахъ — и проч.

(333) Праспѣша, Володислава. Такое множествво пословъ удивляешь вѣсъ; но въ древнія времена оно было знакомъ особенного уваженія къ Монарху или изроду, который принималъ ихъ (см. sur les fonctions des Ambassadeurs chez les Anciens, въ Mem. de l'Acad. des Inscriptions, годъ 1734 — 1737).

(334) 16 Дек. 944 г. Романъ былъ сверженъ съ престола Спартакомъ въ Константинополѣ, неблагодарнымъ дѣшьми своимъ (Круга Byz. Chron. 230).

- (335) См. выше стр. 155.
- (336) Legatio Liutprandi etc. въ Муратори. Т. II, стр. 487, Круга Münzkunde Russlands стр. 96 — 97.
- (337) Надобно думать, что князьорыя особенные шканды, опредѣленной добромы и мѣры, ходили въ Греции какъ деньги. (Констант. de Селин. стр. 382, въ Кругов. сочиненіи Münzkunde Russ. стр. 86, Мемор. росс. II, 82).
- (338) Въ Олеговомъ договорѣ положено выкупъ 90 золотниковъ за каждого Греческаго невольника.
- (339) Въ Олеговомъ договорѣ сказано также, съ присыпанемъ другихъ обстоятельствъ.
- (340) При устьѣ Днѣпра, на югъ Бересанъ (Мемор. popul. II, 984). У Несгора, на юго-западъ Бордъ, стоявшъ имъ Елевтерій.
- (341) См. Констант. Багратионъ. de Ада. Imp. въ Балдурн T. I, стр. 113.
- (342) См. выше, стр. 159.
- (343) Въ Царѣградѣ была славная церковь С. Илліи; но здесь, какъ увидимъ ниже, говорится въ Киевской.— Слово *обручъ*значитъ также, что помъцо — Далье сидѣющіе замыканиіе, или и въ начальѣ. Ташинецъ означаетъ годъ и число договора (Августъ 20); но и въ нѣшъ въ лѣтописи.
- (344) Несправедливо счищатъ церковь Св. Николая древнейшую въ Киевѣ. Несколько иначе было чѣмъ она въ его время спокойна на могилѣ Аскольдовѣ; а когда построена, неизвестно. Соборная церковь Св. Илліи была, во славу Львовицѣ, надъ ручаемъ, же неизѣкъ Пасынки бесплѣдъ и Козорогъ: думаю, что бесплѣдъ Пасынки и Козороги назывались для улицы или частини древнаго Киева, и что сія церковь находилась между ими. Имя бесплѣдъ означало въ спартану отдаленіе.
- (345) Не только Князь, но и всякой знаменитый Воевода имѣлъ свою особенную дружину.
- (346) См. ниже, примѣч. 371. Мы уже сказали выше, что Коростень есть мынѣшнее мытишечко Искоростинъ въ Волынской Губерніи на рекѣ Уши.

(347) См. переводъ Массуди въ Клапрот. Russland's Vergrösserungen, стр. 182 — 257.

Абульфеда въ Annal. Moslem., стр. 265: Anno 332 (г. 943 — 944). — Абульфарагія или Абульфараджа, или Баръ-Еврэя Chronicon Syriacum, стр. 193. Барда есипъ шынъ мъсшечко, называемое Берде. — Абульфеда жилъ въ XIV, Абульфараджъ въ XIII вѣкѣ.

Якушъ, Арабскій Писатель XIII вѣка, въ своемъ Географическомъ Словарѣ (коего донъинъ извѣстны 3 экземпляра въ Европейскихъ библиотекахъ: въ Копенгагенской, Оксфордской и Саннепшербургской Академической) говорить слѣдующее:

«Русь есть народъ со съдѣственнымъ съ Славянами и Турками. Онъ имѣеть свой языкъ, свою Вѣру. Макадези (Географъ XI вѣка) пишетъ, что Русскіе живутъ на островѣ *Бабик* (можетъ значить: *гдѣ злорѣдный воздухъ*) окруженному водами озера и служащемъ для нихъ вмѣстѣ крѣпости. Число ихъ полагають до 100 миллионовъ. Полей и спадъ они не имѣютъ. Славяне (Болгары? см. ниже) грабятъ ихъ въ своихъ набѣгахъ. Всякому новорожденному сыну отецъ подаетъ мечъ и говоритъ: *твоє единствено то, чого добудешъ мечемъ*. Если падающіе не доволены судомъ Короля (Князя), то сей говоритъ имъ: *судиться мечемъ*. У кого мечъ оспрѣе, шопъ и побѣдитель. Они-то (въ 912 или 944?) году опусшили Барду, но были испреблены Всевышнимъ.»

«Ахишъ, сынъ Фоцана, посланный (въ 922 году, въ княжение Игоря) Каликомъ Мукшедиромъ изъ Багдада къ Королю Славянъ (не Славянъ, а Болгаровъ, какъ видно изъ другихъ мѣстъ Якушова Словаря) вписалъ все видѣнное имъ на пушнѣ: я читалъ его записки, и сообщаю оныхъ здѣсь, не безъ удивленія.

«Я видѣлъ Русскихъ купцевъ — говоришь онъ — въ пристани рѣки Итиля (Волги). Тѣло у нихъ красное. Они не носятъ ни кафтановъ, ни камзоловъ: мужчина накидываетъ на себя съ боку грубую одежду (*grobes Gewand*), такъ, что одна рука оспаешся свободно. У всякаго шопоръ, большой вожъ и мечъ. Никогда не

ходяще они безъ сего оружія. Мечи ихъ широки и рабопны Европейской. У всякой женщины привязана къ грудямъ маленькая коробочка, желѣзная, мѣдная, серебряная или золотая, соразмѣрно съ оспашкомъ ея мужа. На коробочкѣ кольцо; къ кольцу привязанъ большой ножъ. На шеѣ цѣпи, золотыя и серебряные. Мужъ, имѣя 10,000 драхмъ, заказываетъ для жены цѣпь золотыхъ дѣль масшеру; приобрѣтая еще 10,000, даешь ей другую — и шакъ далѣе. Богатыя жены носятъ по нѣсколько цѣпей. Главнымъ ихъ украшеніемъ считается зеленый бисеръ (*falsche grüne Perlen*). Мужья платятъ драхму за бисерину для женскаго ожерелья.

«Они самые нечистоплошные люди... Приплывая изъ своей земли, бросаютъ якорь на широкой рѣкѣ Ишыѣ; выходятъ изъ судовъ и спрояти себѣ большие деревянные дома на обѣихъ ея сторонахъ. Въ каждомъ живетъ человѣкъ 10 и 20. У всякаго длинная, широкая лавка, на коей онъ сидитъ съ своею девкою (женою?) и съ продажными невольницами.«

«Вошедши въ пристань, каждый идетъ съ хлѣбомъ, мясомъ, лукомъ, молокомъ и медомъ» (*cider, яблоновою?*) въ высокому деревянному боянцу, окруженному маленькими; падаетъ ницъ и говоритъ: *о Владыко!* я прѣѣхалъ издалека съ шакинъ-то числомъ невольницъ, соболей, штурь... вотъ тебѣ даръ мой! Кладешъ все передъ боянномъ, говоря: *пошли мнѣ доброго купца съ серебряными и золотыми деньгами!* Уходишь; во въ случаѣ худаго торга опять идешь къ боянну съ дарами; привносить овны и маленькии боянамъ, моля ихъ о засипулениі, и кланяясь имъ смиренно. Когда же выгодно сбываешь все съ рукъ, тогда говоришь: *Владыка помозь мнѣ; теперь я долженъ заплатить ему.* Убиваешь нѣсколько быковъ, овецъ; раздаешь мясо бѣднымъ, кладешь оспашокъ передъ большими и маленькими испуганами; вѣшаешь на первомъ головы убитой скопинѣ — и когда собаки ночью съѣдашъ все мясо, все головы, купецъ говоришь: *Владыка благословитъ ко мнѣ: онъ скушалъ даръ мой.*

«Кто изъ нихъ заможешъ, для шего разбивають вѣли шапѣрь, переносяшъ его въ онъи, оспавляють шамъ хлѣбъ съ водою, не подходяши къ больному, близко и не говоряши съ нимъ, но ежедневно посѣщаюшъ его, особенно бѣднаго или раба. Выздоровѣть, онъ возвращается къ своимъ; если же умреши, то свободнаго предаютъ огню, а раба оспавляють въ скѣдь пасмъ и хищнымъ птицамъ.

«На вора или разбойника надѣваютъ пеплю, вѣшаютъ его на высокомъ деревѣ, и шакъ оспавляютъ, пока ешь вѣпра и дождя испѣшеть.

«Сыша, что они сжигаюшъ своихъ умершихъ начальниковъ съ обрядами весьма спранными, а ждасть случая видѣши онъе — и видѣль собственными глазами. Умершаго опусшши въ могилу и 10 дней надѣнимъ ссыпали, пока скроили и сшили ему одѣжду. Бѣднаго обыкновенно кладушъ въ новую маленькую ладью и сжигаюшъ въ ней; имѣніе же богатаго, собравъ, дѣлашъ на три части: одну даюшъ родственникамъ; на другую шююшъ ему плащъ; на третью покупаютъ меду (cider), чтобы пить его въ шопъ день, въ копорый дѣлка (жена?) покойника убиваешъ себя и вѣтѣшъ съ господиномъ своимъ сожигаешся. Вину пьюшъ они день и ночь, шакъ, чио нѣкошорые, держа стаканъ въ рукѣ, умираюшъ.

«Короли Русскіе обыкновенно держашъ при себѣ, въ свѣтѣ замѣкѣ или городкѣ, 400 храбрѣшихъ воиновъ (дружину). Нѣкошорые изъ нихъ умираюшъ съ ними, или жериваютъ имъ своею жизнью....

«У него (Короля или Кназя) есть Намѣшникъ, ко-
торый предводительствуєшъ войскомъ, воюешъ съ не-
пріятелими и заступаешъ его мясо для поданныхъ.»

«Вотъ извѣстія, слово въ слово выписанныя мною
изъ сочиненія Фоцланова. Пускай Альфоръ опи-
шитъ за ихъ дословѣрность. Но Богъ знаешь
лучше всѣхъ другихъ! Что касается до на-
шего времени, то Русскіе уже Христіане, какъ из-
вѣстно.»

Досеѧлъ Лкушъ. Скажу вѣтѣшъ съ пимъ: пускай самъ

Авторъ оспівливши за достовѣрношть сего либо-
наго изѣспія! По крайней мѣрѣ оно согласно
съ изѣспіеми Нестора и другихъ древнихъ поѣтско-
стновашелей о кравахъ *Слалии* вообще и *Славле
Российскаго* въ особенности: мы знаемъ, чѣмъ жили
первыхъ умиради съ мужьями, и чѣмъ послѣдніе жили
мершыхъ (см. Т. I, спр. 70, 72, 118). Посоль Кан-
днеевъ видѣть Россію или въ столицѣ Болгарской,
какъ надобно думашь, или въ Козарскомъ Ашевѣ. Вое-
вощные Писатели говорліи, чѣмъ миролюбивы Коз-
зары должны быти успушніи безпокойнымъ, машеч-
нымъ Россійнамъ всѣ оспрова Волжскіе, на коихъ сіи
послѣдніе стояли пшевничку (инакъ, *Zea mays*): для што-
го будто бы Тураи называли ее *Русскою* (*хужуржъ* см.
Эрбелоти. Bibl. Orient. подъ словомъ *Rous*).

Слѣдующее изѣспіе переведено изъ Арабскаго Ко-
нограенческаго шворенія, названаго *Чудесами земли
и морей*. Сочинитель, *Шемсъ-уд-динъ Абу-Абъ-ул-амъ
Мугаммедъ*, родомъ изъ Дамаска, жилъ, какъ вѣроши-
ло, между годами 1283 — 1392.

«Русские — говориши онь — названы именемъ оныхъ
города *Rusi*, стоящаго на съверномъ берегу Русскаго
(Чернаго?) моря. По другимъ сказаниемъ, сие имя про-
ходило отъ Руза, Туркова сыва, внука Тауджена. Они живутъ на оспровахъ Меописскаго моря (Азов-
скаго), и ходашъ на судахъ воевашъ Козарскую землю. Ходяши туда для разбоевъ и другимъ каналомъ (ру-
кавомъ рѣки или моря), впадающимъ въ Козарское мо-
ре. Прежде были они языческой Вары, по пріимѣ
Христианскую. Мершыхъ сжигающъ. Наконецъ
бръснешь себѣ бороду; другіе красашъ ее желтово-арен-
скою. Имъютъ свой особенный языкъ. — Ибнъ-уд-
Азиръ (Испорикъ Арабскій, умерший въ 1232 г.) мо-
вориши въ своей лѣтописи, чѣмъ сыновья Романовы
(Василій и Константинъ), царствую въ Константи-
нополѣ, требовали помощи Государя Русскаго на вра-
га ихъ, и выдали за него при семъ случаѣ сесниру
свою; но какъ она не хошъла быть супругою иного
ца, не онь сдѣлался Христианиномъ: чѣмъ было ища-

день Христианской Вѣры между Русскими, въ 375 (985) году» (т. е. по хѣносчислѣнію Нестора въ 988).

Въ шомъ же сочиненіи сказано о Козарахъ: «Козары (или Хазары) живутъ на Козарскомъ морѣ, кото-
рое нынѣ называемъ Курсомъ (Кумькомъ). Ибнъ-
уль-Азиръ пишетъ, что они Грузины; но это не
правда: ибо Грузины суть Армяне, Закона Христиа-
нскаго. У нихъ 4 города: Хамидішъ, Беландшера и
Семандеръ (нынѣ четвѣртое пропущено). Говорить,
что они все построены Анушированомъ. Козары раз-
дѣляются на два класса: на воиновъ, которые суть
Магометане, и на подданныхъ, которые суть Іудеи.
Прежде, равно какъ и Турки, они не имѣли Вѣры, —
кромѣ языческихъ... Ибнъ-уль-Азиръ повѣствуетъ,
что Государь Константинопольскій во время Гаруна-
зра-Рашида выгналъ Іудеевъ изъ земли своей; что
Іудеи ушли къ Козарамъ, и видя въ нихъ людей добро-
сердечныхъ, предложили имъ свою Вѣру; что Козары,
находя ее лучше собственной, признали оную и на-
сколько времени хранили; что войско Хорасанское
врншло и завоевало ихъ страну... Ибнъ-уль-Азиръ
сказываетъ также, что Козары въ 254 (868) году
приняли Магометовъ Законъ; что они въ войнѣ съ
Турками просили вспоможенія у Хорезміанъ жите-
лей, которые отвѣтствовали имъ: *вы нестражи: если
сделаетесь Мусулманами, то поможемъ вамъ.* Ко-
зары, за исключеніемъ ихъ Царя, приняли тогда Вѣ-
ру Магометову. Хорезміцы сдержали слово, аспашаинъ
Турковъ удалились. Послѣ чего и Царь Козарскій
обратился въ Правовѣріе. Достопочтено Хакама (или
Кигана) принадлежало у нихъ одному роду. Ха-
камъ возводилъ Царя на престолъ; не имѣя права
ни повелѣвать, ни запрещать, но быть весьма
уважаемъ... Одинъ Царь могъ входить къ нему, и
проч. Оснѣльное есть повинорѣніе Восточныхъ наро-
дій, сообщенныхъ нами выше, въ примѣръ 87. —
Въ дополненіе къ онымъ, приведемъ еще здѣсь ска-
заніе Ибнъ-Фацлана о Козарахъ изъ сочиненія Г. Ака-
демика Франса de Chasaris, который написалъ сю про-

бопынную синатю (здесь сокращенную) въ Географическомъ Словарѣ Якуповомъ: »Хазаръ (или Козарь) есть казавіе земли, коей столица Итала: шахъ имѣнущій и рѣка (Волга) текущая изъ Россіи и Булгаріи... Большая часть города на западной сторонѣ сей рѣки, где живешъ и Царь, по-Хазарски Илекъ и Балъ... Вокругъ сиѣна съ четырьмя воротами: одни ведущія къ рѣкѣ, другія въ поле... Въ городѣ есть площади и бани... Жишелей Магометанскаго Закона счищаются болѣе десяти тысячъ; у нихъ 30 храмовъ...»

»Въ ближней дружинѣ Царской 4000 человѣкъ. Царь Іудейской Вары, а подданные Магометанской и Христианской (см. вваже); идолопоклонниковъ не много, Иудеевъ еще менѣе. Идолопоклонники, привѣшшіи другъ друга, падающіи наѣзть и слѣдующіи священнымъ обрядамъ по древнимъ обычаямъ, которыя не сходѣшвуютъ ни съ Магометанскими, ни съ Іудейскими, ни съ Христіанскими. — У Царя всегда 12000 воиновъ; за мѣсто умирающихъ избирающіи другахъ. Ихъ дають не большое жалованье, и то рѣдко, въ случаѣ войны или какой важной опасности...»

»Казна берегъ пошлии съ ввозимыхъ товаровъ и десашину; а съ жишелей разныя подати, налагаемы на все сѣѧщіе...»

»Просишелей не допускають до Царя; къ нему ходашъ только суды (числомъ двадцать: см. выше, прим. 87); между ними и Царемъ есть особенный посредникъ, который доносилъ ему о дѣлѣ, а суды объявляли его указъ для исполненія.

»Вокругъ города вѣнь сель: граждане хѣпомъ, азыходящіи на свои поля, засѣвающіи землю, собирающіи хлѣбъ и свозящіи его къ рѣкѣ или въ спешь, на плѣлегахъ или въ судахъ. Срапинское пшено и рыба со-сипавлюющіе главную пищу жишелей; все другое привозашъ къ нимъ изъ Россіи, Булгаріи и Кулзы (Киева). — Въ восточной части города живутъ большево частію купцы; шахъ и склады товаровъ.

»Языкъ Хазарскій разнится отъ Турецкаго и Пер-

сидскаго... Хазары не сходешають съ Турнами: черноволосы, и раздѣляющія на два рода: одни вимемующи *Кара-Хазаръ* (ио еось черные Хазары), лицемъ смуглы, и кажущія Индійскимъ народомъ; другие бѣлы, прекрасны и спройны. У нихъ всѣ рабы идолопоклонники, кошорые счишающія дозволеннымъ предаваніи дѣлѣй своихъ въ неволю...

» Царь Хазарскій, называемый Хаканомъ (или Каганомъ), показывается только однажды въ 4 мѣсяца, выѣзжая гуляющій въ мѣста пріятныхъ. Его именующій Великимъ Хаканомъ, а Намѣстника его Хаканомъ Бе (Bh): послѣдній предводительствующій войскомъ, управляемъ Государшюмъ, наказываєши преиспуганиковъ, являемся всенародно, даешь повелінія Царямъ соѣдниненнымъ, ежедневно видашь верховнаго Хакана, доношішь къ нему съ важносію, скромношію, благоговѣніемъ, и всегда съ босыми ногами; привышающій его, держа въ рукѣ кусокъ дерева: зажигаешь оное и садишся съ Царемъ на жиронъ, по правую руку. За нами входишь шакъ называемый *Келдеръ - Хаканъ* и *Чаушаръ*. Никто изъ другихъ людей не можешь бѣздовать съ Великимъ Царемъ....

» По древнему обычаяу, для умершаго верховнаго Цара спрояшь большой дворецъ съ двадцатью комнаташами, въ каждой изъ нихъ роюшъ могилу, и засыпающій ея дно испиральми въ порошечъ камнями и вемореною извѣстію. Подъ дворцемъ шечень большая рѣка: въ нее сплавляшь гробницу, для того, какъ сзывающій, чтобы не могли приближиться къ ней ни Сашана, ни люди, ни черви, ни другіе гады. Схоронивъ Царя, опѣскаютъ головы погребающелями, дабы никто не зналъ, где гробница его: ее называющіе расемъ; о Хаканѣ же говорашъ, что онъ вошелъ въ рай.

» У Цара 25 женъ, присыаемыхъ ему обыкновенно соѣдниненными Государями изъ числа ихъ родшвеницъ, и 60 наложницъ, опышичныхъ красошю: каждая живеши въ особенной палашѣ, въ куббѣ покрытой деревомъ Индійскихъ плашашовъ; у всякой куббы ша-

шеръ, и ко злкой наложнице приставленъ синухъ для храненія. . . .

»Когда Царь выѣзжаетъ верхомъ, все войско за нимъ сѣдуетъ, но такъ, что между Царскимъ конемъ и сими всадниками бываешь цѣлая миля разстоянія. Народъ вдали падаетъ ниць, и поднимаетъ голову един-сѣменно шогда, когда Царь уже проѣдетъ.

»Для властнованія Хаканова назначаеши 40 лѣтъ: по истеченимъ сего срока граждансне и вельможи немедленно убиваютъ Хакана, дабы предупредить разсла-бленіе его ума и души.

»Войско Хазарское не должно никогда обращать пы-за: каждый рабиникъ любитъ жизни за бѣгство. Если бѣгутъ военачальники, или даже самъ Намѣш-никъ Царский, то Хаканъ наказываетъ виновныхъ вѣстѣ съ ихъ дѣтьми и желаниями: отдаешъ ихъ дру-гимъ, вѣстѣ съ домомъ, скопомъ, оружіемъ пре-ступника, коего иногда разбивають на двоє, и вѣти-аютъ разсеченаго на крестъ, иногда на деревѣ за-шено; иногда же изъ милосердія опредѣляютъ къ по-коюнѣ Царской.

»Магомешантъ вѣдаешь въ Иллѣ чиновники Ха-канскій и въ Вѣры, именуемый Хасме (Хасме). Они имаютъ въ городахъ гигантскій храмъ со высокою баш-ней, и собираются тамъ для избрѣженія Бого-служенія всяку Патрицу. Въ 510 (922) году Царь указаъ, что Магомешантъ разорилъ Краснокамскую цер-ковь въ земль Бабундихъ, вельми разрушилъ башню Магомешанского храма и казнилъ проповѣдниковъ Аль-корана. . . .

»Всѧ Хазары и Царь итъ суть Іудейской Вѣры: Славные и другие союзнические народы ему почи-нутся. Нѣкоторые думали, что иуда Хазарами дол-жно разумѣть Ядудуша и Мадшудуша (и. е. Гога и Марга).«

(348) Танищевъ, ссылаясь на Ростовскую летопись, полагаетъ рожденіе Святослава въ 920 году; но въ первой, въ Иллѣ, Хлебниковѣ и Воскресенской

сказано, что сей Князь родился въ 942: следственно
въ 59 Ольгина замужства? вѣроятно ли?

(349) См. Волынскія Записки Г. Руссова, стр. 100.
Онъ пишетъ, что древній Коростень принадлежитъ
нынѣ помѣщикамъ Любовицкимъ, и называется селомъ
Дѣдичнымъ; что въ лѣсу видно мѣсто города и во-
роши; что памъ, где бывъ Ольгинъ спанъ, находи-
лся теперь деревенька Шаприцы.

(350) С. Спурьеонъ разсказываетъ (II, 61), что
Гаральдъ, зять Ярослава Великаго (см. нашей Исто-
рии Т. II), около половины XI вѣка, для взявшія одво-
го города въ Сициліи также употребилъ пшеницъ, при-
говаривъ къ нимъ смолу съ сѣрою.

(351) Свѧтополко кажется сомнительнымъ: Ольгъ
было когда уже за 50 лѣтъ.

(352) Олегъ, по извѣстію Лѣтописца, основалъ ино-
стіе города. — О Вышегородѣ см. въ Мемор. рорал.
II, 982.

(353) Такъ называлась и въ XV вѣкѣ одна гора близъ
Покрова (см. Покров. Лѣт. годъ 1393). Лѣтописецъ на-
зываешьъ ихъ *значеніемъ* ея, т. е. памятникомъ.

(354) Патріархъ, крестившій Ольгу, названъ во
многихъ спискахъ Несторовой лѣтописи Фошемъ:
что уже около 60 лѣтъ не было на свѣтѣ; могъ кре-
стить ее Феодосій или Поліевитъ.

Мы слѣдуемъ Несторовой хронологіи; однакожъ за-
мѣтишь ея *всесогласіе* съ Византийскими извѣстіями
(см. Круга Chronologia der Byzantier стр. 267 и слѣд.);
также Архиеписк. Евгений Бугара *Разсужденіе о пре-
ждѣнии крещенія Ольги*.

(355) Мемор. рорал. II, 976 — 979. Выписываемъ
здесь подробности. Ольга, вошедши во дворецъ, оспа-
шивалась шамъ, где Логоѳеѳъ или Канцлеръ обыкно-
венно предлагалъ иноzemнымъ посламъ вопросы. За
нею спали, у балъствъ, Россійскіе посы или чиновники
(Атхехрітхрои) и купцы. Логоѳеѳъ ввелъ Великую Кня-
гиню въ посольскую залу, гдѣ Императоры въ ша-
дехъ случалось обыкновенно сидѣть на золотыхъ кре-

слакъ, между всѣми чиновниками Двора, изъ коихъ всакой отливался особенными знаками. Поговоривъ съ Императоромъ, она должна была идти чрезъ разныя комнаты въ Августеонъ или круглое зданіе со многими крытыми переходами, и шамъ сѣла. Когда Императоръ возвращался изъ залы въ палашу, тогда следовало впороге представление въ комнатахъ у Императрицы. Въ залѣ Юстиціановой было возвышенное мѣсто, покрытое багрянаго цвета коврами: на ономъ стоялъ пронь Императора Феофила, а съ другой стороны золотый царскій кресла; на пронѣ сидѣла Императрица, на креслахъ невѣстка ея. Ольгу проводили изъ Августеона въ ближайшую горницу, и ввели въ залу, когда собрались шамъ придворныхъ гостей. Церемоніей сперва имелось. Царицы предложили Великой Княгинѣ нѣкоторые вопросы: послѣ чего Ольга вышла въ другую комнату, называемую Схилъ. Императрица также удалилась въ свою внутреннюю комнату. Туда же опять и Княгиню Россійскую, где Императоръ находился со всѣмъ Царскимъ семействомъ; посадивъ ее, онъ вспустилъ съ нею въ разговоръ. — Предъ обѣдомъ Княжескія особы кланялись Императрицѣ до земли: Ольга же только кивнула головою. Послы Россійские обѣдали въ златой лавке (Христориклии). — Закуски были приготовлены для Императорскаго семейства и гостей въ обыкновенной столовой комнатѣ.

(356) Въ *жемисиль*, въ *солидъ* или въ *червонецъ* было 12 миллиарей (см. Дюканка въ словѣ *Миллардъ*); но Византійскіе червонцы содержали въ себѣ 70 грановъ золота, а въ Голландскихъ только 57.

(357) Мы опредѣляемъ здѣсь цѣну обыкновенныхъ Милларей (или Миллардѣй); но у Грековъ были еще двойные, *дѣплата міллардъ* (см. сочин. Г. Круга *Münzkunde Russlands*, стр. 158). Въ шакомъ случаѣ Ольга взяла 32 червонца.

Константинъ въ книгѣ *de Cet. Aul. Byz.* не говорить ни слова о крещеніи Ольги: молчаніе его заставляло ученаго Геснера сомнѣваться въ исполнѣніи сего слу-

чал. Но въ книгѣ, сочиненной единственно для описанія придворныхъ обрядовъ, нужно ли было говорить о крещеніи Ольги? Вотъ слова Кедрина (писавшаго въ половинѣ XI вѣка) и Зонары: «Ольга, супруга Князя Россійскаго, копорый ходынъ со флюпомъ прошлиъ въ Грековъ, по смерти мужа была въ Константинополѣ; крестилась шамь, оказала великое усердіе къ Вѣрѣ испанной, и съ честію возвращалась въ отечество» (Метог. рориц. II, 976). — Продолжатель лѣтописи Регионовой такжѣ упоминаетъ о крещеніи Ольги въ царствованіе Романа — върошио, сына Константина. Ольга называшь ее Королевою Ругийскою, Еленою (см. Ассемани Kalend. Eccl. члнв. IV. 20).

(358) Въ древнихъ спискахъ, въ *Пушаки* и въ *Троице*, сказано, что Греческимъ Царемъ былъ тогда Цимиский въ новѣштѣ, въ Кемахбере, и другихъ, сія Неспорова ошибка исправлена, и вместо Цимиския поставленъ Константина. Ежели Ольга въ 903 году вышла замужъ и двѣнадцати лѣтъ, то въ 955 было ей уже 64 года.

(359) Нынѣ маленькая рѣтка, шекущая въ города Кіева, и Сверу, и впадающая въ Днѣпръ.

(360) Валла *христій бісолдіа*. Золотая печать сей гравюры списана два *соліда* или червонца. Когда въ 946 году представили пословъ Эмира Тарсійскаго Императорамъ, когда мноте *крестившиеся* Россіи, вооруженные мечами, были во дворцѣ и держали въ рукахъ знамена. Въ 949 году находилось около 600 Россіянъ въ Греческомъ флотѣ, отправленномъ къ освѣщенному Крісту. Помощникъ Никифоръ Фока въ 962 и 963 году имѣлъ такжѣ Россіянъ въ войску своемъ (Метог. рориц. II, 973, 974, 980). Арабский Историкъ, Альменъ Эбн-Абдалъ-Вагабъ, прозванный Новайри, писавшъ въ *Histoire de Sicile*, переведенной Французскимъ Профессоромъ Коссенемъ, что въ срединѣ *Шуада* 353 (ш. с. 25 Октября 964 году) Греки, имѣя съ собою многихъ Перновъ, Армянъ и Россіянъ, окружали въ Сицилии Ал-Гассана. Сія Исторія напечатана при *Voyage en Sicile, par le Baron de Riedesel.*

(361) Название Саркель и Былая Вене имели одинаковый смысл: *всего* означаетъ и шатеръ и башню городскую; а Саркель *былый городъ* (Баэр. Geograph. *et Consit. Polgr.* въ Коммени. Академіи Т. IX, спр. 399). Сей городъ былъ на Дону (см. выше, примѣч. 87). Другая Новая Былая Вене находилась между Нижнѣйшимъ и Роменомъ, въ верховье реки Остнера (см. Большой Чертежъ, спр. 149 — 150, и нашій Исторіи Т. II, примѣч. 193.)

(362) О Кавказскихъ Оссахъ или Осостанахъ см. Гильдеминшти *Reisen durch Russland*, Т. I, спр. 470. Арабскіе и Татарскіе Историки называютъ Ясымъ Алаками (см. выше, примѣч. 40). Часть горъ Кавказскихъ называлась у нац. въ XIII и въ XIV вѣкѣ *Яссакама* (см. *Воскресен. Лѣм.* II, 291). Ясскій городъ Дедаковъ или Тешлаковъ былъ изъ Дагестана (см. нашій Исторіи Т. IV, примѣтніе 147). Тамъ Ясымы или Аланы сражались съ Татарами (см. Абульгази *Histoire des Tatars* 308, 309). Близъ устья Волги находился городъ Аланъ или Ясовъ (см. Рубруквица изъ Бережор. *Voyagea*, 137). Думаю, что имя сего народа произошло отъ древнѣхъ Яшаковъ, которыхъ считались съ Аланами (см. выше, примѣч. 21). Въ нацлнніи времена Адриановихъ, найденномъ въ Трансильвании, Сарманскіе Янги, перешедшіе около полоцннн I вѣка въ Дакію, именно называли Ясами (см. Прая *Dissert.* VI, спр. 123).

О Касакахъ см. Баэр. *Geograph. Russ.* *et Consit. Polgr.* Коммени. Академіи Т. IX, 382 — 383, и Академика Гильдеминшти *Reisen durch Russland* I. 466.

(363) См. о Таманской извѣстніе Комп. Багрянородъ изъ Бандури, I, 113. Греки называли сей городъ *шакже Мандракою и Манракою*; а Нубийскій Географъ именуетъ его Мешрекою (см. Туман. *Uber die Gesch. Ost. Völck.* 156). Баэръ *изредкъ* сказалъ, что имя Тамакорака есть одно изъ именъ *Тамакары* (см. его *Азовскую Исторію* въ *Samml. Russ. Gesch.* II, 77). Острова Тамакъ называвшись изъ жития Св. Николы *Тамакоракистана* (см. *Памятр.* част. 72.)

(364) Могущество Козаровъ ослабѣло отъ двухъ главныхъ причинъ: отъ завоеваній Олеговыхъ и внушенныхъ междуусобій; ибо нѣкоторыя племена Козарскія, подковольныя Каганомъ, оставили свое ощечество и перешли къ Уграмъ въ Паннонію (см. извѣстія Конш. Багр. въ Бандури Т. I. стр. 108).

(365) Такъ Византийскіе Историки описываютъ причину сей войны (Memor. porci. II, 987). О 15 ценшиерахъ золота, присланныхъ къ Святославу св. Калокиромъ, о числѣ Россіянъ и проч. говорилъ Левъ Діаконъ, Византийскій Лѣтописецъ десятаго вѣка. Отъ сказываешь, что Болгары совсѣмъ не ожидали Святослава, и что ихъ собралось на берегу 30,000 (ad Baron. г. 968).

(366) Въ вынѣшнемъ Преславѣ. Византийскіе Лѣтописцы именуютъ его *Великимъ Перелагомъ* или *Пералагомъ*, ѵ меуздѣ Перѣлѣхѣ. Въ древнійшія времена онъ назывался Марціанополемъ, отъ имени Марціана, сестры Траяновой.

(367) Continuator Reginonis годъ 959, Annalista Hildensheimensis въ пломъ же году, Ламбертъ Ашаффенбургскій въ 960. Нѣмецкіе Лѣтописцы говорятъ, будто бы Россіяне требовали отъ Императора Христіанскихъ учительей. Ламбертъ (который жилъ въ XI вѣкѣ) пишетъ, что Ошпонъ дѣйствительно послалъ въ Россію Епископа Адальберта, но что сей Епископъ едва могъ спастись отъуда бѣгствомъ, (стр. 314 въ Струвеевомъ изданіи Нѣм. Лѣтописцевъ, Regum Germanicarum Scriptores). Сей лѣтописецъ не именуетъ Ольги; но современный Продолжатель Регинона точно говоритъ: Legati Helenaes Reginae Rugorum (вместо Russorum). Вѣроятно ли, чтобы Ольга, принять Вѣру Греческую, хотѣла имѣть духовныхъ Пастырей Римской Церкви, уже несогласной съ первою? Раздѣленіе Церквей, Западной и Восточной, произошло еще около 880 году. Адальбертъ былъ посланъ Ошпономъ не къ Русскимъ, а Ругенскимъ Славянамъ (см. Гебгарди Gesch. des Reichs Rügen, Ассеманн Kalend. IV, 21, и l'Art de vѣrif. les Dates,

I, 61). Ученый Ассемани думаетъ, что сие извѣстіе изъ Региновомъ Продолжаетъ надобно читать такъ: *Legati Helenaе Reginae Russorum*, quae sub Romano Imp. Constantinopolitano Constantinopoli baptizata est; nec non legati Rugorum, ad Regem Ottinem venientes, и проч. Миньиа его вѣроятно, разно какъ и то, что Ламберти хотѣть написать *Legati Rugiae gentis*, а не *Russiae*. Ссылаючись еще на Дитмара Мерзебургскаго, кошорый имѣючи пишетъ, что Адальберти быль изгнанъ язычниками изъ Россіи (*Ditm. Chron. кн. II*); но и шутъ писецъ могъ поспасиши *Russia* вытѣшо *Rugia*. Жилыни Рюгена въ 956 году давали Нѣмецкому Императору вспомогательное войско (Гебг. *Gesch. des R. Rügen*, стр. 7). Они до самаго XII вѣка еще покланялись идоламъ, вопреки Шлесцеру (см. его *Nest. IV*, 111).

(368) То есть, родомъ изъ Любеча.

(369) Мемор. рориц. II, 989. Левъ Диаконъ (см. выше, прямъч. 365) пишетъ, что Калокиръ, имѣвъ случай подружиться съ Россіянами въ *Сирии*, единственно съ тѣмъ намѣренъ и привелъ ихъ въ Болгарію, чтобы итиши съ ними послѣ на Царьградъ.

(370) Мемор. рориц. II, 996. Сіи знаки были златый вѣнецъ, повязка височная (*taenia byssina*) и красные башмаки или сапоги (Мемор. рориц. II, 1008).

(371) Греки писали *Τελεόχος*: имя прилагательное, взятое изъ языка Армянского; значить: *adolescentulus, юноша* (см. Дюканж. *Glossar.* стр. 1570). — Левъ сказываетъ, что и Никифоръ уже гоповился къ войнѣ съ Россіянами, и что онъ, желая быстьувреннымъ въ доброжелательствѣ Болгаровъ, обѣщалъ женихъ сыновей Романовыхъ на ихъ Царевнахъ, кошорыя и были отправлены въ Царьградъ съ Греческими послами. Епископомъ Философеемъ и сановникомъ Никифоромъ: см. *Memoriae рорицогиц.* II, 989, и Льва Диакона кн. VI, кошорый пишетъ еще слѣдующее: «Свѧтославъ потребовалъ, чтобы Императоръ заплатилъ ему великую сумму денегъ за счастливую Болгарію; иначе грозился выгнать Грековъ изъ Евро-

шты, имъ же принадлежащей. Цимисхій оспалістивася, чи то Христіане любятъ миръ, во принуждении будуть силою выгнанъ Россіянъ изъ Болгаріи; что върломо-жный Игорь, съ безчисленными ладями подшутилъ къ Цареграду, ушелъ въ Босфоръ Каммерійскій только зѣда ли съ десятью, и послѣ, взятымъ въ пленъ Гер-манцами (Древлянами), кончилъ жизнь бѣдственno: вытравленный къ двумъ деревамъ, былъ разорванъ на-ядове; что Святославъ также погибъ, и проч. «Гізький Кизъ Россійской сказалъ: ишь вужды Им-ператору иши сюда; сами явимся предъ Констан-тинополемъ, и докажемъ, что мы не подые реме-жленники, а воины благородные; не жены, не девы, акоихъ пугаютъ масками» и проч. Далѣ: «Импера-торъ сославши легіонъ изъ храбрыхъ, юныхъ воиновъ и назвалъ *Бессмертными*... Онъ велиъ Бардъ «Салиру и Пашрику Пешру оберегасть границы, обучиъ войско и посышасть людей, знающихъ Русский визъкъ для разъѣдавай о непріятель» и проч.

(372) Метр. рориц. II, 989 и слѣд. Несшпоръ пи-шеть, что города, разоренные тогда Россіянами, до его времени были пусты. Кедринъ и Зонара говорятъ, что у Святослава было 308,000 воиновъ; а у Барды 12,000!! Левъ Діаконъ уменьшаетъ число первыхъ до 30,000, а последнихъ до 10,000, сказывая, что Рос-сіяне посторони въ битвѣ слишкомъ 20,000, а Греки шолько 55! По его извѣстію, Барда раздѣлила свое войско на три части: съ одною шель прамо въ лицо непріятелю, а другие два скрыть въ лѣсу, всѣль имъ начально ударить на его фланги.

(373) См. Льва Діакона. Съ осаднымиъ войсками и съ осадными орудіями шель назади полководецъ Ва-силій. Сей Испорникъ сказываетъ, что Россіяне не успѣли занять ущелій, чрезъ кои надежно прохо-дить Грекамъ.

(374) А послѣ овъ сияль знаки Царского доспехониства съ Бориса, и всю Болгарію объявлять провинцію Имперіи.

(375) Греки называли его также Дрисшрою, Дисш-рою и Драсшрономъ.

(376) См. Лъва Діакона, ии. IX: «Сказывають, что
жени (Скин — ш. с. Россіяне), садуя азъческими
зебрадами древнихъ Грековъ, совершающи жерары и
изоліїа въ честь усомниихъ, будучи научены івому
иши Анакарсисомъ и Ксамоньсадомъ, ихъ Философы-
ами, иши товарищами Ахилья: ибо Арріанъ говорилъ
иши свою Периплъ, что Ахилья былъ Скинъ изъ го-
родка Мирмекіона, находящагося при озерье Меони-
иѣ; что изгнанный Скинесами за необуданность, же-
лчююю и гордость, поселился въ Фессалии: чemu
жасными доказательствами служить покрай одежды
иши заспехлою, сраженіе птиц, волосы русые, глаза
и голубые, дерзость, яростъ, любопытство, въ коняхъ Ага-
еменова упрекаетъ его сими словами: *тъз любими
всегда раскро, скоръ и драки...* Народъ Скинескій слав-
лялся дерзостью, мужествомъ, силою, и проч.

Воевода Святославовъ, Свенель или Свагель, на-
звалъствовалъ (какъ мы сказали) въ Переяславцѣ: оғэ
спасся отшуда бѣгствомъ Вѣролѣпо. чио симъ име-
ніемъ Греческие Историки называютъ Воеводу Свѣ-
тельда, который однажды возвратился живъ и здо-
ровъ въ Россію.

(377) См. Метог. рори. II, 1004, и Лъва Діако-
на, ии. IX.

(378) «Накоторая благочестивая жена» (пинепа
Кедринъ) подтвердила въ Константинополѣ испанию
сего именія. Она видѣла во снѣ Богомашерь, кошорая
говорила: *Феодоре! мой и твой другъ Іоаннъ изъ ала-
висти: сльши къ мену на помощь!* (Метог. рори. II,
1006). Левъ Діаконъ описываетъ сию бывшу иначе,
оказывая, чио Россіяне 24 Іюля, въ шестнадцати днѣвъ пе-
редъ закатомъ солнца вымыли гусьюю фалан-
гою изъ крѣпости, держа въ рукахъ мешательный
копъ; чио Анемасъ ударилъ Святослава мечемъ въ
шею, и чио сей Князь обязанъ быль спасенiemъ жизніи
кольчугъ своей и щиту; чио Россіяне, ободренные
смертию Анемаса, побили Грековъ; чио Императоръ,
възвѣ удариши въ паниканы и взявшъ копъ, османо-
валъ бѣгущихъ; чио выхръ остынишъ тогда Россіянь

шально, и Св. Феодоръ на конѣ явился, и пр. Леонъ говорилъ что вѣко обѣ одной башни. Шестой день не-дѣни, имень означенный, наиденъ къ 24 Июля въ 971 го-ду, и къ 8 Июня, когда празднуешся памѧти Феодора Стратилата.

(379) Дѣти Романовы, еще младенцы, которыхъ Цимиский называлъ соповарицами въ правленіи.

(380) Левъ Діаконъ: Qui frumentum asceretum, numeratos dicunt ad 22,000, qui ex 60,000 ехеситум Russi interitum evasere? Но по извѣстію Нестора ого и въ походѣ къ Царюграду не иныхъ болѣе 10,000.

(381) Надобно полагать, что гривна ходачей Рус-ской монеты въ отношеніи къ серебру была всегда еще гораздо дороже, нежели въ XIII вѣкѣ (см. ниже, примѣч. 475).

(382) Спирковскій пишетъ, что Князь Печенѣг-ский вырѣзаль на сей чашѣ слова: Пойдешь за чужими, свое утратишь. Иарѣченіе хорошо; но Спирковскій не подумалъ бы помыть, что варвары Печенѣги не умыли и не мылись. И Нѣмцы и Славяне пивали изъ черепа сво-ихъ непрѣльщедей. Такъ Болгарскій Царь Крумъ, убивъ въ 811 году Императора Никифора, оправилъ черепъ его въ серебро, и Князья Славянские употребляли сию мерную голову вмѣсто покала (Метр. рори. II, 540).

(383) Г. Руссовъ въ Варламовых Запискахъ, стр. 100, говоритъ: «шупугъ же быагъ (Оаруа) и рѣка Уши авидинъ (пушинъ-шашинъ) насыпь, кости древлян-скаго Князя Олега покрывающую». Ось сказываемъ также, что въ Оаруа есть древняя церковь, же спроектиная будто бы Св. Владимиromъ и называемая Васильевскою.

(384) Ташинцевъ написалъ оныи себѣ, что Рогволодъ бытъ изъ Варламскихъ Князей пришедшихъ отъ Рюри-камъ. Но Лѣнивецъ именемъ говорилъ, что салъ Рогволодъ прибыль изъ-за моря.

(385) См. Трешка. Алия.

(386) Онь сего Блуда происходить фамилія Блу-довыкъ (см. Родословную Книгу).

(387) Ростъ шелечъ въ Киевской Губерніи и съ за-

надной стороны впадаешь въ Днѣпро. Былая Церковь и Богуславъ сползъ на берегу сей реки.

(388) Ламберта Ашаффенбургскаго (апп. 973).

(389) Еще при Игоря сползъ Переучъ на семь холмъ (см. выше, и въ *Несторъ* стр. 45).

(390) Начало Польскихъ языческихъ зашемено баснями. Предание о Лахѣ, Кракѣ, Венѣ и проч. есть не чисто иное, какъ сказка. Дословоъръмы можно считать единственно то, что Польские Славы, около половины IX века, быть до того времени играющими несогласныхъ Воеводъ своихъ, избрали себя въ Государы Піасша или Плеща, кошораго пошомки царствовали до конца XIV века. — Маршинъ Галлусъ и Кадлубекъ, древнейшіе Историки Польские, може Нестора: вшорый цѣльный вѣкомъ.

(391) Друготъ упоминается о сей войнѣ единственно по извѣстію Несторову (*Historia Polonica* кн. II, стр. 108). Маршинъ Галлусъ и Кадлубекъ не знали Нестора. Друготъ пользовался Кадлубевомъ и Несторомъ; Кромерь также; Сириковскій брать извѣстія своимъ о древней Россіи изъ Другота, Кромера и Герберштейна.

Опять Червенна произошло имя *Червенной Россіи*, которую иностранные обратили въ *Красную*. Сей въ нашей Исторіи дослопамятный городъ есть нынѣ прошое селеніе *Чернеговъ*, близъ Хелма, на Югѣ, или деревня *Черно*, на Югѣ опять мастишка Уханей, на р. Гучѣ, ниже Тыновщины, близъ Комарова (въ спа-рыхъ краепоселіяхъ сіе маство называема *Чернило* или *Черногородъ*).

(392) См. о Лашышскомъ народѣ выше, стр. 45. Польские Историки называютъ Янагогъ Jazvingi (см. Кромера de origine Polonorum и проч. книг. IV, стр. 51; также Сириковскаго, кн. V, гл. 9). Сей ономаство мужественный народъ бытъ наконецъ испребленъ Поляками, Россіянами и Литвіою.

См. Стурмера. *Historiae Regum Septentrionalium* T. I, стр. 197, и ниже, примѣч. 433. Стурмеръ говоритъ объ Эстляндіи; но подъ симъ именемъ разу-

мѣлась и Ливопія. См. Баера въ Коммепт. Академіи, Т. X, стр. 379.

(393) См. Книгу житій Святыхъ, мѣсяца Іюля 12.

(394) Рѣка Пищана, въ Могилевской Губерніи, именуемая нынѣ Пещаномъ, и впадающа въ рѣку Сожъ или Сожу.

(395) См. выше, стр. 46, и таже, примѣч. 464. Восточные Географы пишутъ, что Россіяне въ 968 году взяли и разрушили славный городъ сего народа, именемъ Болгаръ (см. Эрбелотову Bibl. Orient. подъ словомъ Bulgar). Въ 967 году Святославъ воевалъ съ Дунайскими, а не Каискими Болгарами: что могло, по мнѣнию Миллера, ввести въ ошибку или Арабскихъ Географовъ, или Эрбелота, который сообщилъ намъ сїе извѣстіе.

(396) Несторъ (въ печати. стр. 145). Туркоманы были уже славны въ Несторово время; овладѣть въ 1074 году Сирію, а въ 1082 году Герусалимомъ, хотя и не падолео. Нынѣшию Османскіе или Отоманскіе Турки были тогда еще неизвѣстны. — Наши Лѣтописцы называли Торковъ и Берендейевъ Черкасами (см. сей Исторіи Т. II, примѣч. 192). Въ 1080 г. Торки обитали недалеко отъ Переяславля. Другіе перешли къ Россіянамъ и поселились въ Киевской Губерніи, между рѣками Спудною и Росью (въ печати. Нестр. стр. 137). Въ 1114 году Печенѣги и Торки были изгнаны Полоцкими изъ окрестностей Дона (см. сей Исторіи Т. II, стр. 173).

(397) См. въ печати. Несторъ стр. 185: — Село Предславино могло быть названо именемъ Владимировой и Рогнѣдиной дочери, о которой ниже упоминается.

(398) Нынѣ Заславъ, бывший Липовскій городокъ Минскаго Повѣща, или мѣстечко не далеко отъ Минска.

(399) «Придоша Болгаре Вѣры Божиѧ» (Магометанской).

(400) Лѣтописецъ хочетъ сказать, что первые Киевскіе Христіане (со временемъ Аскольда и Дира) были Греческаго исповѣданія, а не Католики.

(401) Древній Лѣтописецъ не именуетъ его ни Кон-
Т. I

спанникомъ, ни Киромъ, вопреки Степел. Книгѣ, Нижн. и другимъ новымъ лѣтописямъ.

(402) Въ хараетсійныхъ спискахъ Неспора съдуешь
адѣсь извлечеце изъ Библіи, которое занимаетъ 11
линиевъ. Греческій Философъ говорить много анигла-
го о Болгарахъ (см. Воскресен. Лѣт. I, 125). И Бол-
гарскій Государь, имеемъ Богорисъ, въ 860 году обра-
щень бытъ въ Христіанство, по свидѣтельству Ви-
зантійскихъ Лѣтописцевъ, картиною Спрашнаго Су-
да, написанною Монахомъ Меѳодіемъ (Метог. рорц.
II, 571 — 572).

(403) Сей Паштіархъ назывался Николай Хрисо-
вергій, а не Сергій, не Фошій, какъ говорашъ новѣй-
ше Лѣтописцы Русскіе.

(404) См. въ Бандури *Animadversiones in Const. Porogr. T. II*, спр. 112 и съд. Въ семъ отрывкѣ не
досаше начала: «Князь Россійскій» (говорить со-
чиницесь), «желаѧ лучше узнать Христіанскую Вѣру,
оправилъ пословъ въ Римъ. Тамъ съ великимъ лю-
бопытствомъ осматривали они украшение храмовъ и
вспарались развѣдать все, чѣто касаешся до священ-
нослуженія; видѣли и Паштіарха Римскаго, именуемаго
Папою; приняли опѣь него дальнѣйшія наспавле-
нія, возвратились въ отечество и донесли обо всемъ
Государю, склоняя его въ пользу Римской Вѣры. Но
Бояре Княжескіе, особенно шѣ, которые подали ему
совѣтъ взысковать Вѣры, говорили: *Нѣтъ, Госу-
дарь! надобно прежде узнать Вѣру Грековъ.* Сказы-
вало же, что Константинополь еще знаменитѣе Рима:
«пошли и въ Грецію тыхъ же людей, да изберемъ луч-
шую изъ двухъ Вѣру Христіанскихъ. Благоразумный
Князь опправилъ въ Царыградъ уполномоченныхъ четы-
рехъ мужей, которые объявили шамошнему Импера-
тору, Василію Максимонскому, причину своего много-
шруднаго путешесствія. Онь съ радоспю далъ имъ
внѣкопорыхъ людей ученыхъ, чтобы показывать все
любопытное въ городѣ и опправдываясь на нихъ во-
просы. Россіяне пришли паконецъ въ славійшую и
великолѣпную церковь Св. Софіи, когда совершалась

зъ ней торжественная служба: въ день ли Св. Иоанна Златоустаго, или Успенія Богородицы? не могу сказать на вѣрное. Послы съ любопытствомъ осматривали храмъ, и наблюдали чинъ служенія. Видя множества священниковъ, и внимал пѣнію святыхъ гимновъ, они изумлялись. Слушая послѣ вечерней и утренней молитвы священную мисургию, Россіяне хотѣли видѣть, что такое знаменуетъ *большій и малый входъ*. (у *μεγαλη είσοδος*); для чего Діаконы и Поддіаконы выходятъ въ ошпаря съ свещами и рипидами, а Священники, Епископы и самъ Патріархъ съ Божественными Святыми Тайнами; также для чего народъ, падая ниць, взываешьъ: *Господи помилуй!* Язычники смопрѣли на сіи обряды равнодушно, хотя и со вниманіемъ. Но милосердый Богъ опровергъ имъ очи, да созерцаютъ чудо великое, и да познаютъ чистину. Видѣвъ сіе удивительное явленіе, они взяли за руки своихъ вожаковыхъ и сказали имъ: все было здесь ужасно и величественно; но что мы теперь видѣли, превосходитъ естество человѣческое. Намъ явились юноши крылатые съ светлой, необыкновенной подеждью, которые, не касаясь земли, плыли на воздухѣ. Свѣтъ, Свѣтъ, Свѣтъ! что насъ болѣе всего привело изумление. Вожаковые опровергивали имъ: Не видѣлъ, можетъ быть, естьъ таинства Христіанства, звѣи не знаете, что сами Ангелы исходяютъ съ неба и вѣсты съ нашими Священниками совершаютъ Божественную службу. Россіяне говорили: ваши слова истинны; другихъ доказательствъ не надобно: ибо мы все видѣли собственными глазами. Отпустите насъ отсюда, да повѣдаемъ о томъ Князю нашему... Возвратясь въ Россію, они сказали Государю: намъ показывали много великолѣпного въ Римѣ; но то, что мы въ Константинополѣ видѣли, приводитъ ужасъ человѣческий въ изступленіе и проч.

Въ прибавлении книги, изданной въ Кельнѣ (въ 1676 году) подъ заглавиемъ: *Christophori Sandii nucleus Historiae Ecclesiasticae* (Христофора Сандія, Ядра Церковной Исторіи), напечатано, (стр. 61 — 64)

письмо къ Великому Князю Владимиру отъ Иоанна Смеры, его Меняка, будто бы посланного имъ для наблюдения Вѣръ и правовъ въ чужихъ земляхъ. Смера сказываетъ, что отъ єдва не триста въ своемъ трудномъ путешествии; былъ въ Панонии, Сервіи, Болгаріи, Мизіи, въславной Имперіи Греческой, Антиохіи, Герусалимѣ; на коне прѣѣхалъ въ Александрию; видѣлъ тамъ многія великолѣпныя Синагоги, въ коихъ молятся люди подобные аспидамъ и василискамъ; видѣлъ и церкви Христіанъ, Богослововъ, Абрѣхъ, миролюбивыхъ, подобныхъ Ашерамъ. У нихъ уже пять идолы — говорилъ Менякъ Владимиру — есть въ церквяхъ ничего, кроме столовъ и скамей. Они ежедневно собираются для молитвы передъ разсѣтиемъ, по захожденіи солнца, иногда въ третью или двѣ часовы часу дня, и называются «Новымъ Израилемъ». Ихъ учению слѣдуютъ и иѣкопорые Цари съ своими Докторами. Я самъ принимаю обѣ, уже крещеній водою и Духомъ во имя Отца, Бога всемогущаго, и Сына Его, Христа, и Св. Духа, исходящаго отъ перваго. И людей, столь благоправныхъ, упирающіхъ въ областяхъ Имперіи. Дающе сказано, что Греки, Императоръ, Патріархи и Вельможи его, оставляя учение Бога истиинаго, также называются себя «Новымъ Израилемъ», порабощающіе своихъ бѣдныхъ братиевъ, берутъ съ нихъ дань, не величи имъ жепитъся; заниматься свободными художествами, употребляшь оружія; хотѣть бытъ обожаемы по смерти, даютъ свои имена храмамъ, спавши въ оныхъ свои изображенія, чтили идоловъ, бывши въ ладоши, топающи ногами, поющи и въ церквяхъ, и проч.; а Христіанъ, собирающихся въ мѣстахъ уединенныхъ на кладбищахъ, въ лѣсахъ, въ пещерахъ, именующіе чародѣями.... И такъ, о Царь! не должно тебѣ принимать ни Вѣры, ни правовъ Греческихъ; а если примешь ихъ, то уже никогда не увидишь меня: остануся здѣсь вѣдаль суда Христова. Писано желѣзными буквами на двѣнадцати доскахъ мѣдныхъ, въ л. Александрии Египетской 5587, Фараоновъ 1179, Александра слав-

жаго царствованія б., Индикш. 1, Луны 7, Ид. 14.
Такъ вѣрио доношу шебь Медикъ и Риморъ твої
«Иванецъ Смера Половланинъ» (а въ другомъ спискѣ
спомнилъ: «Іоаннъ Смера Половецъ»). — Сія грамоша,
какъ извѣщаюшъ часть, писана на языцѣ Болгарскомъ,
secundum antiqiam doctrinam Russicam (!!) такими
буддами: уѣ обруѣхъ фрѣтъ (съдѣствиши Греческими?) и
найдена въ 1567 году въ Спасскомъ монастырѣ Пере-
ремышльской єпархии, не далеко отъ древняго Сам-
бора. Вишебскій Диаконъ, Андрей Колодицкій, перевелъ
ее на Польскій языкъ, а Вѣсоватій на Лапин-
скій. Предположивъ ея дословърощть, согласимся съ
учеными. Ширингельмъ (см. его рукописное сочиненіе
über eine dunkle Stelle in der Russischen Geschichte),
что Египетскіе Богословы или Христіане Смерти
можутъ быть раскольники. Павлисты, называвшіе шакъ
отъ имени Апостола Павла, горные въ Имперіи и
замѣдише убѣжище въ Египте; но можемъ ли вѣришь
сему письму? Не говоря о содержаніи, о слогѣ, о бу-
квахъ, дослакъ, о языцѣ Болгарскомъ secundum anti-
quam doctrinam Russicam, замѣдиши лѣпосчисление
и подпись. Означенъ годъ 5587 опять сътворенія міра:
но какой же сюжетъ хронологической? если по Алек-
сандровской (между коею и Греческою бѣлью розни-
цы), то Владіміръ жилъ около половины седьмой ты-
сачи. Что такое 1179 годъ Фараонъ и плюс лѣ-
то Александрова царствованія? Какъ Луна замѣши-
лась въ Идиліи и въ Иды? Иванецъ, Іоаннъ, осень
имя Христіанское, копораго бывшій язычникъ Смера
не могъ иметь въ Россіи языческой. Онъ называется
Половланиномъ или Половцемъ: но Половцы сдѣмались
извѣстны въ Россіи уже при внукахъ Владімировыхъ.—
Не будемъ глупѣ глаузыкъ невѣждъ, хопящихъ обманы-
вать насъ подобными вымыслами. Авторъ письма, зная
о Владіміре изъ Дніпра, Мѣдовскаго, Кромера, хо-
дить побрачнца Грековъ: воішъ источникъ вымысла!
(405). Неспоръ говорить (въ печати. спраш. 79):
«и спѣ Володицеръ въ Лильсци», по есть гавань Хер-
сонской, или заливъ (Лиманъ); съдѣствиши Россіане

пришли на судахъ. — Древнейший Херсонъ запущенъ еще прежде Спартановыхъ временъ: *vetusta Chersonesus* (говорить онъ въ VII книжѣ)писа diruta. Слѣды его описаны ученымъ Палласомъ въ *Voyage entrepris dans les gouvernements méridionaux de l'Empire de Russie*, Т. II, стр. 60 и слѣд. Сей городъ сползъ на мысъ Фаварийскомъ, где видны еще остатки башень и стѣнъ. — Развалины *новѣйшаго* Херсона или Корсуня, какъ называли его въ старину Русские, находятся верстахъ въ двухъ отъ Севастополя. Въ то время, какъ наши войска заняли Крымъ, многія стѣны были совершенно цѣлы, вмѣстѣ съ прекрасными городскими воротами и двумя башнями; теперь онъ уже не существуетъ: изъ нихъ брали камни для спроекціи домовъ въ Севастополѣ. Множество рѣзного мрамора, найденного въ развалинахъ, доказываетъ, что въ семъ новомъ Херсонѣ господствовала роскошь. Дорвѣи охотники вырывають шампъ Римскія и Византійскія монеты золотые, серебряные и мѣдные. Не только городъ, но и селенія вокругъ его были окружены каменными стѣнами и башнями для защиты отъ варваровъ. — Херсонъ, вольный до Митридата, зависѣть отъ много времена отъ Царей Воспорскихъ и ваконецъ отъ Римскихъ Императоровъ. Константина Великаго въ 322 году освободилъ его отъ всякой дани, и Херсонъ властноволь въ южной Тавридѣ до самой Кафы. Судакъ и Кафа, цѣпушущіе при Генуэзцахъ, запмили блескъ сего города. Въ 1333 году онъ былъ еще спомощью Архиепископа Западной Церкви; но въ 1578 году сползъ уже одинъ пустынъ Херсонскія стѣны (см. Бишингов. *Erdbeschreibung*, Т. I, стр. 1214; также Маннерп. *Geographie der Gr. und der Röm.* Т. IV, стр. 299).

(406) См. Палласа *Voyage etc.* II, 67.

(407) Историки Византійскіе, Арабскіе и Нѣмецкіе говорятъ о бракосочетаніи Владимира съ Авию, сестрою Императора Василія (Мемор. popul. II, 25, Эрбелот. Bibl. Orient. III, 137, и Дитмар. Chron. кн. 7). Дашиаръ, современникъ Владимира, ошибся

въ имені Греческой Царевны, назывъ ее, въвъто Анны, Еленою; онъ несправедливо думалъ также, что Оттонъ III хотѣлъ на ней жениться (см. Treer. *Disp. de perpetua amicitia Germanicum inter et Russicum imperium*, стр. 14).

(408) *Memor. popul. II*, 1009, и Эль-Мак. *Historia Saracenica* стр. 251. Бунтъ Склира и Фоки подробно описанъ Кедриномъ (см. Русскій переводъ его л. 147).

Константинъ Багрянородный, въ наставлениі данному Роману, торжественно запрещаешь Дому своему вступать въ родственный союзъ съ Князьями Россовъ, Хазаровъ и Венгровъ (см. Константина de Adm. Imp. гл. 13). Эль-Макинъ разсказываетъ, что Императоръ Василій, боясь успѣховъ малежника Фоки, послалъ къ Российскому Князю, бывшему врагу своему, просяніе у него войска; что сей Князь пребывалъ за то руки Царевниной, и согласился бить Христианиномъ (*Historia Saracenica* стр. 251). Дитмаръ пишетъ, что сама Греческая Царевна уговорила его принять Вѣру Христианскую.

(409) См. харашейный *Пушкин. списокъ*.

(410) Наши Богословы думають, что сіе Владимірово прозрѣніе было духовное (см. Платонову *Церковную Росс. Исторію I*, 27).

Въ рукописномъ харашейномъ житіи Владимира сказано (также въ Минеяхъ и въ другихъ мѣсахъ), что сей Князь называлъ бытъ въ крещеніи *Vasimeliz*.—Несторъ говорить здѣсь только о Епископѣ Херсонскомъ; но въ Херсонѣ были Митрополиты (см. Кодина de Officiis Magnae Ecclesiae Constantinopolitanæ, стр. 339).

(411) *Memor. popul. II*, 1009.

(412) См. Нестора. — Сочиненія *Книги житій Святыхъ*, описывая подвиги Св. Философа Константина (XI Мая), сказываютъ, что онъ, будучи въ Херсонѣ, напелъ мощи Климентія и какоторую часть ихъ опровергъ въ Римъ: следствіено Владимиръ могъ взять *остатокъ*.

(413) Несторъ говоритъ: «дѣлъ *калиции* и четыре «копы *мѣдяны*.» Здѣсь слово *калициѣ* не можетъ означать

чата думиринцы или храна языческаго. Въ нації Библії (*Исаход*, XXIII, 24) оно употреблено въ смысле кумира. Въ *Иаковов.* и другихъ лѣтописяхъ на-званы сіи *хатища боладжаки*. — Герберштейнъ пи-шеть, что Новогородцы, по взятии Херсона, вывезли оттуда *мѣдныя врата и большой колоколь*. Западныя, рѣзныя врата Софійского Новогородского Собора дѣй-ствительно называвшіяся *Херсонскими*, во сдѣланныи Нѣмецкими художниками, которые изнизу изобразили самихъ себѧ въ Германской старинной одежде.

Герберштейнъ выдавалъ иногда сказки за Русскія лѣтописи: такъ оть говоришъ, что Новогоюдцы (*ut annales eorum referunt*) семь лѣтъ осаждали Херсонъ; что жены ихъ вышли между пѣтыми замужъ за рабовъ; что сіи рабы встрѣтили господь съ оружиемъ; но господа, оставивъ мечи и копья, помыли на нихъ сѣбичами, и пѣты обрашили въ бѣгство своихъ быв-шихъ слугъ, которые укрѣпились въ одномъ мѣстѣ, названномъ посвѣтъ *Холопъ изъ городка* (Герберштейнъ. *Rerum Moscoviticarum Comitentarii* спр. 55). Сія басня, повторенная Сириковскимъ, Выписаномъ въ его *Noord en Oost-Tartarye*, и сочинителемъ *Ядра Росс. Исторіи*, взяна изъ древней Греческой сказки о рабахъ Скинескихъ. Новогородцы и Псковитяне, какъ упомянуто въ иѣкошорыхъ лѣтописяхъ (см. въ Сино-дальи. бабы. № 349, л. 37), дѣйствительно ходили подъ Херсонъ съ Владимиromъ; правда и то, что на берегу Мологи, въ 60 верстахъ отъ устья сей реки, былъ въ XIV, XV и XVI вѣкѣ *Холопъ городъ*, извѣстный по его славнымъ ярмаркамъ; но въ лѣтописяхъ Новогород-скихъ нѣтъ ни слова о семъ иниомъ возмущеніи рабовъ.

(414) Въ *Симонист* Кіевскомъ прибавлены слѣдую-щія обеполшельства: «Старые люди рассказываютъ, что идеяль, членовъ Христіаніи съ горы Дивнѣв-ской, вопилъ и рыдалъ: для шого возвели сію гору (ниже монастыри Златоверхаго Михаила) Чортовъ изъ беремиціи, или тѣгостію и бѣдствіемъ сего злого духа. Когда онъ плакъ рѣкою, суетърные язычники кричали: *видибай!* ш. е. *выплывай*. Онь дѣйствицель-

но выплыть на берегъ; и сие мѣсто названо *Выдубицкій*, а посль *Выдубицкія* (гдѣ сплють нынѣ монастырь *Выдубицкій*). Однакожъ Христіане, ушопыни идола, привязавъ къ нему тяжелый камень.

(415) Въ *Синопсисъ Степенъ Книги*, въ *Никонъ Лѣтъ* и другихъ новѣйшихъ сказано, что сыновья Владимира крестились прежде народа. Въ *Синопсисъ* прибавлено, что они были крещены не въ Днѣпрѣ и не въ Почайнѣ, а въ *источникѣ надъ Днепромъ*, который съ того времени прозванъ *Крестильникомъ*. Сей колодезъ находился во рву, между двумя крупными горами. Недавно обѣтели его камнемъ и поставили надъ нимъ сплють, изъ коего лѣпится вода и щечешь мелкимъ ручьемъ въ Днѣпръ.

(416) И нынѣ существуетъ древняя Васильевская церковь въ Кіевѣ близъ Десятинной; но сплють на ровномъ мѣстѣ, а це на холмѣ.—О Варяжск. мученикъ см. выше. стр. 238. — Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ оказаю (см. *Воскресенъ I*, 153), что *первая*, Владиміромъ построенная церковь въ Кіевѣ, освященная 26 Ноібря, была во имя Св. Георгія. Баровъ Герберштейнъ пишетъ, что Перунъ спомъ на пломъ мѣстѣ, гдѣ находился монастырь *Перунскій*; что ядоль, когда Новогородцы бросили его въ воду, плыть вверхъ по рѣкѣ, и бросивъ имъ на моспѣ палицу, закричалъ: *храните ее, граждане, въ память мою*; что сей ядоль въ Новгородѣ; что житіе, поспѣшио собиралось тогда па моспѣ, дерущія палицами, и Градоначальникъ еда можетъ разнимашъ ихъ (Reg. Moscov. Com. стр. 55). Сю басню, которая находиться и въ *Степенъ Книги*, повторилъ Спрыковскій, а за нимъ сочинитель Киевскаго *Синопсиса*. — Изъ всѣхъ сказаний минимаго Іоакима самое любопытнѣйшее есть о *зведеніи Христіанской Вѣры* въ Новгородѣ; жаль, что оно выдумка, основанная единствѣнно на старинной пословице: *Путята кресты листки, а Добрьмы ознаки* «Новогородцы» (говорить сей Іоакимъ) «возмущаемые Тысячскимъ Угощемъ и жрецомъ Богомыломъ» или

«Соловеиа, какъ онъ названъ по его краснорѣчию, не хонгыци крестиншися. Воевода Владмировъ Пушаша, имѣя съ собою Ростовцевъ, вспутилъ въ бой съ неизокорными гражданами, а Добрыйя велъ задечь ичъ домы.» О Пушашѣ упоминается въ народныхъ пѣсняхъ:

*Противъ двора Пушаша,
Противъ терема Зыбатша,
Старого Пушаша телкой лѣсь.*

Впрочемъ одинъ знаменитый Воевода Пушаша жилъ гораздо позѣтѣ Владимира (см. ниже).

Въ житіи благовѣрнаго Князя Константина Салошеславича сказано, что Муромъ и въ XIII вѣкѣ бытъ еще наполненъ язычниками (см. нашей *Исторіи* Т. III, примѣч. 122). Св. Аврамій крестилъ многихъ язычниковъ въ Ростовѣ уже тогда, какъ сей городъ бытъ *Владимирскаго областію* (см. *Пролоеи и Микою Окш. 29*).

(417) Система Удѣловъ была общею въ Европѣ. Рюрикъ, не имѣвъ сыновей, раздавалъ области Болгаръ, которые назывались Князьями (см. выше, спр. 135 и 158).

(418) Въ *Патерикѣ* (см. житіе Симеона, Игум. Печер.) именно сказано, что сей городъ построенъ Св. Владиміромъ; но когда? Ташвищевъ пишетъ: «въ 992 году.» Сего извѣсія пѣть въ лѣтописи.

(419) О Тиупоракахъ см. выше, спр. 200.

(420) Бѣлогородъ, иныи Бѣлогородка, естъ мѣстечко Кіевской Губерніи на рѣкѣ Руинѣ. Тамъ не осталось уже ничего древнаго, кроме вала.

Несторъ говоритьъ, что у Владимира, еще *идолопоклонника*, было 300 наложницъ въ Бѣлогородѣ: сдѣланный Великій Князь живалъ шамъ и прежде.

Описанная здѣсь происшествія слѣдуютъ у Нестора въ такомъ порядке: Владимира началь спрошилъ города близъ Кіева въ 988 году; церковь Богоматери заложена въ 989, а Бѣлогородъ въ 990.

(421) См. выше, спр. 147 и прим. 321.

(422) Несторъ говорашъ: «Володимерь же приде въ *товары* (въспашъ), послѣ *барити по товарои*,» и проч.

Барыль или бирюль ёспів Герольдъ или провозгѣстникъ.

(423) См. выше, стр. 154. Развѣ положимъ, чѣмъ новѣйшій переписчикъ сихъ договоровъ опѣ себѣ вспомнилъ имя Переяславля?

(424) См. въ печати. *Несторъ* стр. 85 и 87. Не только Гуден, но и самые древніе язычники давали Свѧтценикамъ деслпину (см. Геродот. кн. I, стр. 65 въ Русскомъ переводе). Христіане, по союзу Свѧтыхъ Отцѣвъ, такжѣ слѣдовали сему обыкновенію; но Церковь Греческая никогда не признавала единаго закона изъ. Кармъ Великий и наконецъ Соборы Западной Церкви въ IX вѣкѣ первые уставили, что міряне обязаны давать монастырямъ и Духовенству деслпину частъ опѣ своего прибытия.

Деслпинал церковь Рождества Богородицы находится въ старомъ городѣ Кіевѣ близъ церкви Андреевской. Она была разрушена во время нашествія Батыева. Остался одинъ придѣлъ ея. На вѣнчайшей полуденной его спѣнѣ вѣланая каменная доска, длиною 6 аршинъ, шириной ½ аршина, съ слѣдующею надписью, изображеною выпуклыми буквами, цвѣту стѣроватѣю или свинцоватою: С А О Ф М Е) Э С О; а выше: ІІ: О. Значенія сихъ буквъ нельзя узнать для того, что доска не цѣлая, а состоящена изъ трехъ отломковъ, отысканныхъ въ развалинахъ старой церкви и вставленныхъ въ спѣну придѣла.

(425) Въ *Никон. Лѣт.
и Степен. Книгѣ* сказано, что опѣ Патріарха Цареградскаго прѣѣхалъ въ Херсонъ ко Владимиру Минпрополиту, именемъ Михаилъ, родомъ Сирий, который насадилъ Вѣру Христіанскую въ Россіи, завелъ училища, былъ мудръ, шахъ, иногда же свирѣль или строгъ; что мѣсто его въ 992 году заспушилъ Грекъ Леонпій или Леонъ, посвященный такжѣ въ Константинополь, а мѣсто Леонпія Иоаннъ, препій Минпрополитъ Владмірова времени. Во многихъ другихъ лѣтописяхъ названъ Михаилъ вѣторымъ Минпрополитомъ, а первымъ Леонъ: такъ сказано и въ минномъ *Владиміровомъ Уставѣ* (см. ниже, примѣр. 454), сочиненномъ около XIII вѣка. Въ

*Новогород. Лемъ, напечатаній въ предыдкіи Дре.
Рос. Виацнами, росциль Митрополитомъ* (согласно
съ Несторомъ), начинаящій съ Феонемата; въ *Архангел. Лет.* также. Мы знаемъ, что въ Печерской Лавре хранятся мощи Св. Михаила, первого Кіевскаго Митрополита; но въ *Пролохъ* иѣшь его житія, и въ описаніи Владимира крещенія не упоминается (ш. в. въ *Пролохъ*) о семъ Митрополитѣ. Сониншили *Ми-
хaili* взяли пятьдесятъ обѣ цемь изъ *Степенной Книги*. Мы согласимъ предаціе Церкви о Лаврскихъ мощахъ Св. Михаила съ достовѣрною Испюорією, ежели положимъ, что онъ былъ юноша самый Епископъ, копораго прислали Фотій къ Россійскимъ Христіанамъ Аскольдова времени, и который дѣйствительно называлъ Митрополитомъ Михаиломъ въ *Кормлѣ Книгѣ*, въ предисловіи *Патерика* и въ *Макрѣ* (Юмъ 15): ему-
што приписываютъ чудо Евангелія, не сгорѣвшаго въ огнѣ (см. выше, прнагѣч. 280). Кіевские Христіане могли сохранить непрѣбыващи мощи его, какъ святыню, до крещенія Владимира. Или онъ пасъ церковь въ Княженіе Ярослава, прежде Феонемата: ибо въ иѣко-
шорыхъ спискахъ древней лѣтописи сказано (см. *Во-
скресенск.* I, 185, и *Ростов. Лет.* п. 1037): «Великій
Князь Ярославъ Митрополію устрои».»

(426) Сей городъ есть нынѣшній Васильковъ въ Кіевской Губерніи.

(427) *Гридники* назывались шѣлохранишеми Княжеские, а Гридвицею та комната во дворцѣ, гдѣ они собирались. Сіи отборные воины дружины Княжеской дѣйствительно назывались послѣ *Мелниками*.

Въ рукописномъ житіи Св. Владимира прибавлено: «Въ ираадники Господскіе три трапезы посправляше (Владимиръ): первую Митрополиту со Епископы и ако Черноризцы и съ Попы; вторую инцимъ и убогимъ; третью себѣ и Бояромъ своимъ и всемъ мужамъ своимъ.» — Мы написали выше, что Владимиръ велѣлъ сварить 300 варъ меду: въ древней лѣтописи сказано: «просвари, а въ новѣйшихъ »300 берков-
скыхъ, или берковцевъ.

(428) «Взимашъ велику попребу, пышье¹ и яднъя, и
вотъ скотицъ кунами.» Кунами назывались въ спа-
рии деньги, а скотицю казна.

(429) *Вира* есть Германское Wehrgeld, употреб-
ляемое въ Саксонскихъ законахъ (Lex Saxon. Tit. II,
Слово Академика Струбера о народѣ и перемѣнахъ за-
коноў Россійскихъ, стр. 10, и Юма Анал. Исторію
Т. II, главу о законахъ Англо-Саксон.). Такъ называ-
ли Германцы денежную пеню за убийство.

(430) Съ Болеславомъ Ляптицкимъ, и съ Стефаномъ
Угорскимъ и съ Андрихомъ (Удалырикомъ) Чешескимъ.
Несшоръ говоритъ о томъ въ описаніи слушаевъ 996
года; но Стефаний началъ властствовать уже въ 997 году,
Болеславъ въ 999, а Ульрикъ или Удалырикъ въ 1012.
Впрочемъ все они были Владимирамъ современниками.

(431) См. ниже о словѣ *Вѣре*, примѣч. 443.

(432) По позвестію Кедрина, Анна умерла послѣ
Владимира. Mortua Anna, говорить онъ, Imperatoris
sorore, in Rossia, defuncto iam ante Vladimiro marito
(Memor. popul. II, 1010). Но мы вѣримъ Несшору,
шьмъ болѣе, что сказаніе его согласно съ извѣсіемъ
современнаго Нѣмецкаго Лѣтописца: чтоо Владимира
(какъ пишетъ Диптмаръ въ концѣ VII книги) было
погребено тамъ же, где стоялъ гробъ супруги его,
Кильны Греческой — следствію она умерла прежде.

Здѣсь открылось *Након*. *Лѣтописцу* свободное
поле для вымысловъ. Желая наполнить пустоту въ
древней лѣтописи, онъ сказываетъ, что въ 1000 го-
ду Володарь забывъ благодатія Великаго Князя, шелъ
осадить Киевъ съ *Половцами* (которыхъ нынѣ въ сіё
время было еще неизвѣстно въ Россіи); что Влади-
миръ находился тогда въ Дунайскомъ Переяславцѣ;
что богатырь его Александръ Поповичъ умершилъ
Володаря и разбилъ Половцевъ; что Владимиръ за па-
кую храбростъ надѣлъ на Поповича золотую гривну
и сдѣлалъ его *Вельможею въ палатѣ своей*; что въ
шость же годъ умеръ Радай Удалой, раздѣвались во-
ды и были у Владимира послы отъ Паши, отъ Кор-
оля Богемскаго и Венгерскаго; что въ 1001 году

Александъ Поконічъ и Янъ Усманашецъ, убивши нѣкогда великаша Печењскаго, разогнали множесѧво Печењгокъ и привели въ Кіевъ Князя ихъ Родмара; чѣо обрадованый Владимириъ дать солдатамъ праздникъ народу и послалъ гостей своихъ (купцевъ) въ Римъ, Іерусалимъ, Египетъ, Вавилонъ, для наблюденія чужеземныхъ обычаевъ; чѣо въ 1002 году родился Святославъ сынъ Яна, шиї дожди и было тѣженіе звѣздамъ и пр.

(433) Histor. Reg. Septentr. T. I., Truggwasons Saga, гл. 96, стр. 317. Музы Скандинавскія, воспѣши спо-
войну и жесшокія билы ся.

Стурмезонъ (I, 197) поясняющій слѣдующее: «Когда Асприда съ Олофомъ пыла на корабль въ Россію, морские разбойники взяли ихъ въ пленъ и раз-
грабили. Сигурдъ, посланный Владимиromъ для собра-
женія дани въ Эспландию, нашелъ шамъ своего племян-
ника, выкупилъ его изъ неволи и привезъ въ столи-
цу. Чрезъ нѣсколько времени юный Олофъ встрѣ-
тился съ однимъ изъ разбойниковъ, взявшимъ на
Балтийскомъ морѣ корабль Асприданъ, въ разсѣкъ
тому голову шпоромъ. Желая спасенія племянника,
Сигурдъ отвелъ его къ супругѣ Владимировой, Арю-
дѣи, и просилъ ея защиты. Княгиня вспнулась за
Принца и вѣлья спражъ разогнала народъ, ко-
торый искалъ убійцы; а машь Олофова западнила пленю-
родственникамъ убішаго. Никто изъ чужесправныхъ
Принцевъ, безъ особенного дозвolenія отъ Прави-
тельства, не могъ никогда жить въ Россіи: Княгиня
всходашайшвала сіе позволеніе для Олофа, и спа-
вралась довершивъ его воспитаніе наилучшимъ обра-
зомъ. Онъ съ великимъ притѣжаніемъ учился воин-
скому искусству и заслужилъ милость Владимира,
давшаго ему начальство надъ своимъ пограничнымъ
войскомъ; но зависшіе Бояре утвердили Князя, чѣо
«сей чужеземецъ, любимый народомъ, можешь бысть
юнасень, и юный Олофъ выѣхалъ изъ Россіи.» — Да-
лѣо Стурмезонъ (стр. 233), ссылаясь на какую-шо
Хронику подъ заглавiemъ *Imago Mundi*, разказыва-

ешь, что Олеофъ, упринявъ Вѣру Христіанскую, бывъ въторично у Владимира, ъздилъ отъ него въ Грецию и привезъ къ нему отпуда ученаго мужа, именемъ Павла, кооторый съ помошю Великой Княгини Арловы уговорилъ Владимира и подданныхъ его креститъся: что случилось въ царствованіе Императора Олександра. «Владимиръ жилъ дѣйствительно въ одно время съ Олександромъ III. Сю повѣсть Стурлеонову можно отнести согласить и съ Несторовою, ежели подъ именемъ Павла будемъ разумѣть того Греческаго Философа, кооторый, по извѣстію нашего Лѣтописца, изъяснялъ Владимиру Вѣру Христіанскую.

Кардиналъ Бароній повторяєтъ въ своихъ Церковныхъ Лѣтописяхъ (Annal. Eccles. T. XI, стр. 30—31) сказку о Римскомъ Св. Мученикѣ Бонифатіи, кооторый будто бы въ началѣ XI вѣка крестилъ Россію; но должно знать, что сей Мученикъ бывъ не въ Россіи, а въ Пруссіи (см. Гаршкох. Alt-und Neues Preussens, стр. 456).

(434) Ежели откинуть слогъ *ea*, *Альдейабуреъ* можетъ значить на Готскомъ языке *старый городъ*; но въроятнѣе, что сіе имя дано ему отъ Ладожскаго озера, кооторое называлось *Альдескъ*, *Альда* (Рудбек. Atlantica T. I, стр. 659—660), *Альдагенъ* (см. сей Исторіи T. III, примѣч. 203) и даже *Альдога* (см. Географ. Лексик. Миллеровъ подъ словомъ *Ладога*, и Шлец. Nord. Gesch. стр. 501). Рюрикъ, можетъ быть, основалъ городъ Ладогу, желалъ имѣть удобное сообщеніе съ единоземцами своими чрезъ Финскій заливъ, и назвалъ ее Альдейабургомъ, т. е. *городомъ Альдескимъ*; бывъ можетъ, что она построена еще и ранѣе Варягами, завоевателями съверныхъ областей Славянскихъ, хотя лѣтописи наши и не упоминаютъ объ ией до XII вѣка. Имя *Альдога*, отъ переставки двухъ буквъ, обращалось въ Ладогу: такъ спали въ Россіи называшъ сей городъ, ошбросивъ окончаніе буревъ. Извѣстно, что простой народъ говорилъ у насъ *Питеръ*, вмѣсто Петербурга.

(435) При Олегѣ Новгородъ плашилъ 300 гривенъ Варагамъ (см. выше, стр. 145).

(436) Обстоятельство, что монументъ Владимира сполъ среди храма, подъ гробницы супруги его, взялъ я изъ Дипмара, современного Владимиру Льшописца, котораго единоземцы, приходившіе съ Болеславомъ Храбрымъ въ Киевъ, собственными глазами видѣли сей памятникъ, разрушенный, какъ надобно думать, Татарами (см. Дипмар. Chron. въ концѣ VII книги). Мишрополитъ Кіевскій (какъ скаживають), Петръ Могила, въ 1636 году осматривая окрестности Десяниной церкви, разореній Башнемъ, увидѣлъ яму; вѣльше глубже раскопать ее, нашелъ два гроба мраморные и по надписи узналъ, что въ нихъ лежали кости Владимира и Царевны Аники. Онъ вынулъ голову Святаго Князя и положилъ ее въ Киевопечерской церкви, гдѣ она и теперь хранится (см. Историц. Описаніе Кіев. Лавры, стр. 80). Но что же Петръ Могила сдѣлалъ съ гробницами? Опять зарылъ въ землю? гдѣ? Викарій нынѣшняго Мишрополича Кіевскаго, будучи еще типографомъ, внесъ сіе извѣстіе въ описание Лавры изъ тетрадки покойнаго Архимандрита Зосимы, который записывалъ въ ней разныя достопамятности. Я не могъ узнать ничего болѣе, кроме слѣдующаго: »Въ правлѣніе Епархію Кіевскою Мишрополича Арсения Могилінскаго, спарница Кіево - Фроловскаго монастыря, Княгиня Некшарія Борисовна Долгорукова (супруга замкненішаго несчастливца, казненнаго въ царствованіе Анны Іоанновны), получивъ благословеніе сего Архипастыра, возобновила древніе ошатки Десяниной церкви. Задѣявши прещину въ стѣнѣ ошари, и копая землю, каменщики открыли двѣ мраморныя доски, подобныя той, которою покрыша Ярославова гробница въ Софійскомъ храмѣ. Тогдашній Священникъ сей церкви не сказалъ ничего Мишрополичу, и любопытный памятникъ быъ опять засыпанъ землею, а слова Греческія, изображенныя на антѣней спінѣ между большими, круглыми, муравленными

украшениями, предложенными оложение ветхой церкви, сбиты рабочниками для боялки. Все сказанное слышала я очень живецкой тогда въ семь приходъ госпожа Хитровою, родственница поэзиной «Долгоруковой» — говорить достойный Протоиерей Иоаннъ Левандъ, ученый любитель нашихъ древностей, въ письмѣ къ Н. Н. Бантышу - Каменскому, отвѣтствуя на мои вопросы.

Дипмаръ называетъ Десятиную церковь храмомъ Св. Клименты; тамъ лежали мощи его Папы (см. въ Мик. Чет. житіе Владимира) и могъ быть приданъ ему посвященный.

(437) *Historia Saracenica*, стр. 251.

(438) Дипмаръ, согласно съ Несторомъ описывалъ чрезвычайное любострастіе, говорить, что Владимиръ боязною малоспешнею хотѣть загладить грѣхи свои.

(439). См. *Никол. Лѣт.* Мощи Ильи Муромца изъспоминаютъ только по сказкамъ, хранящихся въ пещерахъ Киевскихъ.

(440) Дипмаръ (въ концѣ VII-ї книги).

(441) Всѧ Ливонія, какъ мы уже говорили, плашилась Владимиру; онъ завоевалъ землю Янвяговъ (такъ называлъ Бѣлы Свокъ, Бѣльскъ, Дрогичинъ) и города Червенскіе или Галиціо: Липовцы, жившие за Двиною, оставались еще независимы до временъ Ярослава Великаго. Но Игореву заключенному съ Греками трактирку устье Днѣпра находилось въ Россіи. Вероятно, что вадѣнія наши проспирали единѣнно до пороговъ; або Владимиръ, боясь, чтобы вдомопоклонники Россіи не выпащили брошенного въ Днѣпъ Перуна, вѣльѣ своей дружинѣ иппи за нихъ только до сего мѣста. Мстиславъ, сынъ Владимира, господствовалъ въ Воспорскомъ Тмутороканѣ. Съ книжениемъ Ярослава Великаго лѣшописи наши говорили о частыхъ войнахъ Новогородцевъ съ сюдѣственными Финляндцами иди Емию. Если вѣрить одному Руническому памятнику, то Россія уже при Владимирѣ граничила въ Лапландіи съ Норвегіею (см.

сей *Исторія Т. II*, примѣч. 61). Не лъзъ съ точніостію опредѣлить, какъ далеко въ тіе времена про-
сширалась область Меря, или Ростовская, на Сѣ-
веръ и Востокъ, но безъ сомнѣнія не далѣе нынѣш-
ней Ярославской и Костромской Губерніи. Столъ же
не ясны древнія границы Россійскія по писанію До-
на: увидимъ въ *Исторіи XII вѣка*, что Княжаніе
Рязанское, бывшее Удѣломъ Черниговскаго, заключало
въ себѣ и часть нынѣшней Воронежской Губерніи;
далѣе къ Югу склаивались Азіашкія Орды: Печенѣги,
Половцы.

О Хвалисахъ говорилъ Несторъ (въ печати. стр.
145): *Хвалисы и Болгаре суть отъ дщерей Лотомыхъ* (следственno единоглазенники). Онъ сказываетъ (стр.
7), что въ его время можно было идти Волгою въ
Болгары, *Хвалисы* и въ часть Симову, и. е. по Нес-
сторовой Космографіи въ Персию, Бактрию, Индію.
— Древніе Россіяне называли *Хвалисами*; а Греки
Хоалишами (*Memor. popul. III*, 52, и *Дегина Hist. des Huns. кн. V*, стр. 589) Канглей, обитавшихъ и въ
XII вѣкѣ, по извѣстію Карпина и Рубрукиса, на
сѣверныхъ берегахъ Каспійскаго моря въ сосѣдствѣ
съ Казанскими Болгарами (см. въ *Бергеровомъ*
изданіи *Voyage de Rubruquis* стр. 46, 47). Сіи Ка-
нгли хвалились, что они происходили отъ древнихъ
Римлянъ; но Абульгази Ханъ причислялъ ихъ къ Та-
шаррамъ, утверждая, что рудоначальникъ *Канглей* названъ
такъ отъ *изобрѣтенія* шелегъ (*Hist. des Tatars*,
стр. 41 и 85) и сказывая, что они жили нѣкогда
около Туркестана. Кинанъ упоминаетъ о *Хали-
сахъ*, людяхъ Магометанской (или, какъ въ другомъ
местѣ сказано, Іудейской) Вѣры, обитавшихъ въ
Венгрии около половины XII вѣка (*Memor. popul. III*, 676) и, вѣроятно, пришедшихъ туда или съ Но-
ченѣгами, или съ Команами. Тунманъ и Гапшерерь
считали Уральскихъ и Волжскихъ Канглей осман-
скимъ Печенѣгомъ. По крайней мѣрѣ нѣкѣ сомнѣнія
въ ихъ народномъ сродствѣ. — Послѣ Россіяне назы-
вали *Хвалисами* Ташарь Каспійскихъ. Такъ сказали въ

жъописи Келаря Аврамія (стр. 16), что Годуновъ искалъ невѣсты для сына своего въ Титарскихъ царствахъ, въ Хвалысахъ. Памѧтикомъ сего древняго имени оснался нынѣшній городъ Сараповской Губерніи, Хвалынскъ.

(442) См. выше, стр. 158 и 180.

(443) См. выше, стр. 265. Древній Новогород. Лѣтъ обыкновенно пишеть *Влѣе*, а не *Вече*, ибо оно въ корне свое имѣетъ связь съ глаголами *вѣдать*, *вѣщать*. Въ старину виѣшо *вѣщать* говорили *вѣгать*: см. *Новогород. Лѣтъ*. (стр. 66) Народныя собранія Англо-Саксоновъ именовались *Witenagemot*, то есть: »собраніе знающихъ людей,« отъ слова *witan*, *вѣдатъ* (см. въ Юмовой *Англ. Исторіи* Т. II, спашью *Witenagemot*). Въ Польшѣ Дворянскій судъ въ дѣлахъ воинчныхъ назывался *Wieca*.

(444) См. печатн. *Нестора* стр. 63.

(445) См. тамъ же, стр. 67.

(446) См. выше, стр. 158, или въ *Несторѣ* стр. 25.

(447) См. *Нестора*, стр. 186.

(448) См. тамъ же, стр. 67.

(449) Тамъ же, стр. 88, 89 и 90.

(450) См. выше, стр. 91.

(451) См. Спиринг. *de jure Sveonum et Gothorum antiquo*; шакже *Jut. Lavbook* въ *Dissertation sur les anciens Russes*, стр. 51. — Для сравненія см. выше, въ договорѣ Олег. спашью IV, V, и въ Игорев. спашью XII.

(452) См. выше, стр. 159.

(453) См. выше примѣч. 94. Саксонъ Грамматикъ уверяетъ, что Датскій Король Фропонъ обнародовалъ, за вѣсомъко вѣковъ до введенія Христіанства въ Скандинавіи, законы воинскіе и гражданскіе (см. Малеш. *Histoire de Dannemarc*, Т. I, гл. 8). Сіи кралики уставы или правила, по словамъ Далина, были вырѣзываемы на деревѣ (*Gesch. des Schw. R. T. I*, стр. 151). Хотя Саксонъ не можетъ быть надежнымъ порукою испытвы, и Далинъ говорить единственно по догадкѣ; но вѣроятно ли, чтобы древніе

Скандинавы, исписывали Рунами гробы и камни, не употребляли ихъ для начертанія законовъ, которые служашъ основаниемъ гражданскихъ обществъ?

(454) Впрочемъ подложный Уставъ Владимира до-
спомни замѣчанія своею древностию; оны сочинены
не позже XIII вѣка: ибо хараппейный, найденный
мною въ Синодальной библіотекѣ (въ Коричной книгѣ,
No 82), писанъ въ книженіе Димитрія Александрови-
ча Новогородскаго, съдѣствіено около 1280 году. На-
печатанный въ *Древней Вивліовикѣ* есть испорчен-
ный и новыми умниками дополненный списокъ Всѧ
древній:

*Уставъ Св. Князя Володимира, крестившаго Русь-
скую землю, о церковныхъ судахъ.*

«Въ имя Отца и Сына и Св. Духа. Се язъ Князь
»Василій, наречаемый Володимиръ, сынъ Святославъ,
»внуку Игоревъ и блаженныя Киягинны Ольги, вспрѣ-
»яла есмы святое крещеніе отъ Грецкаго Царя и
»отъ Фатія Патріарха Царегородскаго; взялъ первы-
»вато Митрополита Леона Киеву, иже кръсти всю
»землю Русьскую святымъ крещеніемъ. Попомъ же
»въпомъ многимъ минувшемъ, создахъ церковь Св.
»Богородица Десятинную, и дахъ ей десятину по
»всей земли Русьской изъ Кильмежія въ Сборную цер-
»ковь; отъ всего Княжа суда десятую вѣшю, а изъ
»торгу десятую недѣлю; а изъ домовъ на всяко лѣто
»онъ всякого спада и отъ всякого жита чудному
»Спасу и чудный его машери. — Попомъ разверзше
»Грецкій Номаканонъ, и обрыпохомъ въ немъ, оже-
»ще, подобаетъ сихъ судовъ и плажъ Князю судити,
»или Бояромъ его, ии судьямъ, и язъ, стидавъ съ своею
»Княгинею съ Аиною и съ своими дѣтьми, даль есмы
»иши суды церквамъ, Мишрополишу и всѣмъ Писку-
»піямъ по Русьской земли. А по сему не надобъ вспуш-
»шаписи ни дышемъ монъ, ни виучапомъ, ни всему
»вроду моему до вѣка, ии въ люди церковные, ии во
»весь суды ихъ и т. д.

Къ счастию испаны и нашему, Авторъ не зналъ
хронологіи Византийской: иначе древность слога мо-

ты бы обмануть самыхъ знатоковъ, и мы прописали бы тогда Владимиру сочиненіе какого нибудь Монаха. — Еще одно замѣчаніе: въ семъ усташа сказано, что шляхбы дѣлпей и братъевъ о насыщепи подсудны единственно Духовенству; но Ярославовъ доказываетъ прошнвное: шамъ именно (въ новомъ изданіи стр. 93) написано, что ихъ судилъ Князь чрезъ своихъ Опроковъ.

(455) Выражение, употребляемое въ вашей древней лѣтописи: *ставить стлег* (въ печатн. *Нест.* спр. 173) значило строиться. — О труbachъ воинскихъ см. выше спр. 203. — Пречиць говоришь Князю Печеньскому, что онъ пришелъ въ *сторожехъ* (см. въ печатн. *Нест.* спр. 58). — Несшоръ сказываетъ, что Славные Русские издревле употребляли мечи *обогуду острыве* (въ печатн. спр. 15). О коняхъ и спрѣлахъ см. въ печатн. *Нест.* спр. 49 и 58. — Печеньги напрасно осаждали Киевъ и Бѣлогородъ (въ печатн. *Нест.* спр. 57 и 90). — Святославъ взялъ Козарскую Бѣлую Вежу, Переяславецъ и другіе украинские города въ Болгаріи. Владаміръ присыпалъ землю къ спѣнамъ Херсонскимъ, и подъ Киевомъ окопался въ сипанѣ (см. выше, спр. 231 и 249).

(456) Memor. popul. II, 986. — Греки сего времени называють Русские корабли *Rugicae naves* (см. Констант. Багрян. de Cerim. кн. II, гл. 44). Корабль и *хорхва* есть одно имя: Греки записывали его, *хорхва*, опь Славянъ. Оно имѣетъ связь съ глаголомъ *хорбить* и *коробить*. — О легкости Русскихъ военныхъ судовъ говорить Липпрандъ (*Historia etc.* книга V, гл. 6). — Конешашишъ Багрянородный пишетъ, что за семи Русскихъ корабляхъ, присланыхъ въ помощь Грекамъ, находилось 415 человѣкъ (de Cerim. кн. II, гл. 44, въ Memor. popul. II, 972); въ Олеговомъ флоше на всякому корабль было 40 воиновъ; для каждого паруса выходило 30 локтей (*ulnatum*) полотнища (Memor. popul. II, 974). — О спроекціи Русскихъ судовъ см. ниже.

(457) Выша, стр. 262.

(458) См. выше. Славянское имя отрокъ, подобно Латинскому adolescentulus, означало и юношу или вообще молодого человѣка. Обычай Князей Россійскихъ имѣть дружину многочисленную вокругъ себя есть древній Германскій, описанный Тациемъ, (de situ, morib. et. pop. Germaniae, гл. XIII и XIV). Сихъ отборныхъ воиновъ Таций называетъ Comites.

Мы различаемъ Опирокъ Княжескихъ и Бояръ дружинъ, основываясь на лѣтописи Несторовой и законахъ Ярославовыхъ. — Отрокъ или Дѣтскій былъ эмблема Гридня или Мечника: ибо первому за прудъ въ вѣкопорыхъ дѣлахъ съдѣшвиеныхъ давали полгрины награжденія, а второму только 5 купъ (см. въ печати. Рус. Правдѣ спр. 81).

(459) По крайней мѣре лѣтопись упоминаетъ только о жалованье Варягамъ и Гридямъ (см. выше).

(460) См. Констанціи. Баграи. въ Бандури Т. I, гл. VI, спр. 57, и Баерово изложеніе описанныхъ Константиномъ шеваровъ въ Geograph. Russiae ejus Script. Sept. въ Коммешѣ. Академії, Т. X, спр. 410. — Олегъ привезъ плоды изъ Цариграда (см. выше).

(461) Memor. popul. II, 982. — См. о Лучанахъ выше. — Константинъ называетъ Вишневецъ Витегѣвъ. Учебный Баеръ, обращаясь (Коммешѣ. Ак. X, 408) сіе имя въ Витебскъ; но городъ Вишневецъ стоялъ на берегу Днѣпра ниже Киева и Триполя (см. Большой Чертежъ спр. 145). — О Несыпскомъ порогѣ см. Записки Г. Зуева, спр. 254, также Большой Чертежъ, спр. 157, где описаны 14 пороговъ Днѣпровскихъ: Константинъ же говоритъ только о семи.

(462) Memor. popul. II, 987. Сіе извѣстіе кажется сомнительнымъ. Гиббонъ думаетъ, что вмѣсто Сирия надобно читать Суаніа спрана Кавказской, описанная Плиниемъ, и въ XI вѣкѣ еще извѣстна подъ симъ именемъ (Memor. popul. IV, 231).

(463) См. печати. Нестора спр. 7.

(464) Memor. popul. II, 980 и The oriental Geography of Ebn-Haukal, спр. 191. Вотъ что онъ го-

воритъ о Россіи: «Близъ Козарія, на берегахъ Аппеллъ (Волги), есть народъ Бергасъ; но земля сихъ людей называется вообще и Козарскою, Русскою (Rus) или Сериръ... Руси при поколѣнія: одно близъ Болгаріи; Царь его живетъ въ городѣ Гунабль, который обширие столицы Болгарской. Другое поколѣніе называемое Артанами или Арталами: Царь его живетъ въ Арты; а предше поколѣніе, имеемъ Дишлабе, обишаєть выше. Но для торговли никако не вадить далѣе Болгарской столицы; никако не вадить до Арты, ибо жители убивають всякаго иностранца. Арта производитъ свинецъ и олово (?) и звѣря, называемаго черною куницаю или Скиескимъ соболемъ. Русскіе жгутъ мершыхъ и не брыютъ бородъ. Сіе извѣстіе любомыщно; но имена поколѣній и городовъ неизвѣстны. См. выше, ярим. 347.

(465) См. Спурас: Hist. Regum Sept. T. I, стр. 449, и Тороеев. Hist. Norvegiae, T. II, стр. 68, о торговле Новогородской. — Олегъ назывался купцемъ, вѣдущимъ изъ Новагорода въ Грецию (см. выше, или въ печати. Несторъ стр. 18). — О Вишепѣ см. Адам. Hist. Eccles. стр. 19, и Гельм. Chron. Slav. стр. 4. Адамъ называетъ Россію Грецией. Гельмольдъ повто-ряетъ его слова. — О зависимости Ливоніи или Эспланадіи отъ Владимира см. выше, стр. 237; о шамони-ней ярманкѣ въ Спуре. T. I, стр. 274; о богащопії Россіи въ Баер. Geogr. Russ. ej Script. Sept. Ком-менд. Акад. X, 411, и въ Гельмольд. Chron. стр. 3.

(466) О торговле Государей Скандинавскихъ см. Спур. Hist. Reg. Sept. I, 618. — Олегъ бралъ дань съ Древлянъ *чернаглии купицами* (въ печати. Нест., стр. 19). Син же Древляне предложили въ даръ Ольгѣ медъ и скору или шкуры (въ печати. Нест. опр. 50). О Радимичахъ сказываетъ Несторъ (стр. 72), что они платятъ дань Руси и *позваутъ везутъ*.

(467) Баер. Geogr. Russ. въ Комиссіи. Академіи, T. X, стр. 406.

(468) См. выше, стр. 174.

(469) Memor. popl. III, 986. См. также выше,

стп. 281, о шомарахъ, которые шли изъ Греціи въ Хазарію, Печеніжскую землю и Россію. Ковешаншии въ числѣ сихъ шомаровъ именуентъ труда, родъ поясокъ и поясовъ (см. Баера, въ Коммента. Акад. X, 410). Саеньны обыкновенно употреблялись тогда за обувь (см. выше, примѣръ 370).

(470) См. Дири. *Chronic.* въ Лейбниц. издани, стр. 426. Такъ называемый Саксонскій Лѣтописецъ, *Annolestia Saxon.*, повѣстъ Дніпмарово сказание о Киевѣ, но говорить шомарко о 300 церквяхъ (см. Eocard. Согр. Histor. medii aevi, T. I, подъ 1018). Адамъ Брем. въ Hist. Eccles. кн. II, гл. 13.

(471) Несторъ говорить по характеру имѣть спаскать: «*бо то́да вода текуше въ земли* (а не болотъ) *хе-*
зъи Кіевыя, а на Подолѣ не сядку буде, по на-
горье. И такъ начало Подолье должно отнести къ XI
вѣку, въ конторьи жильи Мессияры: тогда Дніпръ
удалася своимъ землемѣромъ опять горы Кіевской.

Въ Memor. рород. II, 982: *Nemogarda (Novgorodъ),*
ubi Sphendosthalibus, Ingort Russiae principis filius,
habitabat.

(472) Имя мордка происходитъ отъ морды живот-
ного. Въ *Древлѣ изъ летописи* (Т. II, стп. 406), въ
Никол. (V, 42), и въ другихъ именно сказано, чи-
слѣ деньги, или лузы мордки, ходили въ Новѣгородѣ
до самаго XV вѣка. Въ Успиѣ Новогородскаго Кня-
зя Свѧтослава Ольговича, изданиемъ ть 1137 году, за-
писано: «*железъ Пискуть за десятину*» (имѣсто деся-
тины) «*жонъ виръ и продлъ 100 привенъ лозыихъ кунъ,*
иже выдавається Домажаричъ (см. характерную Королеву
Книгу временъ Князя Дніпрорѣ, сына Александра
Невскаго, въ Синодальной библиотекѣ подъ №. 82):
следствію Казака опять времени до времена выпуска-
ла новую кожаную монету, и. е. съ изображениемъ
— Герберштейнъ, конторъй бывъ въ Москвѣ
при Василіи Ивановичѣ, въ начаѣ XVI вѣка, также
пишеть, что древніе Россійне употребляли, имѣсто
денегъ, мордки и уши блокъ и другіе животныхъ:
(Rer. Moscov. Составл. стр. 42). Гашвицъ, со-

временика Царя Иоанна Васильевича, говориша о цѣныхъ шкурахъ (Reg. Moscov. Auctiones variis, стр. 158). Въ Польше до исхода XIII вѣка ходили деньги кожаные. См. Мѣховск. Hist. Polon. kn. IV, гл. 4, годы 1298). По сказанію Нейштедта, Автора Хроники Ливонской XVI столѣтія, монета Ливонцевъ во XII вѣкѣ состояла въ бѣлыихъ ушкахъ съ серебряны-ми гвоздиками. — Наконецъ самое важнѣйшее свидѣтельство о нашихъ древнихъ кожаныхъ деньгахъ есть письмо Монаха Рубрукиса, бывшаго въ Россіи около 1253 года: (см. въ Бергеровѣ Voyages, T. I, Voyage de Rubruquis, стр. 91).

Въ Дѣрничскомъ Александровскомъ монастырѣ, въ Владимиrской Губерніи, еще недавно хранились въ бо-чинахъ, вмѣстѣ съ другими ошпаренными вещами, мно-гие кожаные лоскутки, введенные въ описание монастыр-скую подъ именемъ кожаныхъ денегъ я съ любопыт-ствомъ разсмотривалъ оние. Нѣкоторые такою же инициией [] , другіе менѣе; на первыхъ изобра-жались [] крючекъ, на вторыхъ звѣздочка. На одномъ выпечашано слово *Кудма*: такъ именована въ *Большомъ Черемѣль рѣка*, впадающая въ Сѣверную Двину, не далеко отъ нынѣшняго Архангельска (след-ственно въ древней Новгородской области). Указъ Петра I, 1700 года, марта 8 (данный изъ Приказа Большой Казны) свидѣтельствуетъ, что и въ эпо-драмъ еще ходили кожаные деньги въ Калугѣ и въ окрестныхъ областяхъ. Въ Воронежскомъ Цейгаузѣ хранились — думаю, хранятся и нынѣ — мелкая кожа-ная монеты: на одной елѣронъ оныхъ изображенъ Св. Георгій, а на другой слова *Царь и Великий Князь Иванъ* (см. Шерер. Nestors Jahrhundert стр. 58).

(473) Византійскія золотыя монеты, *Номисмы имп. Солиды*, имѣли вѣсъ нации золотниковъ (см. со-чиненіе Г. Круга, *Münzen des Russlands*, книжка I, стр. 134), которыхъ имѣло пронашто отъ золота, ш. с. вѣсъ сихъ Греческихъ золотыхъ монетъ.

(474). См. выше, стр. 147. Шлецерь не вѣрилъ, чтобы Радимичи имѣли монету; но Козары имѣли

оную, и въка два господствуютъ надъ симъ ирядомъ, ме-
гда ввесши шамъ мешалы въ употребление. Подъ
древнимъ Славянскимъ именемъ *чилея* надобно раз-
умѣть мелкія серебрныя деньги: издныя сдали хо-
дами тогда въ Россія. Новогородцы не ранѣе XV вѣ-
ка начали употреблять Шведскіе ортуи (см. *Лѣтопись*.
Новое. Попа Иоанна, спр. 682). — Въ XIV вѣкѣ, когда
Новгородъ довольствовался еще лоскушками кожами-
ми, тѣ Москвѣ уже обращались Русскія серебряныя
деньги: ибо мы имѣемъ монеты Димитрия Донского.

(475) Въ договорѣ Смоленскаго Князя, Мстислава Да-
видовича, съ Нѣмецкими городами въ 1228 году сказа-
но: *може убьюти вѣлкаго человѣка, и пластиши за толо-
зуу 10 гривень серебра, по четвере гривни кунамъ,*
ш. е. полагая 4 гривны кунъ на одну гривну серебра —
за холопа гривна серебра. Аже кпю холопа уда-
рить, гривна кунъ (см. сей трактантъ въ нашей
Исторіи Т. III, примѣч. 207). Знаемъ еще, что въ
спрашній годъ 1230 году Новогородцы за четверть
ржи пластили гривну серебра или семь гривнь кунами
(см. въ *Продолж. Рое. Виаглю. Новогород. Акт.* спр.
499 и напечатан. въ Москвѣ *Акт. Новогород.* спр.
119). Слѣдственію гривна кунъ имѣла тогда разную
цену въ Смоленскѣ и Новгородѣ. Вопреки Издаче-
нію Русской Правды, гривна серебра при Ярославѣ
не могла равняться только съ двумя гривнами кунъ.
Ярославъ опредѣляетъ 40 гривень пени за убийство,
а Князь Смоленскій въ 1228 году 10 гривень серебра:
втроящіо ли, чтобы въ XI вѣкѣ пластили за женою
вдвое болѣе серебромъ, нежели въ XIII сполѣнії, ког-
да ошѣ успѣховъ торговли надлежало размножиться
драгоценнымъ мешаламъ въ Россіи?

(476) См. выше, прим. 82, спр. 231, 239.

(477) Въ Синодальной библиотекѣ, подъ № 14, на-
ходится драгоценное харитейное Евангелие. Въ кон-
це его тою же рукою подписано: *въ жито 6652*, полу-
псасася книга си 60 дній, и точата пеати Октябрь
въ 1, а кончиша въ Ноябрѣ въ 19. На той же спра-
нице древность еїї книги *засвидѣтельствована* двумя

следующими подпишли: въ лѣто 7187, а отъ Рождества Христова 1679, Ноемврія 28, назнаменахъ азъ смиренныи Дософей, Архіепископъ и Митрополитъ Ставропольскій и всѧ Мѡлдавіи и Ексархъ Плагинонъ и Иѣподдержитель Севастийскаго, да отслѣтъ сіе Св. Евангелие на свое място на Крылосъ, се бо, яко иже санджаль (сандышель), 6652 блише тогда отъ создания, сюда написася. Уже съ минули 535 лѣтъ. Греческаго же Царства 2 лѣта Іоанна Комнина Константино-градскаго. Здѣсь, въ шиншуль Мѡлдавскаго Архіепископа, замѣшивъ слово Плагинонъ, Ехархъ Плагинонъ: симъ именемъ означались единственно Мѡлдавскіе и Вомошскіе Епископы. Д'Анвиль производиши его опь имена Плагиевъ, кошорые нѣкогда жили тамъ (см. Méth. de l' Acad. des inscr. LII, 224, сшапью sur les peuples de la Dace). Не вѣроятнѣе ли, что эшо вѣдно изъ Лашинскаго языка (plaga, plagiа)? Вторая худинись: Въ лѣто 7083, а отъ Рождества Христова 1576 (1575) лѣта Іюля 12, „Гедіонъ Болобанъ Епископъ Галатій, Львовскій и Каменца Подолійскаго въ сае времѧ написаи на столѣ Епископскомъ, на Крылости, и читалъ при церкви столягной сіе книгу Евангелие напрестольное тетръ (опь Греческ. тетра), оно же санджальствуетъ положено быти отъ лѣта давнаго. — Сіе Евангелие Славянское, писанное въ 1144 году опь Р. Х., есть одно изъ древнейшихъ въ Россіи. Для сравненія съ нынѣшнимъ печатнымъ выписываемъ слѣдующее мясо изъ Іоанна:

Въ печатномъ:

«Въ начаиъ ба слово, и слово ба къ Богу, и Богъ ба слово. Сей ба искони къ Богу. «Вся шамъ быша, и безъ него никушоже быспѣ, еже быспѣ. «Въ ломъ живошъ ба, и живошъ ба свѣтъ человѣкомъ. И вѣтъ во шамъ сатициса и душа, его не обѣашъ.»

Въ картейномъ:

«Искони баше слово, и слово блише опь Бога и Богъ блише слово. Се ба искони опь Бога. Все шамъ бы и беж пего ли чи то же пе бы, еже бы. «Въ ломъ живошъ ба, и живошъ ба свѣтъ человѣкомъ. И вѣтъ въ шамъ скышишъ, и вѣтъ его не пошиже.»

Въ хараштейности Евангелия 1307 года, въмѣстое чре-
паше въ той же Синодальной библіотекѣ подъ №
18, вѣдь ужѣ иѣкоторыя отрывы въ срѣднинѣ съ
Евангелиемъ XII вѣка; вмѣстое: искони ближе акою
шамъ подспѣтавши: искони бѣ слово — се бѣ искони у
Бога (*πρὸς τὸν Θεόν*) вѣтвѣ: отъ Бога — съдѣлъ сѧ
титъ вѣтвѣ святѣтъ — та на его не обѣдѣлъ вѣтвѣ
не постиже — да съдѣлѣтельствуетъ вѣтвѣ посвѣту-
ствуешь — благодать вѣтвѣ благодать и проч. —
то есть, сей новѣйший спасоѣтъ гораздо болѣе изъ
Острожскому печатному Евангелию, въ доказательство
что еще въ XIII спасоѣтъ переведено Св. Писаніи
быть исправленъ имъ исправляющъ. Ученые люди, со-
бранные Константиною, Острожскими Князями, для
изданія Библии, перенѣмывая овалы въ монеты слова;
вѣтвѣ: искони бѣ слово, поставши: въ ладахъ (*ἐπὶ*
άρχῃ) бѣ слово, и проч. Въ изданіи Славянской Библии
при Царь Алексій Михайловичъ вѣтвѣ почитъ имен-
ныхъ отрывовъ прописъ Одирожскаго, кроме трехъ
или четырехъ вѣтвѣ означенніяхъ въ предисловіи; но
Библия, напечатанная при Илья Еланевъ Непро-
вѣтъ, уже гораздо болѣе исправлена.

Не только Библия, но и другія церковные книги
въ Россіи XII вѣка были одного перевода съ вѣтвѣ
ими: въ доказательство предлагается съдѣлующее вѣ-
твѣ изъ нашей печатной Минеи въ хранителѣй Син-
одальной библіотекѣ подъ № 15.

Служба Св. Симеону 1 Сентябрь.

Въ Синодир. хараштей.

»Преподобнѣе отче, добру
зобрѣше язвищю, его же взи-
де на высопу, юже обраше
и Илья колесницу огньну, иль
убо въсхода инамъ не оспа-
ши. Ты же и по съмѣрпи има-
ши спалитъ свой. Небесный!«

Въ Минеѣ почитъ:

»Преподобнѣе отче, добру зобрѣль ели язвищу, ебо же
въоспѣла сеси на высопу, юже
зобрѣше Илья колесницу огнь-
ну: по онъ убо восхода инамъ
иже оспали, иши же и по смер-
ши имали сполна шай. Но

человеческій земляной. Агеле, [беснѣй чеснѣй] симеонъ Апостольшико не угасаи вселенныя, Симеоне прецѣдобне, моли спасищися доущамъ нашимъ.

Агеле, свѣтильниче неусыпный вселенныя. Симеоне преподобное, моли, еже спасищися душамъ нашимъ.

Довольно для знающихъ. — СИШ дѣлъ рукописи 1145 и 1153 году уступають въ древности шолько двумъ Сборникамъ и Евангелию, находящемуся въ С. Пещерѣ бург. Император. Библиотекѣ (см. Т. II, прист. 167). Недавно Г. Ганкешпейнъ издалъ *Разсмотрѣніе церковной Славянской рукописи*, которую онъ достаетъ за рѣдкость и счишаєтъ памятникомъ VIII вѣка (см. Recension der ältesten Urkunde der Slavisch. Kirchengeschichte etc.). Его рукопись имѧеть въ приналичии XIII вѣка. Она старше вышеупомянутаго Синодального Евангелия № 18 и новѣе № 14.

Есть другой, печатный *Русскій переводъ Библии*, по крайней мѣрѣ плаши книга Моисеевыхъ, Царствъ, иѣвопорыхъ Пророковъ, Апостола. Кнїги Моисеевы изданы въ 1519 году, и въ заключеніи въ оказаны *Божію помощь, поспѣшай же и пышность* (спириту-ніемъ) ученаго мужа въ лекарскихъ наукахъ, *Доктора Франциска Скорины* съ Полоцка, у великого мѣста Пражскаго (то есть, великому городу Прагѣ). Кнїги Царствъ, Іудеи, Эсдирѣ, Іова, Пророка Даниила, печатаны такими же буквами; но въ времѧ экземпляръ въть ни заглавнаго, ни послѣднаго листа. Апостольша изданъ въ 1527 году въ Вильнѣ, пращю (прѣдомъ, Польск. Ргаса) и великою пышностью *Доктора Франциска Скорины* съ Полоцка. Тутъ красными буквами напечатано извѣстіе, что Докторъ Скорина перевелъ въ юю Библию, «въ дому постриженаго духа», Яко-на-Бабинѣ, начинаяще Бургундію съзимою и селит-скою мѣстами Вильненскаго. Сию книгу радики. Въ доказа-щемъ, что переводъ ихъ весьма масходенъ въ на-зываемы драгоценны. Славянскіи, приводить съдѣжущее сказано изъ Іова, гл. 10, гл. 11, гл. 12, гл. 13.

Перевод Скорини:

«Тосклився душа моей въ животъ моемъ; выпущу прошни собѣ ялаголы иол. Прореку въ горькости души моей ии реку къ Богу: не погубляй мене. Сновѣждь мн, чому ии ышакъ судиши? Ичи ли добро иса тоба видитъ гонитъ мя и погубиши мя, даю руку свою ии, и сознѣи поместивъ въ крапашъ? Ичи щадесные очи у шебе суть, или лко видитъ человѣкъ, по тому же и тыи всиотриши будешъ? Таковы ли ыже суть дѣя ииовы ико и людески, и жити твоя лко времена человѣческая, дко погибнешъ въ грасахъ иишихъ, и беззаконіе мое слѣдить еси? Да ыбѣси, лко нечестія не учинихъ; винѣть убо ито изъ руки тѣвълъ могъи испортиши. Руцъ ииовы Господи, сидориша ии всѣдасци ии всего окрестъ.... въ Осѧвѣ ии, моло ши ся, да ыбыхъ онѣкаль мало болѣсть иию, пока ёще не пойду, опти-вдуже ии верауси въ землю гнѣм-ную ии покраину сирокотъ заморщи, въ землю бѣды и ииенъ, ииосши, где же ии стиши смертны и ии есть ии единого раду, ии вѣчный спрахъ пребыва-шъ!»

Въ настѣй Библіи:

«Прождаю душою мою въспеніи иишу на'иа глатомы ииол, возлагою горестію души моей одержимъ, и реку къ Господеви: не, учи ии нечестивовапи, и иочто ии сице судиль еси? Или добро ии зеять, иище ииизѣпрадуми, лко ииэрѣръ еси дамъ руку ииову, соѣтпу же нечестивыиа виши еси; или ииже человѣкъ видитъ, видиши; ии ииже зриши человѣкъ, узриши; ии же иишише ииное человѣческо еши, или ииша гиода ако дѣя ииова, лко ииизѣръ еси. Виши бо, лко ии нечестивоватъ: но кто еши вишиналъ изъ руки ииовы ру-цы ииовы сопвораспциа, иибо вишиналъ ии... Оспави мене по-чиши мало, прежде даже опти-анду, оптиодуже не возвраща-ся, въ землю цемпу и мрач-ву, въ землю ииши вѣчныи, ииже ии есть сиши, ииже ии-вадши жакона чехорѣскаго.»

Скорини, переведши Библію съ Лапшинскаго (не съ Греческаго), писалъ языкомъ своего юридического времени, который вораздо склонише къ наилѣпшему Русскимъ язычіемъ, нежели языкъ древней Славянской Библіи, переведеної въ Моравіи. Какимъ образомъ сей Полоцкій Докторъ могъ ииечашаиъ своего Библіе въ Прагѣ, сколько известно, никогда не было

Славянской типографией? Ученый Богомель Добровский предполагаетъ, что Скоринъ въ 1515 году выдѣлъ съ Королевъ Сигизмундомъ въ Вильну, изъ Вильны съ послами его въ Венецию, доставилъ памъ макрицы для Славянской буквы и жалъ именемъ львъ. Прѣтъ, когда Сигизмундъ, опекунъ молодаго Людовика, участвовалъ чрезъ своихъ Министровъ въ дѣлахъ Богемскаго Королевства (см. N. Abhandlungen der Böhm. Gesellschaft der Wiss. T. II въ историч. отдѣлѣніи; стр. 186). — Скоринина Библія не есть древнейшая изъ печатныхъ Славянскихъ книгъ. Въ библиотекѣ Московской Духовной Типографиѣ хранится Евангелие 1512 года, напечатанное въ Угродахъ (Молдавіи); а въ бывшемъ библиотекѣ Графа Ф. А. Тадѣшаго Часословецъ 1491 года, съ шапкой послесловіемъ: «Доконана бысть сія аканта у великомъ градѣ у Краковѣ при державѣ Богемскаго Короля Польскаго Казимира, и доконана бысть извѣщаніемъ Краковскыемъ Шевальопломъ Фольвѣ изъ Нѣмець, Нѣмешкого рода Франкъ (ш. е. Франковъ) и кончашася по Божіемъ пароженіемъ (по Рождеству Христу)... 14 съѧ, девѧтьдесѧть въ 1 лѣпос» (ш. е. 1491). Въ Пражице, л. 226, упоминается о Псалтири, напечатанной также въ 1491 году и также въ Краковѣ: Слѣдствіенно древнейшая типографія Славянская была въ Краковѣ: икона завелъ ее, и въ коморѣ году 3 не знаемъ.

(478) Jordana de Origin. Slavicis, Sectio LI, стр. 118, и Колл. Introd. in historiam et rem literariam Slavorum, кн. I, гл. 3. О перевѣдакъ другиѣ Славян. Библій см. Добровскаго Über den ersten Text der Böhmisch. Bibelübersetzung въ Neu. Abhandlungen der Böhm. Gesellschaft der Wissenschaften, T. III, стр. 240.

(479) Тамъ сказано, что сія Библія переведена еще за Великаго Владимира, ш. е. при Владимирѣ.

(480) См. въ печати, Несторъ стр. 20. Тутъ же говорить Несторъ: «Словенскъ языкъ и Русъскій юдинъ есть». Въ рукописной Степен. Книгѣ, полученной мною отъ Болохинскаго купца Лапухина, церковныя книги наши именемъ названы переводомъ Коц-

спанной и Месоды. См. в печати. *Степен. Кн. I*, стр. 83 — 86.

Доказательствомъ, что въ окрестностяхъ Фессалоники или Солуя жили Славяне-Сербы, служитъ извѣстіе Константина Багрянородного (Мемог. рарол. II, 151). И льтій существоуетъ, бывшъ Фессалоники, городокъ Сервата. — Хочти, по сказанію же Константина, Сербы перешли оттуда въ цыпленную землю свою; но изрѣшило, что многие изъ нихъ остались въ Солунской области (Мемог. рарол. II, 153).

(481) См. выше стр. 75 и 259 о богатыре Уалера.

(482) См. въ печати. *Нест. стр. 47*. Въ Коростенѣ горы, по словамъ Нестора, жили: велы и прас. Вежами назывались и шатры и башни.

(483) Несторъ говорилъ, что Киевскій городъ подрубилъ стоя подъ святымъ Варяжскимъ Мученикомъ и съмъть его (въ печати. стр. 72), и что погло умершаго Владимира слушали изъ долинъ по берегамъ (въ печати. *Нест. стр. 93*): заключаю, что сіи думы были высокіе, и что сіи находились въ верхнемъ жильѣ. — Погреба или выходы, где спояли медью, назывались медужами (см. въ печати. *Нест. стр. 91*). — Для того, чтобы опустить внизъ тело Владимира, разобрали колоски между двумя камѣнми (въ печати. *Несторъ стр. 93*). и. е. погъ въ стилкѣ. — О голубицахъ и одринахъ см. въ печати. *Несторъ стр. 51*.

(484) См. Нестора (въ печати. стр. 67).

(485) См. выше, стр. 217.

(486) См. печати. *Нест. стр. 73*.

(487) См. выше, стр. 258 и 264.

О ГЛАВЛЕНИЕ

И ТОМА.

Посвящение	Слпран.
Предисловие V.
Объ исполнителяхъ Рос. Исторіи	. IX.
	XXV.

ГЛАВА I.

О НАРОДАХЪ, ИЗДРЕВЛЕ ОБИТАВШИХЪ ВЪ РОССИИ. О СЛАВЯНАХЪ ВООБЩЕ.

Древнія създынія Грековъ о Россіи. Путешеспівіе Аргонавтовъ. Тавры и Киммеріане. Гипербореи. Поселенцы Греческіе. Ольвія, Пантикапея, Фанагорія, Таанацъ, Херсонъ. Скиѳы и другіе народы. Темный слухъ о земляхъ полуночныхъ. Описаніе Скиѳіи. Рѣки извѣстныя Грекамъ. Нравы Скиѳовъ: ихъ паденіе. Мишридашъ, Гешы, Сармашы, Алане, Готы, Венеды, Гунины, Аши, Угры и Болгары. Славяне: ихъ подвиги. Авары, Турки, Огоры. Разселеніе Славянъ. Паденіе Аваровъ. Болгарія. Дальнійшая судьба народовъ Славянскихъ .

1

ГЛАВА II.

О СЛАВЯНАХЪ и ДРУГИХЪ НАРОДАХЪ, СОСТАВИВШИХЪ ГОСУДАРСТВО РОССІЙСКОЕ.

Происхожденіе Славянъ Россійскихъ. Полные. Радимичи и Ващичи. Древляне. Дулѣбы и Бужане. Лутичи и Тивирцы. Хорваты, Съверяне, Дреговичи, Кривичи, Полочане, Славяне Новогородскіе. Киевъ. Изборскъ, Полоцкъ, Смоленскъ,

- Любечъ, Черниговъ. Финские или Чудские народы въ Россіи. Лапландские народы. Междусобіе Славянъ Россійскихъ. Господство и гибель Обровъ. Козары. Варяги. Руя. Справа. 33

ГЛАВА III.

О ФИЗИЧЕСКОМЪ И НРАВСТВЕННОМЪ ХАРАКТЕРѢ СЛАВЯНЪ ДРЕВНИХЪ.

Природное сложеніе и свойства Славянъ: храбрость, хищность, жестокость, добродуше, господствующее. Брачное цѣломудре. Жены и дѣти. Нравы Славянъ Россійскихъ въ особенности. Жилища. Скошеводство и земледѣліе. Пища, одежда. Торговля. Искусства: зодчество, музыка, письма, игры. Счисление. Имена наименія. Правленіе. Вѣра. Языки и грамота

61

ГЛАВА IV.

РЮРИКЪ, СИНЕУСЬ и ТРУВОРЪ.

Призвание Князей Варяжскихъ въ Россію. Рюрикъ, Синеусъ, Труворъ. Основаніе Монархіи. Аскольдъ и Диръ. Первое нападеніе Россійцевъ на Имперію. Начало Хрестіанства въ Киевѣ. Смерть Рюрика Г. 862 — 879. 130

ГЛАВА V.

ОЛЕГЪ ПРАВИТЕЛЬ.

Завоеваніе Олеговы. Нашествіе Угровъ. Супружество Игоря. Россіяне служащіе въ Греціи. Олегъ идешъ на Царьградъ. Миръ съ Греками. Договоръ съ Имперіею. Кончины Олега Г. 879 — 912. 142

ГЛАВА VI.

КНЯЗЬ ИГОРЬ.

Бунтъ Древлянъ. Явленіе Печентгови. Нападеніе
Игоря на Гречию. Договоръ съ Греками. Убий-
ство Игоря 167
Г. 919 — 945.

Справ.

ГЛАВА VII.

КНЯЗЬ СВЯТОСЛАВЪ.

Правление Ольги. Хищрая мессть. Мудрость Оль-
гина. Крещеніе. Россіане въ Сицилии. Характеръ
и подвиги Святослава. Взятие Бѣлої Вежи. За-
воеваніе Болгаріи. Нашествіе Печенѣговъ. Кон-
чина Ольги. Посольство въ Германію. Первые
Удѣлы въ Россіи. Вторичное завоеваніе Болга-
ріи. Война съ Цимискіемъ. Договоръ съ Грека-
ми. Наружность Святославова. Кончина его 185
Г. 945 — 972.

ГЛАВА VIII.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ЯРОПОЛКЪ.

Междоусобіе Князей, Ярополка и Олега. Первые
дѣянія Владимира. Бракъ Владимира. Бра-
шоубойство. Послы Россійскіе въ Германіи . 227
Г. 972 — 980.

ГЛАВА IX.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИРЪ, НАЗВАН-
НЫЙ ВЪ КРЕЩЕНІИ ВАСИЛИЕМЪ.

Хищность Владимира. Усердіе къ идолопоклонству.
Женолобіе. Завоеваніе Галиціи. Первый Хри-

Стран.

стільські мученики въ Кіевѣ. Бунтъ Радими-
чей. Камська Болгарія. Торки. Огнечалніе Го-
раздасы. Супружество Владимира и крещеніе
Россіи. Раздѣленіе Государства. Спроеніе го-
родовъ. Война съ Хорвашами и Печенѣгами.
Церковь Десятинная. Набѣгъ Печенѣговъ. Ни-
ры Владимира. Милюсердіе. Осада Бѣлагоро-
да. Бунтъ Ярослава. Кончины Владимира. Свай-
шша его. Сказки народныя. Богатыри 234

Г. 980 — 1014.

ГЛАВА X.

О СОСТОЯНИИ ДРЕВНЕЙ РОССИИ.

Предѣлы. Правленіе. Законы гражданскіе. Воин-
ское искусство. Флоши. Чинопачаліе и ану-
щрецкое образованіе войска. Торговля. Пыш-
нота и роскошь. Состояніе городовъ. Деньги.
Успѣхи разума. Механическій и Свободный ху-
дожества. Нравы 272
